

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

—
in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

**Professor of History
Lifelong Benefactor and
First Director of This Library**

—

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашневъ, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	26
А. Н. Красновъ. Географія какъ новая университетская наука . .	233
И. А. Тихомировъ. Первая Пошевокая хѣтописъ послѣ паденія Покова	245
И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владиміровое наслѣдіе (<i>продолженіе</i>)	253
А. Н. Маркевичъ. Разрядная книга въ Парижской національной библіотекѣ	303

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ш. А. Сырку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Urednik <i>K. Hörmann</i> . Sarajevo. 1889 (<i>продолженіе</i>).	310
А. О. Ю. С. А. Венеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Пб. 1886—1889	346
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ. <i>А. В. Экземплярскаго</i> . Т. I. С.-Пб. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře xv století. Podává <i>Dr. J. Polívka</i> . V. Praze. 1889	356
Ш. М. М. Цѣй: Кошляевъ и Орсибургскій край въ прежнее его состояніи до 1758 года. <i>В. П. Виттескаго</i> . Вып. 1—2. Казань. 1889—1890	361
Н. Н. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. <i>С. Бялковскаго</i> . Вып. I. М. 1889	365
— Книжныя новости.	385
Графъ А. А. Мусниъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи.	33
Ю. А. Кулаковскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100

СОВРЕМЕННАЯ ХѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ въ 1889 году.	49
--	----

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	65
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи	68
О. О. Луньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосеева къ Исократу.	72
В. В. Розановъ. } Ш. И. Сервовъ. } Метафизика Аристотеля	82

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 2-го февраля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXVII.

1890.

ФЕВРАЛЬ.

BIBLIOTEKA
Państw. gim. m. k.

W ŁOMŻY.

№ 111

№

7. a

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашива. Наб. Екаторининскаго кан., № 80.

1890.

~~P Slav 318.10~~

P Slav 318.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
NOV 26 1927

Екатерининскій кан., № 80.
1912.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (27-го ноября 1889 г.). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, пріобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, пріобрѣтаютъ право на производство въ чины, соотвѣтствующіе ихъ ученымъ званіямъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи ст. 103 тома III, устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства, изд. 1876 г., мнѣніемъ положилъ:

Статью 103 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.) дополнить слѣдующимъ постановленіемъ:

„Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, по соглашенію съ вѣдомствами, въ которыхъ существуетъ техническая часть,—

въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по принадлежности, а также съ министромъ финансовъ—во всѣхъ случаяхъ, опредѣлять тѣ относящіяся къ технической части должности, занятіе которыхъ даетъ лицамъ, окончившимъ съ учеными званіями курсъ въ практическихъ технологическихъ институтахъ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ и въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, право на производство въ чины, соответственно пріобрѣтеннымъ ими лицами ученымъ званіямъ. Составленные симъ порядкомъ списки техническихъ должностей представляются министромъ народнаго просвѣщенія правительствующему сенату, для распубликованія“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить въ Харьковскомъ и Казанскомъ ветеринарныхъ институтахъ должность помощника инспектора, съ присвоеніемъ ей годоваго содержанія въ шестьсотъ руб. (въ томъ числѣ 400 руб. жалованья и 200 руб. столовыхъ), при квартирѣ въ натурѣ, IX класса по чиновному производству, IX разряда по шитью на мундиръ и пенсіи по учебной службѣ.

II. Расходъ потребный на производство содержанія упомянутымъ въ отд. I помощникамъ инспектора, отнести на средства ассигнуема Харьковскому и Казанскому ветеринарнымъ институтамъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (27-го ноября 1889 г.). Объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи третьей должности инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить третью должность инспектора народныхъ училищъ въ Туркестанскомъ краѣ на основаніяхъ, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ 1-го марта 1877 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, съ присвоеніемъ сей должности содержанія по три тысячи двѣсти пятидесяти руб. въ годъ (въ томъ числѣ: 1.500 руб. жалованья и 750 руб. столовыхъ изъ казны и 1.000 руб. на разъѣзды, наемъ квартиры и канцелярскіе расходы изъ мѣстныхъ средствъ).

II. Учрежденную по Высочайшему повелѣнію 28-го октября 1871 г. должность инспектора татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа упразднить.

III. Расходъ на производство жалованья и столовыхъ денегъ третьему инспектору народныхъ училищъ Туркестанскаго края, въ размѣрѣ двухъ тысячъ двухсотъ пятидесяти рублей, вносить ежегодно въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (16-го декабря 1889 года). Объ описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ Высочайше утвержденное, въ 16-й день декабря 1889 года,

описаніе форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“.

16-го декабря 1889 года.

Подписалъ: министр народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

Описаніе форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища.

1) Рабочая одежда: блуза и шаровары (въ сапоги) сѣраго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу; на воротѣ блузы 3 и на рукавахъ 4 мѣдныхъ пуговицы малаго формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; шаровары оторочены голубымъ кантомъ; кожаный поясъ съ мѣдною пряжкой съ буквами „К. П. У.“.

2) Классная одежда: а) двубортная темно-зеленаго сукна куртка, на 4 вершка не доходящая до колѣнъ; воротникъ откладной съ черными бархатными петлицами, по бортамъ, обшлагамъ, воротнику и петлицамъ—голубой кантъ, на плечахъ мѣдные штампованные знаки: на черномъ бархатѣ, отороченномъ голубымъ кантомъ, мѣдный штампованный вѣнокъ, внутри котораго буквы „К. П. У.“; по бортамъ куртки 12 и на петлицахъ 2, всего 14 мѣдныхъ пуговицъ большого формата съ изображеніемъ герба Пермской губерніи; на обшлагахъ 4 такихъ же пуговицы малаго формата; б) шаровары (поверхъ сапогъ) сѣраго сукна съ голубымъ кантомъ.

3) Верхняя одежда: А) плащъ темно-зеленаго сукна по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ тѣмъ лишь отличіемъ, что а) воротникъ и обшлага оторочены голубымъ кантомъ, б) на воротникѣ плаща такія же петлицы, а на плечахъ такіе же знаки, какъ на воротникѣ и на плечахъ куртки, в) пуговицы съ изображеніемъ герба Пермской губерніи. В) фуражка по установленному для реальныхъ училищъ образцу съ слѣдующими отличіями: околышъ чернаго бархата, отороченный голубымъ кантомъ, проходящимъ также и по тульѣ; на тульѣ мѣдный штампованный значекъ съ изображеніемъ зубчатаго колеса, внутри котораго помѣщаются двѣ змѣи, вьющіяся около посоха, увѣнчаннаго крыльями орла.

12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназій.

На основаніи Высочайшихъ повелѣній 26-го мая и 19-го ноября 1876 года учреждены были при Тамбовской гимназій 14 стипендій

имени бывшаго Тамбовскаго губернатора, тайнаго совѣтника Гартинга. 4 стипендіи на проценты съ капитала въ 1,600 р., собраннаго чиновниками учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, и 10 стипендіи на проценты съ капитала въ 4,000 р., пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою.

Въ виду недостаточности поименованныхъ стипендіи даже на покрытіе взносовъ платы за право ученія стипендіатовъ въ гимназіи, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день декабря 1889 г., Высочайше соизволилъ на образованіе изъ каждаго двухъ изъ сихъ стипендіи одной, но съ тѣмъ, чтобы сокращеніе стипендіи съ капитала, собраннаго лицами учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи, было сдѣлано не ранѣе освобожденія сихъ стипендіи, дабы не лишитъ вспомошествованія тѣхъ учениковъ, которые сими стипендіями въ настоящее время пользуются, а сокращеніе стипендіи съ капитала, пожертвованнаго Тамбовскою городскою думою, должно быть произведено съ оставленіемъ за сею думою права войти съ ходатайствомъ о восстановленіи прежняго числа стипендіи въ случаѣ уменьшенія въ гимназіи размѣра платы за ученіе.

13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

I. Денежныя суммы, причитающіяся казнѣ съ земства и городовъ въ пособіе на содержаніе учебныхъ заведеній, вносятся земскими и городскими общественными учрежденіями въ надлежащія казначейства въ два срока, къ 1-му января и 1-му іюля, за полугодіе впередъ.

II. На суммы, не внесенныя въ казначейства къ установленнымъ

срокамъ (ст. I), начисляется пеня въ пользу государственнаго казначейства, въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяцъ.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (14-го декабря 1889 года). Объ утвержденіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе, утвержденныя имъ, министромъ, 14-го декабря 1889 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 года мѣнія государственнаго совѣта, по соглашенію съ министерствами военнымъ и внутреннимъ дѣлъ, правила для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

На подлинныхъ написано: „На основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1889 г. мѣнія государственнаго совѣта, утверждаю“.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ Деляновъ.

Правила для выдачи свидѣтельствъ на льготы при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

§ 1. Ученики евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, желающіе воспользоваться правомъ на выслугу сокращенныхъ сроковъ службы, установленныхъ п. 3 ст. 56 уст. о воинской повинности, должны имѣть отъ педагогическаго совѣта подлежащаго правительственнаго учебнаго заведенія свидѣтельства о знаніи курса означенныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Впредь до времени, когда послѣдуетъ распоряженіе о причисленіи евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ

школъ въ Эзелскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, къ подлежащему разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи отбыванія воинской повинности и когда школы сія будутъ предоставлять обучающимся въ нихъ соотвѣтственныя льготы по отбыванію означенной повинности, дѣйствіе настоящихъ правилъ не простирается на упомянутыя школы Эзелскаго уѣзда.

§ 2. Выдача сихъ свидѣтельствъ возлагается въ каждомъ уѣздѣ губерніи на педагогическій совѣтъ существующаго въ ономъ правительственнаго учебнаго заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. По уѣздамъ, гдѣ таковыхъ заведеній имѣется два или болѣе, попечителю Дерптскаго учебнаго округа предоставляется или для исполненія обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ избирать педагогическій совѣтъ одного изъ означенныхъ заведеній, или распредѣлять исполненіе этихъ обязанностей между педагогическими совѣтами всѣхъ или лишь нѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній. По уѣздамъ же, гдѣ не имѣется таковыхъ учебныхъ заведеній, попечителю учебнаго округа предоставляется исполненіе обязанностей по выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ возлагать на педагогическіе совѣты названнаго рода учебныхъ заведеній, существующихъ въ ближайшемъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

§ 3. Въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ означенныхъ въ предыдущемъ параграфѣ учебныхъ заведеній по дѣламъ о выдачѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ и производствѣ установленныхъ для сего испытаній участвуетъ одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по назначенію попечителя учебнаго округа. По симъ дѣламъ въ засѣданіяхъ совѣтовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, кои подчинены инспекторамъ народныхъ училищъ, право предсѣдательства принадлежитъ инспектору сихъ училищъ; по прочимъ же учебнымъ заведеніямъ предсѣдательство принадлежитъ начальнику даннаго заведенія или инспектору народныхъ училищъ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа, коимъ разрѣшаются всѣ случаи могущихъ возникнуть при устройствѣ порядка испытаній недоразумѣній.

§ 4. Педагогическіе совѣты означенныхъ выше учебныхъ заведеній выдаютъ желающимъ свидѣтельства о знаніи курса, указаннаго въ § 1 сихъ правилъ, по подлежащемъ удостовѣреніи въ знаніи ими такого курса на основаніи настоящихъ правилъ.

§ 5. Въ степени знанія желающихъ получить таковыя свидѣтельства педагогическіе совѣты удостовѣряются посредствомъ особыхъ испытаній, для производства коихъ открываются комиссіи или при

самыхъ совѣтахъ, или въ другихъ пунктахъ, избираемыхъ попечителемъ учебнаго округа, по соображенію съ мѣстными удобствами и по соглашенію съ губернаторами. Для сего попечитель округа сообщаетъ губернаторамъ списки тѣхъ мѣстъ и пунктовъ, гдѣ имѣютъ быть открыты означенныя комиссіи, съ указаніемъ, отъ какого совѣта будетъ образована въ данномъ пунктѣ комиссія и изъ какихъ училищъ ученики должны явиться для испытаній въ ту или другую изъ комиссій.

§ 6. Когда на основаніи такого соглашенія будетъ опредѣлено, въ какихъ мѣстахъ, отъ какого педагогическаго совѣта и для учениковъ какихъ училищъ имѣютъ быть образованы испытательныя комиссіи, попечитель учебнаго округа составляетъ о томъ въ извѣстность педагогическіе совѣты подлежащихъ учебныхъ заведеній, а также директора и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернаторы же даютъ о семъ знать волостнымъ управленіямъ.

§ 7. Означенныя въ предыдущемъ § комиссіи состоятъся каждая: а) изъ члена педагогическаго совѣта подлежащаго учебнаго заведенія, подъ предсѣдательствомъ сего члена; б) изъ мѣстнаго пастора, по приглашенію инспектора народныхъ училищъ, и в) изъ трехъ учителей мѣстныхъ народныхъ училищъ, по назначенію инспектора, при чемъ наблюдается, чтобы въ числѣ требуемыхъ для сего трехъ учителей непременно былъ одинъ изъ такихъ, кои, сверхъ другихъ предметовъ, преподаютъ въ школахъ и законъ Божій лютеранскаго исповѣданія. Этотъ послѣдній учитель, въ случаѣ непрібытія пастора къ комиссію въ производствѣ испытаній, заступаетъ мѣсто пастора.

Примѣчаніе. Если въ числѣ испытываемыхъ имѣютъ быть ученики другихъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ лютеранскаго, то въ составъ комиссій приглашаются инспекторомъ духовныя лица соотвѣтствующихъ исповѣданій.

§ 8. Испытанія производятся въ сроки, соотвѣтствующіе времени прекращенія учебныхъ занятій въ училищахъ данной мѣстности. Сообразуясь съ симъ, педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія, которому мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ обязанъ, по крайней мѣрѣ за два мѣсяца до прекращенія учебныхъ занятій въ училищахъ, доставить свѣдѣнія о времени прекращенія занятій въ училищахъ и списокъ самыхъ училищъ, назначаетъ сроки для производства испытаній въ томъ или въ другомъ пунктѣ, о чемъ заблаговременно извѣщаетъ какъ учителей, завѣдывающихъ учили-

щами, такъ и мѣстныхъ волостныхъ правленія, съ указаніемъ, что ученіе въ данномъ училищѣ должно быть прекращено не ранѣе такогото числа и что всѣ ученики даннаго училища, желающіе подвергнуться испытанію, должны такогото числа, въ сопровожденіи своихъ учителей, явиться въ такой-то пунктъ. Упомянутые въ семъ § сроки должны быть назначаемы въ предѣлахъ одного мѣсяца до прекращенія обычныхъ занятій въ училищахъ. Распоряженія о своевременной явкѣ въ назначенные пункты духовныхъ лицъ и учителей, имѣющихъ войти въ составъ комиссій, возлагаются на мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ.

§ 9. Къ сроку, опредѣленному для производства испытаній въ данномъ пунктѣ, совѣтъ командируетъ въ сіи пункты одного изъ своихъ членовъ, по избранію совѣта, а инспектору народныхъ училищъ приглашаетъ туда подлежащихъ духовныхъ лицъ и назначаетъ учителей училищъ, согласно § 7.

§ 10. Расходы по командировкѣ членовъ педагогическихъ совѣтовъ правительственныхъ учебныхъ заведеній въ комиссіи, образуемая въ мѣстѣ нахожденія сихъ заведеній, производятся изъ специальныхъ средствъ оныхъ. Ученикамъ, имѣющимъ подвергнуться испытанію, и учителямъ, сопровождающимъ учениковъ, равно какъ учителямъ, назначаемымъ въ составъ комиссій, и духовнымъ лицамъ, приглашаемымъ въ комиссіи, для слѣдованія въ пункты, гдѣ образуются комиссіи, и обратнаго отправления къ своимъ мѣстамъ, доставляются бесплатно подводъ сельскимъ начальствомъ тѣхъ волостей, въ предѣлахъ коихъ находятся училища, изъ коихъ отправляются ученики и учителя, и жительствоуютъ означенныя духовныя лица.

§ 11. Инспекторы народныхъ училищъ и духовныя лица, назначаемыя для наблюденія за преподаваніемъ закона Божія въ училищахъ, обязаны, по возможности, присутствовать на испытаніяхъ. При испытаніяхъ могутъ также присутствовать учителя тѣхъ училищъ, ученики коихъ испытуются, хотя бы эти учителя не входили въ составъ комиссій, родители испытуемыхъ и лица, заступающія мѣсто родителей, а равно почетнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей. Но въ самомъ производствѣ испытаній участвуютъ лишь предсѣдатель и члены комиссій, назначаемые по § 7.

§ 12. Учитель, завѣдывающій училищемъ, коего ученики имѣютъ явиться на испытаніе, заблаговременно приготавливаетъ (по образцу № 1) списокъ таковымъ ученикамъ и представляетъ оный въ ком-

миссію. Ученики, не достигшіе четырнадцатилѣтнаго возраста, не допускаются къ испытанію и потому не вносятся въ списокъ. Требующіеся для внесенія въ списокъ свѣдѣнія о возрастѣ учениковъ, если таковыхъ нѣтъ въ училищѣ, обязательно доставляются учителю приходскимъ священникомъ или мѣстнымъ пасторомъ. Объ ученикахъ, не принадлежащихъ къ приходу, свѣдѣнія доставляются родителями учащихся или лицами, заступающими родителей. На основаніи списковъ, доставленныхъ учителями, завѣдывающими училищами, въ комиссіи составляется общій экзаменный списокъ (по образцу № 2).

§ 13. Испытаніе раздѣляется на письменное и устное. Къ устному испытанію допускаются только ученики, выдержавшіе удовлетворительно испытаніе письменное. Какъ письменныя, такъ и устныя испытанія производятся на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ закона Божія.

§ 14. Письменное испытаніе производится по русскому языку и ариметикѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: а) по русскому языку: По выбору комиссіи предсѣдателемъ оной или, по его порученію, однимъ изъ членовъ комиссіи диктуется небольшой отрывокъ или статья изъ какой-нибудь русской книги для чтенія. Экзаменующіеся должны умѣть написать диктуемый отрывокъ или статью (которые предварительно должны быть ими выслушаны). При этомъ незначительныя ошибки въ разстановкѣ знаковъ препинанія и противъ правилъ орфографіи не препятствуютъ признанію письменныхъ работъ удовлетворительными,—и б) по ариметикѣ: Предлагается экзаменующимся рѣшить двѣ арифметическія задачи, по назначенію комиссіи, съ цѣлю опредѣлить знакомство ихъ съ изученными арифметическими дѣйствіями для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію практическихъ задачъ. На представленныхъ письменныхъ работахъ члены комиссіи выставляютъ ошибки, если таковыя окажутся, и затѣмъ комиссія, оцѣнивъ достоинство работъ, выставляетъ въ экзаменномъ списокѣ отмѣтки словами и цифрами по 5-балльной системѣ.

§ 15. Предметы устнаго испытанія слѣдующіе: 1) законъ Божій соотвѣтственнаго исповѣданія; 2) русскій языкъ и 3) арифметика. Мѣра требованій устнаго испытанія по каждому изъ сихъ предметовъ опредѣляется объемомъ программы преподаванія въ училищахъ, въ коихъ обучались испытуемые, каковыя программы должны быть въ виду комиссій.

§ 16. На устномъ испытаніи вопросы экзаменующимся предлагаются по выбору предсѣдателя и членовъ комиссіи, изъ коихъ каждый оцѣниваетъ въ своемъ спискѣ соотвѣтственнымъ балломъ званія экзаменующихся по каждому предмету. По окончаніи отвѣтовъ испытуемаго по извѣстному предмету, предсѣдатель тотчасъ дѣлаетъ изъ общей сложности балловъ средній выводъ и полученный средній баллъ вноситъ цифрами и словами въ общій экзаменнй списокъ; если образуются при этомъ дроби, то половина и болѣе принимаются за единицу, а менѣ половины отсѣкается.

Примѣчаніе. Въ случаѣ значительной разницы между баллами предсѣдателя и членовъ комиссіи, объ этомъ заносится въ протоколъ.

§ 17. Считается выдержавшимъ устное испытаніе тотъ, кто по всѣмъ предметамъ сего испытанія вполне удовлетворить требованіямъ программы преподаванія въ томъ училищѣ, гдѣ обучался испытуемый. Лица, не выдержавшія удовлетворительно экзамена въ первый разъ, могутъ быть допускаемы къ новому испытанію, но не иначе, какъ черезъ годъ.

§ 18. По окончаніи экзамена, комиссіею составляется протоколъ, который вмѣстѣ съ экзаменными списками и письменными работами экзаменовавшихся представляется въ педагогическій совѣтъ подлежащаго учебнаго заведенія.

§ 19. Совѣтъ сей, рассмотрѣвъ въ присутствіи мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ экзаменнй списокъ, письменныя работы экзаменовавшихся и заключеніе комиссіи, приготовляетъ (по образцу № 3) свидѣтельства для тѣхъ учениковъ, кои будутъ признаны достойными оныхъ, и, записавъ таковыя свидѣтельства въ особую книгу, заведенную въ совѣтѣ (по образцу № 4), высылаетъ оныя не позже 1-го сентября въ тѣ училища, ученики коихъ удостоены свидѣтельствъ.

§ 20. По полученіи свидѣтельствъ въ подлежащихъ училищахъ, заведывающіе оными учителя записываютъ сіи свидѣтельства въ книгу (по образцу № 5) и затѣмъ выдаютъ свидѣтельства по принадлежности подъ росписки получателей въ означенной книгѣ.

§ 21. Печатные бланки свидѣтельствъ, выдаваемыхъ ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ волостныхъ и приходскихъ училищъ, изготовляются на спеціальныя средства тѣхъ учебныхъ заведеній, совѣты коихъ выдаютъ таковыя свидѣтельства.

Образецъ № 1.

къ § 13.

СПИСОКЪ

ученикамъ N волостнаго (или приходскаго) евангелическо-лютеранскаго сельскаго училища, въ N уѣздѣ, N губерніи, окончивающимъ курсъ и имѣющимъ подвергнуться испытанію въ текущемъ году.

№ по порядку.	1) Прозваніе (или фамилія) имя и отчество ученика. 2) Сословіе или званіе ¹⁾ .	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяцъ и день рожденія.	

Подпись учителя, завѣдывающаго училищемъ.

¹⁾ При обозначеніи сословія объяснить: о лицахъ купческаго и мѣщанскаго сословія, къ какому городу они приписаны; о крестьянахъ—какого уѣзда, какой волости и къ какому сельскому обществу они принадлежать; о лицахъ прочихъ сословія и званій—мѣсто рожденія.

Образец № 2.

къ § 13.

СПИСОКЪ

лицамъ, подвергнутымъ испытанію въ знаніи училищнаго курса экзаменационною комиссією, образованною въ N мѣстѣ, въ такомъ-то мѣсяцѣ, такого-то года.

№ по порядку.	1) Прозвище (или фамилія), имя и отчество ученика; 2) его сословіе или знаніе, съ объясненіемъ о лицахъ купеческаго или мѣщанскаго сословія, о крестьянахъ—какого уѣзда, къ какой волости и къ какому сельскому обществу принадлежать, а о лицахъ прочихъ сословія и званій—мѣста рожденія.	Вѣроисповѣданіе.	Годъ, мѣсяць и день рожд.	Оцѣнка вносимыхъ работъ.	По русск. языку.	По арифметикѣ.	По чистописанію.	Заключеніе комиссіи о допущеніи или ведоупущеніи къ устному испытанію.	Оцѣнка устныхъ отвѣтовъ.			Считаетъ ли комиссія достойнымъ получить свѣдѣтельство.	
									По закону Божію.	По русск. языку.	По латышск. или восточному языку.		По арифметикѣ.

Подписи: предсѣдателя и членовъ комиссіи, съ обозначеніемъ званія каждаго изъ нихъ.

Образец № 3.

къ § 20.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№

Педагогическій совѣтъ такого-то учебнаго заведенія симъ удостоверяетъ, что такой-то (обозначить: имя, отчество и прозваніе или фамилію, вѣроисповѣданіе, сословіе или званіе, общество, въ коемъ числятся, если принадлежитъ къ сословіямъ, вносимымъ въ ревнскія сказки, а въ противномъ случаѣ,—мѣсто рожденія, годъ, мѣсяць и день рожденія) успѣшно окончилъ курсъ ученія въ N волостномъ (или приходскомъ) училищѣ, а потому имѣетъ право на льготы, установленныя пунктомъ 3 статьи 56 устава о воинской повинности. Выдано такого-то числа, мѣсяца и года.

Подписи предсѣдателя и членовъ совѣта.

Печать учебнаго заведенія, совѣтъ коего выдаетъ свидѣтельство.

Образецъ № 4.

къ § 20.

К Н И Г А

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ отъ педагогическаго совѣта и учебнаго заведенія ученикамъ
сельскихъ училищъ.

№ по по- рядку.	Кому выдано свидѣтельство (обозначить свѣдѣнія о немъ, прописанныя въ свидѣтельствѣ).	Годъ, мѣсяцъ и день, когда свидѣтель- ство подписано и за какинъ №.	Куда и когда вы- слано.

Образецъ № 5.

къ § 21.

К Н И Г А

для записки свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности,
выданныхъ ученикамъ и волостнаго (или приходскаго) училища.

№ по по- рядку.	Отъ какого учебнаго заведенія и когда прислано свидѣтельство.	Для какого ученика (обозначить: имя, отчество и фамилію).	Росиска получив- шаго свидѣтельство съ указаніемъ вре- мени полученія.

13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ семь тысячъ рублей учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи, съ присвоеніемъ имъ наименованія завѣщательницы онаго, умершей „московской мѣщанки Юліи Ильинишны Александровой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ 5% билетехъ государственнаго банка и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, сто шестьдесятъ шесть руб. двадцать пять коп. въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются, на основаніи существующихъ на сей предметъ правилъ, студентамъ юридическаго факультета, согласно волѣ завѣщательницы.

§ 5. Если по какому-либо случаю образуются свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя присоединяются къ оному съ цѣлью увеличенія впоследствии размѣра стипендій.

14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждается при Симферопольской женской гимназіи одна стипендія имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣсти руб., пожертвованнаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, одна въ 1000 руб. и двѣ по 100 р., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, поступленію въ казну, употребляются на взносъ установленной платы за избранную стипендіатку.

§ 4. Право выбора стипендіатки изъ состоящихъ воспитанниками гимназій дочерей бѣдныхъ дворянъ православнаго исповѣданія принадлежитъ попечительному совѣту Симферопольской женской гимназій.

§ 5. Разъ избранная стипендіатка имѣетъ право пользоваться стипендіей, при отличномъ поведеніи и усилъхахъ, во все время пребыванія въ гимназій и теряетъ это право: а) въ случаѣ оставленія по какимъ-либо причинамъ гимназій и б) увольненія изъ нея.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кунстъ и Альберсъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго торговымъ домомъ „Кунстъ и Альберсъ“ капитала въ шесть тысячъ руб. въ ознаменованіе двадцатипятилѣтня существованія этой фирмы въ городѣ Владивостокѣ, учреждается при Владивостокской прогимназій одна стипендія имени „Торговаго дома Кунстъ и Альберсъ“.

§ 2. Стипендіатъ назначается Приамурскимъ генераль-губернаторомъ изъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ во Владивостокской прогимназій, для дальнѣйшаго образованія въ гимназій, а затѣмъ въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, опредѣляется въ двѣсти восемьдесятъ пять руб.

§ 4. По окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ гимназій, директоръ гимназій сообщаетъ Приамурскому генераль-губернатору, какое высшее учебное заведеніе избрано стипендіатомъ для дальнѣйшаго окончанія образованія. По окончаніи же сего учебнаго заведенія или же по выйдѣи его изъ заведенія до окончанія полнаго курса, начальство сего заведенія увѣдомляетъ генераль-губернатора для замѣщенія вакансіи новымъ стипендіатомъ.

§ 5. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится во Владивостокскомъ уѣдномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность Владивостокской прогимназій и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 6. Могущіе образоваться по чему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана-Людвига Викентьевича Манцевича при Минскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ-Людвигомъ Викентьевичемъ Манцевичемъ капитала въ четыре тысячи семьсотъ руб. учреждается при Минскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка и въ билетѣ втораго внутренняго съ выигрышами займа № 20 серии № 07,835, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Минскаго реального училища.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Минскаго реального училища, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Виленскаго учебнаго округа, по усмотрѣнію попечителя округа.

§ 4. Изъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, въ стипендію выдается только три четверти означенныхъ денегъ, а одна четверть остается въ казначействѣ для увеличенія стипендіи.

§ 5. Если стипендіатъ окончитъ Минское реальное училище и поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то въ такомъ случаѣ выдается ему для дальнѣйшаго образованія собранная въ казначействѣ, согласно 4 пункта настоящаго положенія, сумма отъ одной четвертой части процентныхъ денегъ, а если не окончитъ курса въ училищѣ или по окончаніи онаго, не поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то эта сумма остается въ казначействѣ для образованія капитала въ 3000 руб., на проценты съ коего можно было бы учредить новую стипендію; равно могущіе оказаться и по другимъ причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ обращаются на образованіе капитала.

§ 6. Одно и то же лицо можетъ пользоваться стипендіей не болѣе 8 лѣтъ.

§ 7. Первымъ кандидатомъ на стипендію имѣетъ право быть род-

ственникъ завѣщателя какъ по мужской, такъ и по женской линіи; вторымъ—всякій ученикъ, носящій фамилію Манцевича; третьимъ—круглой сирота, и четвертымъ ученикъ, хотя и имѣющій родителей, но бѣднаго состоянія.

§ 8. Стипендіей пользуются ученики римско-католическаго исповѣданія.

§ 9. Стипендіатъ выбирается и назначается изъ числа лицъ, поименованныхъ въ пунктахъ 7 и 8, педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 10. Стипендія выдается воспитаннику на руки, а въ случаѣ надобности, его родителямъ или опекунамъ въ два срока, въ концѣ каждого полугодія.

§ 11. Стипендіатъ неодобрительнаго поведенія лишается стипендіи.

§ 12. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 13. Если на означенный въ пунктѣ 3 билетъ 2-го внутренняго займа падетъ выигрышъ въ пять тысячъ рублей или болѣе, то таковой присоединяется къ капиталу, для образованія новыхъ стипендій на вышеизложенныхъ основаніяхъ; выигрышъ же меньше пяти тысячъ рублей выдается, согласно духовному завѣщанію Ивана-Людвига Манцевича, его родственникамъ.

17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій имени Евдокіи Кузьминишны Кузьминой.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго женою генералъ-маіора Анною Федоровною Симановскою и состоящаго въ 4% билетахъ внутренняго займа въ 1000 р. и трехъ облигаціяхъ восточнаго займа, изъ которыхъ 2 по 100 р. и одна въ 50 р., а всего 1250 р., учреждается при Рижской женской Ломоносовской гимназій стипендія имени „Евдокіи Кузьминишны Кузьминой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназій, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназій въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Часть процентовъ со стипендіального капитала, а именно 50 р., ежегодно употребляется на плату за ученіе одной изъ ученицъ

Ломоносовской гимназіи русскаго происхожденія, православной или старообрядки, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ. Остающіеся же за тѣмъ отъ стипендіи 2 р. 63 к., а за вычетомъ 5% налога, по закону 20-го мая 1885 года, 1 р. 87 к. выдаются стипендіаткѣ на приобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей.

§ 4. Право назначенія стипендіи принадлежитъ попечительному совѣту Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

§ 5. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными, обращаются въ пособіе стипендіаткѣ при окончаніи ею курса гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при Александровской Старобѣльской гимназіи имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Деменко.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершею вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домной Андреевной Деменко капитала въ пятьдесятъ девять тысячъ четыреста рублей, за удержаніемъ государственнаго налога, по закону 20-го мая 1885 года, учреждаются при Александровской Старобѣльской гимназіи четырнадцать стипендій ея имени.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіями пользуются бѣднѣйшіе и способнѣйшіе ученики Александровской Старобѣльской гимназіи, христіанскаго вѣроисповѣданія, при безукоризненной нравственности.

§ 4. Изъ общаго числа стипендій пять предпочтительно принадлежатъ дѣтямъ воиновъ.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія по лѣности и нерадѣнію въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендіаты лишаются права пользоваться стипендіями.

§ 6. Право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровской Старобѣльской гимназіи, при чемъ, въ

случаѣ большаго количества достойныхъ кандидатовъ на стипендіи, вопросъ рѣшается жребіемъ.

§ 7. Размѣръ каждой стипендіи назначается въ двѣсти рублей въ годъ.

§ 8. Могущіе получить остатки отъ стипендіальной суммы должны быть отдаваемы въ сберегательную кассу при мѣстномъ казначействѣ до накопленія достаточной суммы для приобрѣтенія новыхъ % бумагъ и образованія новой стипендіи въ 200 рублей имени Д. Х. Деменко.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Народная проповѣдь Іисуса Христа, въ бесѣдахъ священника А. В. Смирнова. Выпускъ I. 1888. Стр. 125. Цѣна съ пересылкою 60 коп.“—допустить въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Къ спряженію глаголовъ. С. Кратча. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 32“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возрастовъ) бібліотекахъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книги: „1) Русская хрестоматія. Часть I—для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 13-е, дополненное, съ образцами для славянскаго чтенія. Москва. 1889. Стр. 370+XII. Цѣна 70 коп.—2) Русская хрестоматія. Часть II—для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 8-е. М. 1887. Стр. 121+XXI. Ц. 1 р. 20 коп.—3) Русская хрестоматія. Часть III (въ двухъ книгахъ)—для V, VI, VII и VIII классовъ средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Составилъ Левъ Поливановъ. М. 1889. Стр. въ 1-й книгѣ XXIX+542, во 2-й книгѣ XXXI+408. Ц. 1-й книги 1 р. 50 коп., 2-й—1 р. 4) Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія)—для учениковъ первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ

Левъ Поливановъ. Изданіе 9-е. М. 1889. Стр. 121. Цѣна 50 к.—первую часть (для I и II классовъ) рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ; вторую (для III и IV классовъ) одобрить какъ пособіе при обученіи русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то-есть, для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ, для ученическихъ семинарій и учительскихъ институтовъ; третью (для V, VI, VII и VIII классовъ) одобрить, какъ пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и при упражненіи въ сочиненіяхъ учениковъ; четвертую—одобрить какъ руководство для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. В. Мартыновскаго. Изданіе 3-е, печатанное съ изданія 1888 года, съ дополненіями. Тифлисъ 1886. Стр. 432+VIII+XVII. Цѣна 1 р. 25 коп.—Томъ II. Книга для занятій по отечественному языку въ III, IV и V классахъ среднеучебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ. В. Мартыновскаго. Тифлисъ. 1889. Стр. IV+476. Цѣна 1 р. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія: первый томъ для I, II и III (въ первое полугодіе) классовъ средне-учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ; второй томъ для III (во второе полугодіе), IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для старшихъ классовъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Сочиненія М. Н. Загоскина. Семь томовъ, въ 8-ку. Цѣна 16 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, равно для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книжку: „Энеида Вергилія. I—VI. С.-Пб. 1890. *Scriptores Latini cura Volodimeri Crausi in usum scholarum editi Publii Vergili Maronis Aeneis in usum scholarum recognita. Pars prior. Libri I—V. Petropoli. MDCCCXC. Pag. 121. Цѣна 25 коп.*“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „Упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Для трехъ низшихъ классовъ гимназій“, составленныя прииѣнительно къ грамматикѣ Элендта-Зейфферта В. Зубковымъ, профессоромъ Московскаго университета. Москва. 1860. Стр. 184+74.

Цѣна 1 руб. — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткая латинская фразеологія для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Составилъ Ив. Семеновичъ, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. М. 1889. Стр. 80. Цѣна 50 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ приложеніемъ примѣчаній и синонимическаго и фразеологическаго словаря. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. И. Гинтовичъ, преподаватель С.-Петербургской 9-й гимназіи. С.-Пб. 1889. Стр. 66+56. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ. М. 1889. Стр. 259“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ А. Киселевъ. Третье, улучшенное изданіе. М. 1890. Стр. VII+240. Цѣна 75 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Курсъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспектирующій преподаватель Нижегородскаго реальнаго училища М. Корякинъ. Нижній Новгородъ. 1889. Стр. 70+II. Цѣна 40 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки.

— Книгу: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von Richard Kalnin, Lehrer an den St. Aunen-Schule zu St.-Petersburg. I, II und III Heft. St.-Petersburg. 1889. Стр. 35+116+84. Цѣна 25+50+45 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи ариметики въ первыхъ классахъ тѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „Периклъ. Историко-критическій этюдъ В. Бузескула, приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1889. Стр. VIII+418. Цѣна 3 руб.“ — рекомендовать для фун-

даментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу, со статьями для разказа и перевода. Составилъ Г. М. Цирклеръ. Лодзь. 1888. Стр. II+75“—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Иванъ Аллендорфъ, преподаватель Кишиневскаго реального училища. 3-е, пердѣланное изданіе. Одесса. 1889. Стр. XVI+141. Цѣна 80 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторъ позаботился объ исправленіи замѣченныхъ въ его трудѣ недостатковъ.

— Книгу: „Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. I. Начальный курсъ. М. 1889. Стр. XXX+122. Цѣна 50 коп.“—рекомендовать для употребленія въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книжку: „Народныя сказки. Пособіе для чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. М. 1878. Стр. 71. Цѣна 60 коп.“—допустить къ употребленію въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekala, Inspector der St. Petri-Pauli-Knabenschule in Moskau. Изданіе 2-е. М. 1885. Въ 16-ю д. л. стр. 60. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе предмета ведется на нѣмецкомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать, какъ весьма полезное пособіе для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache von S. Czekala, Inspector der Alexander-Kommerzschule. II. Theil:

Satzlehre. Изданіе 2-е. М. Въ 16-ю д. л. стр. 106. Цѣна 60 коп.—одобрить для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка.

— Книгу: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Основы нѣмецкой грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орфографическимъ указателемъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Составилъ К. М. Миквицъ. С.-Пб. 1887. Стр. 475+41“—одобрить для употребленія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ руководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать ее къ приобретенію для фундаментальныхъ библиотекъ тѣхъ же заведеній, такъ какъ она содержитъ въ себѣ много поучительнаго и интереснаго и для преподавателей.

— Книгу: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ Н. Декстремъ. II. Нѣмецко-русскій словарь. Зондерсгаузенъ. Изданіе Фр. Августа Эйцеля (Оттона Кирхгоффа). Въ 8-ку стр. 953“—одобрить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Школьная дѣтотика. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья учащихся дѣтей. Изложилъ по доктору Герману Кленке Вл. Фармаковскій. Изданіе 7-е, значительно дополненное и совершенно переработанное на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій въ области школьной гигиены. Одесса. 1889. Въ 8-ку стр. 202. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ и женскихъ, а равно родителямъ и воспитателямъ.

— Журналъ: „Zeitschrift von Volkskunde herausgegeben von Dr. Edmund Veckenstedt. Jährlich 12 Hefte von 30 Bogen gr. 8°. Preis für den Halbjahrgang. M. 8. Verlag von Alfred Doffel in Leipzig. 1889“—особеннаго одобренія не заслуживаетъ, но къ приобретенію его въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній препятствій не встрѣчается.

— Книгу: „Простые разказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ двѣнадцатю рисунками. Составилъ А. Ф. Комаровъ. Изданіе 2. Воронежъ. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить

къ употребленію какъ въ учительскихъ библіотекахъ начальныхъ училищъ, такъ и въ ученическихъ библіотекахъ учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Полезныя свѣдѣнія о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ В. А. Соловьевъ. Екатеринбургъ. 1890. Въ м. 8-ку 22 стр.“—допустить для народныхъ библіотекъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика ручнаго труда по системѣ Саломона, директора Невской учительской семинаріи. Изложилъ В. Фармаковскій. Одесса. 1889. 93 стр. и 6 табл. чертежей. Цѣна 75 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „1) А. Лѣве. Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Сборникъ арифметическихъ задачъ для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 228 стр. Цѣна 30 коп. и 2) Его же. Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изд. 3-е, совершенно передѣланное. Руководство для учащихся. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 105 стр. Цѣна 50 коп.“—одобрить первую, какъ учебное пособіе для учащихся въ городскихъ и сельскихъ училищахъ, вторую—въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу: „Русская литографированная хрестоматія для упражненій въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ въ народныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Составилъ Ѳ. Г. Подоба. М. 1889. Въ 8-ку 111 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговымъ. И. Ф. Федорова. Одесса. 1889. Въ 12 д. л. 15 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „А. Сливкичій. Дядька Квасовъ. (Воспоминанія кадета). Съ рисунками. М. 1889. Въ 16 д. л. 63 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Стрѣлочникъ. Г. Данилевскаго. С.-Пб. 1887. Въ 16 д. л. 24 стр. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы въ ней указанныя ученымъ комитетомъ измѣненія.

— Книгу: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ И. Н. Малиновскій. Гродно. 1889. Въ 8-ку 53 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: „Разказы о Петрѣ Великомъ. Вл. Сорокина. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. 155 стр. Цѣна 45 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты авторомъ во вниманіе сдѣланныя ученымъ комитетомъ указанія.

— Книгу: „Книга для чтенія въ школѣ и дома. Выпускъ 1-й. Начальная лѣтопись и житія преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ съ поученіями. Съ обозначеніемъ удареній на словахъ. Составила Е. Де-Витте. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 147 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

ГЕОГРАФІЯ КАКЪ НОВАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА ¹⁾.

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на кафедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь налагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое *profession de foi*, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

На сколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Вѣлохи, Пуликовскаго, Лебедева и т. п. И эта часть обра-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ.

зованной публики справедливо недоумѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнять ихъ можно до бесконечности. Въ многотомномъ произведеніи Реклю „Géographie Universelle“ мы видимъ одно изъ наиболѣе талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобы онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ этимъ для специальныхъ справокъ не возможно. Точно такое же впечатлѣніе производитъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, не смотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не подѣ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и мнѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для извозчиковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ изложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль. Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, „отдѣльныхъ“ правдъ, какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимѣе къ жизни, ближе къ ней, доступнѣе массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ чужихъ вслѣдовавій, путемъ трудной умственной работы, путемъ

сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокъ и, описавъ полукругъ, склоняется на западъ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлю утилизацію сброда отдѣльныхъ „правдъ“, а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фактовъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растений и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилами ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сенъ-Мартенъ въ своей *Histoire de la Geographie*, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, находенія связи между живою и мертвою природою каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ, поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ—представляла свѣдѣнія объ узанныхъ „правдахъ“, но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезныхъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще

недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахождения рудъ и драгоценныхъ камней; химія возникла изъ алхиміи, представлявшей рецепты для получения золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣталъ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліяній на судьбы людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполнѣ понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обусловливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіяся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ расчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знаній, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политико-экономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціальнаго интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаники стали интересоваться вопросами о процессахъ питанія и роста растений, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіяся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втугѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтъ географіи, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растений, издаваемые ботаниками старой школы, были сырымъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризобаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собранные ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напри-

мѣръ, климатомъ и флорой или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляя въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполне применимо и къ другимъ наукамъ и повторятъ аналогичные примѣры значило бы лишь надѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполне естественно. Въдѣ еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но въдѣ этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ фактовъ— не болѣе. Земной шаръ, однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многоразличныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ движеній вліяетъ на органическую жизнь нашего шара, которая до извѣстной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земнаго шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлиться отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вывѣтриванія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на ввѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго внѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и притомъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ сипоптической метеорологіи, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее, рассматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ,

данныхъ въ разное время ботаниками, мало по малу оказываемся мы въ состояніи слабо, нетвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмирания, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распределеніи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землѣвѣдѣніе является поэтому наукою, возникшею въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различные явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, разсматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земнаго шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Вѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная, возникающая наука стремится сгруппировать и расклассифицировать разнородные типы явленій органической и неорганической жизни земнаго шара, разсматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человѣчеству, и охарактеризовавъ ихъ, ищетъ между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодействіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ сказанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землѣвѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторіею своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь и географію земнаго шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но тѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распределеніе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумнѣя истиннаго смысла явленій и распре-

дѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣдѣнія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки человѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самую послѣднюю недѣлю своего развитія достигла возможности слабою, неясною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современнаго земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условий для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ физиологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтищемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развитіе ея методовъ и результатовъ вполне зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, им. г., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснитъ лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за таковое ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачей сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше изслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоту, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распредѣленіе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растений и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д., и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированный, сырой матеріалъ — очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Рейлю, у Кирхоффа и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣдѣ.

Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантическаго океана. Обращаясь къ даннымъ геологіи, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ днищъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англіи на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обуславливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ бѣльшаго пониженія температуры, обусловившаго смѣну постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за исключеніемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландскаго и Скандинавскаго, факты всегда со временъ глубокой древности болѣе влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда ясными воплѣтъ выступать всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на цѣлыя геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ однѣ развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горныя проходы, прорѣзавъ давно поперекъ горныя хребты, почему такъ широки устья рѣченокъ, въ родѣ Темзы, доступныя кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледянаго періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнваллиса, разница перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія...

То же и съ растительностью. Въмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды обледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ

американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснить, почему однихъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и растущей тамъ доселѣ благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится нерукотворною лѣтописью пережитыхъ страшною событій, краснорѣчивою и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ — представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора, — нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зелень ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоею сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера висятся итальянскія пивіи и питоспорумы. Бѣдность фауны острововъ, лишенной почти эндемичныхъ видовъ, почти тождественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получить особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря—о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступитъ, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи — палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географѣ лежитъ обязанность выяснить причины, почему именно здѣсь, не смотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія

причины позволяли позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владичество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туристѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣнія рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности организаціи человѣческаго организма и законы, управляющіе его жизнью. Съ другой стороны, приведеннаго примѣра программы землевѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ ледянымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее попеременно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурийской расы; словомъ, для разумнаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, приурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землевѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной

съеми, частнаго плана: надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землевѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землевѣдѣнія, сейчасъ намѣченна, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натур-философін. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землевѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества—землевѣдѣніе Россіи—кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго человѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели юношества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ не достаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на перекоръ стихійамъ, попираемъ и презираемъ свое, стремимъ копировать съ Европы возможное на ряду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется, лучшее знаніе своей страны ускорило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависить отъ развитія естественныхъ наукъ. Последнія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя—и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: воззрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся приемниками и учениками западно-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европей-

скомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право переводства принадлежитъ не ей. Научное землѣдѣніе первое возникаетъ у насъ одновременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соответствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.

А. Красновъ.

ПЕРВАЯ ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ ПСКОВА ¹⁾.

Съ паденіемъ самостоятельности Пскова лѣтописная дѣятельность въ немъ не прекратилась; лѣтописи продолжаютъ по прежнему и не въ одномъ мѣстѣ, доказательствомъ чему служатъ какъ вставки въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ, такъ и существованіе списковъ, извѣстныхъ подъ названіями Карамзинскаго и Академическаго, которые продолжаютъ до 1547 года, и Снѣгиревскаго, продолжающагося съ перерывами до 1609 года. Всѣ эти списки, повѣствуя иногда объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, разнятся отъ другихъ списковъ (напримѣръ, отъ Арх. IV) во взглядахъ на описываемыя лица и отличаются большею подробностію. При этомъ въ нихъ замѣтно и больше вставокъ; таковы, напримѣръ, разказъ о началѣ Печерскаго монастыря ²⁾, составлявшій, безъ сомнѣнія, прежде отдѣльную запись, сдѣланную какимъ-либо приверженцемъ дьяка Мисюря Мунехина, который, „какъ отецъ господинъ добрый съ своимъ подъячимъ Ортошемъ“, былъ главнымъ виновникомъ возникновенія этого монастыря. Разказъ этотъ мы считаемъ вставнымъ на томъ основаніи, что въ немъ не повѣствуется о какомъ-либо отдѣльномъ эпизодѣ, а взятъ и очерченъ довольно значительный періодъ изъ монастырской жизни. Въ разказѣ объ архіепископѣ Макаріи ³⁾ заключаются извѣстія изъ двухъ источниковъ: одинъ—лѣтописный о прибытіи архи-

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за октябрь 1883 года была помѣщена статья того же автора „О первой Псковской лѣтописи“.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 293.

³⁾ Иб., 296. 297.

епископа въ Новгородѣ и о приказаніи его молиться на эктеніяхъ о томъ, чтобы Богъ далъ князю съ молодою княгиней „плодъ чрева“. Дальнѣйшія извѣстія, вѣроятно, не изъ лѣтописнаго источника: въ нихъ сообщаются нѣкоторыя біографическія данныя о Макаріи, объ отношеніи къ нему великаго князя, митрополита Даніила, о встрѣчѣ его въ Новгородѣ и произведенномъ имъ впечатлѣніи. Выраженія: „и бысть хлѣбъ дешевле, и монастыремъ легче въ податехъ, и людемъ заступленіе велие, и сиротамъ кормитель бысть. И по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ святительствя своего въ Великомъ Новѣгородѣ замысли архіепископъ Макарей мельницу поставити“... говорятъ въ пользу того предположенія, что обо всемъ этомъ вошло въ лѣтописный сводъ изъ посторонняго источника.

Есть вставки и въ такъ-называемомъ Арх. IV спискѣ; тамъ событія, описанныя подъ 1605 г. ¹⁾, составляли прежде отдѣльную записку, потому что къ этому году приурочены событія, начиная съ появленія на Сѣверской украинѣ перваго самовванца до занятія Москвы поляками подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго. Подъ 1606 г. ²⁾ изъ другаго источника помѣщено извѣстіе о смерти Лжедмитрія I, воцареніи Шуйскаго и его низверженіи. Подъ 7097 г. ³⁾ помѣщенъ списокъ Псковскихъ архіереевъ, конечно, тоже первоначально не принадлежавшій лѣтописи. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ вставокъ, есть достаточное количество вставокъ мелкихъ, говорящихъ о событіяхъ, уже описанныхъ; такъ въ спискахъ Арх. IV и Эрмитажномъ, составляющемъ точную копію перваго, два раза упоминается о слѣдующихъ событіяхъ: о взятіи Смоленска, о битвѣ при Оршѣ, о нападеніи поляковъ на Опочку и Себежъ, о пожарѣ во Псковѣ и взятіи Полоцка ⁴⁾. Всѣ эти извѣстія, очевидно, попали въ сводъ изъ другихъ источниковъ, такъ какъ они не похожи на свѣдѣнія о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, помѣщенные въ другихъ мѣстахъ.

Не смотря, впрочемъ, на эти вставки, Псковская лѣтопись отличается большею цѣльностью сравнительно съ другими сводами, напри-

¹⁾ *Иб.*, 321. 322. Это же нужно сказать и относительно извѣстій подъ 7078 годомъ (стр. 318), гдѣ налагается походъ Грознаго на Новгородъ, война съ Ливоніей и желаніе царя убѣжать въ Англію и жениться тамъ. „Сидева бысть державна Грознаго царя Ивана Васильевича“, восклицаетъ авторъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 322.

³⁾ *Иб.*, 337.

⁴⁾ *См.* стр. 289, прим. ж.; стр. 290, прим. д; стр. 291, 301, 314, прим. а и б. О походѣ на Новгородъ сообщается тоже дважды, стр. 318.

мѣръ, Лаврентіевскимъ, Никоновскимъ и другими позднѣйшими. И по всей вѣроятности, лѣтопись велась извѣстными нарочно опредѣленными къ тому лицами. Трудно сказать, сколько было авторовъ лѣтописи отъ паденія Пскова до прекращенія ея, то-есть, до 1645 г. Но судя по большей или меньшей подробности въ описаніи событій, по симпатіямъ и выбору извѣстій, можно предположить, что лѣтописецъ было шесть. Первый, по всей вѣроятности, довелъ извѣстія до 7056 (1548) года; 1549 г. не описанъ, можетъ быть, именно потому, что продолжатель лѣтописца еще не былъ найденъ. Лѣтописецъ два раза упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ: подъ 1535 г. („мною всѣхъ 150,000 силъ“) и подъ 1541 г. („не судя его писахъ“) ¹⁾.

Второй лѣтописецъ описывалъ событія съ 7058 по 7077 г. Главнымъ содержаніемъ лѣтописи за это время было описаніе войны русскихъ съ Ливоніей, что авторъ изображаетъ съ подробностію, но по слухамъ; это доказываютъ выраженія: „сказываютъ“, „сказывали“. Авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1552 годомъ при описаніи мора: „а по буямъ не вѣмъ колко числомъ“.

Съ 7077 до 7114 года запись велась третьимъ лицомъ. Отличительная черта этихъ извѣстій — краткость; есть много извѣстій, не относящихся къ Пскову, хотя въ немъ записанныхъ.

Съ 7114 до 7119 года запись велась четвертымъ лицомъ; въ описаніи событій за эти годы говорится главнымъ образомъ о внутреннихъ неурядицахъ псковичей, о враждѣ черныхъ людей съ

¹⁾ Ib., 299., 304. Извѣстія въ Кар., Анад. и Свѣгир. спискахъ за это время, то-есть, до прекращенія первыхъ двухъ, тоже, вѣроятно, описывались однимъ лицомъ (кроме упомянутыхъ выше вставокъ), который упоминаетъ о себѣ въ первомъ лицѣ подъ 1541 г., а „ниче радъ бы повѣсти злые писати, но грубъ разумъ и смыслоу“ (стр. 304). Въ пользу записыванія этихъ событій однимъ лицомъ говорятъ сходныя выраженія, иногда повторяющіеся: „не мы ихъ побили, но Богъ ихъ побилъ“ или „не мы ихъ прогнахомъ, но Вошя сила“, стр. 301, 305. Писатель былъ не духовное лицо; говоря объ отдѣленіи сельскихъ поповъ отъ городскихъ и о распрѣ между ними по этому поводу, авторъ замѣчаетъ: „и бысть у нихъ смятеніе велие“, стр. 306. Въ Свѣгир. спискѣ послѣ записано объ Іоаннѣ Грозномъ, подъ 1547 г. говорится:... „смерть отъ него пріять, аже напереді о всемъ урши писана же въ кратцѣ“ (стр. 343). Следовательно, эти слова сказаны послѣ смерти Грознаго. Составитель этой лѣтописи благоволилъ къ Борису Годунову, между тѣмъ какъ лѣтописецъ, произведеніе котораго сохранилось въ такъ-называемомъ Архивскомъ спискѣ, враждебенъ ему; Борисъ нарочитъ Ругодиву, и потому русскіе не могутъ взять его (стр. 320); Борисовымъ повелѣніемъ убитъ былъ царевичъ Дмитрій, „за его же кровь обліяся Русская земля“ (стр. 321).

лучшими, при чемъ лѣтописецъ является сторонникомъ первыхъ. Большіе люди, по его изображенію, представляются измѣнниками: они вмѣстѣ съ новгородцами хотѣтъ передать Псковъ ибичамъ, меньшіе люди противятся этому и многихъ бояръ казнятъ; затѣмъ бояре берутъ перевѣсъ и казнятъ многихъ черныхъ людей. Вообще за все это время лѣтописецъ живо рисуетъ то шатаніе умовъ, ту рознь, которая существовала тогда во Псковѣ (да и не въ одномъ Псковѣ, а по всей Руси): лучшіе люди возстаютъ на черныхъ, черные на лучшихъ; одержить перевѣсъ одна партія, казнить противниковъ; вѣче собиралось не разъ.

За этотъ періодъ лѣтописецъ почти совсѣмъ не говоритъ о вѣншихъ дѣлахъ, которыя начинаютъ привлекать къ себѣ больше вниманія съ 7119 (1611) года, и потому мы думаемъ, что съ этого года лѣтопись переходитъ въ руки къ пятому автору, у котораго и остается до 1618 года, какъ это можно предполагать по характеру сообщаемыхъ извѣстій; перерывъ въ три года можетъ также свидѣтельствовать въ пользу нашего предположенія.

Дальнѣйшія извѣстія до конца лѣтописи, то-есть, до 1645 года, принадлежатъ шестому и послѣднему лѣтописцу, который едва ли не былъ духовное лицо: по крайней мѣрѣ за послѣдніе четыре года большинство извѣстій духовнаго содержания; замѣтка объ антимиасахъ въ монастырской церкви св. Николая могла принадлежать только лицу духовному.

Кто были лѣтописатели, съ достовѣрностію указать не возможно. Можно только съ увѣренностію сказать, что они были люди начитанные, хотя одинъ изъ нихъ и заявляетъ смиренно, что онъ „грубъ разумомъ и смысломъ“¹⁾: неоднократно дѣлаются ссылки на Священное Писаніе, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, одинъ разъ на сочиненія Іоанна Богослова²⁾; одинъ изъ лѣтописцевъ знаетъ объ Аеннеѣ преславной, „въ ней же со всѣхъ странъ приходяще учахуся мудрости, о ней же многія книги пишуть“³⁾, а другой хорошо знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями древней русской литературы и въ подражаніе Задонщинѣ слѣдующимъ образомъ описываетъ битву при Оршѣ въ 1514 г.: „бысть побойще веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршавки

¹⁾ Стр. 304.

²⁾ Стр. 292, 307, 322.

³⁾ Стр. 333.

на трубы Московскія, и слышати было стуку и грому великому между Москвичь и Литвою; и ударивша Москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удацми Рускими сыновами на сильную рать Литовскую, и треснули конья Московскія и гремятъ мечи булатные о шеломи Литовскія на поли Оршинскомъ¹⁾.

Нигдѣ, можетъ быть, не выражаются такъ рельефно различныя взгляды, міровоззрѣніе, суевѣрія и предразсудки русскихъ людей, какъ въ Псковской лѣтописи; всѣ симпатіи и антипатіи лѣтописцевъ, а слѣдовательно, и народа, находятъ въ нихъ выраженіе; поэтому Псковская лѣтопись важна и съ этой стороны.

Посмотримъ теперь, какъ относятся псковскіе лѣтописцы къ московскому правительству и вводимымъ имъ порядкамъ, къ московскимъ намѣстникамъ; каковъ взглядъ, лѣтописца на физическія бѣдствія и политическія невзгоды.

Очень естественно, что псковичи не скоро могли помириться съ потерей своей самостоятельности и новыми московскими порядками. Тонъ псковскихъ лѣтописей поэтому иногда переходитъ въ минорный. „И быша“, сказано въ одномъ мѣстѣ, — „по Мисирю дѣяки частые, милосердый Богъ милостивъ до своего созданія, и быша дѣяки мудры, а земля пуста“²⁾. Впрочемъ всѣ бѣды лѣтописцы сваливають на московскихъ намѣстниковъ, а князей Московскихъ считаютъ добрыми; такимъ добрякомъ представляется даже самъ виновникъ уничтоженія псковской независимости Василій Іоанновичъ; такъ, по случаю мора во Псковѣ въ Москвѣ былъ отслуженъ молебенъ при гробахъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, „а самъ государь слезы пролія на молебнѣ, аки нѣкій водный источникъ“³⁾; по поводу его смерти не злобный псковскій лѣтописецъ высказываетъ такое пожеланіе: „буди ему доброму государю милосердому, и боголюбцу, и нищелюбцу, и защитителю отовсюдѣ Руской земли вѣчная память“⁴⁾. Не таковы отзывы лѣтописцевъ о московскихъ намѣстникахъ: лѣтописцы ихъ не любятъ и описываютъ самыми черными красками; такъ, князя Андрея Михайловича Шуйскаго лѣтописецъ называетъ злодѣемъ: онъ бралъ взятки съ подсудимыхъ, заставлялъ мастеровыхъ все дѣлать на себя даромъ⁵⁾, добрые люди должны были бѣжать отъ поклеповъ злыхъ.

¹⁾ Стр. 290. Выраженіе: „гремятъ мечи булатные о шеломи хивовскіе“ неоднократно встрѣчается въ Задонщинѣ.

²⁾ Стр. 297.

³⁾ Стр. 295.

⁴⁾ Стр. 298, 299.

⁵⁾ Стр. 304. Въ этомъ же обвиняется и Петръ Шереметевъ, стр. 323.

Поэтому лѣтописецъ съ сочувствіемъ относится къ понятію Іоанна Васильевича дать псковичамъ право самимъ судить и казнить разбойниковъ и ликихъ людей; „и бысть Псковичамъ въ радость, а злыи люди разбѣгошася, и бысть тишина, но не намного“, замѣчаетъ онъ съ горестію;— „и пакы намѣстники премогаша“¹⁾. Дурно отзывается лѣтописецъ и о Петрѣ Шереметевѣ, бывшемъ намѣстникомъ во Псковѣ въ смутную эпоху самозванцевъ: онъ притѣснялъ меньшихъ людей въ угоду большимъ; онъ былъ мздоимецъ; вмѣстѣ съ Иваномъ Грамотиннымъ онъ захватилъ себѣ лучшія двѣрцовыя села въ кормленіе; онъ обвиняется даже въ намѣреніи сдать Псковъ нѣмцамъ, что, впрочемъ, ему не удалось²⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „Божією милостію вноземцы не совладѣли ни единымъ городомъ Псковскимъ, а совладѣли какъ воеводъ во Псковѣ умножило, и Псковщину пусту сотвориша и города понмаша“³⁾. Вотъ взглядъ лѣтописца на намѣстниковъ! Другіе намѣстники обвиняются въ жестокости: такъ, когда въ 1632 году многіе русскіе выходцы изъ Литовской земли появились во Псковѣ, намѣстники отдавали ихъ насильно боярскимъ дѣтамъ въ крестьянство, многихъ сковывали, другихъ въ тюрьмахъ держали, чтобы заставить ихъ идти въ кабалу къ боярамъ⁴⁾. Однимъ словомъ, можно сказать, нѣтъ ни одного преступленія, въ которомъ не обвиняли бы намѣстниковъ. И понятно, всѣ эти преступленія не могли быть совершены безнаказанно: преступники еще на землѣ получаютъ должное возмездіе; такъ, о князѣ Троекуровѣ, который будучи псковскимъ намѣстникомъ, взялъ четвертый снопъ со всякаго хлѣба съ монастырей и церквей на государя для военныхъ людей, а села государевы, изъ которыхъ прежде кормились ратники, роздалъ боярамъ, сказано въ лѣтописи: „но той, иже церкви Божіа оскорби и весь міръ погубилъ, вскорѣ злѣ живота исчезе, на Москвѣ испорченъ зелиемъ въ питіи отъ своихъ же, кровію изойде и умре, якоже и самъ о собѣ повѣда, каяся, иже толку бѣду сотворилъ всей Псковской земли“⁵⁾. Не смотря на всѣ

¹⁾ Стр. 304. Въ другомъ спискѣ сказано, что у намѣстниковъ сильная „не-люба“ была на христіанъ, „что у нихъ какъ зеркало государева грамота“, стр. 305.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 324.

³⁾ Ibid., 329.

⁴⁾ Ibid., 382.

⁵⁾ Тамъ же. Не въ одномъ намѣстникѣ враждебно относится псковскій лѣтописецъ, но и вообще московскимъ боярамъ приписываетъ дурныя намѣре-

эти отрицательныя качества намѣстниковъ, псковичи отличались постоянными вѣрнопопданническими чувствами; какъ при потерѣ своей независимости они не захотѣли поднимать оружія противъ своего прирожденнаго князя, такъ и впоследствии въ 1609 году они пытали и казнили многихъ бояръ и священниковъ и въ смутное время, не смотря ни на какіе соблазны, остались вѣрны московскому правительству и не присягали Владиславу ¹⁾).

Если не хороши были московскіе намѣстники, то не хороши были и новыя порядки, вводимыя московскимъ правительствомъ, и во всякому новому распоряженію псковскіе лѣтописцы относились критически; такъ, лѣтописецъ радуется вмѣстѣ съ псковичами, когда свели на Москву дѣяка Колтырю Ракова, который „многіе пошлины во Псковѣ оставилъ“ ²⁾); недоволенъ лѣтописецъ и введеніемъ новыхъ денегъ, что сопровождалось большими убытками ³⁾); съ неудовольствіемъ онъ говоритъ о введеніи водочной монополіи и откупа ⁴⁾); но особенно сильно поразило псковичей уничтоженіе свободной торговли льномъ: „и много шкоты монастыремъ и всякимъ людямъ сотвориси, и насилству и грабежу, достойно, денги корѣлки худые, и цѣна неполная, и купле не любовная, и во всемъ скорбь великая и вражда несказанная и всей земли связь, на купити, ни продати не смѣтъ никомуже помѣмо“; тѣмъ приходилось псковичамъ и отъ исполненія воинской повинности ⁵⁾).

Какъ и другіе лѣтописцы, такъ и псковскіе смотрѣли на физическія бѣдствія и политическія неурядицы, какъ на Божіе наказаніе за грѣхи людей; „все то за умноженіе грѣхъ ради нашихъ наводитъ Господь Богъ Вседержитель, ово гладь, ово пожарь, и Тотарь и Литву и Нѣмецъ поганыхъ“, говоритъ лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ ⁶⁾); разныя космическія явленія на небѣ предвозвѣщаютъ физическія или военныя бѣдствія. „Сія бо знаменія являютя не на добро, но

ніа относительно Пскова; такъ, по словамъ лѣтописи, при нападеніи Густава Адольфа казаки пришли къ Москвѣ и били челомъ государю, чтобы ихъ послалъ подо Псковъ „на Свѣйскаго короля; и бояре умыслили и вѣдали лучшихъ въ Москву, а на достальныхъ вылазкой вышли и многихъ побили“. *Ib.*

¹⁾ О самозванцѣ, появившемся во Псковѣ, упоминается кратко; кличка „воръ“ не свидѣтельствуешь о симпатіяхъ къ нему лѣтописца. *Ibid.*, 330.

²⁾ *Ib.*, 299.

³⁾ *Ib.*, 302.

⁴⁾ *Ib.*, 333.

⁵⁾ *Ib.*, 335.

⁶⁾ *Ib.*, 802; см. также стр. 306, 308, 317.

на зло, или на морь, или на разратіе, или на гладь", замѣчаетъ лѣтописецъ по поводу появленія кометы ¹⁾. Появленіе звѣзды „копейнымъ образомъ“ предвозвѣщало „турскихъ приходъ на Литовскую землю, а на другой годъ Крымской на нихъ приде“ ²⁾. И не одни только физическія бѣдствія, но и просто всякіе выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ случаи наводятъ на псковичей страхъ, предвозвѣщаютъ что-либо дурное; такъ, въ смутную эпоху раздѣленіе Руси предвозвѣщалось во Псковѣ появленіемъ на свѣтъ Божій разныхъ уродовъ: „родила корова тела о дву главахъ, о дву туловахъ, и двои ноги; родила жена отроча, тѣло едино, глава одна, хребты вмѣсто, руки двои и ноги двои; прояви въ Руси, что раздѣлится царство Руское на двое“ ³⁾. Такимъ образомъ изъ этого видно, что лѣтописцы, не смотря на свою начитанность, по своимъ понятіямъ—дѣти своего вѣка и наравнѣ съ другими современниками раздѣляли различныя суевѣрія и вѣрили въ предрасудки.

Что касается до нравственныхъ понятій псковскихъ лѣтописцевъ, то, къ сожалѣнію, мы мало имѣемъ указаній на нихъ въ лѣтописи; можно, впрочемъ, сказать, что они сочувствуютъ всему доброму, строго осуждаютъ измѣнниковъ крестному цѣлованію и данному слову ⁴⁾.

Ив. Тихомирровъ.

¹⁾ Ib. 294, 313, 322.

²⁾ Ib. 332.

³⁾ Ib. 822.

⁴⁾ Ib. 316.

ВОРЪВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ-РУСИ ЗА ГАЛИЦКО-ВЛАДИМІРСКОЕ НАСЛѢДІЕ ¹⁾.

III.

Дѣла церковныя.

Рече же Володиміръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отци наши сего не приими суть“.

Лавр., 83.

„Die Russen scheinen zwar in den constitutionellen und gesellschaftlichen Verhältnissen der Stadt (Львова) eine inferiore Stellung eingenommen zu haben, dagegen ragte ihre Kirche des heiligen Georg über alle Bauten der Stadt empor“ Caro, G. P., III, 59.

Давно подготовлявшееся раздѣленіе христіанскаго міра совершилось наконецъ въ 1054 г. Единный христіанскій міръ раздвоился, сталъ на половину меньше! Почти два вѣка прошло въ колебаніяхъ и неопредѣленности: такъ трудно было христіанскому чувству помириться съ мыслью о раздѣленіи, но когда вскорѣ послѣ него западъ, такъ сказать, лично встрѣтился съ востокомъ, даже великая задача освобожденія Святой земли не могла выровнять образовавшейся между ними пропасти, не могла потушить „слѣпой ненависти къ схизматикамъ грекамъ“ ²⁾. Вражда сицилійскихъ норманновъ къ Византіи находила естественное сочувствіе въ представителѣ католическаго запада, а честолюбивые и смѣлые планы Рожера II осуществились

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1890 г.

²⁾ В. Г. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в., Славянскій сборникъ, II, С.-Пб., 1877.

наконецъ въ 1204 г. Центръ восточнаго православія, главнѣйшій противникъ Рима палъ передъ крестоносцами; на мѣсто греческой восточной латинская имперія. Казалось, православіе должно покорно склониться передъ папствомъ. Такъ думалъ Иннокентій III. „Мы радуемся“, писалъ онъ Балдуину, — „о Господѣ, который ниспровергаетъ гордыхъ и оказываетъ свою милость смиреннымъ, что онъ соизволилъ совершиться черезъ тебя чуду для славы твоего имени, для чести и преуслѣнія апостолическаго престола, для пользы христіанства. Принимаемъ тебя, твои земли и твоихъ, подданныхъ, подъ особенное покровительство св. Петра и приказываемъ защищать твою имперію всѣмъ прелатамъ, князьямъ и всѣмъ христіанству. Всему крестовому ополченію повелѣваемъ охранять и поддерживать Константинопольскую имперію, обѣщая за это отпущеніе грѣховъ. Съ того времени, какъ царство грековъ отпало отъ послушанія апостолическому престолу, оно падало все глубже, пока наконецъ справедливымъ судомъ Божиимъ не было приведено отъ гордыни къ смиренію, отъ неповиновенія къ послушанію, отъ схизмы къ католицизму. По сему увѣщаемъ тебя держать греческую церковь и Константинопольскую имперію въ подчиненіи апостолическому престолу, такъ какъ Богъ подчинилъ ихъ ему своимъ велѣніями. Такимъ образомъ и самъ ты вѣрнѣ удержишь въ своихъ рукахъ государство“¹⁾. Ничего, какъ показываютъ послѣднія слова, не упускалъ изъ виду величайшій изъ папъ. Звѣзда папства достигла зенита. Удивительно ли, что свѣтъ ея отразился и на вѣрной дочери Царьграда — церкви русской! По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ томъ же 1204 г. явился къ Роману папскій посолъ „намовляти въ латинскую вѣру свою, обѣщая ему грады и королямъ въ Руси учинити. Романъ же преиращаясь отъ письма, а они не срамляся палежаху ему ласковыми словами“²⁾. Въ 1208 г. 7-го октября Иннокентій обращается ко всему русскому духовенству и народу, въ виду своей власти надъ Греціей,

¹⁾ *A. Fiebler, Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. München. 1864 г., I, стр. 309. Ср. тамъ же, стр. 306—307, сообщенія грековъ и латинякъ о занятіи крестоносцами Царьграда, доказывающія совершенную невозможность взаимнаго пониманія.*

²⁾ *Россійская Вибліотека. С.-Пб., 1767, стр. 300. Стиль извѣстія, по справедливому замѣчанію Дашкевича, Первая унія, 38, пр. 2, отличается новизною. Въ другихъ спискахъ его нѣтъ. Можно ли, однако, въ виду пропуска княженія Романа въ Ипатьевскъ списокъ, отнмать значеніе: у показанія, не заключающаго въ себѣ никакой внутренней недостоверности; ср. *Татищевъ, Исторія, III, стр. 344.**

находить несообразнымъ, чтобы часть греческой церкви упорство-вала въ раздѣленіи, извѣщаетъ о посылкѣ легата и предлагаетъ оказать ему во всемъ послушаніе ¹⁾).

Посланіе папы осталось безъ всякихъ послѣдствій, и долго послѣ этого съ посланіями подобнаго общаго характера не встрѣчаемся. Само по себѣ оно представляетъ доказательство отдѣльности русскаго православія отъ Рима ²⁾, а возобновившіяся время отъ времени попытки подчинить его власти папы достаточно ясно доказываютъ, что отдѣльность никогда не прерывалась. Это, однако, не мѣшаетъ униатскимъ и католическимъ писателямъ поднимать почти при каждомъ митрополитѣ, какъ предшествующаго, такъ и послѣдующаго времени, вопросъ объ его католической ортодоксіи. У болѣе серьезныхъ писателей эти вопросы такъ и остаются не рѣшенными, а въ самомъ разсмотрѣніи ихъ, общій ходъ духовной жизни русскаго народа совершенно игнорируется и основаніемъ аргументаціи являются лишь совершенно случайные, не характерные факты ³⁾. Это обстоятельство даетъ намъ основаніе совсѣмъ не останавливаться на этой сторонѣ и перейти къ непосредственно интересующему насъ предмету—католической пропагандѣ и утвержденію католическихъ епископскихъ кафедръ въ Галицко-Владимірской землѣ.

.. Отъ смерти Романа до окончательнаго утвержденія власти Да-

¹⁾ *Turpinus*, Н. R. M. I, № 3.

²⁾ *Ibid.* Licet hactenus elongati fueritis ab uberibus matris vestrae tamquam filii alieni.

³⁾ Ср. *Пелешъ*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom. Wien. 1878, I, стр. 810: указавъ несостоятельность нѣкоторыхъ заключеній Кульчинскаго о католицизмѣ митрополита Матеея (умеръ въ 1220 г.), Пелешъ не находитъ однако возможнымъ считать его сторонникомъ „схизмы“ на слѣдующихъ основаніяхъ: не протестовалъ противъ папскаго посланія русскимъ епископамъ, не только не противодействовалъ коронаціи Коломана, но даже назначилъ въ Перемишлѣ епископа Антонія; поставилъ въ Новгородкѣ епископы константинопольскаго монаха (II). Невольно вспоминается замѣчаніе *Лихлера*, II, 16: „es wird doch nachgerade komisch, mit welchen Beweismitteln man darthun will, dass die Russische Kirche, ganz verschieden von der Byzantinischen die längste Zeit hinaus im freundschaftlichen Verhältnisse zu Rom geblieben sei“. Дѣйствительно, стоить только вспомнить, что указываемый Пелешемъ константинопольскій монахъ былъ Добрыня Ядрѣйковичъ, о которомъ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1211 г. говоритъ слѣдующее: „баше пришелъ Добрыня Ядрѣйковичъ изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ пострѣшеся на Хутинѣ у святого Спаса, и волю божію вълюбилъ и князь Мстиславъ и вси Новгородци, и послаша и на Русь ставитися“.

шла (1205—1245 г.) въ Галицкой землѣ много разъ встрѣчаемся съ уграми. Вообще господство ихъ въ Галичѣ было слѣшкомъ кратковременно для того, чтобы они могли думать о католической пропагандѣ, но въ болѣе продолжительное правленіе Коломана (1214—1218 гг.) они несомнѣнно о ней думали. Русскіе источники говорятъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ угровъ ¹⁾, иностранцы ²⁾ тоже сообщаютъ извѣстія о пропагандистскихъ замыслахъ Андрея — короля извѣстнаго крестовннхъ походомъ. Попытки такимъ образомъ были ³⁾, но также несомнѣнно не привели ни къ чему. Окончившаяся въ непродолжительномъ времени борьба за Галичъ не могла уже общать мира галицкой церкви. Вновь учрежденные монашескіе ордена — францисканцевъ и доминиканцевъ, съ необыкновенною ревностью ухватившіе дѣло пропаганды въ свои руки, въ скоромъ времени появились въ Польшѣ, ставшей съ этихъ поръ очагомъ католическаго миссіонерства въ предѣлахъ Руси.

Въ 1218 году прибыли доминиканцы въ Польшу, а черезъ десять лѣтъ, по орденскимъ преданіямъ, Яцекъ Одровонжъ основалъ монастырь въ Кіевѣ ⁴⁾. Можно думать, что доминиканцы приложили не мало стараній къ распространенію въ Польшѣ духа пропаганды, если уже съ 1257 года поляки стали домогаться канонизаціи доминиканскаго миссіонера. Время для пропаганды было тогда дѣйствительно благоприятное: въ XIII в. среди членовъ Пастовскаго дома видимъ цѣлый рядъ святыхъ; но несомнѣнно, широкіе успѣхи проповѣди, доминиканцевъ на Руси представляютъ не только легенду, но даже вымыселъ. По доминиканскимъ сообщеніямъ, еще до прибытія въ Польшу

¹⁾ Воскресенская лѣтопись, Полное собраніе, VIII, 119: „въ лѣто 6722 король Угорскій посади сына своего въ Галичѣ, а епископа и помы изгна изъ церкви, а свои помы приведе латынскія на службу“. О претвореніи церкви въ латынскую службу говоритъ и Никоновская лѣтопись, II. С., X, 66. О притѣсненіяхъ угровъ и противодѣйствіи галичанъ у *Татищева*, III, 377.

²⁾ *Raynald*, Annales, 1214, VIII: humiliter a nobis postularunt, писалъ Андрей папѣ, ut filium nostrum in regem ipsis praeficeremus, in unitate et obedientia Romanae ecclesiae perseveraturi in posterum, salvo tamen eo quod fas illis sit, a ritu proprio non recedere.

³⁾ *Пелешъ*, Geschichte der Union, I, 307, считаетъ насильственными мѣры невозможными, но приводимыя имъ доказательства — лишь логическія разсужденія: не возможно (?), говоритъ Пелешъ, чтобы столь осмотрительный король, какъ Андрей, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ.

⁴⁾ О Яцкѣ: *И. И. Малишевскій*, Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнѣшій апостолъ земли Русской, *Труды Кіевской духовной академіи* 1867 г., 4, 6, 8.

францисканцевъ, доминиканскіе проповѣдники достигли нѣкоторыхъ успѣховъ въ Галичинѣ: одновременно утвердились они въ Перемышлѣ и Львовѣ, гдѣ уже въ 1234 г. имъ принадлежала древнѣйшая католическая часовня св. Іоанна; въ 1238 году основали монастырь въ Галичѣ, а въ 1270 г. отъ Констанціи, дочери Бела IV, жены Льва Даниловича, они получили во Львовѣ ихъ нынѣшній монастырь ¹⁾). Свѣдѣнія эти основываются, впрочемъ, на позднѣйшихъ извѣстіяхъ, въ значительной мѣрѣ склонныхъ къ преувеличеніямъ. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что доминиканцы прилагали не мало стараній къ распространенію на Руси католицизма, а Римъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью и старался по возможности облегчать ихъ миссію. 15-го марта 1233 года Григорій IX посылаетъ два письма „братьямъ проповѣдническаго ордена на Русь“; въ одномъ поручая сдерживать своеволие и безчинства „нѣкоторыхъ лишь по имени вѣрныхъ“, позволяеть дѣйствовать авторитетомъ папы ²⁾), въ другомъ даетъ имъ, до прибытія папскаго легата, особенныя преимущества на счетъ разрѣшенія отъ нѣкоторыхъ важныхъ грѣховъ ³⁾). Какъ будто въ помощь доминиканцамъ являются въ Польшу въ 1237 г. францисканцы. И они немедленно устремляются на Русь и, подобно доминиканцамъ, также преувеличиваютъ въ своихъ преданіяхъ размѣры своей первоначальной дѣятельности. Въ замѣткахъ орденскаго перемышльскаго архива сохранилось упоминаніе, что до 1255 года лишь они одни были въ Перемышлѣ ⁴⁾). Одновременно съ этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о намѣреніи папы поставить епископа для Руси. По крайней мѣрѣ 12-го мая 1232 года Григорій IX поручилъ доминиканскому провинціалу и братьямъ Якову и Домаславу разслѣдовать состояніе церкви на Руси и сообщить, долженъ ли быть туда назначенъ епископъ ⁵⁾). Такимъ образомъ не только „вѣроятно“ ⁶⁾), но совершенно несомнѣнно, что до 1232 г. на Руси никакого католическаго епископа не было,

¹⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 414.

²⁾ *Thirner*, M. P. I. № 47.

³⁾ *Ibid.*, № 48.

⁴⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 415, пр. 1.

⁵⁾ А. Гр. в 3., VII, № 1. *Reifenkugel* заимствуетъ свѣданія объ этомъ у Бовскаго, *Annales*; но у него дата (28-го апреля) и адресъ (провинціалу Якову Кресценцію и брату Домаславу) не вѣрны. Нѣкоторые пропуски этой буллы могутъ быть, кажется, дополнены содержаніемъ приведеннаго выше письма Григорія IX, см. выше пр. 2.

⁶⁾ *Н. П. Дашкевичъ*, Первая униа, 7.

и, какъ мы видѣли, еще въ 1233 году папа лишь собирался отправить туда своего легата, а въ буллѣ 12-го мая 1234 года видимъ опять жалобы папы на немногочисленность дѣятелей католической пропаганды, вынуждающую его снова предоставить доминиканцамъ особенныя полномочія ¹⁾. Можно, пожалуй, не отвергать доминиканскихъ преданій объ епископахъ въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, безъ опредѣленныхъ резиденцій и юрисдикціи: назначенія заранѣе иногда практиковались, но если и были таковыя, то они не имѣли никакой власти и вліянія.

Лишь послѣ 12-го мая 1234 г. Опатовскій аббатъ Герардъ возведенъ былъ въ санъ русскаго епископа, но перенесеніе его резиденціи въ Любушъ ²⁾ и полное отсутствіе какихъ-нибудь свѣдѣній о другихъ латинскихъ епископахъ для Руси ³⁾ даетъ основаніе думать, что католическая пропаганда не сдѣлала никакихъ особенныхъ успѣховъ. Еще въ 1254 г. Герардъ оставался въ живыхъ ⁴⁾, но въ русскихъ дѣлахъ не принималъ никакого участія. Между тѣмъ именно какъ разъ тогда татарскій разгромъ заставилъ Даниила обратить вниманіе на предложенія пословъ, отправленныхъ папой къ татарамъ въ 1245 г. ⁵⁾. Переговоры эти начались, какъ извѣстно, случайно, и Любушскій епископъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Очевидно, слѣдовательно, „первый русскій епископъ“ не имѣлъ ни-

¹⁾ А. Гр. и З., VII, № 2.

²⁾ Богуеваъ сообщаетъ объ этомъ такими словами: *iste namque Henricus (то-есть, Генрихъ I Силезскій) monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubuscensem transtulit*, М. Р. Н. II, 566. Объясненіе словъ: „pro catholicis ibi degentibus“ существованіемъ около Опатова „католической Руси“, *Зубрицкій*, *Повѣсть*, 54, пр. 35; *Петрушевичъ*, *Холмская Епархія*, 5, пр. 7, на нѣкъ взглядъ представляетъ простое недоразумѣніе. Выраженіе „de novo“ имѣетъ, конечно, такое же значеніе, какъ и въ папскихъ буллахъ, см. ниже.

³⁾ *Weifenkugel*, *Gründung*, 417, пр. 2. Указываемая здѣсь неосновательность доминиканскихъ преданій о двухъ галицкихъ латинскихъ архіепископахъ, надо сказать, въ значительной степени ослабляетъ вѣроятность существованія епископовъ даже въ средѣ миссіонеровъ. Папскія буллы о нихъ не упоминаютъ вовсе, и можно только удивляться, что *К. Стадницкій*, даже послѣ Рейфенкугеля, все-таки настаиваетъ на ихъ существованіи, *O rosątkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich na Rusi*. Львовъ. 1882.

⁴⁾ М. Р. Н. II, 573: при открытіи костей св. Станислава присутствовалъ *Gerhardus primus Russiae ordinis Cisterciensis quondam abbas de Opatow (episcopus)*. Въ ряду епископовъ онъ поставленъ послѣднимъ.

⁵⁾ *Н. II. Дашкевичъ*, *Перв. ушн.*, 20 сл.

какого отношенія къ церковнымъ дѣламъ на Руси, и не ему, а Генриху, архіепископу Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, апостолическому легату поручаетъ папа въ 1246 г. устройство іерархіи на Руси ¹⁾, очевидно, до сихъ поръ остававшейся безъ латинской іерархіи. Въ концѣ 1254 г. переговоры съ папой прекратились, а въ 1257 г. были прерваны окончательно ²⁾. Но они не остались безъ послѣдствій. Ко времени ихъ прекращенія относится весьма характерный документъ папской канцеляріи, 11-го февраля 1257 г. Александръ IV утвердилъ права духовной юрисдикціи Любушскаго епископа въ предѣлахъ Руси. По документу оказывается, что предшественники Любушскаго епископа „съ незапамятныхъ временъ“ (?) вѣдали духовными дѣлами католиковъ на Руси. Исполненію пастырскихъ обязанностей мѣшали однако „вѣроломство князей и злоба жителей“. Любушскій епископъ, обращаясь къ папѣ съ просьбой, не имѣетъ надежды на измѣненіе положенія дѣлъ. Онъ хлопочетъ лишь въ виду того, чтобы права его каедръ не потеряли ущерба ³⁾, а папа охотно исполняетъ его просьбу, явно выражая досаду на неудачу переговоровъ съ Данииломъ („вѣроломство князей“) и — что еще важнѣе — обнаруживая совершенную беззаботность на счетъ исторической дѣйствительности, ибо какихъ же „предшественниковъ“ Любушскаго епископа могъ имѣть въ виду Александръ IV, о какихъ „незапамятныхъ“ временахъ можетъ быть рѣчь? Вѣдь „первый русскій епископъ“ былъ поставленъ, какъ мы видѣли, не ранѣе 1234 г. Все это представляетъ лишь завязку той необыкновенной путаницы, съ какою намъ придется встрѣчаться на протяженіи всей настоящей главы, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи католицизма въ предѣлахъ Руси. Болѣе или менѣе она разъясняется только въ концѣ. Теперь ограничимся замѣчаніемъ, что указанное порученіе архіепископу Генриху въ 1246, какъ равно возникшая тоже одновременно съ прекращеніемъ переговоровъ съ Данииломъ мысль объ основаніи епископства въ Луковѣ ⁴⁾ могла послужить достаточною побудительною причиною къ указаннымъ дѣйствіямъ Любушскаго епископа, который могъ считать себя преемникомъ скончавшагося недавно „перваго русскаго епископа“. Права любушскихъ епископовъ были такимъ образомъ законно утверждены, но замѣчательно; вспомнили они объ этомъ лишь тогда, когда для ка-

¹⁾ Турчинецъ, Н. Р. М. I, № 61.

²⁾ Дашкевичъ, Перв. Ун. 39—40, пр. 1. *Raynald* подъ 1257, 26—28.

³⁾ *Theiner*, M. P., I, № 144.

⁴⁾ *Ib.*, № 143.

толической пропаганды настало опять время болѣе благоприятное. Такимъ временемъ были 20-е годы XIV вѣка.

15-го декабря 1320 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканскаго лектора въ Норвалле, Генриха Кіевскимъ епископомъ. Назначеніе это послѣдовало первоначально отъ епископа Любушскаго, но, усумнившись въ его компетенціи, Генрихъ обратился къ папѣ, который, признавъ его сомнѣнія правильными ¹⁾, утвердилъ его въ санѣ, найдя его достойнымъ, а въ слѣдующемъ году поручилъ ему отправиться въ свою епархію ²⁾. Такимъ образомъ въ первой четверти XIV вѣка католическая пропаганда проникаетъ, по видимому, далеко на востокъ, и матеръ городовъ русскихъ получаетъ латинскаго епископа. Если примемъ во вниманіе, что въ 1234 г. небольшой католической колоніи въ Кіевѣ, съ какимъ-то Ульрихомъ во главѣ, во всякомъ случаѣ не епископомъ, приходилось очень плохо ³⁾, что тогда же папа обращался къ сандомірскому духовенству, предлагая ему защищать кіевскихъ еднновѣрцевъ ⁴⁾, при чемъ сандомірскій католическій клиръ являлся, очевидно, крайнимъ на востокъ, а потому ближайшимъ къ Кіеву, что въ упомянутой буллѣ Генриху папа говоритъ, что минуло уже 100 съ лишнимъ лѣтъ, какъ въ Кіевѣ по причинѣ схизмы, не только не было католическаго епископа и клира, но даже не было католиковъ ⁵⁾, то послѣдовавшее въ 1320 г. назначеніе туда католическаго епископа представитъ фактъ, заслуживающій полнаго вниманія. Разсмотрѣніе его поможетъ намъ уяснить характеръ католической пропаганды на Руси, а отношенія Любушскаго епископа, обна-

¹⁾ Tu vero de privilegio ipso merito hesitans, то-есть, правъ Любушскаго епископа поставлать епископовъ. Ibid., № 252.

²⁾ Ib., № 255.

³⁾ Ib., № 55.

⁴⁾ Ib., № 56.

⁵⁾ Ecclesia Kijoviensis elapsis centum annis et amplius propter scisma, quod instigante maligno spiritu in illis partibus inolevit, infeliciter caruit pastore proprio, clero et populo christianis. Показаніе папы совпадаетъ съ свидѣтельствомъ Дуглоша объ изгнаніи изъ Кіева католическихъ миссіонеровъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ 1233 г. (VI, 240) и доминиканскими преданіями о дѣятельности Яцка, *Дажкевичъ*, Первая унія, 5, пр. 4, и *Голубинскій*, Исторія Русской церкви, 1, 700. Врядъ ли папа имѣлъ въ виду эти факты, ибо въ такомъ случаѣ онъ заявилъ бы о нихъ прямо; всего вѣроятнѣе, онъ руководился общимъ взглядомъ куріи на „схизматическій“ востокъ. „Centum annis et amplius“—крайне неопредѣленно, но въ такомъ случаѣ можно еще болѣе усумниться въ успѣхъ католической пропаганды на Руси въ XIII в.

ружившіяся по поводу назначенія помянутаго Генриха, связаны ближайшимъ образомъ съ учрежденіемъ католической іерархіи въ Галицкой Русѣ.

Замѣтимъ прежде всего, что новому Киевскому епископу не пришлось даже увидѣть своей столицы. Не смотря на предписаніе папы, онъ до самой смерти оставался епископомъ *in partibus*, подобно Герарду: въ 1322 г. онъ былъ въ Вамбергѣ, вѣроятно, на обратномъ пути изъ Авиньона, затѣмъ онъ поселился въ Альтмаркѣ и оставался здѣсь, по видимому, до смерти ¹⁾. О состояніи Киева въ то время мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, однако, назначеніе туда католическаго епископа не могло быть слѣдствіемъ включенія его въ составъ литовскихъ владѣній, ибо такое вошло во всякомъ случаѣ не раньше 1332 г. ²⁾, не могло быть и слѣдствіемъ того, что Киевъ былъ городъ безъ всякой власти, какъ думаетъ Рейфенкугель ³⁾, ибо еслибы и такъ было, то это не причина; не могло быть наконецъ—что самое главное—слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ, ибо въ такомъ случаѣ Генрихъ хотя на короткое время посѣтилъ бы паству для удовлетворенія ея духовныхъ нуждъ. Этого, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Какая-нибудь причина назначенія должна была, однако, быть, и ее, всего вѣроятнѣе, слѣдуетъ усматривать въ тогдашнихъ дѣлахъ литовскихъ. Разумѣемъ начавшіеся въ 20-хъ годахъ переговоры Гедимины съ папой. Они завязались въ самомъ началѣ 1323 г., и если, подобно переговорамъ Данила, вытекали исключительно изъ политическихъ расчетовъ и, подобно имъ, разрѣшились ничѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, связанные съ ними факты могутъ наводить на нѣкоторые соображенія, относящіеся прямо къ интересующему насъ вопросу. Изъ папскихъ буллъ 1324 г. (1-го іюня) ⁴⁾, передающихъ содержаніе писемъ Гедимины къ папѣ, узнаемъ, что литовскій государь держалъ при своемъ дворѣ доминиканцевъ и миноритовъ, пользовавшихся полною свободой миссіонерской дѣятельности, а въ грамотѣ Гедимины отъ 25-го января 1323 г. ⁵⁾, обращенной ко всѣмъ почи-

¹⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 421, пр. 2 и 4.

²⁾ *Даниловичъ*, Замѣтки, 64.

³⁾ *Gründung*, 420.

⁴⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290 и 293.

⁵⁾ Русско-ливонскіе акты, № 67. Соображенія о подлинности грамоты см. В. Г. Васильевскій, Обращеніе Гедимины въ католичество, *Журн. М. Нар. Пр.* 1872, 2, стр. 155, пр. 2.

тателямъ Христа, разсѣяннымъ въ мірѣ и особенно къ жителямъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ: Штральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна, Гедиминъ говоритъ слѣдующее: „Мы будемъ стараться соблюдать все то, что письменно общали святѣйшему отцу: будемъ строить церкви, какъ уже дѣлали это и до сихъ поръ. Ибо знайте, что за два года передъ симъ мы построили вновь двѣ церкви въ городѣ нашемъ Вильгѣ: одну для ордена доминиканцевъ, другую для миноритовъ, и сверхъ того, въ нынѣшнемъ году мы приказали возобновить для послѣдняго ордена, на пользу нашу и на спасительное врачеваніе сыновей и женъ нашихъ, прежде нами основанную церковь въ Новгородѣ, которую недавно сожгли огнемъ крестоносцы прусскіе. Мы съ охотою готовы принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какого бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ не была порочна, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри и потомъ насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее“. Такимъ образомъ около 1320 г. монахи миссіонеры, въ виду благосклоннаго отношенія къ нимъ Гедимина, могли предаваться самымъ ровнымъ надеждамъ на счетъ дальнѣйшихъ успѣховъ своей дѣятельности. Такъ какъ монахи эти были несомнѣнно изъ Польши—такъ слѣдуетъ думать въ виду враждебныхъ отношеній Гедимина къ рыцарямъ—то надежды эти очень скоро могли сообщиться и польскому духовенству. Любушскій епископъ немедленно-же фактически заявляетъ свои права: но, быть можетъ, соблазненный легкостью, съ какою удалось ему добиться желаемого въ 1257 г., онъ на этотъ разъ далеко вышелъ за предѣлы признанной тогда за нимъ компетенціи ¹⁾. Притязанія были въ дѣйствительности дерзки, и если „незапамятной давности“, приведенной въ 1257 г. какъ основаніе для полученія права юрисдикціи, некому было оспаривать или даже подвергать сомнѣнію, то на этотъ разъ въ правахъ Любушскаго епископа усумнился самъ избранный имъ кандидатъ и осно-

¹⁾ Stephanus episcopus Lubucensis asserens sibi fore per speciale privilegium apostolice sedis indultum, ut possit ecclesiis dictarum partium, que de scismate redierunt ad S-te Matris ecclesie unitatem de pontificibus providere, *Theiner*, M. P. 1, № 252. Рѣшонъ, на который претендовалъ Любушскій епископъ, названъ здѣсь Galatha: въ буллѣ о юрисдикціи 1257 г. говорится о Ruscia. Терминъ—Galatha объясняетъ булла Гиззенскому архіепископу 1327: quod sedes episcopalis Lubucensis in partibus minoris Galathe, que Ruscia nuncupatur, ib., № 376. Выходитъ одно и то же, но вѣроятно Любушскій епископъ предпочиталъ неопредѣленный терминъ Galatha.

вательность сомнѣній подтвердилъ папа. Дѣйствительно, приглашенный, надо думать, именно по этому поводу въ 1327 г. въ Авиньонъ Любушскій епископъ Стефанъ, сообщалъ куріи объясненія, которыя должны были привести ее въ немалое недоумѣніе. По его словамъ, любушская епископская кафедра существовала на Руси издавна во Фляндемиріи (Владимірѣ?), гдѣ до сихъ поръ, то-есть, въ 1327 г., видны гробницы епископовъ, да и самъ Стефанъ, до прибытія въ Римъ, бывалъ тамъ даже по долгу, исполняя пастырскія обязанности. Завзятость (rabies) схизматиковъ заставляла его, однако, нерѣдко покидать городъ, чѣмъ пользовались сосѣдніе епископы, присваивая себѣ принадлежащую ему духовную власть. Обо всемъ этомъ папѣ ничего не было извѣстно, а потому онъ и обращается къ Гнѣзненскому архіепископу, предлагая ему узнать дѣло, не производя, однако, официальнаго разслѣдованія ¹⁾. Что отвѣтилъ папѣ архіепископъ, не знаемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на то, что именно около этого времени Любушскіе епископы переживали весьма тяжелые моменты, испытывая жестокія преслѣдованія со стороны подлежащихъ ихъ власти жителей, которые не только завладѣли церковными имѣніями, но даже „до основанія разрушили“ самую церковь. Столь враждебныя отношенія между епископомъ и паствой были, какъ оказывается, „весьма давними“. Положеніе было ва столько острое, что пришлось не только обращаться къ королю съ просьбой о защитѣ епископа, но и думать о перенесеніи его резиденціи въ другое болѣе удобное и безопасное мѣсто ²⁾. Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ Любушскіе епископы резидировали попеременно то въ Фирстенвальде (на рѣкѣ Шпре), то во Франкфуртѣ, то въ с. Горицѣ, то наконецъ снова въ Любушѣ, гдѣ въ 1374 г. гостилъ у епископа Петра Янъ Чариковскій.

Далѣе: притязанія Любушскихъ епископовъ вызвали сомнѣніе не только со стороны куріи, которая объ ихъ отношеніяхъ къ Руси, какъ сказано, ничего не знала, но у самого Генриха—доминиканца, по мѣстопробыванію болѣе близкаго къ спорнымъ районамъ, а по принадлежности къ ордену, который лучше другихъ могъ знать та-

¹⁾ Ibid., № 376. К. Стадницкій, О росзяткахъ, 14, не сомнѣвается въ справедливости показаній Любушскаго епископа и полагаетъ, что нарушали его права титулярные епископы монашескихъ конгрегацій. Что же мѣшало Любушскому епископу заявить объ этомъ прямо, а не столь неопредѣленно: „aliqui vicini episcopi“; почему, далѣе, курія ничего не знала объ епископахъ титулярныхъ?

²⁾ Ibid., № 377, 378.

мошніа дѣла, едва ли не наиболѣе компетентнаго въ вызвавшемъ сомнѣніе вопросѣ. Исторія Любушскаго епископства представляетъ до сихъ поръ не мало загадокъ ¹⁾. Ан. Малецкій ²⁾ называетъ его „польской духовной маркой“, но такой характеръ оно могло имѣть лишь въ планахъ его основателя. Уже съ 1250 г. Любушь политически, а послѣ 1378 г. и въ церковномъ отношеніи навсегда отпалъ отъ Польши, войдя въ составъ маркграфства Бранденбургскаго и Магдебургской епископіи и, подобно другимъ бранденбургскимъ пріобрѣтеніямъ на славянской почвѣ, вскорѣ былъ совершенно отѣмеченъ. Вообще судьба этого епископства нѣсколько исключительна: переставъ быть польскимъ, оно какъ будто не стало и нѣмецкимъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIII вѣка оно подвергалось сильнымъ гоненіямъ какъ со стороны маркграфовъ, такъ и Магдебургскихъ архіепископовъ; его отношенія къ Руси неясны и какъ будто загадочны, по интересности они заслуживаютъ полнаго вниманія, но едва ли слѣдуетъ усматривать въ нихъ особенную важность, ибо едва ли самое предположеніе объ этихъ отношеніяхъ не вытекаетъ лишь изъ позднѣйшихъ притязаній, характеръ которыхъ достаточно ясно сказался въ извѣстномъ намъ заявленіи епископа Стефана. По крайней мѣрѣ уже Репель ³⁾ считалъ возможнымъ отвергнуть мнѣніе Вольбрюка о первоначальномъ назначеніи епископства для Червонной Руси и будто бы оттуда перенесенномъ въ Любушь—мнѣніе, основанное исключительно на ложномъ представленіи исторической жизни Галицкой Руси. Въ 1033 г. епископство Любушское уже существовало, но не могло быть основано раньше 1018 г. (послѣ Будишинскаго мира). Его сравнительно бѣдная дотація и первоначальное положеніе какъ бы *in partibus* могло подогрѣвать миссіонерскую ревность его представителя, но до половины XIII вѣка обстоятельства не давали ей ни малѣйшей возможности въ чемъ бы ни было обнаружиться. Какъ и почему обнаружилась она съ этого времени—мы видѣли. Эти отношенія къ Руси вовлекаютъ Любушскихъ епископовъ въ занимающее насъ время въ прямое столкновеніе съ куріей, тянувшееся долго, благодаря, кажется, главнымъ образомъ, понятной сдержанности куріи, и

¹⁾ Специально обследовалъ ее *Wolbrück, Geschichte des ehemaligen Bisthums Lebus und des Landes dieses Namens*, но достаточно сказать, что трудъ этотъ вышелъ въ 1829 г. (Берлинъ).

²⁾ *Kościelne stosunki, Przewodn list. i nauk*, 1875 г.

³⁾ Исторія Польши, прилож. IV.

кончившееся въ 1375 г. полнымъ отрѣшеніемъ ихъ отъ всякой власти и вліянія на Русь, когда здѣсь дѣло католической пропаганды можно уже было считать упроченнымъ. Традиція, однако, упорно держалась: еще въ 1394 г. Любушскіе епископы спорили съ Перемышльскими о имѣніяхъ, а въ 1400 г. епископъ Іоаннъ Боршпицъ въ составленномъ имъ регистрѣ помѣстилъ характерный отголосокъ старыхъ притязаній¹⁾. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ епископство это совершенно исчезаетъ. Въ 1518 г. Опатовъ и его окрестности переходятъ въ частныя руки—къ Шидловецкимъ, а въ 1556 г., вслѣдствіе реформациі, оно было совсѣмъ упразднено. Для насъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ, достаточно отмѣтить, что Римская курія объ отношеніяхъ Любушскаго епископа къ Руси ничего не знала; что католическіе миссіонеры на Руси утверждались за ново, ибо, какъ доминиканцы, такъ и францисканцы, по своимъ орденскимъ преданіямъ явились здѣсь первыми проповѣдниками католицизма; наконецъ, взглядъ куріи на давнишнее существованіе католическихъ епископствъ на Руси, высказываемый папами въ буллахъ, касающихся учрежденія латинскихъ епископскихъ кафедръ въ Галичинѣ, не могъ быть заимствованъ папами у Любушскихъ епископовъ, какъ думаетъ Рейфенкугель²⁾, ибо такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ буллѣ Іоанна XXII къ легатамъ, отправленнымъ къ Гедимину въ 1324 году³⁾, то-есть, когда столкновеніе Любушскихъ епископовъ съ куріей только-что началось и еще не получило полной опредѣленности. Основаніемъ такого взгляда служило тщательно поддерживаемое папствомъ представленіе о право-

¹⁾ Item scias, quod *tota Russia* pertinuit ad episcopum Lubucensem tam Dyocesana quam iurisdictionis legibus, et in eadem Russia et per consequens de diocesi Lubucensi sunt per dominum Gregorium Papam XI creati primo Archiepiscopatus Aliciensis. Item Episcopatus Ladimiriensis. Item Episcopatus Chelmensis. Item Episcopatus Premislaviensis. Et scias, quod hec creatio fuit facta per D. Gregorium ad instanciam Ducis Russie et Opoliensis et fuit facta tempore dni. Wenczeslay tunc Episcopi Lubucensis nunc autem Wratislaviensis. Item scias, quod Episcopatus Premislaviensis est bonus et valet bene quibus annis CCCC. sexagenis, ut michimet retulit idem Episcopus Premislaviensis, alii autem parum valent. *Reifenkugel*, Gründung, 473, пр. 1 (изъ *Вольбрюка*).

²⁾ Gründung, 428.

³⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 290: Vobis eciam resumendi sedes in eisdem partibus, de quibus haberi potest memoria et eciam certitudo, quod *hactenus Metropoles fuerint vel ecclesie cathedrales* et eas in statum pristinum reponendi, eis antiquis provinciis et diocesisibus restitutis, servata tamen limitacione seu terminacione, quam vetustis temporibus habuerunt, libera sit facultas; vel si forte nulle hactenus fuerunt ibidem Metropoles... erigendi de novo alias metropoles.

славномъ востокѣ, какъ о мѣрѣ схизматическомъ, то-есть, отдѣлившемся, а слѣдовательно—логически—бывшемъ нѣкогда въ единеніи или, что по римскому взгляду одно и то же, подчиненіи у Рима¹⁾. Риму въ данномъ случаѣ нечего было усваивать взглядъ Любушскихъ епископовъ, ибо, какъ сказано, онъ заключался въ самой сущности католическаго представленія о православномъ востокѣ, а позднѣйшее измѣненіе взглядовъ Любушскихъ епископовъ, не усумнившихся доказывать, что на Руси не было епископскихъ кафедръ, а были лишь церкви приходскія, также какъ и разслѣдованія, производимыя куріей спеціально по этому поводу, при чемъ ей самой приходилось сознаваться, что объ этомъ у нея „свѣдѣній нѣтъ никакихъ“²⁾, доказываютъ лишь мѣру основательности подобнаго представленія, поддерживаемаго однако ревнителями католицизма и понынѣ.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ предпослать обзору утвержденія католической церкви въ предѣлахъ ближайшей къ западу Галицкой Руси. Ничего, кромѣ попытокъ въ этомъ направленіи, мы не можемъ указать. Попытки эти предпринимались Римомъ при каждомъ удобномъ случаѣ: оттуда, а не отъ Любушскихъ епископовъ исходила инициатива, то въ видѣ непосредственныхъ обращеній къ князьямъ и народу, то въ видѣ миссіонерской дѣятельности монашескихъ орденовъ, зависимыхъ и руководимыхъ куріей.

Любушскій епископъ, тѣспимый у себя дома, не могъ имѣть средствъ вліянія на Русь, былъ, очевидно, не прочь приобрести такое, но его попытки, закончившіяся полною неудачей, показываютъ лишь, до какой степени дѣло католицизма на русской почвѣ было ново, совершенно не установлено, и имѣютъ лишь эпизодическій характеръ. Католическіе (польскіе) поселенцы подвергались на Руси вліянію православія, не избѣгали съ нимъ общенія; въ глазахъ папскихъ миссіонеровъ они являлись „лишь по имени вѣрными“³⁾ и

¹⁾ Это, какъ мы видѣли, высказано прямо въ буллѣ Генриху: *clarsis centum annis et amplius propter scisma*. Такой же взглядъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ и первый латинскій Перемышльскій епископъ Эрихъ.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 908: *Intelleximus*, пишетъ Григорій XI въ 1372 г. архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Падскому, — *per relationes quorundam, quod Haliciensis, Primisliensis, Laudimiriensis et Chelmensis ecclesie cathedrales fore noscuntur, nonnullis aliis pretendētibz, ecclesias ipsas non cathedrales sed dumtaxat parochiales ecclesias existere. Nos de premissis certam noticiam non habentes, поручаемъ узнать и не медля довести.*

³⁾ *Ibid.*, № 47.

даже отказывались подчиняться папѣ ¹⁾, однимъ словомъ, совершенно пропадали въ православномъ русскомъ морѣ. Происходило на окраинѣ русскаго міра въ XIII—XIV вѣкахъ то же, что происходило потомъ въ предѣлахъ болѣе отдаленныхъ отъ польскаго вліянія— въ Кіевщинѣ и южныхъ степяхъ. Правда, доминиканскія и францисканскія преданія представляютъ успѣхи пропаганды весьма значительными, но ихъ взаимныя противорѣчія доказываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ весьма подозрительнымъ, рѣшительно не позволяющимъ основывать на немъ прочные выводы. „Судя по описаніямъ подвиговъ и успѣховъ пропаганды, какъ они излагаются въ орденскихъ источникахъ, невольно спрашивается“, замѣчаетъ И. Малышевскій ²⁾,— „какимъ образомъ доселѣ весь міръ не покоренъ папству? Это, кажется, должно было бы быть, если бы не оказывалось, что огромная часть разказовъ о подвигахъ и успѣхахъ римско-католической пропаганды—не болѣе какъ легенды, даже намѣренно сложенные, и пущенные въ ходъ вымыслы“. Можно поэтому думать, что почти до половины XIV вѣка православная церковь въ Галицкой землѣ наслаждалась миромъ и спокойствіемъ, а по крайней мѣрѣ не испытывала никакихъ грозныхъ потрясеній и опасностей, оставаясь все тѣмъ же отдѣльнымъ отъ католицизма, „какъ бы другимъ міромъ“, по выраженію Краковскаго епископа Матвѣя ³⁾.

Миръ и спокойствіе православной церкви впервые были нарушены со вступленіемъ на русскую почву ляха въ качествѣ владѣтельнаго лица, но и въ этомъ случаѣ дѣло кончилось лишь не вполне ясными попытками, имѣвшими однако для начинателя весьма трагическія послѣдствія.

16-го іюня 1327 г. Іоаннъ XXII пишетъ ликующее письмо Галицкому князю, по поводу желанія послѣдняго приступить къ единенію съ Римскою церковью. По видимому, папа могъ надѣяться осуществить теперь планы Иннокентія III и Александра IV, но намѣренія князя скоро сдѣлались извѣстны митрополиту Θεогносту, и онъ поспѣшилъ къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 г. Θεогностъ былъ въ Кіевѣ, потомъ на Волыни. Здѣсь во Владимірѣ въ 1331 г. онъ рукоположилъ въ Новгородскіе епископы Василя, вызваннаго

¹⁾ А. Гр. и З., VII, Ж 1.

²⁾ Доминиканецъ Яцекъ, *Труды Кіевск. духовн. акад.* 1867, 4, стр. 33.

³⁾ Письмо Матвѣя къ Вернару Клервальскому, М. Р. Н., II, 15.

снова туда же въ 1334 г. по возвращеніи Θεогноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Григорій Полоцкій, Аванасій Владимірскій, Θεодоръ Галицкій, Маркъ Черемшльскій и Іоаннъ Холмскій ¹⁾. Цѣль этого полнаго собора западно-русскихъ іерарховъ объясняется характеромъ и дѣятельностью Юрія-Болеслава, открыто перешедшаго въ католицизмъ и долженствовавшего поэтому съ ревностью ренегата содѣйствовать цѣлямъ католической пропаганды, ставшей, какъ мы видѣли, именно къ этому времени особенно напряженной. Видно, митрополитъ придавалъ серьезное значеніе церковнымъ дѣламъ православной окраины и желалъ укрѣпить духъ пастырей для мужественнаго отпора угрожавшей опасности. Трудно сказать съ полною опредѣленностью, каковы были замыслы Юрія Болеслава; они, какъ и все, касающееся галицкой исторіи занимающаго насъ періода, темны, и изслѣдователямъ поневолѣ приходится прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Юрію-Болеславу приписываютъ желаніе учредить отдѣльную митрополію въ Галичѣ и такимъ образомъ подготовить введеніе униі или католицизма, такъ какъ новый митрополитъ долженъ былъ быть лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя. Такимъ образомъ мы прямо подходимъ къ вопросу о Галицкой митрополіи, то-есть, духовному разобщенію русскаго міра, факту, осуществляющемуся, какъ извѣстно, въ позднѣйшее время и дѣйствительно подрывавшему одинъ изъ коренныхъ устоевъ духовнаго русскаго благосостоянія. Вотъ почему указанный вопросъ мы считаемъ необходимымъ рассмотретьъ по возможности обстоятельно, такъ какъ онъ прямо затрагиваетъ самую сущность, какъ внутренняго состоянія православной церкви въ Галичѣ, такъ и ея отношенія къ остальному православному міру. Предположеніе Ржежабка, приписывающаго Юрію-Болеславу планы духовнаго разобщенія русскаго міра, съ особенною яркостью можетъ иллюстрировать какъ способъ возникновенія, такъ и характеръ научной постановки вопросовъ, касающихся нерѣдко существенныхъ сторонъ галицко-русской жизни, а потому разсмотрѣніе вопроса объ отдѣльности Галицкой митрополіи мы и начнемъ съ разбора указаннаго предположенія Ржежабка, столь блистательно обнаружившаго и научную основательность, и научное остроуміе.

На чемъ основываетъ Ржежабекъ свое мнѣніе? На предполагаемыхъ, но совершенно не извѣстныхъ намъ въ точности, переговорахъ

¹⁾ Новгор. 1-я лѣт., 75, 77.

Юрія Волеслава съ Θεогностомъ ¹⁾, на упоминаніи имени Θεодора въ числѣ Галицкихъ митрополитовъ въ грамотѣ Казимира Константинопольскому патриарху и, наконецъ, на подписяхъ въ грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Недостаточность перваго основанія видна сразу, и конечно, самъ Ржежабекъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Документальнымъ основаніемъ правдоподобности предположенія Ржежабекъ считаетъ упомянутую грамоту Казимира, сообщеніе которой онъ, конечно, не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Но дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, точное согласованіе ея показаній съ извѣстными намъ несомнѣнными фактами изъ исторіи Русской церкви не возможно, а это обстоятельство въ значительной степени должно подорвать вѣру въ точность приводимаго Казимиромъ перечня Галицкихъ митрополитовъ, изъ которыхъ послѣдній (въ грамотѣ названъ: Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Θεодоръ), Θεодоръ, обыкновенно отождествляется съ бывшимъ при Юріи-Волеславѣ Галицкимъ епископомъ Θεодоромъ.

Хронологическая возможность такого отождествленія должна была въ глазахъ Ржежабка поддержать вѣру въ точность перечня, котораго онъ не имѣлъ надобности подвергать подробному разсмотрѣнію, такъ какъ вопроса о Галицкихъ митрополитахъ онъ касается лишь мимоходомъ, а затѣмъ та же самая вѣра могла дать Ржежабку основаніе для снѣлаго предположенія, которое онъ высказалъ по поводу подписей въ упомянутой грамотѣ Юрія II отъ 1335 г. Θεодора, упоминаемаго въ этой грамотѣ безъ всякаго титула, Ржежабекъ считаетъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Θεодоромъ епископомъ Галицкимъ, упоминаемымъ въ грамотѣ того же князя отъ 1334 г. Титулъ при имени Θεодора пропущенъ, по мнѣнію Ржежабка, именно потому, что какъ разъ около этого времени шла рѣчь о назначеніи его въ митрополиты ²⁾

Съ этимъ предположеніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Епископъ Галицкій Θεодоръ занимаетъ въ грамотѣ 1334 г. первое мѣсто, что совершенно естественно по его сану: даже въ грамотахъ

¹⁾ „Пробываніе Θεогноста во Владимирѣ было сначала не противно планамъ Юрія Волеслава. Кто знаетъ, не пыталъ ли онъ тайной надеждою склонить Θεогноста остаться навсегда въ его землѣ и такимъ образомъ положить основаніе самостоятельной Галицко-Волынской митрополіи. Двадцать лѣтъ назадъ подобную попытку сдѣлалъ Юрій I; для его внука не могло быть тайной, какія выгоды могло бы принести осуществленіе этой мысли“. *Ржежабекъ—Часоп.*, 214.

²⁾ *Часоп.*, 215.

Владислава Опольскаго православные архіепископы, если имъ приходилось присутствовать при совершеніи актовъ, помѣщались на первомъ мѣстѣ ¹⁾. Въ грамотѣ 1335 г. мы встрѣчаемъ Ѳеодора безъ всякаго титула послѣ Дмитрія Дѣтка, „воеводы“ белзскаго, придворнаго судьи, „воеводъ“ перемышльскаго и львовскаго, то-есть, на шестомъ мѣстѣ, при восьми присутствующихъ лицахъ; между тѣмъ, еслибы дѣйствительно Ѳеодора прочли въ митрополиты, это было бы лишь новымъ основаніемъ выдвинуть его на первое мѣсто, какую бы силу и вліяніе ни получили къ тому времени „боаре и воеводѣ“. Если ко времени составленія грамоты онъ не получилъ каноническаго утвержденія, то это врядъ ли могло мѣшать назвать его „нареченнымъ“ и во всякомъ случаѣ не могло служить основаніемъ отнимать у него его епископскій титулъ и, такъ сказать, понижать его въ подписяхъ. Всѣ подписавшіеся называютъ себя по именамъ и фамиліямъ (прозвищамъ) или по отчеству ²⁾; исключеніе представлялъ бы только „воевода“ луцкій, названный въ грамотѣ, при чтеніи Ржежабка, просто—*Otek*. Гораздо естественнѣе считать воеводой луцкимъ Ѳеодора *Oteckъ* и не ставить запятой между словами: *Chodoge* и *Otek*. Въ такомъ случаѣ подпись луцкаго воеводы не будетъ представлять ничего страннаго, не будетъ и непонятнаго пониженія представителя церкви, котораго, напротивъ, слѣдовало возвышать, если дѣйствительно на него возлагались извѣстныя надежды. Отсутствіе подписи епископа Ѳеодора въ грамотѣ 1335 г. объясняется, на нашъ взглядъ, совершенно естественно. Вопервыхъ, грамота дана во Владимірѣ, и если Ѳеодору не трудно было въ 1334 г. доѣхать изъ Галича до Львова, то странно было бы ѣхать во Владиміръ за тѣмъ только, чтобы положить свою подпись на документъ, не имѣющимъ къ церкви никакого отношенія. Епископъ могъ быть призванъ въ княжескую раду, но непременнымъ ея членомъ, какъ извѣстно, не былъ. Во вторыхъ, предположеніе, что епископъ Ѳеодоръ былъ орудіемъ Болеслава есть только предположеніе, основаній для него никакихъ не имѣется, на оборотъ всѣ вѣроятности говорятъ противъ такого предположенія. Мы видѣли, что епископъ Ѳеодоръ не избѣгалъ общенія съ митрополитомъ Ѳеогностомъ. Къ 1334—1335 г. противъ Юрія Болеслава составилась сильная оппозиція. Нечего говорить о духовенствѣ,—сами боаре выступили на защиту

¹⁾ А. Гр. в 3., II, 6, 8.

²⁾ *Chotcone filio Ieromiri*.

угрожаемаго со стороны князя православія. Это призывает и Ржежабекъ. Въ виду всего этого представителю Галицкой церкви, о которомъ вообще нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, пришлось бы приписать невѣроятное ослѣпленіе, еслибъ онъ дѣйствительно рѣшился содѣйствовать планамъ, не имѣвшимъ подъ собою никакой почвы. Ѳеодоръ долженъ былъ избѣгать князя, быть можетъ, стоялъ во главѣ оппозиціи противъ него, и во всякомъ случаѣ она должна была находить въ немъ сочувствіе и поддержку, и слѣдовательно, предположеніе Ржежабка не имѣетъ въ сущности никакихъ другихъ основаній, кромѣ вѣры въ точность Казимірова перечня. Перейдемъ поэтому къ рассмотрѣнію данныхъ Казиміровой грамоты къ Константинопольскому патріарху ¹⁾, на которой основывается мнѣніе объ отдѣльности Галицкой митрополіи, и не мимоетной, а довольно продолжительной. Въ подтвержденіе своей просьбы назначить въ Галичѣ особаго митрополита, Казиміръ перечисляетъ Галицкихъ митрополитовъ, прежде бывшихъ. Таковыми называются въ грамотѣ Нифонтъ, Петръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ. Мы уже замѣтили, что свидѣтельство это, при несомнѣнной подлинности, не устраиваетъ недоумѣній, такъ какъ сообщаемыя имъ показанія не могутъ быть примирены съ извѣстными намъ въ точности другими фактами русской церковной жизни. Въ виду этого митрополитъ Макарій прямо считаетъ показанія Казиміра „ложными или не точными“, „очевидно преувеличенными“; патріарху не трудно было бы обличить это, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду прямой угрозы Казиміра крестить русскихъ въ латинскую вѣру ²⁾.

Совершенно иначе относятся къ документу другіе, напримѣръ, одинъ изъ теперешнихъ представителей Галицкой греко-уніатской церкви Ю. Пелешъ ³⁾. Постараемся вкратцѣ суммировать его разсужденія. Первый изъ называемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ Нифонтъ представляетъ личность, по словамъ Пелеша, вообще совершенно неизвѣстную; Петръ былъ, конечно, митрополитомъ Галицкимъ, но лишь по столыку, по скольку былъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Отдѣльнаго митрополита Галицкаго въ періодъ времени 1305—1326 годовъ несомнѣнно не было. Гавріилъ,

¹⁾ Acta patriarchatus, I, 577, Русск. историч. библ., VI, прилож. № 22; М. Р. Н., II, 626.

²⁾ Макарій, IV, 56 и пр. 68.

³⁾ Geschichte der Union, I, стр. 380—390.

также какъ и Нифонтъ, „совершенно не извѣстенъ“. Что касается Θεодора, то онъ, по мнѣнію Пелеша, предназначался въ митрополиты (къмъ?), но патріаршаго утвержденія не получалъ. Таковы фактическія свѣдѣнія о перечисляемыхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитахъ. „Сопоставляя данныя о нихъ съ исторіей тогдашней Кіевской митрополіи“¹⁾, Пелешъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Нифонтъ дѣйствительно можетъ быть принимаемъ за перваго Галицкаго митрополита (1299—1305 гг.)“, ибо какъ разъ тогда митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ и переселился во Владиміръ, что должно было побудить Льва Даниловича къ установленію собственной митрополіи. Во всякомъ случаѣ митрополіа эта „канонически установлена не была“, такъ какъ потомъ напрасно, какъ оказалось, хлопоталъ объ этомъ Юрій Львовичъ, пославъ Петра къ патріарху. Съ 1305—1326 годовъ, какъ сказано, не было отдѣльнаго Галицкаго митрополита; то же слѣдуетъ сказать о времени 1329—1331 годовъ, когда на Волини дѣйствовалъ Θεогностъ. Вотъ почему относительно послѣднихъ двухъ митрополитовъ, упоминаемыхъ Казиміромъ, возникаетъ предположеніе, что они были лишь викарными Кіевскаго митрополита, и что въ перечнѣ митрополитчій титулъ приписанъ имъ не вѣрно²⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что перечень Казиміра никакъ не можетъ быть примиренъ съ несомнѣнными историческими фактами, а между тѣмъ онъ представляетъ единственное основаніе для утвержденія о существованіи Галицкой митрополіи въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, а не мимолетномъ, какъ оно было въ дѣйствительности³⁾.

Относительно Гавріила и Θεодора Пелешъ, хотя и ссылаясь на

¹⁾ Мы этого не понимаемъ. Какія же „данныя“, когда о трехъ митрополитахъ ничего не извѣстно, когда, напротивъ, о Гавріилѣ Пелешъ говоритъ такъ: „wehn also Gabriel wirklich eine historische Person ist“?

²⁾ Напримеръ, А. Петрушевичъ, О Галицко-Русскихъ митрополитахъ, Гал. Истор. Сб., ч. III, стр. 16, говоритъ: „вѣроятно, одинъ только Нифонтъ былъ настоящимъ Галицкимъ митрополитомъ, прочіи же пользовались, можетъ быть, только титуломъ“.

³⁾ О митрополитахъ Крылосскихъ, то-есть, тѣхъ же Галицкихъ (Крылосъ— село недалеко отъ Галича, принадлежитъ и теперь Львовскимъ греко-уніатскимъ митрополитамъ) Юслювъ и Григоріи нечего говорить, ибо такъ-называемыя „Львовы грамоты“ (см. у Зубрицкаго, Повѣсть, прилож.: В, В, Г, Д, Е, Ж,) несомнѣнно подложны. Мнѣніе Гарасевича, Annales ecclesiae Ruthenae, Leopoli, 1862, стр. 12, относящаго отдѣльность Галицкой митрополіи даже къ 1240 году, отвергаетъ и Пелешъ.

другихъ, считаетъ возможнымъ допустить ошибку въ Казиміровомъ документѣ. Отчего же не допустить ошибки и относительно Нифонта? „Такъ какъ“, говоритъ Пелешъ, — „Нифонтъ названъ первымъ, то время его правленія должно отнести къ 1299—1305 гг.“ Въ дѣйствительности нельзя считать Нифонта митрополитомъ на томъ же основаніи, какъ и Гавріила и Θεодора, ибо во время путешествія митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 г. присутствовалъ на соборѣ, „онъ обовръвалъ Волинскую землю и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игумень Ратсваго монастыря Петръ“¹⁾. Если въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Пелешъ²⁾, названъ Нифонтъ, то во первыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, во вторыхъ, рукопись эта очень поздняя³⁾ и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатій. Такимъ образомъ считать Нифонта отдѣльнымъ Галицкимъ митрополитомъ нѣтъ никакихъ основаній, но въ такомъ случаѣ точность Казимірова перечня окажется совершенно недостоверною. Между тѣмъ Пелешъ не только не отступаетъ передъ очевидною фактической несостоятельностью перечня, но считаетъ его даже хронологически послѣдовательнымъ и соответственнно этому назначаетъ годы митрополитства названныхъ лицъ.

Искусственность и натянутость разсужденій Пелеша рѣзко бросаются въ глаза. Всѣ эти разсужденія въ основѣ своей имѣютъ мысль, что Галичъ постоянно, стремился къ отдѣльности и осуществлялъ ее при всякой возможности. Но, спрашивается: отчего же такъ легко она уничтожалась? Стоитъ только явиться дѣйствительному митрополиту, и нѣтъ ей, этой предполагаемой отдѣльности! Ясно, слѣдовательно, далѣе что въ данномъ случаѣ просто пользуются отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній на отношенія Галицкой епархіи къ митрополіи. Такимъ образомъ, наприимѣръ, для митрополитства Гавріила назначаются 1326—1329 гг. Но вотъ въ „записяхъ о поставленіи русскихъ епископовъ“⁴⁾, при Θεодорѣ Галицкомъ, стоитъ годъ 1328. Митрополитство Гавріила становится такимъ обра-

¹⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 14. О рѣчкѣ Ратъ и существующемъ донинѣ названіи—Петрова долина, *Петрушевичъ*, о Галицкихъ митрополитахъ, пр. 6.

²⁾ *Geeschichte der Un.*, 380, пр. 82.

³⁾ Петрушевичъ приписываетъ ее греко-униатскому митрополиту Льву Кшишъ (1711—1728 г.).

⁴⁾ *В. Г. Васильевскій—Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1888, II.

зомъ еще менѣе вѣроятнымъ ¹⁾. „Отъ вѣка вѣковъ“, говоритъ Казиміръ,—„Галичъ слылъ митрополіей во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣковъ“. Что же это за особенная извѣстность, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ? 13-го декабря 1539 года православные галичане и подоляне обращаются къ митрополиту Макарію съ просьбой о посвященіи для нихъ епископа, и вотъ что говорятъ они митрополиту: „тому есть 200 лѣтъ и одинъ рокъ минуло (опредѣленность, невольная обращающая на себя вниманіе), якъ владыка на Галичѣ былъ“ ²⁾.

„Духовенство и миряне“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу М. Смирновъ ³⁾,—запомнили, когда былъ послѣдній еписковъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ (то-есть, 1347 и 1371 гг.), тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли“. Вотъ каково было стремленіе православныхъ галичанъ къ духовной отдѣльности; даже памяти о ней не осталось въ народѣ! Политическая махинація прошла надъ нимъ безъ всякаго слѣда, не смотря на то, что была продѣлана даже неоднократно. Что теперешніе духовные представители галичанъ смотрятъ на дѣло иначе,—понятно. Но странно и по истинѣ грустно вотъ что: предположимъ, что стремленія къ духовной отдѣльности, приписываемыя Пелешемъ галичанамъ, осуществлялись въ лицѣ митрополитовъ Гавріила и Федора. Во всякомъ случаѣ они могли быть осуществляемы не канонически. Въ глазахъ духовныхъ лицъ—а таковы почти всѣ, сколько-нибудь подробно касавшіеся вопроса о Галицкой митрополіи и утверждающіе ея отдѣльность въ указанный періодъ времени—это обстоятельство должно бы имѣть извѣстное значеніе, но какія-то другія соображенія оказываются сильнѣе.

Какъ же быть однако съ несомнѣнно подлинною грамотой Казиміра? Почему, и на какомъ основаніи, спросимъ мы, должно приписывать его словамъ несомнѣнную историческую точность? „Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей“, взываетъ Казиміръ къ патриарху,—„да будетъ ваше благословеніе и надъ симъ человекомъ (Антоніемъ), чтобы престолъ этой митрополіи не оставался пустымъ, рукополо-

¹⁾ Для Нисонта назначаются 1299—1306 гг. Фактъ посѣщенія Волныи митрополитомъ Максимомъ около 1301 г. извѣстенъ Пелешу, *Geschichte der Un.*, 328; но въ данномъ случаѣ почему-то игнорируется.

²⁾ А. З. Р., II, 361; о датѣ документа см. тамъ же примѣчаніе.

³⁾ Судьбы Галицкой Руси, 141.

жите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій*. Что же, слѣдуетъ считать Казимира стоятелемъ и оберегателемъ русскаго закона? Такое предположеніе, въ виду фактовъ, вызываетъ лишь улыбку, но вѣдь столь же несомнѣннымъ факты, опровергающіе точность Казимирова перечня. Очевидно, довѣріе къ документу основывается вовсе не на его дѣйствительномъ характерѣ и значеніи, а поддерживается по совершенно другимъ соображеніямъ, которыя не могутъ имѣть ничего общаго съ научной истиной. Во имя чего и на какомъ основаніи, спрашивается,—если не допускать прямой злонамѣренности—вносится въ науку принципъ: *credo, quia absurdum*? Въ наукѣ нѣтъ для него мѣста! Если примемъ во вниманіе, что грамота Казимира послужила главнымъ основаніемъ для указаннаго выше предположенія Ржежабка о замыслахъ Юрія Волеслава касательно Галицкой церкви, что та же грамота побудила его считать Феодора (Отека), скрѣпившаго грамоту Юрія II въ 1335 г., епископомъ Феодоромъ, мы будемъ въ состояніи представить себѣ, какимъ образомъ возникаетъ рядъ аргументовъ со всѣми признаками научной основательности. Связанные вмѣстѣ, эти аргументы составляютъ цѣпь, сковывающую изслѣдователя, и сколько труда, сколько усилій приходится употребить, чтобы хоть немного освободиться отъ ея давленія!

Отдѣленіе Галицкой митрополіи дѣйствительно произошло около половины XIV вѣка, и конечно, какъ фактъ, касающійся коренныхъ основъ жизни, было подготовлено предшествовавшимъ ей ходомъ, выработавшимъ въ русской жизни тѣсное взаимодействіе верховной власти духовной и свѣтской. Съ того времени, какъ Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе, митрополиты въ немъ, такъ-сказать, осиротѣли; но все же Кіевъ, какъ первый русскій городъ, былъ наиболѣе подходящимъ для пребыванія представителя духовнаго единства Русской земли. До самаго татарскаго разгрома продолжалась эта традиція, все болѣе и болѣе теряя реальныя основы. Большое Гнѣздо еще считался съ нею и подготавливалъ господство сѣвера благоразумною политикой, вовсе не слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своего старшаго брата ¹⁾. Послѣ смерти Всеволода наступаютъ замѣшательства, а затѣмъ татарскій разгромъ совершенно нарушаетъ естественный ходъ развитія. Въ 1240 году въ Кіевѣ сидѣлъ намѣстникъ

... ¹⁾ О неудачной попыткѣ Андрея учредить во Владимірѣ отдѣльную митрополію, см. Макарій, Исторія, III, 16.

Данила. Казалось, верховенство на Руси стало рѣшительно склоняться на сторону юга, и когда во время разгрома безвѣстно погибъ митрополитъ Іосифъ, встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе объ Угровскоу епископѣ Асафѣ „иже скочи на столъ митрополичъ“ ¹⁾. Очевидно, ни чѣмъ другимъ не могъ руководиться Асафъ, какъ лишь видимымъ перевѣсомъ Данила надъ всѣми тогдашними русскими князьями, но стараясь предвосхитить мысль южно-русскаго князя, онъ, быть можетъ, именно поэтому, а можетъ быть, и потому, что дѣйствовалъ безъ его воли и согласія, и поплатился: „свержень бысть стола своего“, какъ говоритъ лѣтопись. Угровскій епископскій столъ былъ перенесенъ въ Холмъ, а въ митрополиты былъ поставленъ кандидатъ Данила Бирилль ²⁾. Преемникъ его Максимъ былъ избранъ и рукоположенъ въ Царьградѣ, но немедленно послѣ его смерти (1305 г.) встрѣчаемъ съ фактомъ чрезвычайно характернымъ: „одинъ изъ игуменовъ (суда по мѣсту дѣйствія владимірскій), именовъ Геронтій, взявъ святительскую ризницу, утварь, самую икону, подаренную нѣкогда Максиму игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ и отправился въ Константинополь искать себѣ поставленія на Русскую митрополию. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владимира, а также нѣкоторыхъ изъ духовенства. Поступокъ Геронтія, когда огласился въ Россіи, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій „воскотѣ Галицкую епископію въ митрополию претворити“ ³⁾ и убѣдилъ ратскаго игумена Петра ѣхать къ Царьградскому патриарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ“ ⁴⁾. Сѣверъ и югъ одновременно выставляютъ своихъ кандидатовъ, и всего только нѣсколькими днями Петръ предупреждаетъ Геронтія въ Царьградѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, и Петръ, и Геронтій были кандидатами ширянь ⁵⁾, но Петръ оказался счастливѣе. Получивъ отъ патриарха привезенные Геронтіемъ знаки святительскаго сана, онъ былъ отпу-

¹⁾ Ип. л. 494. *Петрушевичъ*, Краткое извѣстіе о Холмской епархіи, 22.

²⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 7—8 и прилож. 1.

³⁾ Справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Макарій*: „прежде, значить, эта епископія не была митрополіей“. *Ib.* прилож. II.

⁴⁾ *Макарій*, Исторія, IV, 15.

⁵⁾ Огнергнувъ Геронтія, патриархъ сказалъ ему: „не достоинъ ширяномъ избранія святительскія творити“.

щевъ въ 1308 году какъ дѣйствительный первосвятитель Кіевскій и всея Россіи. „Мысль Волынскаго князя“, замѣчаетъ по этому поводу пр. Макарій, — „осуществилась только въ половину“. Именно нѣтъ: мысль Юрія о избраніи Петра осуществилась вполнѣ, по его планамъ былъ нанесенъ смертельный ударъ и не патріархомъ, а самимъ Петромъ, и въ нашихъ глазахъ фактъ этотъ является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Петръ былъ кандидатъ Юрія и природный южанинъ. Переселеніе его на сѣверъ, его отношенія къ Московскимъ князьямъ какъ пельзя болѣе ярко показываютъ, что лучшіе русскіе люди того времени уже не колебались въ выборѣ между сѣверомъ и югомъ. Для нихъ было очевидно, что югъ представлялъ лишь традицію. Попытка Юрія получаетъ такимъ образомъ смыслъ послѣдней попытки юга удержать въ своихъ рукахъ традиціонное верховенство. Во всѣхъ отношеніяхъ побѣда оказалась на сторонѣ новаго русскаго центра, который на зарѣ своей исторіи получаетъ въ лицѣ святителя и чудотворца драгоцѣнный залогъ сознательной и добровольной, а слѣдовательно, неразрывной связи съ югомъ. Обстоятельство, что переселеніе Петра на сѣверъ нисколько не нарушило духовнаго единства Русской земли ¹⁾ открываетъ истинный смыслъ словъ Степенной книги о „претвореніи Галицкой епископіи въ митрополію“. Не о претвореніи въ буквальный смыслъ, а лишь о сохраненіи вліянія на выборъ русскаго первосвятителя могла быть рѣчь по смерти митрополита Максима. Что югъ прилагалъ старанія о сохраненіи этого вліянія показываютъ какъ сообщенные факты, такъ и перечень подчиненныхъ Константинопольскому патріарху епископскихъ кафедръ, въ которомъ сохранилось упоминаніе, что Галицкая епископія удостоилась повышенія въ митрополію при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и святѣйшемъ патріархѣ Аванасіи въ 6811, то-есть, въ 1303 году ²⁾. Неточности перечня позволяютъ усумниться въ вѣрности даты, и показанія его свидѣтельствуютъ лишь о безсиліи Царьграда по отношенію къ подчиненнымъ его духовной власти церквамъ. Въ Царьградѣ естественно могли придать именно такое толкованіе назначенію

¹⁾ И митрополитъ Кириллъ II, ставленникъ южно-русскаго князя и самъ южанинъ, не находилъ возможности оставаться на югѣ; но переселеніе его на сѣверъ могло быть естественно объяснено крайне тяжелымъ, послѣ разгрома, состояніемъ обширныхъ сѣверныхъ епархій, а также и тѣмъ, что Владимірская кафедра какъ разъ въ это время оставалась вакантною. *Макарій*, IV, 10.

²⁾ Списокъ перечня относится къ XIV вѣку. Русск. ист. библ., VI, прилож., стр. 15, прим.

Петра, переѣздъ котораго на сѣверъ вовсе не былъ слѣдствіемъ греческаго вліянія, а лишь результатомъ выработаннаго русскою жизнью тѣснѣйшаго взаимодѣйствія представителей власти духовной и свѣтской. Если, такимъ образомъ, потерпѣвъ чувствительный ударъ, югъ склонился передъ фактомъ, то это можетъ свидѣтельствовать лишь о силѣ общерусскаго единенія, и надо было появиться на сценѣ другимъ факторамъ для того, чтобы порѣшенный вопросъ опять всплылъ. Такимъ новымъ факторомъ оказалась Литва. Въ борьбѣ съ нею пали преемники Юрія, обнаруживъ на дѣлѣ явное для Петра безсиліе юга, а Литва вскорѣ послѣ этого стала Литвой уже только по имени. Кіевъ перешелъ подъ ея власть, а городъ этотъ сохранялъ свое обаяніе даже тогда, когда уже давно резиденція митрополита была перенесена изъ Владиміра въ Москву¹⁾. Мы видѣли, какъ въ лицѣ Любарта сливалась Литва съ Русью, а изъ словъ Ольгерда, что вся Русь должна перейти подъ власть Литвы ясно открываются политическіе замыслы Гедиминовичей. Но поперекъ этихъ замысловъ стояла Москва, а вмѣстѣ съ нею и представитель единства Руси — митрополитъ, все еще официально носившій титулъ Кіевскаго. „По твоему благословенію“, говоритъ Ольгердъ, — „патріарху Филовею въ 1371 году митрополитъ и донинѣ благословляетъ ихъ (москвитянъ) на пролітіе крови, и при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ каковъ сей митрополитъ! Благословляетъ москвитянъ на пролітіе крови и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не навѣщаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе? Митрополиту слѣдовало благословить москвитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы за нихъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ: дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ“²⁾. Это отношенія уже вполне созрѣвшія, ясно обрисовавшіяся. Глѣвъ

¹⁾ Еще въ соборномъ патріаршемъ постановленіи касательно Пимена въ 1380 году говорится: „пустъ возглашается онъ (Пименъ) и Кіевскимъ, ибо не возможно ему быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ, такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія“, *Макарій*, IV, 70; а въ 1415 году Витовтъ такъ, между прочимъ, объясняетъ поставленіе Цамблака: „занежъ божиимъ изволеніемъ мы мѣсто то обладаемъ Кіевъ“, А. З. Р. I, 36.

²⁾ Русск. истор. библ., VI, прилож. № 24.

и злоба водятъ перомъ Ольгерда. И какъ могъ Ольгердъ въ самомъ дѣлѣ не дать имъ воли?

Онъ въ собственномъ сознаниі—русскій государь, щить и охрана Руси отъ нѣмцевъ, грозную силу которыхъ онъ въ такой степени чувствовалъ на себѣ, встрѣчаетъ въ лицѣ представителя русскаго единства, въ лицѣ митрополита, главнѣйшее препятствіе на своемъ пути къ созданію всерусскаго государства! Ольгердъ душою, а быть можетъ, и по вѣрѣ русскій, благодаря опасности со стороны нѣмцевъ, вынужденъ оставаться язычникомъ, слѣдовательно, въ глазахъ русскихъ „зловѣрнымъ безбожнымъ, печестивымъ“, въ глазахъ патріарха „врагомъ креста, не вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющимся огню“¹⁾, долженъ испытывать постоянную внутреннюю борьбу и, быть можетъ, въ концѣ концовъ проститься съ своими политическими планами! Вѣдь соединившіеся съ нимъ русскіе князья отлучены отъ церкви и патріархомъ, который приглашаетъ ихъ „прийти и припасть къ митрополиту“, иначе говоря, соединиться съ Москвою противъ Литвы²⁾. Какъ тутъ не быть гнѣву и злобѣ! Какъ не запросить себѣ отдѣльнаго митрополита!

Въ то время, когда впервые возникаетъ отдѣльная митрополія на Руси, отношенія обѣихъ русскихъ державъ еще не дошли до такой степени напряженія, они только впервые обозначились. Оттого-то первое столкновеніе Москвы и Литвы отличается сдержанностью, нерѣшительностью. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи Галицкой митрополіи къ Киевской и его же грамоты къ Дмитрію Любарту, а также синодальнаго постановленія патріарха Исидора³⁾ узнаемъ, что не задолго до 1347 г., во время происходившихъ въ Царьградѣ церковныхъ смуть, въ Галичѣ была открыта отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Учредительной грамоты не сохранилось, но обращеніе императора къ Любарту достаточно ясно указываетъ, что именно его слѣдуетъ считать виновникомъ такого утвержденія. Въ свое время мы говорили о значеніи этого факта для объясненія отношеній Любарта къ Галицкой землѣ. Теперь вспомнимъ сказанное о солидарности

¹⁾ Ibid., стр. 118.

²⁾ См. отлучительную грамоту патріарха Филоея Смоленскому князю Святославу, Ів. № 21.

³⁾ Ibid., №№: 3, 6, 7.

дѣйствій Гедиминовичей, и тогда характеръ и значеніе попытки представляется намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Великій князь Литовскій, непосредственно руководившій отношеніями Ляты къ Москвѣ, оставался какъ будто совершенно въ сторонѣ отъ затѣи своего брата, нарушавшаго самые существенные интересы Москвы. Въ то же время Любарть, наслѣдникъ южно-русскихъ князей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ патриархомъ, посылавшихъ туда для поставленія своихъ кандидатовъ, имѣлъ гораздо большую возможность вести переговоры и въ данномъ случаѣ. Что они такъ легко увѣнчались успѣхомъ, объясняется какъ смутами въ Царьградѣ, такъ и слабостью вліянія патриарха на подчиненныя ему церкви.

Еще съ 1234 г. Болгарія составляла отдѣльный патриархатъ; въ концѣ 1345 г. или въ 1346 г. былъ учрежденъ Стефаномъ Душаномъ патриархатъ Сербскій ¹⁾. Патриархъ рѣшительно не имѣлъ возможности остановить это стремленіе подчиненныхъ ему церквей къ независимости, ему оставалось только соглашаться во избѣжаніе большихъ смутъ и неприяностей.

Во всѣхъ указанныхъ нами грамотахъ, относящихся ко времени возникновенія Галицкой митрополи, учрежденіе ея, съ не допускающею никакихъ сомнѣній категоричностью, называется „новизною“, нарушеніемъ издревле установившихся обычаевъ, и если указываются какія-то возникавшія прежде попытки, то тутъ же заявляется, что онѣ „тотчасъ же разрушались и отвергались, едва возникали“, очевидно, разрушаясь именно въ силу собственной несостоятельности.

Конечно, отмѣна недавняго учрежденія совершилась не безъ вліянія Феогноста и Семена Ивановича ²⁾, но рѣшительность тона императора въ его обращеніи къ Любарту, могла опираться главнѣйше именно на новизнѣ и необычности явленія, не имѣвшаго подъ собою никакихъ внутреннихъ основъ. Какова была судьба мимолетнаго Галицкаго митрополита и кто былъ этотъ мимолетный митрополитъ— не извѣстно. Былъ ли это Феодоръ—Пелешъ ³⁾ утверждаетъ это, Ма-

¹⁾ *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва. 1871 г., стр. 80 и 472.

²⁾ Грамоты къ нимъ Іоанна Кантакузина, Русск. и. библ., VI, Прилож. №№ 4, и 5. Въ Никоновской лѣтописи подъ 6855 г. сказано: „того же лѣта пресвященный Феогностъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ и тако послаша въ Царьградъ къ патриарху о благословеніи“, Полн. собр. р. л., X, 218.

³⁾ *Gesch. d. Un.*, I, 385.

карий) ¹⁾ считаетъ вѣроятнымъ,—нельзя однако, не замѣтить, что прямо по имени онъ не названъ ни въ одной изъ относящихся сюда грамотъ, данныхъ въ Царьградѣ ²⁾; а на основаніи приведеннаго выше обращенія галичанъ и подолчанъ къ митрополиту Макарію слѣдуетъ думать, что извѣстный намъ епископъ Галицкій Теодоръ умеръ около 1338 года ³⁾.

Возможно поэтому думать, что Галицкій митрополитъ былъ не Теодоръ, или по крайней мѣрѣ, если ужъ придавать какую-нибудь вѣру перечню Казимира, не тотъ Теодоръ, подчиненіе котораго Теофносту составляютъ фактъ несомнѣнный. Такъ по всѣмъ даннымъ представляется намъ дѣло о Галицкой митрополіи, или точнѣе, о первомъ духовномъ раздѣленіи Руси. Оно возникло около 1345 г., какъ небывалая новизна, какъ произвольное нарушеніе извѣчнаго порядка. Нужна была эта новизна лишь Гедиминовичамъ, но и они отступили передъ крѣпостью и силой старины, соединявшею всю Русь отъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ распространенія русскаго племени до подножія Карпатъ въ единое неразрывное, по крайней мѣрѣ духовно-цѣлое.

Вскорѣ по церковномъ воссоединеніи митрополитъ Теофностъ посѣтилъ Волынь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣпательствъ недоразумѣнія ⁴⁾. Какъ должны были отнестись къ этому посѣщенію Гедиминовичи, и особенно Ольгердъ, можемъ только догадываться. Во всякомъ случаѣ они не посмѣли поступить съ Теофностомъ такъ, какъ потомъ рѣшился поступить Ольгердъ съ Алексіемъ, когда тотъ посѣтилъ южныя епархіи. Положеніе было, однако, таково, что для честолюбивцевъ, не брезгавшихъ средствами, являлась возможность попытаться счастье. Такимъ честолюбцемъ считаемъ мы какого-то Теодорита, прибывшаго въ 1352 г. въ

¹⁾ Исторія, IV, 26.

²⁾ Въ грамотѣ патріарха Исидора, вызывающей Галицкаго митрополита къ суду, онъ называется: „преосвященный митрополитъ Галицкій и пречестный, возлюбленный по Господу братъ и сослужитель нашей крѣпости“, Р. и. б., VI, Прилож., № 8.

³⁾ Въ „запискахъ о поставленіи“ послѣдній годъ при имени Теодора—1335. И Петрушевичъ, О Галицкихъ митрополитахъ, пр. 16, и Шаранговичъ, Kościelne wprawu na Rusi za rządów Kazimierza W, Bibl. Ossol., II, 1863, принимаютъ 1338 г. за годъ смерти Теодора.

⁴⁾ Николовская лѣтоп. подъ 1349 г.: того же лѣта приде преосвященный Теофностъ митрополитъ Киевскій и всея Руси и всея Волыни, II. с. р. л., X, 221.

Царьградъ, съ цѣлью искать митрополіи. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ обратился къ Болгарскому патриарху въ Терновъ и былъ здѣсь рукоположенъ. Вернувшись въ Россію, онъ, какъ подобало самозванцу, „разбойнически и тирански присваивалъ себѣ Кіевъ“ ¹⁾; но удержаться не могъ. „Нельзя сомнѣваться“, говоритъ Макарій, — „что низложенный и отлученный патриаршею властью, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи“ ²⁾. Дѣйствительно, о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

Попытку Теодорита нельзя не сопоставить съ попыткой Угровскаго Асафа: подобно ему, Теодоритъ задумалъ „скакнуть“ на столъ митрополита и если немедленно же не поплатился за свой дерзостный замыселъ, то причина этого заключалась въ отношеніяхъ Ольгерда къ Москвѣ, заставлявшихъ Литовскаго князя смотрѣть сквозь пальцы на самозванца, не сумѣвшего, однако, надлежащимъ образомъ расположить обстоятельства въ свою пользу. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній считать Теодорита „первымъ Литовскимъ митрополитомъ“ ³⁾. Не факты, даже не слова, а лишь „коварный умыселъ“, говоря словами патриарха Нила ⁴⁾, можетъ давать основаніе для подобнаго утвержденія, но разумѣется, ничего нельзя построить на подобномъ основаніи.

Въ 1354 г. наконецъ Ольгердъ рѣшился запросить себѣ отдѣльнаго митрополита и на этотъ разъ добился желаемаго. Въ Литовскіе митрополиты поставленъ былъ Романъ; столъ Литовскаго митрополита назначенъ былъ въ Новгородкѣ, и подчинены ему были епархіи Литовскія — Полоцкая и Туровская, а также Малорусскія ⁵⁾. Не смотря на то, что Литовская митрополія просуществовала цѣлыхъ 12 лѣтъ, она не могла установиться прочно. Вскорѣ по смерти Романа (1362 г.) патриархъ Филофей постановляетъ „чтобы Литовская земля ни подъ какимъ видомъ не отлагалась и не отдѣлялась отъ власти и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, ибо это, бывъ разъ допущено, произвело много замѣшательства и безпорядковъ, хотя,

¹⁾ Макарій, Исторія, IV, Прилож. VIII.

²⁾ Ibid., стр. 42.

³⁾ Пеллсъ, Gesch. d. Un., I, 337.

⁴⁾ Р. И. В. VI, Прилож., стр. 170.

⁵⁾ Ibid., стр. 86. Патриаршія грамоты, относящіяся къ утвержденію Литовской митрополіи, ib., №: 13, 14, 15, 30 и 33. О личности Романа, вѣроятно родственника Ольгердова по второй женѣ, тверской княжнѣ Ульянѣ, ib., стр. 71, пр.

по видимому, допущено было по требованію многихъ настоятельныхъ нуждъ" ¹⁾. Было ли это постановленіе опубликовано или нѣтъ ²⁾—въ точности не извѣстно; но важенъ въ данномъ случаѣ взглядъ такого предстоятеля церкви, какимъ былъ Филофей, хотя бы даже бессильнаго устранить ея нестроенія.

Въ 1376 г. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Ольгердъ наконецъ добился своихъ цѣлей. Въ митрополиты Киевскіе и Литовскіе поставленъ былъ Кипріанъ, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія ³⁾. Въ виду старости и заслугъ московскаго святителя уважены были его права, но дѣйствія патриархата, несомнѣнно сообразовавшагося съ положеніемъ вещей, заслуживаютъ полнаго вниманія: очевидно, въ лицѣ Ольгерда патриархъ видѣлъ „новую звѣзду на русскомъ горизонтѣ" ⁴⁾. Звѣзда эта чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ померкла, а въ какіе-нибудь два-три года положеніе дѣлъ измѣнилось совершенно. Московскій князь Дмитрій стоялъ твердо за свои права и даже въ 1379 г., когда церковныя дѣла складывались, по видимому, въ особенно благоприятномъ для Литвы смыслѣ ⁵⁾, имѣлъ много сторонниковъ среди русскихъ, даже при Виленскомъ дворѣ, а когда союзъ съ Мамаемъ покрылъ близорукаго Ольгердовича несмысленнымъ позоромъ, а Куликовская побѣда разнесла славу имени Дмитрія по всей Русской землѣ, русское дѣло Литвы было проиграно окончательно и навсегда. Дмитрій могъ вступить въ сношенія съ Кипріаномъ, могъ не бояться его естественнаго, казалось бы, тяготѣнія къ Литвѣ: онъ былъ тогда одинъ истинный князь „всѣя Руси". Литва въ смыслѣ русской державы погибла недалеко отъ Куликова

¹⁾ *Иб.*, стр. 96.

²⁾ Въ рукописи грамота перечеркнута.

³⁾ Грамоты о поставленіи Кипріана нѣтъ, ибо въ „Актахъ Патриархата" нѣтъ грамотъ, относящихся къ 1374—79 г.г. Подожженіе дѣлъ объясняется позднѣйшими грамотами 1380 и 1389. Р. И. В., VI, прилож. №№ 30 и 33.

⁴⁾ *Смолька*, *Kiejstut i Jagiełło*. Краковъ, 1888, стр. 39.

⁵⁾ *Ср. ib.*, 44, пр. 4 и 5, гдѣ указывается на подпись Кипріана въ соборномъ постановленіи въ Царьградѣ 1379 г.: „смирный митрополитъ всея Россіи Кипріанъ", *Acta patr.* II, 6; и отвѣтъ императора посламъ Дмитрія: „что сице пишеть князь великій Рускій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, даишо поставленъ есть святѣйшимъ патриархомъ Филофеемъ, того и отпустили есмь на рускую землю митрополитомъ, а кромѣ того иного не требуемъ поставити". *Воскрес. л.*, *Полн. собр. р. л.*, VIII, 32. Представленіе дѣлъ въ грамотѣ патриарха Нила 1380 г. *Смолька* считаетъ „крайне тенденціознымъ".

поля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился ведущій русскіе полки на братоубійственную войну, по истинѣ „нечестивый“ Ягайло, и не московская рать гнала его назадъ оттуда: „не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху“¹⁾. Еще разъ возвысилась Литва при Витовтѣ. Граница ея, простираясь до Угры, отстояла весьма недалеко отъ столицы Московскаго княжества. Московскій государь, зять Витовта, передъ смертью поручилъ сына опеку великаго князя Литовскаго, съ которымъ соединялись князья Тверской и Рязанскій, Псковъ и Новгородъ. При Витовтѣ снова осуществляется духовное разъединеніе русскаго міра, но оно было столь же мимолетно (продолжалась всего четыре года), какъ мимолетно было видимое могущество Витовта. Однимъ словомъ, попытки къ духовному разъединенію были, но обстоятельство, что онѣ, говоря словами хрисовула Іоанна Кантакузина, скоро „падали и разрушались“, что для осуществленія ихъ требовалась вся сила и вліяніе такихъ государей, какъ Ольгердъ или такой складъ обстоятельствъ, какимъ воспользовался Казиміръ, доказываютъ несомнѣнно, съ какимъ трудомъ могло быть нарушено духовное единство русскаго міра, и слѣдовательно, до какой степени оно было прочно. Возникавшія раздѣленія совершенно не вытекали изъ условій русской жизни, вовсе не отвѣчали стремленіямъ и понятіямъ народа²⁾, а были лишь слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ, вѣрнѣе—политическихъ несчастій, столь обильныхъ на Руси и, надо думать, необходимыхъ для того, чтобы выковать ея политическое могущество. Гдѣ, какъ на примѣръ, въ Галичѣ, раздѣленіе продолжалось болѣе значительное время, тамъ эта отдѣльность сказывалась самымъ печальнымъ образомъ именно какъ разъ на томъ, что составляло ея внѣшній признакъ, то-есть, на ея представителяхъ.

Объ Антоніи, несомнѣнно поставленномъ въ Галиціи митро-

¹⁾ Воскрес. л., Полн. собр. р. л., VIII, 40.

²⁾ Яснѣе всего это доказывается отношеніемъ новгородцевъ къ Клиріану, 1376 г. поставленъ бмствъ въ Царьградѣ Клиріанъ митрополитъ; и пришедъ въ Литву, посла въ Новгородъ Великій послы свои къ владыцѣ и патріарши грамоты, а глаголя тако: „благословилъ мя вселенскій патріархъ Филофей митрополитомъ на Кіевъ и на всю Рускую землю“. Слышавъ же се владыка и Новгородци и сице отвѣтъ послаша къ нему: „шлѣхъ къ великому князю на Москву: и аще ты приметь митрополитомъ на Руси, то и намъ вси митрополиты“. Слышавъ же митрополитъ отвѣтъ Новгородци и не посла къ великому князю на Москву. Ibid., стр. 25.

политы по требованію Казимира, рѣшительно ничего не извѣстно. Въ 1391 году патріархъ поручилъ Симеону, монаху одного изъ молдавскихъ монастырей, завѣдываніе Галицкою церковью. Какъ разъ около этого времени явился въ Галичѣ какой-то Тагарисъ. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго отъ патріарха и посвятилъ Симеона во епископы, но тотъ, узнавъ обманъ, сложилъ съ себя санъ. Надо думать поэтому, что около 1391 г. скончался Антоній¹⁾). Въ 1393 г. искателемъ Галицкой митрополіи является въ Царьградѣ Луцкій епископъ Іоаннъ, личность, мало стѣснявшаяся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли²⁾). Пользуясь заступничествомъ короля, онъ управлялъ дѣлами до 1397 г. Въ этомъ году патріархъ отправилъ въ Галичъ Виолеемскаго епископа, а въ грамотѣ къ королю предлагалъ Іоанну обратиться къ „своему митрополиту“, выпросить у него прощеніе, и только въ такомъ случаѣ разрѣшалось ему прибыть въ Царьградъ. Врядъ ли однако Іоаннъ исполнилъ приказъ патріарха. По крайней мѣрѣ подъ 1414 г. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Галицкомъ епископѣ Іоаннѣ; по всей вѣроятности, это тотъ самый Іоаннъ, бывший епископъ Луцкій, который поведеніемъ въ Царьградѣ совершенно опредѣленно заявилъ свое отношеніе къ духовной власти³⁾. Затѣмъ до 1529 г. о Галицкихъ епископахъ ничего не слышимъ, а и указанные два — одинъ митрополитъ, другой нареченный въ митрополиты⁴⁾—не были, какъ сказано, признаваемы галичанами

¹⁾ *Петрушевичъ*, О Гал. митр., пр. 18, полагаетъ, что около 1380 г.

²⁾ Содѣйствіе короля онъ купилъ за 200 гривенъ и 30 коней. А. З. Р., I, № 12.

³⁾ 1393 г. патріархъ писалъ Кипріану: „Епископъ Луцкій пришелъ сюда и принесть грамоты отъ короля, просящаго его въ митрополита Галиціи. Когда открылся соборъ, были прочитаны грамоты, присланныя священствомъ твоимъ еще прежде прибытія его сюда, и признано за лучшее, что такъ какъ идетъ сюда и епископъ Владимірскій, то задержать здѣсь и его (епископа Луцкаго) и потомъ произвести между ними судъ и найти права каждаго изъ нихъ. Но сей бѣжалъ и, нашедши корабль готовый къ отплытію, вошелъ въ оный, приглашенный придти сюда и оставить корабль, сказалъ: „Галицію мнѣ далъ король, который есть самодержавный властитель страны, и если мнѣ недоставало благословенія отъ патріарха, то пришедши, я уже получилъ оное, а больше мнѣ ничего не нужно; чего мнѣ на соборъ? пойду въ Галицію, въ мою церковь“, — называя благословеніемъ то, которое онъ, пришедши сюда, просто какъ христіанинъ, униженно испросилъ у меня и получилъ, какъ и всѣ сопутствовавшіе ему подчиненные ему благословились“. *Макарій*, Исторія, IV, прил. XXX. Ср. *Пеллешъ*, Gesch. d. Un., I, 395—396.

⁴⁾ Впрочемъ Іоанна, собственно говоря, трудно считать даже нареченнымъ въ митрополиты, можно думать, онъ самъ довольствовался титуломъ епископа.

за духовныхъ пастырей, — не только имена, но даже самое ихъ существованіе народъ предалъ забвенію, тѣмъ болѣе краснорѣчивому; что, не смотря на всѣ бѣдствія, которымъ съ 1340 г. подвергалась Галичина, православіе въ ней не поникло, стояло твердо, а „святой Юрь величаво и гордо высился надъ всѣми зданіями Львова“. Эту твердость и неизблемость православія въ отдаленной русской окраинѣ нагляднѣе всего подтверждаетъ исторія утвержденія въ ней епископскихъ католическихъ кафедръ. Къ этой исторіи мы теперь и перейдемъ.

Епархіальнаго католическаго епископа въ предѣлахъ Галичины встрѣчаемъ впервые въ Перемышлѣ, что совершенно естественно по близости этого города къ польской границѣ. Исторія утвержденія епископской католической кафедры въ Перемышлѣ представляется намъ особенно важною и характерною, бросая не мало свѣта какъ на общія отношенія Рима къ Польшѣ и Руси, такъ въ частности на время окончательнаго утвержденія польскаго господства въ Галичинѣ. Съ другой стороны, всѣ относящіяся сюда главнѣйшіе факты могутъ быть обоснованы на не подлежащихъ никакому сомнѣнію документальныхъ свидѣтельствахъ, что въ данномъ случаѣ, при общей неопредѣленности и запутанности занимающихъ насъ вопросовъ, имѣетъ весьма существенное значеніе. Мы видѣли, что до окончательнаго устраненія отъ всякаго участія въ дѣлахъ католической церкви на Руси, Любушскій епископъ старался обращать въ свою пользу событія уже совершившіяся, или по крайней мѣрѣ обѣщающія болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ. Борьба Казимира съ Литвой-Русью, безъ сомнѣнія, вызвала въ Любушскихъ епископахъ тревогу и надежду, и они не замедлили попыткой обратить ее въ свою пользу. По крайней мѣрѣ въ маѣ 1352 г. Климентъ VI, извѣстившись о смерти Перемышльскаго епископа Ивана „поспѣшили“ назначить на его мѣсто доминиканскаго сандомірскаго пріора Николая, чтобы такимъ образомъ „пресѣчь чье-либо постороннее вмѣшательство“ ¹⁾. Очевидно, такимъ образомъ, первый католическій епископъ, котораго встрѣчаемъ въ Перемышлѣ, Иванъ не былъ назначенъ куріей, съ другой стороны, назначеніе Климентомъ VI Николая въ самый разгаръ борьбы за Галичину, когда Казимиръ хлопоталъ лишь о денежной поддержкѣ, и рѣшительно, какъ увидимъ, некому было — развѣ только проповѣдничествующимъ монахамъ — торопить курію таковымъ на-

¹⁾ Theiner, M. P., 1, № 720.

значеніемъ, не могло быть вызвано никакими другими причинами, кромѣ указаннаго въ самой буллѣ желанія куріи пресѣчь постороннее вмѣшательство, которое, конечно, могло исходить лишь отъ Любушскаго епископа. Иванъ для Перемишля былъ такимъ образомъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіева въ 1320 г. Генрихъ изъ Порвелле. Вѣроятно, послѣдовавшая вскорѣ смерть помѣшала Ивану обратиться въ курію за утвержденіемъ, какъ это сдѣлалъ Генрихъ ¹⁾.

Неканоничностью поставленія Ивана объясняется отсутствіе его имени въ спискахъ Перемишльскихъ епископовъ ²⁾, а еще болѣе эта неканоничность подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папская канцелярія въ назначеніи Николая торопилась лишь заявленіемъ своихъ правъ на Перемишльскую кафедру ³⁾, а вовсе не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности въ епископѣ. Указанная папская булла дана 18-го января 1353 г., но лишь 24-го августа 1354 г. Николай былъ поставленъ въ епископы и получилъ приказаніе отправиться въ свою епархію ⁴⁾. Дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ первомъ, назначенномъ папой, католическомъ Перемишльскомъ епископѣ крайне скудны. Изъ буллы Григорія XI отъ 13-го апрѣля 1377 г., по которой въ Перемишльскіе епископы назначаются минориты Эрнхъ Виняень, мы узнаемъ, что предшественникъ его Николай умеръ въѣздъ, подвѣдомыхъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ Перемишльской епархіи, что затѣмъ, послѣ его смерти епископская кафедра оставалась нѣкоторое время вакантною ⁵⁾; что, слѣдовательно, не только не ощущалось никакой особенной надобности въ католическомъ епископѣ для Перемишля, но что, собственно, даже не было возможности утвердить въ этомъ городѣ епископскую

¹⁾ Скончался Иванъ, надо думать, или въ концѣ 1351, или въ началѣ 1352 г., гдѣ именно—не извѣстно; въ указанной буллѣ неопредѣленно: *in partibus illis*. Время назначенія его въ епископы также не извѣстно, во всякомъ случаѣ врядъ ли раньше 1349 г.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 429, пр. 1. Надо впрочемъ замѣтить, что списки *Gamsa*, Series episcoporum ecclesiae catholicae, quotquot innotuerunt a beato Petro. Ratisbonae. 1873, не могутъ имѣть въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, какъ составленные по *Ружницкому*, Vitae praesulum Poloniae, Rossaniae, 1761—1763 г., 8 тт., *Reifenkugel*, ib., 404 пр.

³⁾ Она была подчинена непосредственно куріи, о чемъ многократно замѣчается въ папской буллѣ, и что всегда практиковалось при учрежденіи новыхъ епископствъ и продолжалось до окончательнаго ихъ устройства.

⁴⁾ *Thieser*, М. Р., 1, № 787.

⁵⁾ *Иб.*, № 1006.

резиденцію. Николай, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и не былъ въ Перемышлѣ, а ближайшія по времени свидѣтельства даже не считали его Перемышльскимъ епископомъ: по прямому показанію Эриха, въ Перемышлѣ не жилъ до него, (то-есть, до 1379 г.) ни одинъ католическій епископъ ¹⁾, а епископъ Краковскій Петръ, разграничивавшій въ 1398 г. по порученію Бонифація IX Перемышльскую епархію отъ Галицкаго архіепископства, называетъ преемника Эриха, епископа Матвѣя „вторымъ“ Перемышльскимъ епископомъ ²⁾. О состояніи католицизма въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ мы имѣемъ свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Это свидѣтельство упомянутаго Эриха. Въ своемъ уставѣ перемышльской капитулѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Послѣ труднаго и долгаго пути, приѣхавъ къ нашей невѣстѣ—церкви Перемышльской, мы нашли ее, къ нашему огорченію, обезображенною и разоренною, точно вдову лишенною всякой красоты и чести кафедральнаго храма, ибо до сихъ поръ еще ни одинъ женихъ, то-есть, католическій епископъ съ нею не пребывалъ ³⁾, и хотя, безъ сомнѣнія, по свидѣтельству разныхъ папскихъ грамотъ, она всегда была кафедральною, а благодаря щедрости Людовика и грамотамъ Григорія XI, была восстановлена снова, тѣмъ не менѣе какъ ее самое, такъ и ея имущество мы нашли въ рукахъ схизматиковъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ къ Польшѣ Перемышлѣ, спустя четверть съ лишнимъ вѣка по завоеваніи Галичины, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ католицизма: въ рукахъ православныхъ находилась даже основанная въ 1230 годахъ, по доминиканскимъ преданіямъ, часовня св. Іоанна. Приходилось „восстанавливать ее снова“, то-есть, прежде всего отнять у „схизматиковъ“. Это какъ будто невѣроятно, а между тѣмъ объ этомъ прямо говоритъ тотъ же Эрихъ ⁵⁾. Можно ли отвергать это показаніе ближайшаго свидѣтеля? Его уставъ основанной имъ

¹⁾ А. Гр. n 3., VIII, 80.

²⁾ Ib. VII, 89. Dominus Mathias episcopus premisliensis secundus.

³⁾ Ib. VIII, № 20. quod cum ipsa nullus umquam ante nos personaliter catholicus sponsus scilicet pontifex habitavit.

⁴⁾ Ib. Nos tamen eandem ecclesiam cum multis suis possessionibus a scizmaticis repperimus occupatam.

⁵⁾ Ib., et in civitate Premisliensi sedem et cathedram episcopalem collocavimus et inibi ecclesiam cathedralem dudum, ... instauratam rursus ad honorem omnipotentis Dei... restauravimus, refecimus et reedificavimus et primitivos in eadem nostra ecclesia cathedrali prelatos, canonicos et capitulum... de novo creavimus...

капитулъ, откуда мы заимствовали приведенныя свѣдѣнія, данъ имъ 1-го января 1390 года незадолго до смерти ¹⁾ и представляетъ какъ бы духовное завѣщаніе капитулъ и преемникамъ по епископству. Все это сообщаетъ показаніямъ документа характеръ несомнѣнной точности. И для чего было Эриху прибѣгать къ измышленіямъ? Для славы? Какъ увидимъ сейчасъ, онъ слишкомъ много сдѣлалъ для своей „невѣсты“, чтобы нуждаться въ искаженіи истины, да и вообще личный его характеръ, ярко сказавшійся въ заведенныхъ имъ порядкахъ, исключаетъ возможность подобнаго предположенія. Повторяемъ, свидѣтельство Эриха представляетъ документъ, доказывающій самымъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Галицкой Руси, несмотря на всѣ обрушившіяся на нее несчастія, православіе стояло неизменно твердо. Нужны были такіе столпы, какимъ былъ Эрихъ, нужно было всеильное покровительство власти ²⁾ и могущество Рима для того, чтобы сколько-нибудь прочно утвердить среди православнаго міра епископскую католическую катедру. Эриха мы не даромъ назвали столпомъ. Этотъ саксонецъ „въ знаменитаго, по его словамъ, княжества Люнебургскаго“ соединялъ въ себѣ настойчивость и упорство нѣмца съ фанатизмомъ и суровою строгостью монаха. Ему обязана католическая Перемышльская катедрa своимъ устройствомъ и упроченіемъ. Не мало хлопоталъ онъ о ней у Людовика, и замѣчательно, этотъ любимецъ куріи оказался не въ силахъ сколько-нибудь упрочить положеніе епископства. Только преемница Людовика, Марія, пожаловавъ 3-го апрѣля 1384 года Перемышльской катедрѣ пять сель въ Перемышльскомъ и Саноцкомъ округахъ, привела въ исполненіе то, о чемъ думалъ и даже рѣшилъ, но, чего по словамъ грамоты, „не успѣлъ, (!) за смертью“, сдѣлать Людовикъ ³⁾. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ Эрихъ постарался обезпечить созданную имъ капитулу и выхлопоталъ для нея десятину съ г. Ланцута и 10 сель въ Ланцутскомъ, Переворскомъ и Тычинскомъ округахъ ⁴⁾. Онъ могъ умереть спокойно. Его „невѣста“ была обезпечена; но строго монашескій характеръ порядковъ, заведенныхъ Эрихомъ, не могъ долго удержаться. Преемникъ его Матвій

¹⁾ Онъ умеръ, вѣроятно, въ 1391 году.

²⁾ Яркій примѣръ его мы увидимъ при окончательномъ устройствѣ Перемышльской латинской катедры въ 1412 году.

³⁾ А. Гр. и З. VII, № 15.

⁴⁾ Иб., VIII, № 14.

отмѣнилъ въ 1398 году постановленіе относительно общаго стола и квартиръ канониковъ ¹⁾); общность имущества удержалась однако до 1421 года и лишь тогда была отмѣнена преемникомъ Матвѣя Янушемъ ²⁾). Всѣ указанныя дѣйствія Эриха были, очевидно, самими начальными, вызывались насущною необходимостью; въ то же время они ясно обличаютъ все еще миссіонерское, такъ сказать, боевое положеніе католической іерархіи, даже въ Перемышлѣ. Но далеко не все было имъ устроено. Такъ, напримѣръ, опредѣленіе границъ епархіи было предпринято лишь въ 1397 году, по порученію Бенедикта IX ³⁾, и окончено въ слѣдующемъ году Петромъ епископомъ Краковскимъ ⁴⁾. Только съ этого времени можно считать Перемышльскую католическую епархію устроенною. Епископскую кафедру и капитулу щедро одарилъ Ягайло земельными и другими пожалованіями, а въ 1412 году передалъ католическому епископу кафедральный православный храмъ. Сообщимъ этотъ фактъ словами Длугоша: „Въ Перемышль прибылъ Ягайло (изъ Медики) въ сопровожденіи Стригонскаго архіепископа и Михаила Кохмейстера, и чтобъ очистить себя отъ несправедливаго упрека вѣмцевъ, будто онъ преимущественно благоволяетъ и покровительствуетъ схизматикамъ, велѣлъ посвятить въ католическій храмъ, прекраснѣйшую православную кафедральную церковь, построенную изъ квадратнаго камня, расположенную посреди города и подлежащую до тѣхъ поръ вѣдѣнію русскаго епископа, при этомъ гробы православныхъ были выброшены и вырыты. Русскій клиръ и народъ сочли это тяжелымъ оскорбленіемъ и горько при этомъ плакали, рыдали и воили“ ⁵⁾. Комментаріи излишни.

Мы видѣли изъ свидѣтельства Эриха, каково было состояніе католицизма въ Перемышлѣ. Оно не было исключительнымъ или временнымъ, считать его результатомъ военныхъ событій 1376 года не приходится. Такимъ же было оно въ 1372 году, какъ сообщалъ куріи францисканскій викарій Бартоломей изъ Альверны: „Не было на Руси“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, — „ни кафедральныхъ, ни приходскихъ церквей, не было ихъ предстоятелей, которые могли бы заботиться о спасеніи душъ, и лишь немного вѣрныхъ можно было

¹⁾ Ib., № 27.

²⁾ Ib., № 45.

³⁾ Ib., VII, № 20.

⁴⁾ Ib., № 21.

⁵⁾ Длугошъ подъ 1412, XI, 149.

замѣтить среди громаднаго множества невѣрныхъ и (?) схизматиковъ“ ¹⁾. Въ 1353 году (16-го ноября) Иннокентій VI поручаетъ Николаю изъ Кросна, представителю миноритовъ на Руси, набрать во что бы то ни стало 30 человекъ новыхъ миссіонеровъ, въ виду уменьшенія ихъ числа и грозящей вслѣдствіе этого католицизму опасности ²⁾. Немногимъ раньше, при занятіи Казиміромъ Львова, въ городѣ не оказалось ни одного католическаго храма, гдѣ бы можно было совершить благодарственное служеніе ³⁾. Доминиканская часовня св. Іоанна, устроенная въ 1234 году, и новый конвентъ, который они получили въ 1270 году, не остались такимъ образомъ въ ихъ рукахъ, и Рейфенкугель считаетъ возможнымъ, что они принуждены были временно оставить страну въ тяжелый періодъ антикатолической реакціи послѣ гибели Юрія Болеслава“ ⁴⁾. Въ виду приведенныхъ выше свидѣтельствъ, приходится предполагать это не только относительно доминиканцевъ, но и всѣхъ другихъ дѣятелей католической пропаганды, а переходъ владѣній, пожалованныхъ Владиславомъ Опольскимъ Галицкой архіепископской кафедрѣ, изъ руки православныхъ, о чемъ упоминается въ буллѣ Бонифація IX ⁵⁾, доказываетъ, что подобная реакція на галицкой почвѣ могла произойти даже значительно позже при малѣйшихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Судя по той страстно-напряженной дѣятельности, каковую обнаруживали Казиміръ и Людовикъ съ Владиславомъ Опольскимъ, Римская курія и ея безчисленные агенты, можно бы подумать, что православіе исчезнетъ въ Галицкой Руси безслѣдно, что залыютъ его до самаго края тѣ волны, которыя со всѣхъ сторонъ на него нахлынули, и что же? Грозно бушуютъ онѣ, далеко, до самаго Рима раздается ихъ оглушительный гулъ, съ восторгомъ внемлетъ ему представитель католическаго міра, всѣми зависящими отъ него средствами старается поддержать ихъ ярость, и все это не въ состояніи даже сколько-нибудь поколебать корней вѣковаго древа! Какова же должна быть ихъ крѣпость!..

¹⁾ Non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia nec Rectores earum, quibus cura immineret animarum, et tanta multitudo infidelium et schismaticorum, ut paucae personae reputarentur fideles, respectu multitudinis errantium. *Reifenkugel*, Gründung, 444, пр. 1, изъ францисканскаго архива во Львовѣ у Скробишевскаго, Vita, гл. VI.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 726.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 424, пр. 3.

⁴⁾ *Ib.*, 425.

⁵⁾ А. Гр. и З., III, № 51.

Перейдемъ теперь къ исторіи утвержденія второй по времени основанія епископской католической кафедры — Владимірской. Мы встрѣтимся здѣсь съ обстоятельствами по существу не новыми, но весьма характерными. О нихъ сообщаетъ папская булла 1358 г. мая 2-го, которою въ епископы Владимірскіе назначается доминиканецъ Петръ ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее: Владимірская епархія съ незапамятныхъ временъ оставалась безъ пастыря, и вслѣдствіе того, по соборнымъ постановленіямъ, попеченіе о ней принадлежитъ апостоліческому престолу; ²⁾ но такъ какъ (?) о послѣднемъ Владимірскомъ епископѣ не сохранилось никакой памяти, то Селиврскій епископъ Августинъ, съ согласія Константинопольскаго патріарха Вильгельма, повѣрившаго ему, что помянутая епархія находится въ его завѣдываніи ³⁾, назначилъ Петра въ епископы Владимірскіе. Епископъ Мишинскій, по порученію помянутаго патріарха, рукоположилъ его, но здѣсь Петръ узналъ, что его епархія находится въ непосредственномъ завѣдываніи куріи. Онъ отправляется туда лично, и, по уничтоженіи папой прежнихъ назначеній (то-есть, со стороны епископа Селиврскаго и патріарха Константинопольскаго), былъ утвержденъ папой.

Вотъ документъ, съ чрезвычайною яркостью рисующій отношенія къ занимающей насъ территоріи со стороны католическаго духовенства и куріи—не говоримъ уже о логическомъ ходѣ мыслей, ибо онъ одинаковъ во всѣхъ относящихся къ нашему предмету документахъ папской канцеляріи! О Константинопольскомъ патріархѣ мы знаемъ, что ему, въ качествѣ апостоліческаго легата, поручены были какъ разъ около этого времени—1359 г. декабря 2-го—дѣла сосѣднихъ съ Польшей церквей ⁴⁾. Впрочемъ, вопросъ о его личности ⁵⁾ не имѣетъ

¹⁾ *Theiner*, M. P., I, № 786.

²⁾ *Dudum siquidem ecclesia Ladimiriensi tanto et tam longo tempore pastoris solatio destituta, quod eius dispositio et provisio esset, prout est (?), ad sedem apostolicam secundum generalis statuta concilii legitime devoluta.*

³⁾ *Sed cum ultimi etiam Ladimiriensis Epi, qui eidem ecclesie preluit, noticia seu memoria non habeatur, Venerabilis frater noster Augustinus Episcopus Salubriensis cui Venerabilis frater noster Guillelmus Patriarcha Constantinopolitanus credens, ut dicitur, provisionem ipsius Ladimiriensis ecclesie ad eum ea vice pertinere, providendi eidem ecclesie de pastore idoneo dederat potestatem, ignorans, prout asseritur, provisionem ipsius ecclesie ad sedem predictam fore, ut premititur, devolutam.*

⁴⁾ *ib.*, № 798.

⁵⁾ См. *Reifenkugel*, Gründung, 431, пр. 1. *Karo*, G. P., II, 610, попалъ въ странное недоумѣніе, сочтя его патріархомъ православнымъ.

никакого существеннаго значенія. Важно лишь то, что состояніе католицизма въ Галицко-Владимірской землѣ, ея церковно-іерархическія отношенія были ему совершенно не извѣстны. Не отъ него впрочемъ вышла инициатива назначенія. Она принадлежала епископу Селиврскому Августину. Ближайшихъ свѣдѣній объ этой личности мы не имѣемъ, но въ качествѣ Селиврскаго епископа Августинъ не могъ не знать того, что происходило въ это время въ Царьградѣ, гдѣ Ольгердъ употреблялъ всѣ средства для полученія отдѣльнаго митрополита. Быть можетъ, Августинъ замѣщаль отсутствовавшаго Вильгельма, во всякомъ случаѣ, какъ епископъ *in partibus*, онъ долженъ былъ особенно заботиться, чтобы церковь, говоря словами Иннокентія VI „*commodis et successibus prosperis augeatur*“. На такія заботы не могъ не отозваться монахъ проповѣдническаго ордена, и вотъ въ результатѣ—новая католическая епархія.

Назначеніе Петра задумано и осуществлено было далеко отъ Владиміра, безъ всякаго участія мѣстной преобладающей власти и населенія. Случайная мысль, осѣнившая католическаго епископа, по своему положенію *in partibus* думавшаго лишь о приумноженіи римскаго стада, а въ нестроеніяхъ православной Русской церкви видѣвшаго благоприятный для этой цѣли моментъ, была причиной возникновенія епископской епархіи, конечно, номинальной. О Петрѣ мы больше ничего не знаемъ; въ его исторіи повторяется, слѣдовательно, буквально то же, что мы видѣли въ исторіи Генриха Кіевскаго, Николая Перемышльскаго. Изъ папской буллы мая 5-го 1371 г., по которой во Владимірскіе епископы назначенъ августинскій монахъ Гинко, узнаемъ, что Петръ, подобно Перемышльскому Николаю, умеръ вѣдѣ предѣловъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію куріи, слѣдовательно, не въ своей епархіи, когда именно — не извѣстно ¹⁾). 20-го мая 1359 г. Иннокентій VI назначаетъ миорита Оому епископомъ Холмскимъ. Содержаніе данной по этому поводу буллы ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ документовъ папской канцеляріи; точно также имя послѣдняго Холмскаго епископа не было извѣстно куріи, и точно также новое епископство подчиняется непосредственному ея вѣдѣнію ²⁾). Нельзя не указать на то, что оба назначенія касаются территорій, бывшей въ литовскихъ рукахъ, слѣдовательно,

¹⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 890.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 438, пр. 1. Содержаніе буллы приводится здѣсь по *Wadding*, *Annales minorum*, t. VIII, Romae, 1733, p. 483.

обѣ епархіи могли имѣть смыслъ миссіонерскихъ постовъ, хотя въ успѣхъ миссіи можно очень сомнѣваться. Мы видѣли, что Петръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. То же можно сказать и о Томѣ. Мы имѣемъ о послѣднемъ одно случайное свѣдѣніе, относящееся къ 1365 г., когда 26-го декабря онъ освятилъ часовню св. Доротеи въ Краковѣ; здѣсь онъ называется викарнымъ Краковскаго епископа ¹⁾; по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Краковѣ.

Мы рассмотрѣли исторію возмненія трехъ епископскихъ католическихъ кафедръ въ предѣлахъ Галицко-Владимірской территоріи. Исторія эта въ сущности одна и та же. Кафедръ учреждаются не вслѣдствіе дѣйствительной въ нихъ потребности, а по совершенно постороннимъ причинамъ, важнымъ для куріи, которая не могла терпѣть чьего бы ни было посторонняго вмѣшательства—Любушскихъ ли епископовъ, или патріарха Константинопольскаго—но не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ мѣстности, для которой онѣ устанавливаются. Назначеніе Холмскаго епископа, правда, исходитъ непосредственно отъ папы, но въ этомъ случаѣ Иннокентій VI, очевидно, лишь возревновалъ примѣру Селиврскаго епископа; на это указываетъ хронологія и то обстоятельство, что Тома былъ лицо столь же не нужное для Холма, какъ Петръ для Владимира. Вотъ почему о дѣятельности всѣхъ названныхъ „первыхъ“ епископовъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. Всѣ они никакихъ слѣдовъ по себѣ не оставили. Совпаденіе знаменательное! Когда 13-го февраля 1375 г. Григорій XI издалъ буллу, окончательно опредѣлившую устройство католической іерархіи въ предѣлахъ занимающей насъ территоріи, оказалось, что всѣ епархіи оставались безъ пастырей, и папа счелъ необходимымъ пригласить архіепископа Гнѣзненскаго, епископовъ Краковскаго и Плоцкаго къ содѣйствію въ выборѣ лицъ, годныхъ для замѣщенія епископскихъ кафедръ, при чемъ Владиславу Опольскому папа счелъ нелишнимъ предложить побуждать епископовъ къ возможному ускоренію дѣла ²⁾. Незадолго передъ этимъ, 19-го ноября 1371 г., появленіе во Львовѣ какого-то священника Ивана, быть можетъ, подосланнаго Любушскимъ епископомъ съ цѣлью вызвать церковныя смуты ³⁾, грозило полнымъ уничтоженіемъ результатовъ мис-

¹⁾ *Ib.*, 433, пр. 2.

²⁾ *Theiner*, M. P., 1, № 963.

³⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 452.

сіонерской дѣятельности Николая изъ Кросна и его миноритовъ ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1372 году Любушскій епископъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ заявилъ—нужды нѣтъ, что это прямо противорѣчило прежнимъ его утвержденіямъ,—что церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская не епархіальныя, а только приходскія. Папѣ пришлось заирать справки, при чемъ онъ прямо заявляетъ, что никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у него нѣтъ ²⁾).

Дошедшія въ этомъ году до Рима опредѣленныя свѣдѣнія были совершенно другаго характера: „Не безъ великаго смущенія“, пишетъ Григорій XI Гнѣзненскому архіепископу (іюль, 1372 года),—„узнали мы, что на Руси находится очень много схизматическихъ епископовъ“. Таковыхъ папа поручаетъ лишать епархій и всѣми мѣрами удалять ³⁾), очевидно, не подозрѣвая, что всѣмъ подобнаго рода предписаніямъ заражѣе суждено было оставаться мертвою буквою. Все это, кажется, съ достаточною опредѣленностью рисуетъ намъ положеніе католицизма въ Галичинѣ, но конечно, совмѣстныя напряженныя усилія куріи, духовенства и правительства не могли не приводить къ извѣстнымъ результатамъ. Если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ официально положеніе католицизма, въ виду упроченія польскаго господства, должно было измѣниться. Признаки такой перемѣны обнаруживаются еще въ 60-хъ годахъ, когда Казиміръ обратился къ папѣ съ просьбой назначить епископа въ любимый имъ Львовъ. Давно уже сообщалъ онъ куріи, что въ его приобрѣтеніяхъ могло быть основано семь обширныхъ епархій, но только въ 60-хъ годахъ нашелъ возможнымъ подумать объ учрежденіи одной. Львовъ, выдержавшій первый натискъ Литвы, былъ особенно дорогъ Казиміру, а крѣпкія стѣны и сравнительная многочисленность католиковъ-нѣмцевъ давали Казиміру основаніе настаивать именно на этомъ городѣ. Въ 1363 году апрѣля 6-го Урбанъ V обратился къ Гнѣзненскому архіепископу съ запросомъ на счетъ предполагаемой Казиміромъ епископской рези-

¹⁾ Въ буллѣ Гнѣзненскому архіепископу Григорій XI говоритъ по этому поводу: *multi ex eisdem conversis et absolutis ad infidelitatis et scismatis vomitum sunt reversi, et alii a conversione salutifera retrahuntur*, *Theiner*, М. Р., 1, № 900.

²⁾ *Nos de premissis certam noticiam non habentes*, *Ib.*, № 908.

³⁾ *Ib.*, № 910. „Схизматическими“ епископами *К. Стадницкій*, О роззяткахъ, 26, считаетъ епископовъ любушскаго поставленія, но достаточно сравнить настоящую буллу съ буллою „*Debitum pastoralis officii*“, чтобы убѣдиться въ натянутости такого толкованія; ср. также *Петрушевичъ*, О Галицкихъ митр., пр. 34.

денціи: „указанный городъ“, спрашиваетъ папа, — „значителенъ ли, есть ли тамъ духовенство и паства, отвѣчаетъ ли принадлежащая къ нему территорія размѣрамъ епархіи; каково, наконецъ, можетъ быть матеріальное обезпеченіе?“ ¹⁾ Вотъ какіе вопросы задавались куріей, когда дѣло имѣло не отвлеченный, а дѣйствительно практическій характеръ. Ни разу не возникали они въ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Налагая на нищенствующихъ или проповѣдничествующихъ монаховъ „бремя епископства“, курія просто поручала ихъ „десницѣ Божіей“ ²⁾, быть можетъ, надѣялась на успѣхъ, но во всякомъ случаѣ понимала, что дѣло это есть, въ лучшемъ случаѣ, дѣло неизвѣстнаго будущаго. Что оно не увѣчивалось желательными для куріи успѣхами, видно изъ того, что она не имѣла никакихъ рѣшительно о немъ свѣдѣній. При извѣстной ревности католическихъ миссіонеровъ, это можно объяснить лишь тѣмъ, что Русь была совершенно недоступна ихъ воздѣйствію, что успѣхи католицизма среди русскихъ могли обуславливаться единственно лишь силой, скажемъ прямо — насиліемъ ³⁾, что, слѣдовательно, на такіе успѣхи католицизмъ могъ рассчитывать лишь съ упроченіемъ на Русской землѣ польскаго господства. Поддержка, во что бы ни стало, католической пропаганды должна была со стороны польскихъ государей послужить наградой куріи за ея содѣйствіе въ завоеваніи, и понятно, почему въ 1363 г. Урбанъ долженъ былъ ипаче отнестись къ утвержденію епископской резиденціи, чѣмъ его предшественники, въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ.

1363 годъ можно такимъ образомъ поставить, какъ грань въ отношеніяхъ Рима къ Галицкой Руси, иначе говоря, только съ 60-хъ годовъ можно считать прочное утвержденіе польскаго господства въ Галичинѣ; но прошло еще много времени, пока дѣйствительно были устроены на ея территоріи дѣла католической церкви. По крайней мѣрѣ все время правленія Казимира она оставалась въ миссіонерскомъ, такъ сказать, положеніи, не имѣя опредѣленной организаціи и матеріальнаго обезпеченія. Организациа католической церкви въ Галичинѣ была установлена лишь 13-го февраля 1375 года буллой Григорія XI „*Debitum pastoralis officii*“. Содержаніе этой знаменитой

¹⁾ *Ib.*, № 826.

²⁾ *Dextera domini tibi assistente propicia*, говоритъ Иннокентій VI Николаю Перемышльскому.

³⁾ Вспомнимъ 1412 годъ въ Перемышлѣ.

буллы, вкратцѣ передающей весь ходъ дѣла, таково: „До свѣдѣнія нашего (папы) дошло: блаженной памяти король Казиміръ, благодаря своему мужеству и содѣйствію вѣрныхъ, подчинилъ себя и своему государству, какъ католическому, сосѣднюю Русь, въ которой обитали не только схизматики, но и различные еретики. Многіе изъ нихъ, по милости Божіей, и благодаря содѣйствію вѣрныхъ, оставили свои заблужденія. Далѣе церкви — Галицкая, Перемышльская, Владимірская и Холмская были кафедральныя, какими состоятъ и нынѣ. Назначаемые туда нашими предшественниками католическіе предстоятели встрѣчали затрудненія со стороны Любушскаго епископа.

Дѣло это обсуждалось въ куріи; теперь, по просьбѣ князя Опольскаго и другихъ, мы призваны постановить, соотвѣтственно нашему долгу, окончательное рѣшеніе. Мы обращались къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому съ запросомъ, епархіальны ли указанныя выше церкви, или только приходскія, достаточное ли количество народа находится въ ихъ вѣдѣніи и по всѣмъ этимъ пунктамъ мы получили утвердительные отвѣты. Теперь король Людовикъ и упомянутый выше князь сообщили намъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ много христіанскаго народа, нуждающагося въ пастырскомъ руководствѣ, что онѣ далеко отстоятъ отъ епархіи Любушской, и что Любушскій епископъ во всякомъ случаѣ (то-есть, епархіальны ли эти церкви, или только приходскія) не можетъ съ должнымъ успѣхомъ исполнять тамъ пастырскія обязанности. Чтобы поэтому положить конецъ недоразумѣніямъ и принимая во вниманіе, что чѣмъ болѣе будетъ тамъ католическихъ пастырей, тѣмъ это будетъ полезнѣе и благотворнѣе для руководства душъ, для защиты и распространенія религіознаго культа, апостолическимъ авторитетомъ постановляемъ: церкви Галицкая, Перемышльская, Владимірская, Холмская были и суть епархіальныя; мѣста, въ которыхъ они утверждены, были и суть города; для большей вѣрности мы постановляемъ это снова и желаемъ, чтобы такъ оставалось навсегда; всякое участіе въ ихъ дѣлахъ со стороны Любушскаго епископа устранимъ, постановляя вмѣстѣ съ симъ, что православные предстоятели, еслибы таковыя оказались, должны быть отъ нихъ удалены какъ безчестные и недостойные. Постановляемъ, чтобы Галицкая церковь была архіепископальной, а Перемышльская, Владимірская и Холмская — епископальными и подчиненными Галицкой въ качествѣ суффраганныхъ. Желаемъ также, чтобы во главѣ всѣхъ указанныхъ церквей, остающихся теперь безъ пастырей, были поставлены

часть ослхѣи, отд. 2.

предстоятели, которые умѣли бы и были въ состояніи искоренить тамошнія заблужденія и служить примѣромъ для подвѣдомаго имъ словеснаго стада. Заранѣе уничтожаемъ все, что сознательно или по невѣдѣнію было бы учинено противъ этого нашего распоряженія¹⁾. Какую силу вѣры въ свое могущество надо было имѣть, чтобы говорить такимъ образомъ! Но и это не помогло. Немедленное осуществленіе папскихъ приказаній было бы чудомъ,—но чудесъ не бываетъ въ исторіи. Только 13-го апрѣля 1377 года назначенъ былъ епископъ въ ближайшій къ Польшѣ Перемышль. Въ какомъ положеніи засталъ Эрихъ свою церковь, мы видѣли. Относительно епископовъ Владимірскаго и Холмскаго нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Какова была судьба назначеннаго во Владимірскіе епископы въ 1371 году Гинка— не извѣстно. По голословному показанію Накельскаго, послѣ буллы „*Debitum*“ туда былъ назначенъ нѣкто Исидоръ, умершій въ 1380 году. Ему наследовалъ Ругіанъ. О дотаціи епископства тоже нѣтъ извѣстій. Знаемъ только, что преемникъ Ругіана, Андрей Плавка, перенесъ въ 1428 году свою резиденцію въ Луцкъ, и что епископы этого города по постановленію Флорентійскаго собора получили титулъ: *episcopi Luceogiensēs*, въ отличіе отъ епископовъ Лукки²⁾. Холмскимъ епископомъ около 1308 года былъ доминиканецъ Стефанъ³⁾. Дотировано было Холмское епископство Ягайлой въ 1417 году, въ воспоминаніе Грювальдской побѣды⁴⁾. Въ 1473 году резиденція епископа была перенесена въ Грубешовъ, а въ 1490 году—въ Красновставъ.

Такимъ образомъ рѣшеніе папы не было приведено въ исполненіе. Назначенные имъ для резиденціи епископовъ города оказались для этой цѣли негодными. Только въ Перемышль удержалась латинская кафедра, благодаря какимъ средствамъ — мы видѣли. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ совмѣстное пребываніе съ православными представителями церкви оказалось для католиковъ невозможнымъ, и они сочли необходимымъ нарушить папское предписаніе и избрать для себя другія болѣе подходящія мѣста.

Въ какой степени оказались пустыми грозныя слова папы отно-

¹⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 964.

²⁾ *Reifenkugel*, Gründung, 467. Дотацію епископства *K. Стадницкій* приписываетъ Витовту, *O rosztatkach*, 32.

³⁾ *Ib.*, 468, пр. 2 и 3.

⁴⁾ *Ib.*, пр. 4.

относительно православныхъ архіереевъ, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ томъ же 1375 г. на двухъ документахъ, данныхъ 31-го августа Владиславомъ Опольскимъ, находимъ подпись Антонія Галицкаго митрополита ¹⁾). Иерархическое неустройство католической церкви въ Галичинѣ обнаруживалось и въ томъ, что она не имѣла своего представителя.

Уже въ 1367 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Галицкомъ архіепископѣ Христинѣ ²⁾), а Львовскіе капитульные анналы сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности: „Христинъ архіепископъ Галицкій соорудилъ въ Галичѣ храмъ св. Маріи Магдалины и по мѣрѣ возможности дотировалъ его; установилъ прелатовъ и канониковъ, но такъ какъ они носили лишь пустыя титулы, то кормилъ ихъ отъ своего стола. Поддерживалъ нищихъ и питомцевъ, и скончался славный наукой и полный добрыхъ дѣлъ“ ³⁾).

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ титулярныхъ епископовъ, которые были среди миссіонерскихъ конгрегацій и которые не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія ⁴⁾), будучи назначаемы заранѣе, на случай успѣха пропаганды. Нечего, слѣдовательно, искать учредительной буллы, приписывать ее Любушскому епископу или стараніямъ Казимира ⁵⁾).

Архіепископъ Галицкій—тотъ ли самый Христинъ, или другой какой-нибудь нищенствующій монахъ, не знаемъ — упоминается и въ 1371 г. въ буллѣ о поставленіи Гиеза епископомъ Владимірскимъ, но обстоятельство, что онъ поставленъ въ адресъ на послѣднемъ мѣстѣ, а равно, что въ томъ же 1371 г. поставленіе латинскаго епископа Андрея въ Серетъ обошлось безъ всякаго участія Галицкаго архіепископа ⁶⁾), хотя онъ былъ ближайшимъ и хотя потомъ въ 1412 г. Серетская епархія была подчинена ему въ качествѣ суффраганной, доказываетъ, что еще и въ это время положеніе его было такое же миссіонерское, неопредѣленное.

Только 26-го января 1376 г. Григорій XI назначилъ каноника

¹⁾ А. Гр. и З., II, 6, 8.

²⁾ *Reifenkugel*, Grundung, 437: illustrissimus dominus Christianus archiepiscopus Haliciensis 1367; у Сиробишевскаго изъ францисканскаго архива во Львовѣ.

³⁾ *Ib.*, 440.

⁴⁾ Христинъ былъ, по всей вѣроятности, францисканецъ, по крайней мѣрѣ, замѣтка о немъ сохранилась во францисканскомъ архивѣ.

⁵⁾ *Reifenkugel*, 437.

⁶⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 891 и 894.

изъ Ягра ¹⁾, Матвѣя въ архіепископы Галиціе ²⁾. Въ документахъ этотъ первый глава католической іерархіи въ Галичинѣ носятъ титулъ: *Electus Archiepiscopus Lemburgensis* ³⁾, въ виду, надо думать, увѣренности, что хлопоты Владислава Опольскаго о перенесеніи архіепастырской резиденціи изъ Галича во Львовъ, точнѣе, о назначеніи таковой во Львовъ, а не въ Галичъ, увѣрятся успѣхомъ. О ходатайствѣ Владислава сообщаетъ Григорій XI въ письмѣ къ архіепископу Гнѣзненскому, епископамъ Краковскому и Плоцкому ⁴⁾. Оно дано 3-го марта 1375 г. — двѣ недѣли спустя послѣ буллы „*Debitum*“, и все еще о положеніи дѣлъ папа не имѣлъ никакихъ данныхъ, все еще Владиславъ считалъ возможнымъ выставить крѣпкія стѣны Львова, какъ наиболѣе убѣдительный аргументъ для утвержденія въ немъ резиденціи главы церкви. Безъ всякаго сомнѣнія, Григорій XI, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Урбанъ V, долженъ былъ интересоваться вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи кафедръ. Мы не знаемъ въ точности, когда именно оно послѣдовало, несомнѣнно только, что при Владиславѣ Опольскомъ. Вотъ, что разказываетъ объ этомъ Бонифацій IX въ 1390 г. „такъ какъ церковь Галицкая въ предѣлахъ русскаго княжества, которое блаженной памяти Венгерскимъ королемъ Людовикомъ вновь возвращено было изъ рукъ невѣрныхъ и схизматиковъ католической вѣрѣ и повиновенію святой Римской церкви, находилась тогда въ рукахъ невѣрныхъ и схизматиковъ и была лишена католическаго предстоителя въ теченіе столь долгаго времени, что даже положеніе и размѣръ ея владѣній не могли быть легко опредѣлены, то любезный сынъ нашъ Владиславъ Опольскій, тогдашній князь Руси, воспылавъ ревностнымъ усердіемъ по вѣрѣ, пожаловалъ ей въ вѣчное и не отъемлемое владѣніе Рогатинъ и замки Олеско и Тустанъ въ предѣлахъ Галицкой епархіи, съ округами, селами и со всѣмъ, что сюда относится, а также одинъ домъ въ верхней части города Львова со всѣми правами и принадлежностями, а равно десятину таможенныхъ доходовъ въ томъ же городѣ и десятину соляныхъ доходовъ въ Дрогобычѣ и Жидачовѣ; такъ какъ, далѣе, предѣлы указанной Галицкой епархіи не могли быть обозначены въ виду того, что до указаннаго присоединенія ея

¹⁾ *Agria*—Эрлау.

²⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 988.

³⁾ Такъ-называется онъ въ А. Гр. и Э., 1376 г.—VIII, 16; 1378 г.—III, 52; 1380 г.—III, 63. Другія указанія см. у *Рейфенкугеля*, 459, пр. 4.

⁴⁾ *Theiner*, M. P. 1, № 967.

(Людвикомъ) ею слишкомъ долго владѣли и держали въ своихъ рукахъ невѣрные и схизматики, вслѣдствіе чего какъ въ самой Галицкой епархіи, такъ и въ другихъ ей подвѣдомыхъ божественныя службы совершались не въ должной мѣрѣ и формѣ, а Галицкіе суффраганы (викарные епископы) не пребывали въ своихъ кафедральныхъ церквахъ,—помянутый нами предшественникъ (Урбанъ VI) поручилъ кардиналу Дмитрію не гласно разузнать дѣла и учинить по нимъ надлежащія распоряженія“¹⁾. Вотъ каково было состояніе католицизма въ Галичинѣ еще въ 80-хъ годахъ²⁾. Людовика называютъ документами утвердителемъ католической іерархіи въ Галичинѣ, но фактически и онъ, какъ мы видѣли, въ исторіи перемышльской кафедры, не былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное въ пользу католицизма, и честь, приписываемую ему въ грамотахъ Маріи, едва ли не вѣрнѣе отнести на счетъ ея дочерней скромности и общаго расположенія куріи къ Анжуйцамъ. Что же касается Казимира, то кромѣ хвастливаго упоминанія о семи епископствахъ и не приведшаго ни къ чему обращенія къ папѣ съ просьбой основать епископскую кафедру во Львовѣ, мы не встрѣчаемъ съ его стороны рѣшительно никакого другаго участія въ дѣлѣ утвержденія католицизма на Руси. Миѣніе Каро, что „не другой кто, а именно Казимиръ устроилъ Галицкое архіепископство между 1366 — 1370 гг.“, является совершенно неосновательнымъ, хотя высказано имъ съ чрезвычайною рѣшительностью³⁾.

Казимиру рѣшительно нельзя было думать объ устройствѣ католической іерархіи въ Галичинѣ; его отношенія къ Руси представляютъ лишь безконечную борьбу въ самомъ, такъ сказать, грубомъ смыслѣ слова. Свои надежды онъ возлагалъ единственно на крѣпкія стѣны, войско и нѣмецкихъ поселенцевъ; на учрежденіи епископства во Львовѣ вовсе не настаивалъ. Ему ли, на опытѣ извѣдавшему русскую стойкость и „завязтость“, было мечтать объ окатоличеніи Руси! Только далекій и мало знавшій ее Анжуйецъ могъ задаваться подобными мечтами, не говоримъ о Владиславѣ Опольскомъ, ибо онъ былъ лишь орудіемъ Людовика. Но и Людовикъ, собственно говоря, больше мечталъ, чѣмъ дѣлалъ, быть можетъ, онъ вѣрилъ во всемогу-

¹⁾ А. Гр. н З., III, № 51.

²⁾ Архіепископа Стригонскаго Дмитрія встрѣчаемъ въ Галичинѣ въ 1384 г.: А. Гр. н З., VII, № 15; VIII, № 14.

³⁾ Каро, II, 612.

шество папскихъ предписаній. На дѣлѣ даже самыя грозныя изъ нихъ совершенно теряли свою силу на русской почвѣ Галичины. Во всемъ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ Казимиру нельзя приписать даже той отвлеченной доли участія, какую признаетъ за нимъ Рейфендугель, считая совершившееся отголоскомъ идей и плановъ Казимира ¹⁾. Все, о чемъ мечталъ Казимиръ, заключалось въ стремленіи духовно разобщить Галицкую Русь отъ остального православно-русскаго міра. Но даже къ этому Казимиръ рѣшился приступить лишь въ послѣдній годъ жизни.

Упомянутое выше утвержденіе Галицкой архіепископской резиденціи во Львовѣ было признано окончательно буллою 28-го августа 1412 г. Только въ этомъ году такимъ образомъ іерархическое устройство Галичины было закончено ²⁾. Львовскому архіепископу подчинены были епархіи: Перемышльская, Владимірская, Холмская, а также вновь основанныя—Кіевская, Каменецкая ³⁾ и Серетская ⁴⁾.

И. Филевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Gründung, 457.

²⁾ Хотя, напримѣръ, Холмское епископство было, какъ мы видѣли, дотировано лишь въ 1417 г.

³⁾ То-есть, Каменецъ-Подольская. Объя не раньше 1375 г. О послѣдней см. М. Симашкевичъ, Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. Кам.-Под. 1872 г., стр. 18—26.

⁴⁾ Theiner, M. P. II, № 8.

РАЗРЯДНАЯ КНИГА ВЪ ПАРИЖСКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ ВИБЛІОТЕКѢ.

Въ „Описаніи памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи“ М. С. Строева (Москва. 1841), на стр. 97 находится слѣдующее указаніе: „№ 43. Книга разрядная, хранится въ Королевской Парижской бібліотекѣ, in fol., на бумагѣ, писана мелкою скорописью XVII вѣка, на 272 листахъ“. Далѣе Строевъ дѣлаетъ объ этой разрядной слѣдующее, очень краткое замѣчаніе: „Въ этой книгѣ замѣчаются разряды царя и великаго князя Іоанна Васильевича съ 7051(1543) по 7087(1579) годъ. Конца недостаетъ“. Сообщивъ затѣмъ, что съ этою рукописью соединена другая, заключающая въ себѣ сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, авторъ оканчиваетъ описаніе данной рукописи слѣдующими словами: „Разрядная книга (одна) принадлежала извѣстному Спарвенфельду, какъ видно изъ приписки на первой страницѣ: „Relié à Moscou, le 15 de janvier 1687 J. G. Sparvenfeld“.

Рѣдкость систематическихъ разрядныхъ книгъ, специально относящихся къ половинѣ XVI вѣка, дѣлала указаніе Строева для меня, при занятіяхъ исторіей мѣстничества, чрезвычайно интереснымъ, и я воспользовался временемъ своего пребыванія въ Парижѣ въ іюнѣ 1889 года, чтобы познакомиться въ Парижской національной бібліотекѣ съ означенною у Строева рукописью.

Славянскія рукописи Парижской національной бібліотеки еще описаны въ каталогѣ: *Les manuscrits slaves de la Bibliothèque impériale de Paris par la p. Martinof. P. 1858*, гдѣ на стр. 28 я отыскалъ столь же краткое, какъ у Строева, описаніе означенной разрядной

книги, при чемъ Мартыновъ тоже указываетъ, что она заключаетъ въ себѣ разряды 7051—7087 годовъ.

Оказалось, однако, что указанія Строева и Мартынова не вѣрны, и разрядная книга обнимаетъ гораздо болѣе значительный промежутокъ времени: отъ 7001 до 7087 г., то-есть, отъ 1492 или 1493 г. по 1579 годъ; словомъ, она относится къ такимъ разряднымъ книгамъ, которыя довольно обычны въ нашихъ книгохранилищахъ.

Ошибка описывателей разрядной книги (не всѣхъ однако — см. ниже) основывается, впрочемъ, на ошибкѣ ея переписчика, дату котораго въ заглавіи разрядовъ ни Строевъ, ни Мартыновъ не дали себѣ труда провѣрить по разрядамъ. Въ рукописи, съ которой списана эта разрядная книга, несомнѣнно было написано: Книга разрядная \bar{z} и (союзъ) \bar{a} , то-есть: 7000 и 1-го=7001 года; переписчикъ прочелъ: \bar{z} на, то-есть, 7051 года, почему и озаглавилъ рукопись: Книга разрядная \bar{z} на году, и подъ влияніемъ уже этой ошибки написалъ даже Рорядъ црѣа і великаго кнѣза Іоанна Васильевича всеа Русні.

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ разряды 7001 года:

Повелѣ великій князь (царскаго титула, конечно, нѣтъ) Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи поставити городъ противъ нѣмецкаго рубежа Ругодива и нарече имя ему во свое имя Иванъ городъ и т. д. Что этотъ разрядъ относится къ 7001 г., видно изъ указанія при одномъ изъ послѣдующихъ разрядовъ (на листкѣ 4-мъ разрядной книги): того же лѣта 7001 году и пр.

О разрядахъ, находящихся въ нихъ, мы сейчасъ будемъ говорить обстоятельно, а пока скажемъ нѣсколько словъ о самой рукописи.

Она въ обычномъ кожаномъ переплетѣ, и на первомъ за переплетомъ листкѣ есть такая надпись: *Journal du Kzar Iean fils de Basile, commençant à l'année de la creation 7001 avec une continuation jusqu'au Kzar Alexandre.* Почеркъ надписи позднѣйшій (можетъ быть, уже начала XIX вѣка). Итакъ, кто-то разобрался въ этой разрядной и узналъ, что она начинается 7001 годомъ, но не могъ отдѣлаться отъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, котораго онъ счелъ за Русскаго царя! Мартыновъ, конечно, выдѣлилъ послѣднее сказаніе (см. Описаніе его на стр. 28—36).

Листокъ съ только что приведенною надписью помѣченъ на верку на погѣ цифрою 1; за нимъ слѣдуетъ листокъ тоже съ приведеннымъ уже указаніемъ на Спарвенфельда, помѣченный цифрою 2. Но это помѣты болѣе новыя, а старыя начинаются со втораго листка

(съ надписью о Спарвенфельдѣ), внизу котораго стоитъ: а̄; очевидно, первый листокъ не относится къ рукописи разрядной книги, а вставленъ, когда она переплеталась.

Далѣе идутъ помѣты по листкамъ 3, 4 9; но здѣсь мѣтившій листки увидѣлъ, что на 10-мъ листкѣ (то-есть, на 9-мъ въ дѣйствительности) внизу стоитъ буква б̄. Зная, что въ славянской азбукѣ за буквою а слѣдуетъ б, онъ подумалъ, что цѣлый листъ утерянъ; и въ этой мысли подкрѣпленъ тѣмъ, что не нашелъ разрядовъ 7006 и 7007 годовъ, изъ которыхъ перваго и дѣйствительно нѣтъ. Сообразивъ все сказанное, мѣтившій овначилъ слѣдующій за 9-мъ (8-мъ) листокъ цифрою 20. Почему онъ счелъ потерянными именно 10 листковъ, сказать не умѣемъ.

Съ 20-го листа помѣты слѣдуютъ безъ всякихъ приключеній, оканчиваясь цифрою 285; въ дѣйствительности же въ разрядной 275 листовъ, а если не считать перваго, относящагося къ переплету, то 274 листка, или 548 страницъ.

Строевъ указываетъ всего 272 листка, но ошибся онъ потому, что сосчиталъ по помѣтамъ внизу 34 листа (отъ а̄ до ѿд̄; переплетнаго листка онъ, очевидно, не считалъ), умноживъ которые на 8, онъ и получилъ 272 листка; но онъ не замѣтилъ, что 20-й листъ состоитъ не изъ 8, а изъ 10 листовъ (л. 164—173), кажется, по особой причинѣ (см. ниже). Однако, удобства ради, я, цитую листы рукописи, всегда имѣю въ виду ея новыя, хотя и неправильныя помѣты.

Почеркъ рукописи очень четкій, особенно въ началѣ.

За разрядами 7001 г. слѣдуютъ разряды 7002 г., начинающіеся такъ: Представися князь Ондрей Васильевичъ большій, а сидѣлъ два года 37 дней на Казенномъ дворѣ, а положенъ въ Архангелѣ. Разряды 7002 г. очень кратки, равно какъ и 7003—7005 годовъ; среди послѣднихъ на оборотѣ 9-го листа на полѣ приписано, лѣта 7056; очевидно, кто-то, полагая разряды идущими отъ 7051 года, искалъ и, какъ ему казалось, нашелъ начало разряда 7056 г., но это не вѣрно: продолжаютъ разряды 7005 г., а разрядовъ 7006 г. нѣтъ.

Остальныя, встрѣчающіяся изрѣдка на поляхъ помѣты, при раннихъ разрядахъ указываютъ годы ихъ соотвѣтственно тексту.

Разрядъ 7007 г. тоже въ текстѣ не обозначенъ, а за 7005 г. слѣдуетъ 7008 г., но въ дѣйствительности разряды 7007 г. есть, только помѣченъ 7008 г., и на листѣ 21-мъ въ текстѣ, среди разрядовъ 7008 г., даже написано: того же лѣта 7007 года.

Разобраться болѣе точно, какъ въ этихъ, такъ и въ слѣдующихъ

назрядахъ, я не могъ, ибо не имѣлъ съ собою изданныхъ разрядныхъ книгъ; а разряды конца XV вѣка и начала XVI вѣка даже и не напечатаны; но мнѣ кажется, что разрядная книга Парижской національной библиотеки имѣеть сходство съ находящеюся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ подъ № 99, 131, цитованною не разъ Валуевымъ въ его изслѣдованіи о мѣстничествѣ.

За разрядами 7007 г. слѣдуютъ разряды, помѣченные тоже 7008 г., а среди нихъ извѣстный отказъ Юрія Захарьевича отъ невѣстнаго назначенія, который постоянно встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ этого времени и въ описываемой книгѣ никакихъ особенностей не представляетъ. Потомъ записаны разряды 7009—7027 годовъ, безъ перерыва; иные короткіе, другіе болѣе длинныя.

Подъ 7026 г. (на оборотѣ л. 52) помѣщены мѣстничества, случившіяся будто бы въ этомъ году въ походъ великаго князя на Коломну противъ Крымскаго царя, или, вѣрнѣе, отвѣты на возникшія мѣстническія челобитья: боярину князю Михаилу Васильевичу Горбатову (2-й воевода большаго полка) служба невѣстна для боярина Ивана Никитича Бутурлина (1-й воевода лѣвой руки), окольнику Андрею Никитичу Бутурлину (2-й воевода лѣвой руки) для боярина князя Михаила Ѳедоровича Курбскаго (2-й воевода правой руки) и боярину князю Михаилу Ѳедоровичу Курбскому для боярина Ивана Николаевича Бутурлина. Всѣ эти мѣстническія столкновенія извѣстны, только здѣсь они, по всей вѣроятности, не на мѣстѣ, такъ какъ совершенно такія же московскія столкновенія произошли 12 годами позже (см. мое сочиненіе: Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ, стр. 253—254).

Съ 7028 г. годы въ разрядахъ писаны не въ началѣ строки, какъ раньше, а среди страницъ, при чемъ въ началѣ строки перестаетъ писаться и первая буква; напримѣръ, вмѣсто: послыалъ, писалъ, написано: ослыалъ, исалъ и т. п. Предполагалось, конечно, изобразить пропущенныя буквы каллиграфически.

Около 7028 г. переписчикъ сбился въ хронологію; еще при разрядахъ 7027 года сверху подписано: ѿа (81, то-есть, 7031 годъ), но начало разряда 7028 г. оставлено безъ помѣты, а среди разряда этого же года (на л. 57) снова подписано: ѿв. Разобраться болѣе точно въ разрядахъ 7029—7031 гг. я въ Парижѣ не могъ.

Разряды 7032 и 7033 гг. не отмѣчены ничѣмъ, а въ разрядахъ 7034 г. снова записаны (л. 58) случаи мѣстничества воеводъ, происшедшіе будто бы въ этомъ году при посылкѣ войскъ на судахъ

подъ Казань: бояринъ князь М. В. Горбатнй замѣстничался съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Вутурлиннымъ, бояринъ князь М. Ѡ. Курбскій тоже съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ да съ бояриномъ И. Н. Вутурлиннымъ и окольникій А. Н. Вутурлинъ съ бояриномъ княземъ Курбскимъ. Легко замѣтить, что это почти тѣ же случаи, которые указаны выше, подъ 7026 г.; но они, по всей вѣроятности, и подъ 7034 г. не на мѣстѣ (см. въ моемъ сочиненіи I. с.).

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7035 — 7037 годовъ. Подъ 7038 г., въ разрядѣ похода войскъ судами подъ Казань, указаны (л. 63) такіа мѣстничества: боярина князя М. В. Горбатаго Кислаго (2-й воевода большого полка) съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ (1-й воевода передоваго полка) и съ бояриномъ И. Н. Вутурлиннымъ (1-й воевода лѣвой руки); боярина князя М. Ѡ. Курбскаго (2-й воевода правой руки) тоже съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ и съ бояриномъ И. Н. Вутурлиннымъ и окольникіаго А. Н. Вутурлина (2-й воевода лѣвой руки) съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ, бояриномъ княземъ М. Ѡ. Курбскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ (2-й воевода передняго полка). Всѣмъ мѣстничавшимся отвѣчено: быть безъ мѣстъ, пока служба минется.

Опять повторены, значить, почти тѣ же мѣстничества, что и подъ 7026 и 7034 гг.; но они дѣйствительно происходили въ 7038 г. и встрѣчаются въ иныхъ разрядныхъ, за исключеніемъ мѣстничествъ окольникіаго А. Н. Вутурлина съ княземъ Ѡ. Лопатою Оболенскимъ и княземъ С. Ѡ. Сицкимъ, указаній на которыя мнѣ раньше не встрѣчалось. Затѣмъ князя Курбскаго звали не Михаиломъ Ѡеодоровичемъ, а Ѡеодоромъ Михайловичемъ (см. все это I. с.).

За разрядами 7039 г. слѣдуютъ разряды съ не помѣченными годами, для которыхъ однако оставлено мѣсто; такихъ мѣстъ пять; вѣроятно, разряды 7040 — 7044 годовъ. Разряды 7045 г. и слѣдующихъ снова помѣчены годами, и тѣмъ эти разряды позднѣе, тѣмъ они обстоятельнѣе.

Среди разрядовъ попадаются и еще случаи мѣстничества, но на сколько я могъ припомнить, уже извѣстныя. Неизвѣстныя мнѣ подробности я нашелъ лишь въ слѣдующемъ случаѣ, помѣченномъ среди одного изъ помѣченныхъ годовъ разрядовъ (л. 95): Назначенный во Владимірскомъ разрядѣ 1-мъ воеводою большого полка князь И. А. Шуйскій почему-то не явился на службу, и грамоты писались боярину князю П. И. Рѣпинну, 2-му воеводѣ большого полка (къ

нему слѣдовательно должны были прѣзжать для совѣщаній остальные воеводы разряда). Тогда 1-й воевода сторожеваго полка князь С. Алабышевъ ударилъ челомъ на князя Рѣпина—на томъ основаніи, что князь Феодоръ Алабышъ, отецъ челобитчика, сидѣлъ на Галичѣ, а съ нимъ князь Дмитрій Щепа, а князь Иванъ Рѣпинъ (отецъ князя П. И. Рѣпина) подъ княземъ Дмитріемъ третій братъ. Великій князь велѣлъ имъ съѣзжаться во Владимірѣ у церкви. Случай этотъ, по инымъ разряднымъ происходившій въ 7050 г. (см. ор. сіт. стр. 263), но безъ нѣкоторыхъ подробностей.

Пропускаемъ безъ замѣчаній разряды 7046—7065 годовъ, при чемъ не всѣ они аккуратно отмѣчены въ началѣ годами; но при побольшемъ вниманіи всегда легко замѣтить, гдѣ начинается особый разрядный годъ.

Подъ 7088 г. помѣщенъ (л. 123) извѣстный соборный приговоръ о мѣстничествахъ.

При перепискѣ разрядовъ 7066—7069 годовъ переписчикъ сбился: онъ раньше внесъ разряды конца 7068 г. и 7069 г. (съ оборота л. 167 по л. 173), чѣмъ разряды конца 7066 г., 7067 г. и начала 7068 г. (л. 173 въ самомъ концѣ по л. 187); можетъ быть, замѣтивъ это и желая поправить безпорядокъ, переписчикъ вставилъ два листка, ибо, какъ было выше сказано, приходящійся именно на это мѣсто 2-й листъ книги имѣетъ по 8, а 10 листовъ; но путаница въ разрядахъ все же осталась.

Съ оборота 188-го листка почеркъ рукописи становится крупнѣе прежняго, и съ 190 л. онъ дѣлается менѣ четкимъ и аккуратнымъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ онъ хуже. Подъ конецъ рукописи разряды пишутся вплосную, и полки не раздѣлены по строчкамъ. Но все же письмо рукописи разборчивое.

На оборотѣ 188 л. написаны, кажется, уже разряды 7070 г.; на оборотѣ же 189 л. они написаны навѣрное, а затѣмъ послѣдовательно, безъ перерывовъ идутъ разряды 7071—7087 годовъ и опять-таки, чѣмъ они позднѣе, тѣмъ обширнѣе. На концѣ листка 282 внезапно оканчивается разрядная книга.

Съ оборота листка 282 начинается изложеніе мѣстническаго дѣла, происходившаго въ томъ же 7087 г., на которомъ прекращаются разряды. Оно состоитъ изъ челобитья государю Ѳомы Аванасьевича Бутурдина на князя В. Тюфякина въ безчестіи за брата своего Романа Дмитріевича Бутурдина и разбора этого дѣла государемъ,

выдавшимъ Трѣякина Вутурлину головою. Это мѣстничество извѣстное.

Оканчивается изложеніе его на л. 285, гдѣ тотчасъ же начинается изложеніе другаго московскаго дѣла того же года, содержащее въ себѣ краткое челобитіе государю Роману Дмитріевичу Вутурлина на князя Ивана Самсон. Туренина и рѣшеніе: Вутурлинъ получилъ повѣстную грамоту. Случай тоже извѣстный.

Изложеніе этого втораго мѣстническаго дѣла прекращается на оборотѣ 285 л., и сейчасъ же слѣдуетъ изложеніе новаго дѣла, тоже происходившаго въ 7087 г., заключающее въ себѣ челобитіе государю въ отечествѣ о счетѣ Ром. Дим. Вутурлина на князя Дим. Ив. Хворостинина, при чемъ (младшій къ чужому роду, чѣмъ Ром. Дим. Вутурлинъ) Оома Ав. Вутурлинъ былъ челомъ на князя Ивана Ив. Хворостинина, отца князя Дим. Ив. Хворостинина. Оканчивается страница (оборотъ 285 л.) слѣдующими словами: Государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Россіи, выслушавъ Ооминной челобитный, да приказалъ судити своимъ государевымъ боярамъ: князю Ивану Оеод. Мстиславскому, да князю Сем. Дим. Пронскому, да Никитѣ Ром. Юрьеву, дьяку Андр. Клобукову; и судъ Оомѣ со княземъ Иваномъ былъ, а за князя Ивана отвѣчалъ и искалъ князь Оеодоръ...

Конечно, далѣе слѣдовало: Ивановичъ Хворостининъ (и этотъ случай извѣстенъ); но слѣдующаго листка уже нѣтъ, а вмѣсто него идетъ сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ, которое, судя по надписи на книгѣ: *Relié à Moscou etc.* (см. выше), по всей вѣроятности, вопреки мнѣнію Строева, переплетено вмѣстѣ съ разрядною книгою въ 1687 году въ Москвѣ для Спарвенфельда.

А. Шаркеничъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

GLASNIK ZEMALJSKOG MUZEJA U BOSNI I HERCEGOVINI. Urednik *Kosta Hbrmann*,
vladin savjetnik. Knjiga I—III. Sarajevo. 1889 ¹⁾.

Въ Босніи существуютъ преданія и пѣсни о построеніи разныхъ старинныхъ мостовъ; но до сихъ поръ обнародованы, на сколько мнѣ извѣстно, только преданія о старомъ мостѣ у Мостара. Къ сожалѣнію, и эти сообщенія довольно отрывочны; тѣмъ не менѣе они даютъ намъ понятіе о характерѣ подобныхъ сказаній.

По народному преданію, старій Мостарскій мостъ построенъ во времена герцога Штепана Косорича, послѣдняго сербскаго владѣтеля Герцеговины, и тогда же построены мосты—однѣй на р. Бунѣ, въ 2 ч. къ югу отъ Мостара, а другой у города Коньяцы, на р. Неретвѣ. Мостарскій мостъ строилъ водчій Раде, который по окончаніи моста побоялся снять помость изъ-подъ сводовъ и удалился на гору Поримъ, на 3 ч. къ сѣверу отъ Мостара, а передъ отправленіемъ поручилъ своему батраку (шегрт) снять ихъ. Прошло не мало времени, пока батракъ исполнилъ порученіе своего господина; на Раде напала тоска и сомнѣніе частью вслѣдствіе долгаго времени, частью вслѣдствіе томительнаго ожиданія и пребыванія въ неизвѣстности, и онъ сталъ отдѣлывать камень, а пока явился батракъ, онъ совершенно было отдѣлалъ камень. Увидѣвъ батрака, Раде разъяренный отъ гнѣва, выхватилъ ножъ, размахнулся и зарѣзалъ его, не узнавъ такимъ образомъ отъ него радостной вѣсти. Съ того времени и теперь остались у Порима отдѣланный камень и могила батрака ²⁾.

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Значеніе слова *шегрт* см. у *В. Караджича*, Српски рѣчаник. У Бечу. 1862, стр. 835.

По другому преданію, Раде по окончаніи моста желалъ узнать его крѣпость во время половодья Неретвы и потому не снялъ помоста. Когда передъ началомъ весны стали таять снѣга, то Неретва съ страшною силою устремилась и спесла камни и гѣса помоста; тогда она нанесла и огромную ель, и вслѣдствіе того главное теченіе и водовороты рѣки стали напирать на мостъ. Огромныя волны стали заливать мостъ, который сталъ качаться. Раде, видя опасность, долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры; онъ подвѣзалъ своего батрака веревками, далъ ему пилу и спустилъ его надъ елью. Батракъ выпилилъ ель и такимъ образомъ отклонилъ опасность для моста. Раде уже послѣ, когда спала вода, сплялъ помостъ нѣподъ моста ¹⁾.

Мустафа Хилими-Мухибичъ передаетъ этотъ разказъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ; онъ сообщаетъ, что на старомъ мостарскомъ шоссе, ведущемъ въ Боньциу, у дороги, не далеко отъ с. Подпорима, находится потреснувшее каменное корыто, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ никакого слѣда отъ фонтана и вообще воды. Преданіе народное говоритъ, что водчій, постронвшій мостъ, бился о закладъ, что онъ устроитъ такой мостъ, и если это будетъ ему не подъ силу, то онъ готовъ положить свою голову. Поднявши сводъ, онъ ушелъ въ с. Подпоримъ ждать вѣстія, обрушится ли мостъ, когда снять будетъ помостъ, на которомъ онъ былъ построенъ. Въ ожиданіи онъ отяглся и ударилъ ножомъ въ стѣну и разсѣкъ ее въ видѣ корыта. Народъ и до нынѣшняго времени употребляетъ воду, собирающуюся отъ дождей въ этомъ корытѣ, какъ лѣкарство (Glasnik, III, стр. 13).

Несомнѣнно, что преданіе, по всей вѣроятности, образовавшееся изъ пѣсни, передаетъ дѣйствительный фактъ, но пѣсня не равнилась до сюжета о задѣлываніи людей въ основаніи моста. За то она прекрасно объясняетъ vitku omogiku въ пѣсни: Zidanje ćurgije u Višegradu, гдѣ эта omogika, являясь, правда, при другой обстановкѣ, ничѣмъ, однако, не мотивируется. Былъ ли такой образъ въ преданіяхъ или пѣсняхъ о Мостарскомъ мостѣ, по наличности теперешнихъ данныхъ трудно сказать; но во всякомъ случаѣ видно, что пѣсни о немъ потерпѣли рядъ измѣненій и имѣли нѣсколько формаций, по крайней мѣрѣ, три. Первая—это та версія разказа, гдѣ Раде испытываетъ крѣпость моста. Это, несомнѣнно, остовъ бы-

¹⁾ *Босанска Вила*, № 8, стр. 126.

лины, сложившейся подъ впечатлѣніемъ дѣйствительнаго событія. Вторая формація — разказъ, гдѣ водчій убиваетъ своего батрака; здѣсь прямо является новый образъ безъ связи мотива съ первой формаціей; здѣсь, можетъ быть, недостаетъ версія съ одушевленною елью, въ родѣ *omogika* (сосна), которая, послѣ того, какъ ее вырубилъ, издаетъ голосъ. Но за то эта формація убійствомъ батрака приближается къ третьей, служить ей прямымъ звеномъ. Убійство здѣсь, своего рода жертва, мотивъ которой довольно своеобразенъ. Несомнѣнно, этотъ образъ вылился на почвѣ пѣсенъ или сказаній о задѣлываніи челоуѣка въ зданіе для вѣчной крѣпости послѣдняго. Реальное выраженіе этого образа въ пѣснѣ возникаетъ или является съ того времени, какъ въ народной памяти сталъ затемняться дѣйствительный фактъ. Сохранилась ли эта версія въ пѣснѣ, или только въ разказѣ, образовавшемся на ея развалинахъ, въ настоящее время сказать не могу. Но когда наступило полное забвеніе подробностей факта, тогда появилась третья формація или версія, по которой постройка не удавалась до тѣхъ поръ, пока въ немъ не были задѣланы братъ и сестра съ однородными именами—Стоянъ и Стоя, или же только одна женщина ¹⁾.

Сообщавшій эти данныя передаетъ, что о построеніи Мостарскаго моста существуютъ пѣсни; но, къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ еще ни одной, хотя уже давно обѣщалъ сообщить ²⁾; изъ его словъ однако нельзя понять, къ какой редакція или версія относятся эти пѣсни.

Этотъ пѣсенный мотивъ есть и у болгаръ. Здѣсь народное преданіе связано съ построеніемъ Кадина моста на р. Струмѣ, между городомъ Кюстендиломъ и Дупницой, въ западной Болгаріи. Название это объясняютъ двояко. Одни производятъ его отъ турецкаго слова кадія (судья) ³⁾, а другію—отъ турецкаго кадина или кадына (исѣвѣста, жапа). Первое производство, несомнѣнно, вѣрно. Что же касается второго, то оно положительно не возможно; иначе должно было быть кадынинъ; да и слова кадинъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ. Навѣрное можно сказать, что второе производство принадлежитъ не народу. Построеніе Кадина моста относить къ незапамятнымъ временамъ. Въ него задѣланы камни съ латинскими надписями, что показываетъ, что эти матеріалы для постройки взяты съ римскихъ развалинъ, которыхъ въ его

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Периодическо Списание*, кн. VII, стр. 129.

окрестностяхъ довольно много, а именно города Певталіи. Судя однако по турецкой надписи на немъ, несомнѣнно, что онъ построенъ въ турецкое время, именно—Ишакомъ-нашой въ 874 г. гиджры (14-го февраля 1469—29-го июня 1470 гг.); объ этомъ мостѣ упоминають и нѣкоторые путешественники XVI в. ¹⁾ По правую сторону моста находится село Невѣстино, которое около ста лѣтъ тому назадъ было на лѣвомъ берегу рѣки, тамъ, гдѣ теперь находится старая церковь Свети Спасъ (Спасителя), при которой собирается сборъ (сходка на храмовой праздникъ и ярмарка) въ Спасовъ день (Вознесенія). Прежнее село было велико, но оно сожжено кырджалиями, и оставшіеся жители его возобновили его на правомъ берегу рѣки ²⁾. По народному преданію, желѣзо, которое само раскапывало камни для моста въ лѣсахъ надъ Кюстендиломъ, само забивалось въ скалы, и донинѣ оно тамъ забито, какъ утверждаютъ окрестные поселяне, изъ которыхъ многіе его будто бы видѣли. Камни сами шли къ тому мѣсту, гдѣ дѣлался мостъ, а когда мостъ былъ готовъ, то остановились по дорогѣ, такъ что и теперь указываютъ на камни, разсѣянные у села Вагранца, по пути изъ Кюстиндила къ Кадиву мосту ³⁾.

О самомъ построеніи моста разказывается слѣдующее. Три брата строили Кадивъ мостъ, строили его долгое время, но не могли достроить, такъ какъ не могли закрѣпить средній сводъ. Наконецъ они поняли, что мостъ хочетъ жертвы. Тогда всѣ три мастера рѣшили: которая изъ женъ трехъ братьевъ придетъ раньше всѣхъ къ мастерамъ принести имъ обѣдъ, та будетъ задѣлана подъ средній сводъ моста. Всѣ три брата вечеромъ отправились домой. Младшій не сказалъ своей женѣ того, о чемъ условились братья; но другіе два предупредили своихъ женъ, чтобъ онѣ на другой день не приходили къ постройкѣ. На другой день раньше всѣхъ пришла къ мастерамъ младшая невѣстка. Какъ только ее увидѣли мастера, деверья и ея мужъ, тотчасъ схватили ее и задѣлали подъ средній сводъ. Когда ее застраивали, она плакала и просила, чтобъ

¹⁾ Предполагають, что въ Болгаріи дѣйствительно существовалъ *Кадивъ* (отъ кадіа) мостъ на одномъ изъ малыхъ правыхъ притоковъ Струмы, нѣсколько ниже настоящаго моста, [по пути въ село Бобошево чрезъ село Друмохоръ. *Периодическо Списание*, кн. VII, стр. 129. Ср. *Jireček, Cesty po Bolharsku. V Прагѣ. 1888, стр. 414.*

²⁾ *Jireček, Cesty po Bolharsku, стр. 443 — 444; Периодич. Списание, VII стр. 129.*

³⁾ *Jireček, Cesty, стр. 444; Пер. Спис., VII, стр. 129.*

оставили ей груди и глаза открытыми, чтобы она могла выкормить свое дитя и видѣть его, такъ какъ оно было груднымъ. Мастера исполнили ея желаніе. Она долгое время кормила грудью свое дитя и плакала; и до этого времени она воетъ по ночамъ. Матери, у которыхъ мало молока, до настоящаго времени ходятъ изъ сосѣднихъ селъ и Кюстендила и отрываютъ куски отъ средняго камня моста, варятъ эти куски въ водѣ и пьютъ эту воду, чтобы у нихъ было достаточно молока для дѣтей ¹⁾. Этотъ разказъ почти вполне сходенъ съ содержаніемъ болгарской пѣсни съ Родопскихъ горъ, съ долины Арды и Гюмюрджинской приморской равнины, о построеніи Мусины-калеси (Мессинополь), около Гюмюрджинны; особенное сходство видно въ концѣ разказа ²⁾. Но въ общемъ сюжетъ здѣсь развитъ, какъ въ пѣсняхъ о построеніи моста на Дриѣ у Вишеграда, такъ и въ пѣсняхъ о построеніи Скадра у сербовъ ³⁾ и Куртя д'Арджешъ у румыновъ.

Другое болгарское преданіе менѣе оригинально, за то болѣе близко къ сербско-боснійской балладѣ; можно даже сказать, что оно есть отраженіе послѣдней въ болгарской народной поэзіи; это преданіе о Павлѣ—строителѣ моста на Марицѣ (Павле Кюпрюсю на Марица), послужившее сюжетомъ баллады болгарскаго поэта П. Иванова ⁴⁾. Преданіе это слѣдующее: Рѣшено (кѣмъ?) построить мостъ на Марицѣ, и для того собралось множество мастеровъ. Стали мастера работать, стараясь, какъ можно скорѣе окончить постройку. Главнымъ распорядителемъ при работахъ былъ Павле (Шавель). Долго они работали и думали, что вотъ-вотъ мостъ будетъ оконченъ. Но въ одно утро они видятъ, что весь трудъ ихъ напрасенъ: мостъ былъ разрушенъ до основанія. Опечалились мастера; больше всѣхъ скорбѣлъ Павле. Долго они думали, судили и редили, но ничего не могли придумать. Наконецъ, одинъ изъ мастеровъ, Ради (сербск. Раде), далъ Павлу совѣтъ — призвать на помощь домового. Въ то же время они сговорились предупредить каждый свою жену, чтобы ни та, ни другая не приходила на постройку, иначе пришедшая погибнетъ. Вече-

¹⁾ *Jireček*, op. et l. c.; *Пер. Спис.*, VII, стр. 131.

²⁾ *Jireček*, op. c., стр. 444. *Периодич. Спис.*, VII, стр. 180.

³⁾ *Трудъ*, болгарск. журн., изд. въ Тырновь, Годъ II, кн. VI, стр. 727--728.

⁴⁾ Стихотворенія отъ П. Иванова (Старо-Зогора), I. Цариградъ. 1875, стр. 101—108: Баллада или Павле Кюпрюсю на Марица, споредъ народното вѣрованіе.

ромъ всѣ мастера отправились по домамъ; всѣ они были очень печальны; но печальнѣе всѣхъ былъ Павле, какъ будто предчувствуя, что надъ нимъ стряется бѣда. Онъ легъ отдохнуть въ надеждѣ, что нѣсколько уснокоится. На другой день, вставъ рано по утру, онъ поспѣшно отправился на постройку, забывъ предостеречь свою жену. Между тѣмъ его жена приготовила обѣдъ, накормила грудью свое дитя, уложила его спать и затѣмъ отправилась къ мужу свести ему обѣдъ. Скоро и весело шла она; но не радовался мастеръ Павле. Увидѣвъ свою жену, онъ не зналъ, что дѣлать, отъ жалости и гнѣва, что не могъ предотвратить своего несчастія. Далѣе эпизодъ съ кольцомъ. При ея привѣтствіи онъ опускаетъ голову, наклонившись, чтобъ найти свое кольцо, которое незамѣтно для него упало въ основаніе моста. Безъ дальнихъ разговоровъ спустилась туда его жена, чтобы достать кольцо. Но она не успѣла нагнуться, какъ полетѣли на ея голову камни. Сразу она догадалась, что съ нею будетъ, и стала звать мужа, чтобъ ее избавить, иначе останется дитя въ люлькѣ сиротой. Преданіе говоритъ, что мастера мостъ окончили безъ приключеній; но Павле плакалъ безуспѣшно. Впослѣдствіи суевѣріе къ этому прибавило, что многіе въ полуночное время и теперь слышать, какъ замурованная жена зоветъ своего мужа Павла, чтобъ ее избавить, а подъ сводами моста указываютъ на отвердѣвшія капли молока, сочившіяся изъ груди несчастной.

Отсюда ясно, что мы имѣемъ только одинъ остовъ пѣсеннаго сюжета; многіе эпизоды мотивируются совершенно прозаично: сознание необходимости замурованія живаго человѣка въ основаніи постройки, предостереженіе женъ, забитіе Павла, приготовленіе и принесеніе обѣда. Однако видно и въкоторое отраженіе сербской пѣсни въ этомъ преданіи; даже имя Роде какъ-то незамѣтно еще сохранилось. Но интересно здѣсь то, что сюжетъ взятъ изъ боснійской пѣсни: „Zidanje birgije и Višegradu“, а мотивъ—изъ другой пѣсни: „Зиданье Скадра“; иначе говоря, основа—изъ одной редакціи, а обликъ—изъ другой. Это, по-моему, доказываетъ, что пѣсень о мостахъ съ человѣческими жертвами было не меньше, чѣмъ пѣсень о зданіяхъ съ такими жертвами. Съ другой стороны, весьма возможно, что существовала, а можетъ быть, и существуетъ такая редакція пѣсенъ о Вишеградскомъ мостѣ.

Этотъ сюжетъ довольно распространенъ въ греческой народной поэзіи и отчасти, можно сказать, локализованъ; главнымъ образомъ онъ приурочивается къ построенію моста на Артѣ, какъ и у

куповлаховъ или македонскихъ румыновъ. Пельзя, однако, сказать чтобъ у грековъ онъ былъ развитъ. Въ греческой народной поэзи миѣ известны пять пѣсень, которыя можно выдѣлить въ двѣ верси.

Въ первой разказывается, что сорокъ-пять мастеровъ и шестьдесятъ подмастерьевъ три года строили мостъ на р. Артѣ; но что они строили за дѣлный день, то за ночь рушилось. Плачутъ мастера и стонутъ подмастерья. Тогда геній (τс στοιχειό) изъ-подъ средняго свода говорить имъ:

Ἄν δὲ στοιχειώσῃς ἄνθρωπο, τεῖχος δὲ θεμελιώνεις.
Καὶ μὴ στοιχειώσῃς ὄρφανό, μὴ ξένο, μὴν διαβάτην,
Παρά τοῦ πρωτομάστορα τῆ ὄρια τὴν γυναῖκα,
Πῶρχετ' ἀργὰ τ' ἀποταχῶ, πῶρχετ' ἀργὰ στο γῶμα ¹⁾.

Страшно опечалило это извѣстіе перваго мастера. Пишетъ онъ письмо своей женѣ и посылаетъ его черезъ птицу-ласточку, наказывая ей сказать:

Ἄργα ντοθῆ, ἀργ' ἀλλαχτῆ, ἀργὰ να πάη εἰς τὸ γῶμα
Ἄργὰ να πάη καὶ να διαβῆ τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῶρι ²⁾.

Но птица иначе передала:

Γοργὰ ντύσου, γοργ' ἀλλαξε, γοργὰ να κᾶς τὸ γῶμα,
Γοργὰ να κᾶς καὶ να διαβῆς τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῶρι ³⁾.

Поспѣшно она вышла и отправилась къ мосту; но когда увидѣла ее первый мастеръ, то сердце разрывалось у него отъ жалости. Она весело привѣтствуетъ ихъ:

Γενὰ σας, χαρά σας μάστορες καὶ σεις οἱ μαθητάδες,
Μὰ τ' ἔχει ὁ πρωτομάστορας κ' εἶν' ἔτσι χολιασμένος; ⁴⁾

¹⁾ *Rassau*, *Popularia carmina*. Lips. 1860, стр. 389: „Если вы не принесете въ жертву человѣка, то не удержатся своды; и не приносите въ жертву ни сироту, ни чужестранца, ни путника, но красавицу жену перваго мастера; она поздно приходитъ каждое утро, поздно приходитъ къ обѣду“. Не совсемъ точный нѣмецкій переводъ см. у *Кинда*, *Anthologie neugriechischer Volkslieder*. Leipzig. 1861, стр. 91 и 93.

²⁾ „Поздно встань, поздно одѣвайся, поздно обѣдъ приготовляй, поздно приготавливай и (тогда только) приходи къ мосту на Артѣ“.

³⁾ „Рано ты встань, поспѣшно одѣвайся, поспѣшно обѣдъ приготовляй, поспѣшно ты отправляйся и (поспѣшно) приходи къ мосту Артекому“.

⁴⁾ „Здравствуйте, привѣтъ вамъ, мастера, и вамъ, подмастерья! Что же сдѣлалось одному главному мастеру, что онъ такъ опечаленъ?“

Тогда ей сказали, что

Τὸ δαχτυλίδι τῶκεσε εἰς τὴν πρώτην τὴν καμάραν,
Καὶ ποῖός νά μπῆ καὶ ποῖός νά βγῆ τὸ δαχτυλίδι νάβρη; ¹⁾

Ничего не подозревая, жена мастера охотно вызвалась, что она сама туда спустится, говоря:

Μάστορα μὴν πικραίνεσαι, κ' ἐγὼ νά κά' σ' τὸ φέρω.
Ἐγὼ νά μπῶ κ' ἐγὼ νά βγῶ τὸ δαχτυλίδι νάβρω ²⁾.

Ее связали цѣпью и стали спускать подъ сводъ. Но видно, потому она догадалась, что съ нею можетъ приключиться что-нибудь недоброе, потому что не успѣла дойти и до середины, какъ стала просить:

Τράβα καλέ μ' τὴν ἄλυσον, τράβα τὴν ἀλυσίδα,
Τ' ὄλον τὸν κόσμ' ἀνάγορα καὶ τίποτες δὲν ἤδρα ³⁾.

Но вмѣсто того, чтобъ поднять ее вверхъ,

Ἐνας κηχάζει μὲ τὸ μυστήρι κ' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πέρνει κ' ὁ πρωτομάστορας καὶ ρίχνει μέγα λίθον ⁴⁾.

Только теперь она увидѣла, что ее постигло, и въ отчаяніи застонала, приговаривая:

Ἀλλοίμονο εἰς τὴ μοῖρά μου, κοίμα εἰς τοῖς κίβωτον μου,
Τρεῖς ἀδερφάδες ἤμασταν κ' ἡ τρεῖς κακογραμμέναις.
Ἡ μιὰ χτίσε τὸ Δούναβι κ' ἡ ἄλλη τὸν Αὐλῶνα
Κ' ἐγὼ ἢ κλιὸ στερνότερη τῆς Ἄρτας τὸ γιοφῶρι ⁵⁾.

Затѣмъ она закликаетъ мостъ, говоря:

Καθὼς τρέμ' ἢ κορδοῦλά μου, νά τρέμη τὸ γιοφῶρι,
Κι' ὡς πέφτουν τὰ μαλάχια μου, νά πέφτουν οἰδιαβάτακ ⁶⁾.

¹⁾ „Кольцо упало подъ первый сводъ, и кто туда пойдетъ, кто спустится, чтобъ найти кольцо?“

²⁾ „Не печалься, мастеръ, я достану тебя; я пойду, я сойду, я найду кольцо“.

³⁾ „Тяни, милый, цѣпь, тяни цѣпочку; я вездѣ искала и ничего не нашла“.

⁴⁾ „Одинъ приноситъ камень, другой извѣсть; сюда же подходитъ и первый мастеръ и накладываетъ большой камень“. Вариантъ:

Ἐνας τὴν κρούει μὲ κηλὸν, κ' ἄλλος μὲ τὸν ἀσβέστη,
Πιάνει κ' ὁ πρωτομάστορας πέντ' ἔξη ματσουκάκια.

⁵⁾ „Ахъ, какава наша судьба, какой злой нашъ рокъ! Трое сестеръ насъ было и все три злосчастны: одна была захвачена въ Дунай, другая въ Авлону, и я, самая младшая, въ мостъ на Артѣ“.

⁶⁾ „Какъ дрожатъ мое сердечко, пусть такъ дрожатъ мостъ, и какъ падаютъ мои волосы, такъ пусть падаютъ прохоніе!“ Вариантъ:

Ὡς τρέμει τὸ καρσόφυλλον μου, νά τρέμη τὸ γιοφῶρι.
Κι' ὡς πέφτουν τὰ δενδρόφυλλα, νά πέφτουν οἱ ἀνθρώποι.

Видно, духъ моста — пѣсня не говоритъ — совѣтуетъ ей не произносить такого заклинанія, потому что она подвергается несчастію своего дорогаго брата; онъ говоритъ:

Κόρη τὸν λόγον ἄλλαξε, κ' ἄλλη κατὰρα δόσε,
Πῆχεις μονάκριβ' ἀδερφὸ, μὴ λάχῃ καὶ περάσῃ ¹⁾).

Тогда она перемѣнила заклинаніе такимъ образомъ:

Σίδερο ἢ καρδοῦλά μου, σίδερο τὸ γιοφῶρι,
Σίδερο τὰ μαλλάκια μου, σίδερο κ' οἱ διαβάταις.
Τι' ἔχω 'δερφὸ στὴν ξενιτειά, μὴ λάχῃ καὶ περάσῃ ²⁾).

Сюда можно отнести и трапезундскую пѣсню ³⁾, являющуюся какъ бы вариантомъ предыдущей. Содержаніе ея таково: Тысяча мастеровъ строили волосяную мостъ (τῆ Τρίχας τὸ γεφύρι) ⁴⁾, чтò за день они строили, то вечеромъ разрушалось. Наконецъ, таинственный голосъ говоритъ главному мастеру.

Ντὸ δεῖς με, πρωτομάστορα καὶ σταίνω τὸ γεφύρις? ⁵⁾

Но кто это говоритъ, пѣсня не указываетъ, какъ почти совсѣмъ не указываетъ далѣе дѣйствія, а только приводитъ одни разговоры собственно дѣйствующихъ лицъ. Главный мастеръ отвѣчаетъ:

Ἄν δίγω σε τὴν κόρη μου, ἄλλο κόρην πάλ' κ' ἤῃχω.
Κι' jāν δίγω σέ τὴν μάνα μου, ἄλλ' μάναν πάλ' κ' ἤῃχω,
Κι' jāν δίγω σέ τ' ἀδέλφια μου, ἄλλ' ἀδέλφια πάλ' κ' ἤῃχω,
Κι' jāν δίγω σέ τὴν κάλη μου, καλύτερον εὐρίσκω ⁶⁾).

¹⁾ „Дочь моя, переименуй свое слово и произноси другое заклинаніе, ибо у тебя единственный и дорогой братъ; не постигла бы его та же судьба, если онъ пройдетъ (по мосту). Вариантъ:

Κόρη μου μετανόησε νά σώσης τὴν ψυχὴ σου.

²⁾ „Какъ желѣзо пусть будетъ мое сердечко, какъ желѣзо пусть будутъ чувства мои, какъ желѣзо пусть будутъ и прохоніе. Врата не моего, который на чужой сторонѣ, пусть не постигнетъ его такая судьба, если онъ пройдетъ“ (по мосту).

³⁾ *Иоакимовъ*. Нѣсколько словъ о варячѣхъ трапезундскихъ грековъ, съ образцами ихъ пѣсенъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI. Телелісь. 1888, отд. II, стр. 19—21. На эту пѣсню обратилъ мое вниманіе Г. О. Дестуансь.

⁴⁾ Несомнѣнно ἑρῖξ есть осмысленіе собственнаго имени; можетъ быть, на это осмысленіе имѣло вліяніе армянское преданіе. Ср. также болг. тирюза.

⁵⁾ Что ты имѣешь дочь, первый мастеръ, и я тебя поставлю мостъ?

⁶⁾ „Если я отдамъ тебя свою дочь, другой дочери у меня не будетъ; если

Послѣ этого онъ посылаетъ къ своей женѣ пташечку соловья
ἀηδὸν τὸ πουλόπον), чтобъ объявить его волю; онъ ей приказываетъ:

Τὴν σάββαν ἄς πάγη σὸ λουτρόν, τὴν κερειήν σὸν γάμον
Καὶ τὴν δευτέραν τὴν παρ' ἔχει ἀδὰ ἄς εὕρισχάται ¹⁾.

Что произошло дальше, въ пѣснѣ не сказано; здѣсь въ ней большой пропускъ. Но, очевидно, жена была замурована, ибо она приноситъ свое заклинаніе:

Σανὶ τρομάζ'ιν τὰ γόνατα μ', νὰ τρομάζ' τὸ γεφύριον,
Σανὶ ροῦζνε τὰ δάκρυα μου, νὰ ροῦζνε οἱ διαβάτῳ ²⁾.

Видно, тотъ же гонимый—таинственный голосъ говорить ей:

Εὐχέη', κόρη, εὐχέη', κόρη, μὴ καταράσαι·
Ἐχ'ς ἀδελφὸν σ' ἦν ξενητεία, ἢ ἠῆρται καὶ διαβαίνει ³⁾.

Тогда она переѣнула свое проклятiе:

Σαν' ἐστάθην τὰ γόνατα μ', νὰ στέχῃ το γεφύριον·
Σανὶ τρέχουν τὰ δάκρυα μου, νὰ τρέχνε κιὼ οἱ διαβάτῳ ⁴⁾.

я отдамъ тебѣ свою мать, то у меня другой матери не будетъ; если я тебѣ
отдамъ брата, у меня другого брата не будетъ; но если я отдамъ тебѣ свою
жену, то я лучше найду".

¹⁾ „Ты должна въ субботу пойдти въ баню, въ воскресенье — на свадьбу;
но съ понедѣльника ты должна находиться здѣсь“, то-есть, у моста.

²⁾ „Какъ дрожать мои колѣна, такъ пусть дрожитъ мостъ; какъ льются мои
слезы, такъ пусть падаютъ прохожіе“ (то-есть, съ моста).

³⁾ „Удержись, дѣвица, удержиись, дѣвица, удержиись, не проклинай; у тебя
братъ на чужбинѣ; онъ вернется и пройдетъ“ (то-есть, по мосту, упадетъ и
утонетъ).

⁴⁾ „Какъ (крѣпко) стоятъ мои ноги, также (крѣпко) пусть стоитъ мостъ;
какъ прошли мои слезы, такъ пусть пройдутъ и прохожіе“ (то-есть, по мосту).

У Томица (Томасео) пѣсня оканчивается такъ:

Ἄν τρέμουν τ' ἀγρια βουβά, νὰ τρέμῃ τὸ γιοφῦρι,
Κι' ἂν πέφτουν τ' ἀγρια κουλιά, νὰ πέφτουν οἱ ἀνθρώποι.

Несомнѣнно, что № DXIII у *Пассова* (и у *Fauriel*, II, 80): τὸ στοιχειὸν τοῦ
ποταμοῦ есть отрывокъ пѣсни этого цикла:

Κοράσιον ἐτραγούδησεν ἐπάνω σὲ γεφῦρι·
Καὶ τὸ γεφῦρι ῥάγισε καὶ τὸ ποτάμι στάθη,
Καὶ τὸ στοιχειὸν τοῦ ποταμοῦ κι' αὐτὸ στήν ἀκρ' ἐβγήκε.
„Κόρη μου πάψε τὸν ἄχον κι' εἰπέ κι' ἄλλο τραγοῦδι·“
„Ἄχ πῶς νὰ πάψω τὸν ἄχον, κι' ἄλλο νὰ πῶ τραγοῦδι;
Ἐχῶ τὸν ἀντρα μ' ἄρρωστον κι' ἄρρωστικὸν γυριῶ.

Νὰ κάμω στρουγγαν τοῦ λαγοῦ, τὸ γάλα του ν' ἀρέσω·“.

Popul. sagm., p. 391.

Только эта пѣсня является еще болѣе разрушенною, чѣмъ прежняя. По неразработанности сюжета и по складу пѣсни видно, что она дошла до насъ не въ первоначальной своей цѣлости, а въ нѣскольکو разбитомъ видѣ.

Другая пѣсня представляетъ сюжетъ слѣдующимъ образомъ: Сорокъ мастеровъ и шестьдесятъ наемныхъ работниковъ строили башню на мосту на Артѣ. Но что они строили за день, то разрушалось за ночь. Плачутъ мастера и сокрушаются, радуются работники, потому что дни у нихъ свободны. Въ одно свѣтлое воскресенье, въ одинъ праздникъ, легъ первый мастеръ поспать и увидѣлъ во снѣ сонъ, что они убили человѣка и башня держится. Но они должны пожертвовать ни богатымъ и знатнымъ, ни бѣднякомъ, ни страдующимъ по свѣту, но женой перваго мастера. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ рабочихъ и послалъ его къ своей женѣ, чтобъ ей сообщить волю мужа:

Σύρε νὰ πῆς χοροῦλας σου, τὴν χαραβοχорὰ σου,
Σὰ νάντωθῆ, νὰ στολιστῆ, νὰ βάλῃ τὰ χρυσὰ της,
Νὰ βάλῃ τ' ἀσημένια της καὶ τὰ μεταξωτὰ της·
Γοργὰ νὰ πᾶς, γοργὰ νὰρῶθῃς. γοργὰ νὰν τῆ τ' ὀρίσῃς ¹⁾.

Пришелъ рабочій въ домъ перваго мастера. Жена послѣдняго шла и пѣла. Онъ передалъ ей волю своего господина. Сдѣлавъ все, какъ ей было сказано, она отправилась къ своему мужу; она нашла мастеровъ за столомъ. Мужъ обращается къ ней съ привѣтствіемъ и объясняетъ ей, зачѣмъ онъ ее посылаетъ; онъ говоритъ ей:

Καλῶς τὴν τὴν χοροῦλὰ μου, τὴν χαραβοχорὰ μου.
Μῶλεσ' ἢ ἀρραβῶνά μου, τὸ πρῶτο δαχτυλίδι·
Γιὰ τοῦτο σοῦ ἐμήνυσα νὰρῶθῃς νὰ μοῦ τὸ σῶσῃς ²⁾.

Пока она пришла на средину моста, одинъ приготовляетъ цементъ, другой известь, а самъ первый мастеръ приготовилъ молотъ. Пѣсня не говоритъ, что происходило съ женой мастера, но приводитъ ея слова:

¹⁾ *Rasson*, *Popul. eartm.*, p. 390: „Пойди къ твоей госпожѣ, къ своей повелительницѣ, чтобъ она одѣлась и принарядилась, чтобъ она украсилась золотыми, чтобъ она украсилась серебрянными и шелковыми украшениями. Скоро отправляйся, скоро возвратись и скоро передай порученіе“.

²⁾ „Здравствуй, моя госпожа, моя повелительница! Упало мое вѣнчалное кольцо, первое кольцо; я для того послалъ призвать, чтобы ты меня спасла“.

Τρεῖς ἀδερφάδες εἶμαста κ' ἢ τρεῖς ἐσκοτώθησαν,
 Ἡ μια σκοτώθη σ' ἐκκλησιά κ' ἢ ἄλλ' σέ μοναστήρι
 Κ' ἢ τρίτη ἢ καλήτερη τῆς Ἄρτας στό διοφύρι.
 Ὡς τρέμουν τὰ χεράκια μου, νὰ τρέμουν ἢ κολόνας
 Κι' ὡς τρέμει ν' ἢ καρδοῦλά μου, νὰ τρέμη τὸ διοφύρι ¹⁾.

Очевидно, пѣсня не все досказала; пѣвецъ предполагаетъ, что не досказанное само собою разумѣется. Но это же самое обстоятельство показываетъ, что пѣсня забывается, что многое изъ нея выпало и даже измѣнено, какъ видно, на примѣръ, изъ того, что сама жена называетъ себя ἢ καλήτερη, что не могло быть въ первоначальной редакціи слова; эта аттестація, несомнѣнно, тамъ принадлежала пѣвцу. Также здѣсь видимъ намекъ на какую-то опасность вслѣдствіе выпаденія кольца. Цѣльная народная пѣсня не любитъ неясностей, неопредѣленностей, недомолвокъ; въ ней все сказано, все объяснено. Послѣ того не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что эта форма пѣсни представляетъ или не доразвившійся мотивъ, такъ какъ почва ея была не греческая народная поэзія, или только жалкій, но все-таки странный обломокъ цѣльной пѣсни.

Еще болѣе жалкій видъ представляетъ вышняя форма пѣсни: „Принесенная въ жертву женщина двумя своими братьями“ (Ἡ στοιχειωμένη γυνὴ μετὰ τῶν δύο αὐτῆς ἀδελφῶν) ²⁾. Содержаніе ея слѣдующее: тысяча-четыреста мастеровъ и шестьдесятъ подмастерьевъ строили сводъ или мостъ на р. Эладѣ (Спархей). Что они за день строили, то за ночь разрушалось. Птичка одна пришла и сѣла на верху свода; она не чиркала, какъ птица, не пѣла какъ соловей, но выглядывала и говорила человѣческимъ голосомъ:

Ἄν δὲν στοιχιάστ' ἀνθρώπο, χαμάρα δὲν στερνίωνα.

„Но не приносите мнѣ ни сироту, ни чужанина, ни путника; но только жену перваго мастера“. Услышавъ это, послѣдній посылаетъ двухъ подмастерьевъ къ своей женѣ: „Встань, госпожа мастерица; тебя желаетъ видѣть мастеръ“,—говорятъ они ей. Но она спрашиваетъ

¹⁾ „Мы были три сестры и всѣ три убиты: одна была убита для церкви, другая для монастыря, а третья, самая красивая,— въ мостѣ на Артѣ. Какъ дрожатъ мои рученьки, чтобы такъ дрожали столбы; какъ дрожитъ мое сердечко, чтобы такъ дрожала мостъ“.

²⁾ Πατριδης, Συλλογὴ δημοτικῶν ἀσμάτων. Ἐν Ἀθῆν. 1852, стр. 28. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками этого изданія не было, и содержаніе пѣсни привожу по не совсемъ точному переводу г. Шениану: *Legenda mesterului Manole la grecii moderni* въ *Concursuri Literare* (н. XXII) 1888, № 8, стр. 675—676.

ихъ: „Скажите мнѣ, если воветь меня для какого-нибудь хорошаго дѣла, то принаряжусь и приду; а если онъ воветь меня на какое-либо нехорошее дѣло, то я приду такъ, въ чемъ я теперь“. „Ни на добро, ни на зло; только приходи такъ, какъ ты теперь“, отвѣчаютъ ей. Что произошло далѣе, пѣсня уже не знаетъ; пѣвецъ послѣ этого прямо влагааетъ женѣ мастера въ уста слѣдующія слова: „Охъ, знаю, несчастная, охъ, знаю я, злополучная! Насъ было три сестры и всѣхъ насъ трехъ принесли въ жертву (ταῖς τρεῖς στοιχιά μας ἑβάλαν): одну въ Терновѣ, другую у Маноли, и меня несчастную подъ круглую арку. Какъ дрожать у меня сердечко, такъ чтобы дрожала мостъ; какъ у меня льются слезы, такъ чтобы падали (въ воду) прохожіе“.

Вторую версію греческой баллады составляетъ пѣсня: „Жена перваго мастера“ (Ἡ γυναῖκα τοῦ πρωτομάστορα)¹⁾. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Визву, на черной рѣкѣ, строили мостъ (καμάρα, арка) для облегченія путникамъ. Птичка одна поетъ, кричить, не умолкаетъ:

Ἐπὰ καμάρα μὴ σταθῆ, καμάρα μὴ στερώσῃ,
 Ὅξω νὰ χτίσοον ἀνθρώπο 'ς τὸν πόδα τῆ καμάρας.
 Μῆτε στραβό, μῆτε χοροτό, μῆτε καὶ δρομολάτη
 Παρὰ τοῦ πρωτομάστορα τὴν ὁμορφὴ γυναῖκα²⁾.

Тогда обратили вниманіе перваго мастера на это:

Ἄχοοσε πρωτομάστορα τί τὸ πουλί σοῦ λέει³⁾.

Первый мастеръ послалъ своего слугу въ свой домъ къ женѣ, чтобы позвать ее къ себѣ. Спрашиваетъ его жена мастера: придти ли ей принаряженной или нѣтъ. Приходитъ жена и спрашиваетъ мужа:

Ἴντα ἕχεις πρωτομάστορα καὶ χάθεσαι καὶ κλαίεις⁴⁾.

¹⁾ Jeannarakí. Ἐισαγωγή κρητικὰ μετὰ διετιχῶν καὶ παροιμιῶν. Leipzig. 1876, стр. 209—210.

²⁾ „Здѣсь арка не устоитъ, арка не удержится; развѣ если задѣлать человека въ основаніи арки: ни криваго, ни хромаго, ни путника, а только красивую жену перваго мастера“.

³⁾ „Слушай, первый мастеръ, что птичка говоритъ!“

⁴⁾ „Что ты, первый мастеръ, такимъ печальнымъ сидишь и плачешь?“

На это мужъ отвѣчаетъ ей:

Τὸ δαχτυλίδι μου 'πεσε 'ς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
Σώπασε πρωτομάστορα, μὰ γὰρ θὰ σοῦ τὸ βγάλω ¹⁾).

Сперва она принарядилась съ вечера до утра и съ утра до вечера, до другаго полудня ²⁾); нарядъ ея пѣсня описываетъ необыкновенными красками, совершенно въ духѣ народной поэзии:

Βάνει τὸν ἥλιο κούτελο καὶ τὸ φεγγάρι' ἀστῆθι
Καὶ τοῦ κοράκου τὸ φτερό βάνει χαμαροφρόδι,
Τὴν ἄμμο τὴν ἀμέτρητη βάνει μαργαριτάρια,
Τὰ χοχλαδάκια τοῦ γιалоῦ τσικίγια 'ς τὸ λαμόν τῆς ³⁾).

Снарядили ее ея прислужницы (ἡ βάγιας τῆς). Наконецъ она дошла до арки.

Καλῶς τὰ κάνετ' ἄρχοντες κ' ἐσεῖς οὐλ' οἱ μαστόροι,
говорить она.

Καλῶς τηνε τὴ ῥήγισσα, τὴν πενταπλουμισμένη ⁴⁾),—

отвѣчаютъ ей. Она высоко засучиваетъ рукава и входитъ въ арку. Тогда всѣ поспѣшно стали готовить, что нужно было для того, чтобъ ее задѣлать:

'Ο γεις τῆς χτόπα μὲ πηλὸ κι' ἄλλος μὲ τὸ χαλίχι
Κι' ὁ σκόλος πρωτομάστορας μὲ τὸ βαρὺ μωστρίν του ⁵⁾).

Что дальше произошло пѣсня не говоритъ, но только приводитъ до конца слова жены мастера:

— 'Αφῆστέ μὲ νὰ εἶδε πῶ δυὸ λόγια, ἡ κηῦμένη.
Τρεῖς ἀδαρφάδες ἤμωστα κ' ἡ τρεῖς καχογραμμένας.
'Η μιὰ ἐπῆγε ἀπὸ σπαθὶ κι' ἡ γι' ἄλλ' ἀπὸ πηγάδι

¹⁾ — „Кольцо мое упало въ самое основаніе арки“.

— „Молчи, первый мастеръ, я тебя его достану!“

²⁾ Тамъ же, стр. 209:

Βάνει ἀρχὴ στολιζεται ἀπ' τὸ ταχὺ ὡς τὸ βράδυ

Κι' ἀπὸ τὸ βράδ' ὡς τὸ ταχὺ, ὡς τ' ἄλλο μεσιέρι.

³⁾ „Накладываетъ на чело солнце, на грудь мѣсяць; перо ворона накладываетъ дугою очерченныя брови; безчисленныя крупинки песку накладываетъ жемчугомъ; притряхиваетъ камушки накладываетъ цекинами (золотыми монетами) на ее шею“.

⁴⁾ — „Здравствуйте, распорядители, и вы будьте здоровы, мастера!“

— „Здравствуйте, государыня, здравствуйте, богато наряженная!“

⁵⁾ „Одинъ накладываетъ на нее цементъ, другой щепень а собака—первый мастеръ бьетъ свою тупелою киркой“.

Κ' ἐγὼ τὸ κακορίζικο ἔς τὸν πόδα τῆς καμάρας.
 Πάρε οὐ κέρδιχα πλουμί κ' ἐσὺ ἀηδόνι ἰδῶμα
 Κ' ἐσὺ τὸ ξενικόσταρο πάρε τα τὰ μαλλιά μου,
 Μὰ μὴν τὰ πάρη ὀηλοχὸ κ' ἔχη τὰ βῆσανά μου ¹⁾).

Разработка сюжета здѣсь еще менѣе развита, чѣмъ въ предыдущихъ пѣсняхъ; здѣсь нѣтъ ни вступленія, ни даже названія мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе, не мотивировано ни появленіе птицы, ни ея требованіе. За то эта баллада сохранила не разрушеннымъ то мѣсто, гдѣ описывается нарядъ жены перваго мастера такими чертами, какъ бы предуготовляя ее къ замурованію. Кромѣ того, эта баллада представляетъ еще особенность, которой въ предыдущихъ нѣтъ, а именно сочувствіе пѣвца къ личности жертвы, которая представлена здѣсь необыкновенною съ нѣкоторыми оттѣнками благородства и нѣжности, а ея мужъ названъ прямо σκόλος. Выраженіе такого сочувствія показывается по моему разумѣнію, на позднѣйшія добавленія въ балладѣ, когда чутье народа къ необходимости жертвы для того, чтобы постройка была крѣпка, было уже заглушено, — иначе онъ или пѣвецъ долженъ былъ мириться съ этою необходимостью, какъ мы и видимъ въ предыдущихъ балладахъ. Такъ или иначе, но по тѣмъ довольно жалкимъ остаткамъ, которые представляютъ какъ эта баллада, такъ и предыдущія, можно заключить, что мы имѣемъ дѣло съ обломками большой баллады, въ родѣ тѣхъ, какія представляютъ южно-славянская и румынская народная поэзія.

Греческія баллады представляютъ еще и ту особенность, что въ нихъ перечисляется рядъ мѣстъ, гдѣ были сдѣланы постройки съ человѣческими жертвами. Хотя не говорится, какія это были постройки, но нужно полагать, что это были большею частью мосты. Такъ въ первой балладѣ жена перваго мастера говоритъ, что двѣ ея сестры были задѣланы въ основанія построекъ: одна на Дунаѣ, а другая въ Авлонѣ; во второй жена тоже говоритъ о церкви и монастырѣ, не приводя названія мѣстъ; наконецъ, въ послѣдней она говоритъ, что сестры ея сдѣлались жертвами: одна въ Терновѣ, не-

¹⁾ „Дайте мнѣ, несчастной, сказать два слова: Насъ было трое сестеръ, и всѣ три злополучны. Одна погибла отъ меча, другая утонула въ колодезѣ, а я, злосчастная, въ основаніи этой арки. Ты прими перо куропатки, и ты видѣ соловья; а ты, кукуруза, прими мои волосы, чтобы не взяла ихъ какая-нибудь женщина и не раздѣлала моей судьбы“. Этотъ отрывокъ переведенъ при помощи Г. С. Дестуниса.

сомнѣнно, въ какомъ-нибудь изъ западно-балканскихъ городовъ этого названія, но какомъ именно, трудно сказать въ настоящее время ¹⁾, а другая у Маноли.

Несомнѣнно, было и есть гораздо больше мѣстъ на Балканскомъ полуостровѣ, связанныхъ съ преданіемъ о человѣческой жертвѣ, судя по существующимъ нынѣ повѣрьямъ. Въ Болгаріи существуетъ повѣрье, что въ основаніе каждаго фонтана, моста и вообще всякаго зданія закладывается вымѣренная тѣнь человѣка, который черезъ мѣсяцъ долженъ умереть ²⁾. То же повѣрье существуетъ и у румыновъ, съ тою только разницею, что человѣкъ, котораго тѣнь вымѣривается, умираетъ черезъ годъ. Это повѣрье въ различныхъ вариантахъ извѣстно всѣмъ народамъ.

Существуютъ ли какія-либо пѣсни или разказы и преданія объ указанныхъ мѣстностяхъ греческихъ балладъ, кромѣ Арты, не могу сказать въ настоящее время. Думаю, что только упомянутый здѣсь Маноли извѣстенъ у грековъ и по фактическимъ даннымъ, и въ народной поэзіи. Это имя и до настоящаго времени носитъ мость на Аградѣ (въ Акарнаніи) ³⁾ съ слѣдующею надписью ⁴⁾:

ΕΚΤΙΕΘΗ ΤΟ 1659
ΟΙ ΚΤΙΤΟΡΕΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ
ΚΑΙ ΜΑΝΟΛΗΣ...

Я склоненъ думать, что этотъ Маноли (Эмануиль) стоитъ въ связи съ героемъ греческой народной пѣсни изъ Лариссы: „Маноли и явнычаръ“ (ὁ Μανόλης καὶ ἰανίτζαρης) ⁵⁾, гдѣ онъ убиваетъ свою невѣрную жену. Явнычаръ спрашиваетъ Маноли:

Μπρὲ Μανόλη, μπρὲ λαβέντη, μπρὲ χαλὸ παιδί,
Τ' εὐμορφὴν γυναίκα ἔχεις καὶ δὲν χαίρεσαι.

¹⁾ О различныхъ городахъ этого названія въ западной части Балканскаго полуострова см. *Rouqueville, Voyage dans la Grèce. A Paris. 1820, t. I, p. 181; t. II, p. 383, 430; III, p. 48.* Весьма возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о Терновѣ (Τορνάβος) въ Θεσσαλίᾳ. Γεωργιάδης, Θεσσαλία. Ἐν Ἀθῆν. 1880, стр. 251—255.

²⁾ Сообщение г. Цухлева. *Извест.* Сборникъ отъ народа и умотворини, обичаи и др. I отд., кн. I. София. 1889, стр. 367.

³⁾ Объ Аградѣ у *Rouqueville, III, стр. 146—159.*

⁴⁾ *Sklisani, Legenda mesterulii Manole, стр. 676,* который, вѣроятно, приводитъ эту надпись изъ сборника Ятридаса.

⁵⁾ *Rassow, стр. 341—432 (№ 360);* русская передѣлка въ *Одесскомъ Альманахѣ 1840 г., стр. 281—282.*

Но Маноли его спрашиваетъ:

Ποῦ τὴν εἶδες; ποῦ τὴν ξεύρεις, μπρὲ Γιανίτσαρη.

Но янычаръ прямо ему отвѣчаетъ, несколько не скрываясь:

Γὼ τὴν εἶδα καὶ τὴν ξεύρω καὶ τὴν ἀγαπῶ.

Маноли все-таки недовѣрчиво относится къ словамъ янычара и спрашиваетъ его опять:

Σὰν τὴν εἶδες καὶ τὴν ξεύρεις καὶ τὴν ἀγαπᾶς,

Τί λογιῆς φοριὰ φοροῦσε καὶ τί βᾶσταζε.

Янычаръ на этотъ разъ даетъ объясненіе, учичтожающе всякое сомнѣніе Маноли:

Ἄσπρον φουστάνι φοροῦσε, κόκκινον χουκλί.

Взбѣшенный этимъ, Маноли пошелъ домой и перерѣзалъ своей жонѣ горло; потомъ, пришедши въ себя, сталъ плакать по ней, приговаривая:

Σήκου δόμνα καὶ καλή μου, σήκου κι'ἀλλάζε

Σήκου, νίλου καὶ στολίσου κ' ἔβγα εἰς τὸν χορον,

Νὰ εὖ διοῦν τὰ παλληχάρια, νὰ μαραίνωνται,

Νὰ σὲ διῶ κ' ἐγὼ καῦμενος καὶ νὰ χαίρωμαι ¹⁾).

¹⁾ Для уразумѣнія пѣсни предлагаю здѣсь русскую передѣлку, помѣщенную въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., стр. 281—282:

— Нѣтъ жены твоей прекраснѣй:

Что слушаешь, другъ Маноли?

Что слушаешь, мой красавецъ?

— „Гдѣ жену мою ты видѣлъ?

Какъ жену мою ты знаешь?„—

— „Мужу знать того не надо,

Гдѣ жену его я видѣлъ,

Какъ жену его я знаю?„—

— „Какъ, скажи, она одѣта?

Цвѣтъ, скажи, ея повязки?„

— „Въ бѣломъ платѣ она ходять.

Носить красную повязку!“

Въ полночь янычаръ подарокъ

Получилъ въ вѣшикѣ провавомѣ,

Развязалъ—и въ немъ находить

Голову жены Маноли.

Последніе четыре стиха совсѣмъ не переданы въ передѣлкѣ. Предлагаю здѣсь переводъ ихъ Г. С. Дестуниса:

„Госпожа моя я любя, встань, пережѣнься,

Встань, умойся, нарядися, войди въ хороводъ,

Чтобъ взглянули паликары и захихнули,

Чтобъ и я взглянувъ, бѣдника, сталъ бы радостенъ!“

Манойли этой пѣсни, выражающей мотивъ о невѣрности жены, столь распространенный въ народной поэзіи грековъ, можно приблизить къ „грчићу Манойлу“ сербскихъ балладъ: „Кумовање Грчића Манойла“¹⁾ и „Ѣирјак и Грчић Манойло“²⁾, гдѣ нашъ герой оканчиваетъ свою жизнь весьма трагически изъ-за женской любви. Содержаніе второй баллады таково: Князь Милутинъ женить своего сына. Кумомъ онъ выбралъ Владислава, старымъ сватомъ молодаго Велисава и дружкой (деверѣ) невѣсты своего сына Кирьяка или Киру. Отправляя его къ Дрекаловичамъ за невѣстой, князь Владиславъ напутствовалъ его советами, какъ онъ долженъ вести себя въ домѣ родителей невѣсты. Взявъ невѣсту, Кира на богатырскомъ конѣ отправился съ сватьями назадъ. На его несчастье всѣ поѣзжане были пьяны, кромѣ Киры и невѣсты, отъ которыхъ сватья остались далеко позади. Когда поѣздъ вѣхалъ въ глубокой горный проходъ (у клисуру тврду), тогда раздался выстрѣлъ, направленный на Киру; но послѣдній не былъ раненъ; съ его головы была сброшена только богато убранная шапка, которую Кира тотчасъ подняла, слѣзши съ своего богатырскаго коня. Обращаясь затѣмъ къ невѣстѣ, говорить ей:

Држде, снашо, кова браццога,
Да погледам, ко то пушке баца.

Въ это время подоспѣли поѣзжане и замѣтили, что стрѣляетъ грекъ Манойло: онъ изъ одного ружья выстрѣлялъ и послѣшно варяжалъ другое, но сломалъ помполъ въ стволѣ и такимъ образомъ не могъ вложить жетонъ, чтобъ удержать пулю, и деверья Киры могли ударить Манойла золотымъ шестоперомъ, отъ чего бѣдный гречонокъ упалъ на черную землю. Тогда Кира, связавъ ему руки, повелъ его къ невѣстѣ, которую онъ сталъ ласкать, говоря:

Благо брацу, кад си тако верпа,
Кад си брацу кова додржала!

Послѣ онъ сѣлъ на своего богатырскаго коня и, ударивъ его острыми шпорами, догналъ своихъ богато убранныхъ деверей, которымъ онъ сказалъ:

Фала куме, фала стари свате!
Остависте м' у клисури сама.
Ѣа сирома изгубити главу,
У мало ми грче не взде.

¹⁾ Караѣић, Ср. н. п., II, стр. 19—21.

²⁾ Караѣић, Ср. н. п., кн. III, у Бечу. 1846, стр. 506—511.

Тогда стали кумъ и старій свать его упрашивать:

Не мој, њиро, наше чедо драго!
 Не чин' крви брацу на весезу,
 Него се ви Богом побратате,
 А лепо је и бити и рећи,
 Два девера код једне девојке.

Послушалъ Кира сватовъ и развязалъ руки греку. Когда они прѣхали къ Комненовой башнѣ, тогда сватьа остановились на ночлегъ. Оба дружки съ невѣстой расположились въ башнѣ, а сватьа должны были быть на стражѣ, но, замѣчаетъ пѣсня:

Гди је стража од пијани људи?
 Гди ко стао, онде и легао,
 Гди легао, онде и заспао.

Въ это время встаетъ „грче невијерно“ и, укравъ у Кирѣ ножъ, ударилъ послѣдняго въ юнацкое сердце, въ которое онъ попалъ, сильно задѣвъ руку невѣсты; затѣмъ онъ опять убѣжалъ въ горы. Сильно она заплакала и говорила:

Јао њиро, роѣни девере!
 Ја љу моју преболети руку,
 Ал' ти твоју рану никад не њеш.

Всталъ однако Кира на ноги и, выстрѣливъ изъ своего ружья, сталъ звать своихъ сватовъ отправиться въ путь-дорогу; но сватьа говорятъ, что не пора еще ѣхать. Подошла къ нему разжалобленная невѣста, разстегнула у него доламу и стала черпать рукой черную кровь отъ груди, повторяя приведенныя выше слова. Очень тяжело стало юнаку; онъ не могъ ни сѣсть, ни лежать. Опять онъ далъ выстрѣлъ, чтобы созвать своихъ сватовъ отправиться въ путь. Встали повязане; каждый изъ нихъ снаряжаетъ своего коня. Кира снаряжаетъ и своего, и невѣстина коня. Наконецъ отправились въ путь; проѣхали гору Чучавицу, проѣхали и Ступчавицу и остановились у воды Цетиньи: кто напьется воды, кто умоется, кто коня своего поитъ на Цетиньѣ. Тяжело было Кирѣ; онъ поручаетъ невѣсту куму и старому свату, а самъ спѣшитъ скорѣе домой, къ отцу, въ Никшичъ, гдѣ за городомъ шелъ хороводъ; тамъ была и сестра Кирѣ, которая своимъ ростомъ выдавалась между всѣми. Идали она замѣтила брата и спѣшитъ къ отцу сказать ему, что Кира ѣдетъ одинъ, а сватовъ нѣтъ. Едва онъ могъ добраться до отцовскаго дома; тутъ онъ объясняетъ отцу причину своей послѣдственности:

Красни бабо, Милутине!
 Ни сам ли ти беседио, бабо,

Да не просиш прошене девојке?
Привати ме са коња витеза,
Спусти мене на зелену траву,
Пақ ти седи поред мене, бабо,
Да ти метнем на криоце главу,
Ти ми метни на срдашце руку.

Снялъ съ коня князь Милутинъ Киру, положилъ его на зеленую траву, а голову его опустилъ на колѣно и приложилъ руку къ его сердцу. Но Кира былъ уже очень слабъ и едва могъ сказать, отчего съ нимъ приключилась такая бѣда:

Чужеш ли ме, мој рођени бабо!
Девојка је испрошела била,
Испросно грчићу Манојло,
А ти си је препросно, бабо!

Съ этими словами Кира испустилъ послѣдній вздохъ. Поставилъ его тѣло князь Милутинъ въ скрытомъ мѣстѣ. Пришелъ и свадебный поѣздъ, и опять заплакала невѣста, узнавъ, что Кира умеръ, повторяя опять прежнія слова. Но князь Милутинъ все умиралъ. Сыграли свадьбу въ продолженіе трехъ дней. На четвертый день похоронили Киру. При этомъ пѣсня влагааетъ въ уста Милутину такіа характерныя слова:

Јед'те, пијте, моја браћо драга!
Кнез Милутин чини два весела:
Једног жени, другог сараљује.

Не долго спустя послѣ этого, князь образовалъ чету или отрядъ отправилъ его въ горы, чтобы схватить грека Манојло. Послѣдній былъ схваченъ и разсѣченъ на четыре части, которыя выставлены были на четырехъ дорогахъ для острастки другимъ хайдукамъ. Пѣсня въ заключеніе объясняетъ, что князь Милутинъ

Те освети својега ћурџака
Освети га, ал' га не поврати.

Если допустить нѣкоторое вліяніе фантазіи въ сближеніи этихъ пѣсенъ, то общность двухъ фактовъ въ нихъ несомнѣнна, а именно: 1) одно и то же имя героя, и притомъ въ обоихъ случаяхъ грека по происхожденію, и 2) описываемыя въ пѣсняхъ дѣйствія происходятъ въ турецкое время. Можно было бы прибавить еще одно обстоятельство, — что главною причиною дѣйствія является женщина, если бы развязка въ греческой и сербской пѣсняхъ не была различною.

Гораздо больше отношенія къ балладамъ о построеніи мостовъ и часть сохрани, отд. 2.

о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами нѣтъ другая сербская баллада „Кумовање Грчиѣа Манойла“. Содержаніе ея заключается въ слѣдующемъ: Двѣ кумы—стройная гречанка и бѣлокурая валашка—пришли съ ребятами къ греку Манойлу, первая съ дѣвочкой, а вторая съ мальчикомъ, чтобъ онъ былъ имъ крестнымъ отцомъ. Манойло ихъ крестилъ. Но гречанкѣ не особенно пріятно было, что у нея дѣвочка, и просить Манойло подмѣнить во время крещенія ея ребенка на ребенка валашки:

Мно куме, Грчиѣу Манойла!
 Проміјени ову ђецу луду:
 Дај ти мене чедо Влахињипо,
 А Влахињи да дамо ђевојку,
 И дајем ти Богу вјеру тврду,
 Дваш љу ти га измјерит' са златом.

Пѣсня замѣчаетъ, что Манойло

Преварисе, Бог да га убије!

Отправились домой отъ него обѣ кумы. Когда валашка по дорогѣ домой была уже въ горахъ, дитя у нея почему-то запицало; она его распеленала на дорогѣ и вдругъ она видитъ, что у нея дѣвочка, а не мальчикъ, сразу ударила его о камень. Занищала ребенка, какъ люта я змѣя. Возвращается валашка назадъ къ Манойлу и говоритъ ему:

А за Бога, мој куме Манойле!
 Што продаде кума за цекне?
 Платио га светоме Јовану!

Но Манойло сталъ божиться по напрасну; между тѣмъ своего мальчика держитъ на колѣнѣхъ:

А нијесам моја мила кумо,
 Та не ијо од овога месо!

Валашка волей-неволей должна идти домой безъ ребенка,—съ своею пустою колибелью. Манойло же сѣлъ на коня и поѣхалъ къ гречанкѣ и получилъ отъ нея обѣщанныя деньги за мальчика. По дорогѣ домой, въ горахъ, онъ увидѣлъ чернаго барашка, котораго тутъ же и застрѣлилъ; затѣмъ его изжарилъ и, наѣвшись хорошенько, цѣлую оставшуюся лопатку положилъ въ сумку, изъ которой давалъ кормъ лошади. Приѣзжаетъ домой; его встрѣчаетъ вѣрная милая вся въ слезахъ и въ крови. Манойло спрашиваетъ ее:

Што је тебе, моја вјерна љубо?

Она разказиваеъ ему, все случившееся дома въ его отсутствіе:

Искочи ми изъ руку дијете,
Проврже се пријемъ жагъетомъ,
И утече мене уз плашину.

Тогда Манојло догадался, что онъ сдѣлалъ, и сообщаетъ ей, что

Ја самъ, љубо, јагъе дочекао,
Убно га, на га испекао,
И од љега, љубо, обједова',
И плеће самъ меса оставио;
Врзи руку у зобаницу вранцу!

Береть она сумку, но вынимаетъ изъ нея не лопатку, но руку ребенка; тогда она ему сказала:

А Манојле, трагъ ти погинуо!
Ти не био продавати кума.

Пѣвецъ, несомнѣнно, на сторонѣ валашки и заканчиваетъ балладу такъ: †

Богу фала, јоръ ј' овако било, —

показывая этимъ, что несправедливость наказана. Такъ или иначе, но несомнѣнно и то, что эта баллада одна изъ самыхъ старыхъ ¹⁾. Послѣ этихъ двухъ жертвъ до жертвъ строящемуся мосту или вообще зданію всего одинъ шагъ.

За то сближеніе или связь между Маноли болгарско-румынскихъ балладъ и разказовъ и мастеромъ Манојло сербской баллады „Мажстор Манојло“ ²⁾ несомнѣнно. Послѣдняя основана на мотивѣ о жемскомъ лукавствѣ, извѣстномъ и въ болгарской народной поэзии, но только съ другимъ именемъ героя ³⁾. Съ этою балладой находится въ нѣкоторой связи и вышеприведенная „Кумовање Грчиѣа Манојла“. Но мастеръ Манојло не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ этой редакціи балладъ о построеніи мостовъ съ человѣческими жертвами, какъ къ первой редакціи о постройкахъ вообще съ человѣческими жертвами, при разсмотрѣніи которыхъ будетъ принята во вни-

¹⁾ *Ђорђевић*, „Кратки прегледъ ерпскихъ народныхъ песамъ“ въ сборникъ, издаваемомъ обществомъ св. Савы въ Вѣлградѣ, „Врство“ III. У Воограду. 1889, стр. 206—207; ср. стр. 216—217.

²⁾ *Каралић*, Ср. н. пјесме, III, стр. 322—327.

³⁾ *Толасковъ*, Вѣлгарски народенъ сборникъ. I. Вѣлградъ. 1872, стр. 300 — 302 (№ 42); *Коравелогъ*, Сѣчнинени. I. Руссе. 1885, стр. 215—216 (№ 58).

маніе и баллада „Майстор Манојло“. За то болгарская пѣсня о Майсторчѣ Манѣ, построеншемъ въ Солунѣ высокую башню ¹⁾, имѣетъ тѣсную связь съ румынскою балладой: *Mesterul Manoli*; эта болгарская пѣсня даетъ прекрасную аналогію съ эпизодомъ о смерти Маноли въ послѣдней.

По своей концепціи и по даннымъ, какія представляетъ румынская куповлашская баллада о построеніи моста на Артѣ (*Cânticlu a puntilor de Narta*) ²⁾, послѣдняя относится къ одному же разряду съ греческими; но она совершенно отличается отъ нихъ по своей полнотѣ и по обстоятельному изложенію подробностей. Здѣсь является даже вступленіе, несомнѣнно, повдѣйшаго времени, имѣющее почти то же значеніе, какое имѣетъ вступленіе въ сказкахъ; оно не даетъ понятія о содержаніи пѣсни, но какъ бы предрасполагаетъ окружающее общество къ слушанію:

*Fétele a Aramănilor,
Gioânilă a tăcănilor!
Ia învesceți-vă cu giupele,
Giupele cu nasturii
Să vă arisescă maisturii ³⁾,
Maisturii cu tehne arăuă,
'Sî luară Scodra și cu Moredă ⁴⁾.*

Послѣ этого баллада начинается чисто, какъ сказка:

*'Sî eră trei maisturii alăvdatii,
Si amentrele 'sî erau fratii
Pe masturii multe' nvetatii;
Si amentreii 'si erau' nsurati.
De multă maisturii ce eră,
La toti numa-lă s'avdia;
Câte lucre gréle eră,
Eii putea de le adăra ¹⁾.*

За этимъ разказывается, что однажды „пришелъ одинъ человекъ и воветъ всѣхъ трехъ братьевъ къ царю“, но къ какому, — не сказано.

¹⁾ *Миладиновци*, Български народни пѣсни, стр. 428—529 (№ 424).

²⁾ *Petrescu*, *Mostru de dialectul macedo-român. II*. Bucur. 1882, стр. 84—94.

³⁾ Тамъ же, стр. 84: „Румынскія дѣвушки, молодицы отцовъ! Надѣньте кастаны, кастаны съ пуговицами, чтобы понравились мастерамъ: мастерамъ съ хорошиимъ ремесломъ; они отправятся къ Скутари и Морю“.

⁴⁾ „Были себя три славныхъ мастера и къ тому они еще были братья, въ мастерствѣ очень наученные; при томъ они были женаты. Они были такіе мастера, что всѣмъ были извѣстны ихъ имена; сколько бы трудныхъ дѣлъ ни было, они всѣ могли исполнять“.

Они всё отправились вместе; шли они всю ночь въ лунное время. Пришли къ царю и, поклонившись, спрашиваютъ его съ большимъ любовитствомъ:

Çe urzesci tu de la noi?
Noi himă omenī, sclavī a tei !).

Царь имъ говоритъ:

Eă am avdită ti voi,
Că hiti maisturī multă arăi.
De la mine çe căftatī,
Puntea de Narta s'ă adăratī.
Ma sē nu puteti s'ă adăratī.
Sē sciti că vhiī nu ascăpatī !¹⁾.

Мастера просятъ три дня на размышленіе, послѣ котораго они дадутъ царю отвѣтъ:

Puntea aistă s'ă adărăm,
Septe aīi chero căftăm.
Ici sē hibă si sē lipsescă
Amirălia sē hărgiuescă.
Noi, sclavī a tei sē himă,
S'nu ne alasi tea să ne jilim.
Tu xenea aistă çe himă.
Fumeille vrem se nē le adducem,
Pe ningă noi sē nē le avem....²⁾.

На это имъ царь говоритъ:

Tute aiste çe căftat,
Eă ve le daū cugiurat.
Punte sănătósă voiă,
Că vē talliă treilli ca oi!....³⁾.

¹⁾ „Что ты желаешь отъ насъ? Мы люди—твой рабы“.

²⁾ „Я узналъ объ васъ, что вы ужалите мастера. Что же вы отъ меня хотите, чтобы постронть мость на Арта? Но если вы не сможете его постронть, то знайте, что вы живыми не останетесь“.

³⁾ „Уже семь лѣтъ какъ мы нарочно хотѣли, какъ бы постронть этотъ мость. Что будетъ нужно и необходимо, государство чтобы приняло на свой счетъ. Мы будемъ твоими рабами; но ты чтобы насъ не оставилъ на что-либо жаловаться въ этой чужбинѣ, въ которой мы находимся. Мы желаемъ привести своихъ жень, чтобы онъ быди при насъ“.

⁴⁾ „Все то, чего вы желаете, я вамъ съ клятвою даю. Только я хочу, чтобы былъ хорошій мость, иначе я васъ поську, какъ овецъ“.

Послѣ этого они всѣ трое отправились за своими женами, которыя находились въ Нантѣ, въ горахъ; оттуда перевезли ихъ въ Арту. Затѣмъ они взялись за работу. Прежде всего они приготовили мѣсто для моста, выкопали основанія и укладывали камни. Но что они дѣлали за цѣлый день, то за ночь вода уносила. Такимъ образомъ проходилъ уже шестой годъ, но мостъ еще не выстроивался. Стали они и думать, и слезами обливались, такъ какъ приближался уже срокъ. Но однажды по утру, рано, старшій мастеръ, когда умывалъ себѣ лицо, во дворѣ, гдѣ онъ ходилъ, замѣтилъ, что летаетъ птица, которая прилетѣла туда и сѣла на вѣтку дерева; она все на мастера смотрѣла, жалобно чиркала и такъ ему говорила:

Măimare, sǎ nu te jilescǐ,
Ma 'sǎ vreȳ lucru sǎ bitisescǐ,
A micului frate n'vestǎ se luatǐ,
Tu themellie s'ũă bǎgatǐ.
Invhie, invhie s'ũă anvelitǐ
Jéle si milǎ sǎ nu muntritǐ ¹⁾.

Когда старшій мастеръ услышалъ то, что сказала птица, у него сердце раздиралось, и сталъ онъ плакать, такъ какъ очень любилъ младшую невѣстку. У нея было маленькое дитя, которое еще на ноги не становилось и съ нею не разлучалось; его звали Константиномъ. Сокрушался старшій мастеръ и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшилъ, что такъ Богомъ опредѣлено:

Puntea aistǎ tea s'ũă adarǎ,
Lipsia nor ma micǎ sǎ morǎ... ²⁾

Послѣ этого онъ распорядился дома, чтобы младшая невѣстка приготовила хорошій обѣдъ и принесла его мастерамъ сама. Приказано—сдѣлано. Она встала рано, разбудила свое дитя, накормила его хорошо грудью и затѣмъ опять уложила спать. Потомъ она убралась и одѣлась и отправилась къ мосту. Она была очень весела, когда несла обѣдъ. Пришедши къ мастерамъ, она обратилась къ нимъ съ такими словами:

Voȳ, maȳsturǎ, ah, voȳ măratȳ!
Cu m̃bǎrétǎ ȳe lucratȳ!

¹⁾ „Набольшій, не печалься. Если ты хочешь покончить дѣло, то возмите жену младшаго брата, поставьте ее въ основаніи; тотчасъ, тотчасъ ее заройте ч не показывайте ни жалости, ни милости“.

²⁾ „Чтобы построить этотъ мостъ, должна умереть самая младшая невѣстка“.

Iu e puntea ce adărat,
Săse aiŷ întregi ce lucrat?... ¹⁾

Мастера ей отвѣчаютъ:

Dămnă si noi ne ciudissim;
Puntea dănda nă ahurimă,
Diu si nopțe toti lucrămă,
Si nu putem tea s'ua 'mprustăm.
Măymarlu nă dimândă,
Cu giurat nă spregiură:
Astădi prăndu cae s'adducă,
Să nu 'talășăm tea să 'ei fugă;
Tu hemellie s'lu băgăm,
Puntea să putem s'ua adăgăm ²⁾...

Но она, бѣдная, не догадалась, о чемъ ей говорятъ мастера; она посмотрѣла на своего мужа, который—видѣла она—все плачетъ, и жалобно его спрашиваетъ:

Vrutlu a meă gione si bărbat,
Voiă s'mi spuŷi 'ndrept si curat,
Ti ce plângi si lăcărmedŷ?
Spune mi 'ndrept, asi 'mi bănedi... ³⁾

Мужъ ей отвѣчаетъ:

Vrută, suschirarea a mea,
Nu este altu ceva;
Imi căditu 'nelu vruta a mea,
Tu areă grăpă, si treci de 'l lié!.. ⁴⁾

Она вошла туда, какъ ей приказавъ мужъ; ходила и искала кольца, не зная, что съ нею можетъ приключиться. Но въ это время мастера живо взялись за работу; они безъ милосердія задѣлали ее

¹⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдны! желаю вамъ успѣха въ вашей работѣ! Гдѣ же, однако, мостъ, который вы строите уже шесть лѣтъ?“

²⁾ „Сударыня, и мы удивляемся; съ какого времени мы начали строить мостъ, день и ночь, все мы работаемъ и все не можемъ его поднять. Наибольшій намъ приказываетъ и заставляетъ насъ поклоняться: „Кто принесетъ сегодня обѣдъ, чтобы мы того не оставили, чтобы онъ ушелъ, но поставитъ его въ основаніи, чтобы мы могли поднять мостъ“.

³⁾ „Любезный мой молодецъ и мужъ, я желаю, чтобы ты мнѣ сказалъ прямо и вѣрно, отчего ты плачешь и проливаешь слезы; скажи мнѣ правду. Заклинаю тебя (чтобы ты столько жилъ)!“

⁴⁾ „Любезная, стоны мои не отъ чего-либо другаго, какъ отъ того, что упало мое кольцо, моя любезная, въ эту яму, и ты спустишься и достань мнѣ его“.

камнями въ основаніи. Она, бѣдная, кричала и просила ихъ жалостно, но ничего не помогло. Тогда въ отчаяніи она:

Cărnile 'si le dipiră,
Perli din cap 'si arupea ¹⁾).

Никто не хотѣлъ ея слушать. Видя, что все напрасно, она что есть мочи закричала имъ и говорила:

Voŭ, maisturŭ, ah, voŭ măratŭ!
Pe un graiŭ s' m' ascultati,
Va sŭ vŭ dicitŭ ningă 'nă oră,
Titŭa sŭ mŭi alăeati 'nafară,
Natlu de fôme s'nu mŭi móră.
Ia pitriçeti sŭ 'mŭ 'l adducă,
Tea sŭ 'l bagă pe titŭa sŭ sugă.
Că e mŭcŭ si ne-crescut,
Ne 'mprustat, mult minut.
Cum trémbur mine mărata,
Sŭ trémbură si puntea de Narta!
Caŭi călletorŭi va si 'si trecă.
Cama multŭi sŭ 'si se 'necă;
Căti perŭ'n cap mine mŭi am,
Ahăti ômenŭi se s'necă tr'anŭ ²⁾

Какъ видно изъ этого изложенія содержанія пѣсни, румынская версія въ отношеніи подробностей не представляетъ почти ничего такого, чего не было бы въ греческой версії. Но въ то же время она представляетъ нѣсколько сходныхъ чертъ съ сербскою балладой о построеніи Скадра (Скутари) на Боянѣ и отчасти съ болгарскою о построеніи Тирузы града въ Пазарджикѣ, съ румынскою о построеніи Курта д'Арджешъ и съ сакскою о построеніи города Девы въ Трансильваніи. Эти сходныя черты являются только во второй половинѣ баллады.

Въ болгарской балладѣ Мануилъ или Манолъ, не предупреждая своей жены Тутурки объ опасности, между тѣмъ какъ его товарищи

¹⁾ „Сдирала съ себя части тѣла (мяса), волосы съ головы рвала“.

²⁾ „Вы, мастера, ахъ, вы бѣдные, только одно слово мое послушайте. Я вамъ скажу еще одинъ разъ: грудь мою оставьте открытой, чтобы ребенокъ мой не умеръ отъ голода; пошлите-ка принести мнѣ его, чтобы я дала ему грудь пососать, такъ какъ онъ малъ и не выросенъ, на ноги не поставленъ, еще крошка. Какъ я, несчастная, дрожу, такъ чтобы дрожалъ и мостъ на Артѣ. Изъ тѣхъ путниковъ, которые будутъ проходить по нему, чтобы большая часть утонула, сколько у меня волосъ на головѣ, столько людей чтобы утонуло въ годъ“.

предупредили своихъ женъ, приказываетъ ей, какъ набольшій самой младшей невѣсткѣ въ кудовлашской балладѣ, приготовить обѣдъ и принести его на постройку; онъ говоритъ:

Тудорки, люби, Тудорки!
Да станешь рану въ пундѣльникъ,
Вѣле си ризи упири,
Упири, люби, замажи,
И сарай дори пумити,
И се дѣтиту укѣни;
Убѣда тугись нагутви,
На кале хлѣбъ да дунисешъ ¹⁾.

Далѣе болгарская баллада представляетъ нѣкоторое сходство съ кудовлашскою и въ изображеніи проворности Тудорки при приготовленіи всего того, что нужно было сдѣлать въ домѣ, чтобы поскорѣе или, вѣрнѣе, во-время отправиться съ обѣдомъ на постройку.—

„И Тудорка гу послуша.
Ставала рану въ пундѣльникъ,
Упрала и замазала,
И сарай дори пумела,
И си дѣтиту укѣни;
Чи си нагутви убѣда
На кале ша си занеси ²⁾).

¹⁾ *Боничевъ*, Сборникъ отъ български народни пѣсни. Варна. 1884, стр. 32; ср. въ румынск. балладѣ, гдѣ Маноли пишетъ письмо своей женѣ Каплѣ, какъ и первый мастеръ въ первой греческой балладѣ, посылаетъ его чрезъ своего слугу:

„Drăgută Carlea,
Soțioara mea,
AŢi ună bonă bălană
Ce-Ţi pierdut d'unu anu.
Ia se'mi-te scoliŢi
CrangurŢi se'mŢi geseoliŢi.
De l'Ţi nemeri,
Si de l'Ţi găsi,

Ia se mi-te apucŢi,
La taiatŢi se'l ducŢi
Si din carnea lui
Bucate se 'mŢi facŢi
La zidu se 'mŢi aducŢi
Pe noru si pe cetaŢi
JoŢi de diminetaŢi.

Theodorescu, PoesiŢi populare române. Bucur. 1885, стр. 464. Что представляетъ въ данномъ случаѣ саксава версія, мнѣ, къ сожалѣнію, не извѣстно, такъ какъ я не вижу баллады подъ руками. Но, по всей вѣроятности, и здѣсь мужъ даетъ женѣ порученіе, судя по тому, что онъ рассказываетъ свой сонъ и предупреждаетъ ее отнѣсти объ опасности. *Maitland*, Az árgesi zárda mondásja és annak egy hunyadmegyei variációja въ A dévai m. kir. állami főreálskola tezenegyedik évi értésítője az 1880—1885 tanévtől. Déván. 1885, стр. 3.

²⁾ „И Тудорка его послушала. И стала рано въ понедѣльникъ; выстирала

Еще рельефнѣе выражено это стараніе въ румынской балладѣ:

Mândra de Caplea
Ea mi-se scula
JoÏ de diminétiã
Pe noru si pe cétia,
Cu roua 'n spinare,
Cu bruma 'n picióge.
Boulu căuta,
Boulu că găsia,

Boulu că 'mÏ taia,
Bucate 'mÏ gătia
Si la zidu pleca,
La zidu în departe
Să ducă bucate.
Sóre cându lucia,
Caplea că 'mÏ zorgia
Si s'apropia ¹⁾).

Такое же стараніе и поспѣшность я предполагаю и въ сакской балладѣ ²⁾.

Наконецъ, болгарская баллада представляетъ единственный примѣръ мотива кольца, которое является во всѣхъ греческихъ балладахъ и кудовлашской и, по всей вѣроятности, было и въ албанской версіи, какъ увидимъ ниже; при этомъ она въ деталяхъ представляетъ больше сходства съ греческими балладами и до нѣкоторой степени съ сербскою,—только въ послѣдней Гойко отворачивается отъ своей жены послѣ привѣтствія. Болгарская баллада разказываетъ:

„Какъ ми е видялъ Мануилъ,
Наклюнилъ калнакъ ду вѣжди,
Уронилъ сѣкии два рѣда.
Кѣкъ гу-й видяла Тудорка,
Тудорка дума Манолу:
„Маноле, люби, Маноле!
Що ти-й зулумъ, та плачяшь?“
Манолъ Тудорки думаше:
„Тудорки, люби Тудорки!
Прѣстень ми падна въ калету,
Прѣстена згуденишка;
Флязваш ли да гу извадишь?“

бѣлье и вымыла домъ и даже дворъ помела, и выкупала дитя; потомъ она приготовила обѣдъ, который она отнесетъ на ярпость⁴⁾. *Бомчезъ*, стр. 32—33.

¹⁾ *Theodorovici*, стр. 464: „Красивая Каля,—она встала въ четвергъ чуть свѣтъ, еще во время тумана и въ сумеркахъ, когда падала еще роса (съ росой на синицѣ) и не снялся было нней (съ ннесемъ въ ногахъ); вола она искала и вола нашла, вола зарѣзала, кушанье приготовила и къ постройкѣ отправилась, къ постройкѣ далеко, чтобы нести кушанье. Когда солнце засіяло, Каля едва какъ заря прийтмлась и приближалась. Ср. отвѣтъ Гойковицы въ сербской балладѣ о построении Скадра. *Караѿић*, Српске народне pjesme, кн. II. У Бечу. 1875, стр. 121; *Караѿић*, Дјела. Кн. I. Београд. 1887, стр. 126.

²⁾ Ср. *Maisland*, op. c. et l. c.

Тудорка дума Манолу:
 „Мълчи, Маноло, не плачи
 Азъ флявамъ да гу извади“.
 Чи си Тудорка свѣрвахъ,
 Оъ тѣни нови сижимя,
 Чи я въ калету спуснахъ.
 Пуснахъ, заградихъ я.
 Тугась са кале задѣржа ¹⁾.

Сербская баллада, представляя тотъ же мотивъ, въ подробно-
 стяхъ выводитъ дѣло иначе, и между прочимъ вмѣсто кольца яв-
 ляется золотое яблоко. Вотъ какую картину она рисуетъ:

Кад је била на воду Бојану,
 Угледа је Мрѣвчевинъ Гојко,
 Јунаку се срце ражало,
 Жао му је љубе вијернице,
 Жао му је чеда у кол'јевин
 Ђе остаде од мјесеца дана,
 Па од лица сузе просинаше;
 Угледа га тавана невјеста,
 Кротко ходи, док до њега приђе,
 Кротко ходи, тихо бесјеђаше:
 „Што је тебе, добри господару!
 Те ти ровниши сузе од образа?
 Ал' говори Мрѣвчевинъ Гојко:
 „Зло је, моја вијернице љубо!
 Имао сам од алата јабужу,
 Па ми данас паде у Бојану,
 Те је жалим, прегорет' не могу,
 Не сјећа се тавана невјеста,
 Но бесједн своје господару:
 „Моли Бога ти за своје здравје,
 А салићеш и бољу јабужу.
 Тад' јунаку грђе жоо било,
 Па на страну отвратно главу,
 Не шће више ни гледати љубу ²⁾.

¹⁾ „Какъ только увидѣлъ ее Мануилъ, навелъ свою шапку до бровей, обли-
 вался слезами въ два ряда. Какъ только увидѣла его Тудорка, — Тудорка гово-
 ритъ Манолу: Маноло, мълчи, Маноло, какая тебе постигла бѣда и плачень. Ма-
 нолъ говоритъ Тудоркѣ: „Тудорка, мълча, Тудорка, кольцо мое упало въ осно-
 ваніе крѣпости, кольцо обручальное; войдешъ ли ты, чтобы его достать?“ Ту-
 дорка говоритъ Манолу: „Молчи, Маноло, не плачь; я войду и достану его“. Потомъ
 Тудорку связали новыми тонкими бичевками, и спустили въ основаніе крѣпо-
 сти, спустили и задѣлали. Тогда крѣпость удержалась“.

²⁾ Караѣић, Ср. в. п. II, стр. 121—122; Дјела, I, стр. 127. „Когда она была у

Наконецъ, еще одна черта кудовлашской баллады является сходною съ румынской, болгарскою, сербскою и сакскою, а именно во всѣхъ балладахъ является дитя или ребенокъ, котораго нѣтъ ни въ одной греческой, ни въ боснійской. Кромѣ сакской баллады, во всѣхъ остальныхъ ребенокъ играетъ пассивную роль; въ румынскомъ вариантѣ у Александри дитя какъ будто еще не родилось; по крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ баллады.

Manole, Manole,
Mestere Manoli!
Zidul reu mē stringe,
Titisora-mi plānge,
Capulasu—mi frānge¹⁾

Между тѣмъ въ сакской балладѣ дитя играетъ довольно активную роль. Когда возвращается домой Келеменъ Комивешъ, дитя спрашиваетъ ее, гдѣ его мать. Его отецъ даетъ ему сперва уклончивый отвѣтъ, а потомъ говоритъ ему всю правду; въ разговорѣ между отцомъ и сыномъ проявляется жалость о погибели матери и жены²⁾. Кромѣ того, въ трансильванскомъ вариантѣ румынской баллады и въ сербской, какъ и въ кудовлашской, отмѣчено имя дитяти: въ послѣдней оно названо Константиномъ, можетъ быть, даже не случайно, а по

самой Боины, увидѣлъ ее Гойко Мерлявчевичъ; у молодца сердце разжалось,— жаль ему вѣрной милой, жаль ему ребенка въ колыбели, не больше мѣсяца и у него подлились слезы изъ глазъ. Увидѣла его стройная молодая жена; не гордо она идетъ, пока къ нему приближается, не гордо идетъ и внятно говоритъ: „Что съ тобою стало, добрый господинъ, что у тебя льются слезы по лицу?“ Говоритъ ей Гойко Мерлявчевичъ: „Не хорошо, моя вѣрная любя! Было у меня золотое яблоко, и оно сегодня упало въ Боину, и не могу его забыть, и потому я такъ печаленъ“. Недогадывается стройная жена; она говоритъ своему мужу: „Моли Бога ты за свое здоровье! Ты себя найдешь другое лучшее яблоко!“ Тогда юваку еще болѣе стало жалко; онъ отвернулъ въ сторону свою голову, не хотѣлъ больше смотрѣть на свою лубу“.

¹⁾ Poesiile populare ale Românilor. Buc. 1866, стр. 190: „Manole, Manole, mesterе Manoli! Стѣна тяжело мени давить, грудь у мени плачетъ, ребеночка моего душитъ“. Ср. *Theodoreescu*, Poes. popul., стр. 466:

Manole, Manole,
Mestere Manole,
Zidul rōu mē stringe,
Titisora'mi. eurge,
Capulasu'mi plānge“.

²⁾ *Maidand*, Az ārgesi zārda moundja . . . , стр. 4.

какому-либо народному припоминанію, а въ первыхъ—Іоанномъ. Въ румынско-трансильванской балладѣ такъ проситъ жена мужа:

Manole, Manole!
Nu mă omorî!
Că săracul Ionel
Plânge a-casă na legănat,
Nici nu l'am lăptat;
Nici nu l'am scaldat ¹⁾.

Что отвѣтилъ на это мужъ, мнѣ не извѣстно, такъ какъ этотъ вариантъ еще не напечатанъ; но въ балладѣ у Теодореску онъ отвѣчаетъ ей:

Copilasulu tău,
Pruncusiorulă mēu,
Vadă'lă dumneieŭ.
Tu cum l'ai lăsată
In pat desfăsată,
Dinele c'orū trece,
La elū s'orū întrece,
Si l'orū apleca,
Titiă că i-orū da;
Ninsore d'o ninge,
Pe elū mi l'o unge;
Ploi cândū orū ploua,
Pe elū lóră scălda;
Ventū cândū a sufla,
Mi-l'o legăna,
Dulce legănare,
Pên' s'o face mare! ²⁾

Впрочемъ едва ли этотъ общепѣсенный мотивъ былъ и въ вариантѣ. Совершенно сходны кудовлашская баллада съ сербскою въ просьбѣ жертвъ оставить ей груди открытыми; въ послѣдней Гойковица такъ говоритъ водчему Раду:

Богом брате, Раде немарел
Остави ми прозор на дојкама,

¹⁾ Тамъ же: „Манолі, Манолі! Не убивай мена! Потому что Іонелъ (Ваш) плачетъ дома не убавканный; и его и не накорила грудью, и не выкупала“.

²⁾ *Teodorescu*, *Росв. popul.*, стр. 467: „Дитятю твое, ребеночка моего пусть Богъ призываетъ. Какъ ты его оставила на постели не вспеленутымъ, пройдути никомъ (русалии) и къ нему поспѣшать: его приголубить, грудь ему додуть. Если снѣгъ пойдетъ, его помазать; когда дожди пойдутъ, его выкупаешь; когда вѣтеръ поветъ, его залюбуешь въ сладкомъ колыханіи, пока онъ не сдѣлается большимъ“.

Истурн ми моје б'јеле дојке,
Каде дође мој нејаки Јово,
Каде дође, да подоја дојке ¹⁾).

Въ кудовлашской балладѣ слѣдуетъ за этимъ заклинаніе и ничего не говорится о томъ, какъ была исполнена просьба жертвы; но сербская баллада разказываетъ все до конца, что водчій Раде исполнилъ ея просьбу для того, чтобы „нејаки Јован“ могъ сосать грудь, и что случилось потомъ съ жертвой.

Албанская версія въ разказѣ „о лисьемъ мостѣ въ Дибрѣ“ (на границѣ сѣверо-западной Македоніи и Албаніи) ²⁾ принадлежитъ къ одному разряду съ греческими и кудовлашскою. Содержаніе разказа слѣдующее: Жили-были три брата, женатые, по ремеслу котельщики. Вяались они строить мостъ; строили они его три года, но никакъ не могли достроить: всѣ мѣры, принимаемыя ими, не приводили къ желаемой цѣли. Разъ приходитъ къ нимъ старикъ. „Добраго успѣха, мастера“, привѣтствуетъ онъ ихъ. „Добраго счастья и тебѣ, добро пожаловать. Вотъ уже три года, какъ мы работаемъ надъ этимъ мостомъ; но трудъ напрасный: мы его не можемъ достроить“. „Дѣти мои, я вамъ дамъ совѣтъ. Вы поклянитесь другъ другу, что вы не скажете своимъ женамъ: вы обреките на жертву живую женщину,—одну изъ вашихъ женъ, которую задѣлаете въ основаніе, и тогда мостъ удержится; иначе сколько бы вы ни старались, трудъ вашъ будетъ напрасенъ: мостъ никогда не устоитъ...“ Въ концѣ концовъ первые два брата разказали своимъ женамъ для того, чтобы тѣ были осторожны. Только меньшей братъ сохранилъ тайну и не сказалъ женѣ. Пришло наконецъ время обѣда. Старшая изъ невѣстокъ обращается къ средней и проситъ ее, чтобы она отнесла обѣдъ мужьямъ; но послѣдняя отвѣчаетъ, что она имѣетъ стирать бѣлье. Тогда она обращается къ младшей невѣсткѣ; но эта говоритъ, что у нея дитя плачетъ. „Пожалуйста, пожалуйста“, стала усовѣщивать невѣстка,— „я сама буду присматривать за ребенкомъ“. Не могла младшая невѣстка больше ничего выдумать и отправилась къ мосту. Ея мужъ, какъ только завидѣлъ ее издали, залился слезами,

¹⁾ *Караџић*, Ср. н. н., II, стр. 123; *Джела*, I, стр. 129: „Ради Бога, братъ Раде водчій! Оставь мѣ у груди отверстіе, выведи мнѣ бѣлыя груди; когда придетъ мой нѣжный Јово, когда придетъ, чтобы онъ могъ сосать грудь“.

²⁾ *Dozon*, *Contes albanais, recueillis et traduits*. Paris. Leroux. 1881, стр. 255—257.

и чѣмъ она ближе подходила, онъ все болѣе отдалялся. По приходѣ туда, она поздоровалась съ своими деверями; они ей сказали: „Спустися сюда въ основаніе; здѣсь ты будешь задѣлана наглухо“ (коетои е разое-ка теэпое) ¹⁾. Бѣдная женщина просила ихъ оставить отверстіе въ стѣнѣ для того, чтобы она могла кормить грудью свое дитя. Они оставили дыру, чрезъ которое текло яли шло для дитяти молоко, которое какъ до смерти молодой жены, такъ и потомъ являлось въ изобиліи. Впослѣдствіи вмѣсто молока стала течъ вода, которая образовала постоянный источникъ. Такимъ образомъ мостъ удержался ²⁾.

Несомнѣнно, что этотъ разказъ возникъ изъ разрушенной пѣсни, отъ которой осталось уже очень немного, и которая едва ли могла явиться на почвѣ албанской народной поэзіи; я склоненъ думать, что къ албанцамъ она перешла отъ сербовъ и уже въ довольно позднее время, судя по концу, который есть буквальный переводъ съ сербскаго языка:

По неѣеи и изгубила гласа;
Ал' ѳетету онѣ иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и да нас онѣ иде рана
Зарад' чуда, и зарад' лијека,
Која жена не има млијека ³⁾.

Само собою разумѣется, что эти стихи въ сербской балладѣ прибавлены впослѣдствіи. Это всего лучше видно изъ болгарской передѣлки сербской баллады; болгарская передѣлка оканчивается объясненіемъ Гойковича женѣ причинны его скорби:

Имао самъ одъ злато ябълко,
Те ми спаде данесъ у Воину,—
Те го жалимъ, преболье не могу ⁴⁾.

¹⁾ Довольно переводить эту еразу такъ: „Car c'est ici que tu l'as lit“, замѣчая при этомъ, что это „phrasе obscure“. Op. с., p. 257.

²⁾ Ср. албанскую версію о построеніи Скутари у Кинд'а, Anthologie, стр. 260.

³⁾ Караѳинъ, Ср. п. и. II, стр. 124: „Чрезъ недѣлю она потеряла голосъ; но дитяти тогда шелъ кормъ; его кормила молокомъ матери цѣлый годъ. Какъ тогда, такъ и выиъ осталось, такъ что и теперь идетъ кормъ (молоко) для чуда и для лѣкарства, если какая-либо женщина не имѣетъ молока“.

⁴⁾ Качановскій, Памятники народа. болгарскаго творчества. В. I. С.-Пб. 1862, стр. 254: „Я имѣлъ золотое яблочно, которое теперь упало въ Воину, и мнѣ шаль его; я его не могу забыть“.

Что албанскій разказъ образовался изъ пѣсни—видно изъ того, что одинъ его пассажъ еще сохранился въ стихахъ, а именно совѣтъ старика ¹⁾). Этотъ старикъ составляетъ особенность албанской версии; онъ замѣняетъ вилу сербской и болгарской баллады или вѣщунью-птицу греческихъ и сакской, или таинственный голосъ румынскихъ балладъ. Слѣдовательно, старикъ есть выразитель понятія вѣщаго, знахаря, образъ, известный народной поэзіи вообще. Въ данномъ случаѣ этотъ старикъ вполне соответствуетъ путникамъ или странникамъ баллады изъ восточной Болгаріи:

Пѣтници въ пѣтя врѣвяха,
 Чи на Маноли думаха:
 „Ой ми та теби Маноли! и проч.
 Манолю нмъ утгуварени:
 “Пѣтници кале-друмници,
 Чи на питати да кажа:
 Заградихъ града гулама,
 Гулама града широка,
 Дѣлоба града Тирюза“ и пр.
 Пѣтници тихомъ говореть:
 „Ой ми та теби Маноле!
 Кале си курбанъ ищени“ ²⁾.

Итакъ, балладу о построеніи моста съ человѣческой жертвою по известнымъ въ настоящее время даннымъ мы находимъ почти только на Балканскомъ полуостровѣ, почти у всѣхъ живущихъ тамъ народностей. Изъ этихъ народностей всего болѣе распространенъ у грековъ и у сербовъ, но развитъ или разработанъ этотъ сюжетъ только у сербовъ и кудовлаховъ. Въ какомъ отношеніи находятся греческія баллады къ другимъ, я уже показалъ выше, и на основаніи этого сравненія я склоненъ думать, что онѣ едва ли могли возникнуть на почвѣ греческой народной поэзіи, а скорѣе могли перейти извнѣ. Прямыхъ доказательствъ, конечно, въ настоящее время трудно найти; но можно указать аналогичное явленіе въ южно-славянской народной поэзіи. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду бол-

¹⁾ *Dobson*, op. c., стр. 266, прим. 1.

²⁾ *Бончакъ*, Сборникъ, стр. 31—32: „Путники шли по дорогѣ; и Манолю они говорили: „Ужъ ты гой еси Маноле! и проч. Манолю нмъ отвѣчалъ: „Путники, добрые путешественники (кале друмници=халоброуѣта), когда меня спрашиваете, я вамъ скажу: „Заложилъ я крѣпость (градъ) великую, крѣпость великую и широкую, высокостѣнную (дѣлоба) крѣпость Тиризу... Путники кротко говорятъ: „Ужъ ты гой еси Маноле! крѣпость жертвы хотѣла“ (чит.: хочеть).

гарскій пересказъ сербской баллады о построении Скадра на Боянѣ ¹⁾, пересказъ, который по своему исполненію или, вѣрнѣе, по характеру выполненія, во многомъ походитъ на греческія баллады. Чтобы убедиться въ этомъ, достаточно сравнить сербскую балладу съ сербскимъ пересказомъ и греческія со стороны выполненія. Какъ въ болгарской, такъ и въ греческихъ, мы видимъ недомолвки, недосказанность мысли, неполноты образа или картины и т. п.

Что же касается сербо-боснійской баллады, то, какъ я замѣтилъ выше, она относится къ разряду сербской баллады „Зиданье Скадра“: сюжеты здѣсь одинаковы, только мотивы отчасти варіированы, особенно въ первой части. За то есть у нихъ и сходныя черты: вила, водчій (неймар), хотя съ разными именами; въ разказѣ о мастерѣ моста Раде, какъ и въ сербской, а главное — два одноименныхъ лица братъ и сестра, Стоя и Остоя, въ разказѣ о Мостарскомъ мостѣ: Стоянъ и Стоя, какъ въ сербской балладѣ:

Иди, сине, преко б'јела св'јета
Те ти тражи два слична имена,
Тражи, сине, Стоју и Стојана,
А обоје брата и сестрицу ²⁾.

То же почти находимъ въ несомнѣнно искаженной Милоевичемъ балладѣ о построении Охрида (Грађење Орида); тамъ между прочимъ вила говоритъ:

Чу ли море неймар Манойло!
Недеш море сазидати града.
Ни изнети твоје русе главе,
Док не нађеш Стојну и Стојана,
Док не нађеш два слична имена,
Два имена брата и сестрицу,
Два имена слична и обична.
Ако не нађеш Стојну и Стојана,
А ти мораш Миљу и Миљена! ³⁾.

¹⁾ Кичамовскій, *op. c.*, № 120, стр. 248—251; № 121, стр. 251—254; *Миландиноци*, Български нар. пѣсни, стр. 253—254 (№ 162); *Илиезъ*, Сборникъ отъ народни умотворени, обичаи и др., I отд., кн. 1. София. 1889, № 304, стр. 366—367.

²⁾ Карацѣлѣ, *Ср. н. п.*, II, стр. 116; Дјела, I, стр. 122.

³⁾ *Милојетић*, Песни и обичаи укупног народа србског. I кн. У Београду. 1869, стр. 216: „Слышала ли ты, водчій Манойло! Не сможешь выстроить города, не вынести тебя своей русской головы, пока ты не найдешь два похожихъ имени, два имени, брата и сестрицу, два имени похожихъ и любимыхъ. Если ты не найдешь Стояна и Стояна, то долженъ найдти Милою и Миљена“.

Въ то же время сербско-боснійская баллада, а также и разказы, представляютъ и особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ изъ приведенныхъ выше, а именно нахожденіе брата и сестры съ одинаковыми именами и задѣлываніе ихъ въ стѣну: тогда какъ по сербской балладѣ такія двѣ личности не отыскиваются. Такимъ образомъ, этотъ мотивъ въ послѣднемъ случаѣ представляется въ нѣсколько другой обстановкѣ или видѣ. Несомнѣнно вообще балладу о построеніи мостовъ съ человѣческой жертвою при обсужденіи вопроса о мѣстѣ ея возникновенія слѣдуетъ разсматривать въ связи съ балладами о постройкахъ вообще съ человѣческой жертвою. Но даже и при такой постановкѣ вопроса въ настоящее время едва ли можно рѣшить вопросъ: гдѣ возникла первоначально эта баллада, у сербовъ или румыновъ?

И. Сырму.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. А. Венгеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I-й. С.-Пб. 1886—1889.

Въ концѣ минувшаго года вышелъ въ свѣтъ 21-й выпускъ новаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ закончился первый томъ этого обширнаго труда, предпринятаго г. Венгеровымъ. Въ тѣхъ раздѣлахъ, въ которыхъ задуманъ словарь, онъ затмѣваетъ собою всѣ бывшія у насъ до сихъ поръ изданія въ этомъ родѣ и обѣщаетъ дать все, что можетъ пожелать любознательный читатель, интересующійся судьбами русской образованности. Являются только невольныя сомнѣнія въ томъ, будетъ ли это предпріятіе когда-либо доведено до конца. Опасенія эти не покажутся неосновательными, если принять во вниманіе, что на одну только букву *а*, занимающую въ словаряхъ еще не такъ много мѣста, какъ нѣкоторыя другія буквы, потребовалось цѣлые три года. Положимъ, что начало всего труднѣе, и что на помощь г. Венгерову явилось немало специалистовъ по разнымъ отраслямъ знаній, — тѣмъ не менѣе, сомнѣнія наши не уничтожаются, въ особенности, когда познакомишься съ цѣлями и намѣреніями издателя, открытыми имъ въ предисловіи къ первому выпуску.

Указавъ въ этомъ предисловіи съ одной стороны, на необычно-

венное обиліе сыраго историческаго матеріала, напечатаннаго у насъ за послѣднее время, и вообще на значительно усилившуюся въ нашъ вѣкъ литературную производительность, а съ другой стороны, на недостатокъ и неудовлетворительность „сводныхъ“ работъ историко-литературнаго характера, объединяющихъ и освѣщающихъ этотъ богатый матеріалъ, г. Венгеровъ приходитъ къ заключенію, что „въ современной русской историографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которою, изслѣдователь или обыкновенный читатель былъ бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ всѣхъ періодовъ русской образованности, нашихъ дней не исключая“. Новый критико-біографическій словарь и долженъ восполнить столь важный пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Въ выборѣ лицъ, вошедшихъ въ словарь, составитель его желалъ быть по возможности менѣе строгимъ, на томъ основаніи, что „въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какимъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ бы неумѣстенъ“. Въ словарь вносятся „всякій, кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія“. Да и эта столь снисходительная разборчивость касается только самаго послѣдняго времени, „когда литературная продуктивность возросла на столько, что отмѣчать всякаго, предавшаго что-либо тисненію, превратило бы“, по выраженію г. Венгерова, „сводъ литературы въ сводъ макулатуры“ (стр. 13). Что же касается до періодовъ предшествующихъ, то тутъ не дѣлается вовсе выбора, вслѣдствіе чего въ словарь писателей попадаютъ не только люди малограмотныя, но и такіе, относительно нормальности умственныхъ способностей которыхъ самъ составитель выражаетъ справедливое сомнѣніе (см. Анаевскій). Впрочемъ, полнота свѣдѣній, даже и излишняя, не есть еще недостатокъ въ словаряхъ и справочныхъ книгахъ, и г. Венгеровъ справедливо замѣчаетъ, что „о большомъ литературномъ человѣкѣ всюду и легко можно справиться, а для того, чтобы узнать что-нибудь о маленькомъ человѣкѣ, часто нужны самыя кропотливыя усилія“ (стр. 13).

Источники, которыми пользовался г. Венгеровъ для своего труда, онъ дѣлитъ на три категоріи: 1) печатныя, 2) архивныя и 3) автобіографическія. Последняго рода свѣдѣнія получаютъ составителемъ словаря отъ современныхъ писателей и ученыхъ, къ которымъ онъ обратился съ просьбою сообщать свѣдѣнія о ихъ личности. Наконецъ, для того чтобы свѣдѣнія словаря не теряли своей свѣ-

жестн, издатель его обѣщаетъ давать въ концѣ каждаго тома дополненія, относящіяся и ко всѣмъ вышедшимъ уже томамъ. Въ эти дополненія войдутъ исправленія неточностей и упущеній и новыя данныя, накопившіяся за время, отдѣляющее выходъ одного тома отъ появленія въ свѣтъ слѣдующаго.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, планъ, начертанный г. Венгеровымъ для своего словаря, можно назвать всеобъемлющимъ. Въ этомъ заключается и достоинство этого труда, и его слабыя стороны. Этотъ слишкомъ обширный планъ отличается неопредѣленностью: получается не то справочный словарь, не то исторія литературы. Трудъ г. Венгерова состоитъ изъ двухъ родовъ—, краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или, если они наши современники, недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе. Статьи перваго рода обыкновенно и составляютъ содержаніе простаго справочнаго словаря, и если они дадутъ матеріалъ полный, очищенный, въ порядкѣ, то цѣль справочной книги вполне достигается. Исторія же литературы представляетъ во всякомъ случаѣ извѣстное мировоззрѣніе, претендуетъ на руководство, направляетъ читателя въ извѣстную сторону. Такого рода тенденція и замѣчается въ статьяхъ втораго рода, обширныхъ и освѣщенныхъ критикою г. Венгерова. Послѣдняя же характеризуется преклоненіемъ предъ современностью и нѣсколько высокобѣрнымъ отношеніемъ къ старому. Для г. Венгерова „настоящая“ литература начинается только съ Пушкина, а весь предшествующій періодъ, только „скучная прелюдія“, въ которой преобладаютъ „явленія некультурныя“. Не любитъ г. Венгеровъ и такъ-называемыхъ „руссопетовъ“, строго порицаетъ Шишкова и осуждаетъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ поэтовъ (стр. 442) за ихъ патріотическія стихотворенія, писанныя въ разгаръ Восточной войны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что такъ какъ не всѣ статьи принадлежатъ перу г. Венгерова, то и это направленіе не вездѣ выдерживается. Такъ, напримѣръ, статья объ Александрѣ діаконѣ, написанная г. А. Бороздинымъ, отличается другимъ характеромъ, чѣмъ статьи самого г. Венгерова о личностяхъ, подобныхъ Александру.

Въ такомъ большомъ трудѣ, какъ словарь г. Венгерова, конечно, найдутся промахи и недостатки, которые мы указываемъ не въ укоръ составителю, а во исполненіе просьбы его дѣлать „всякаго рода указанія на пропуски и неточности“. Быть можетъ, что нижепо-

именованныя лица не попали въ словарь послѣ зрѣлаго обсуждения и на основаніи выбора, но, судя потому, что въ словарь вошло много подобныхъ лицъ, можно думать, что это простой пропускъ, который слѣдуетъ восполнить. Въ словарь не вошли слѣдующія лица:

Абдорскій Іоаннъ, священникъ, авторъ сочиненія: „О достопамятностяхъ города Шуи“ (Отеч. Записки, ч. II).

Агарева Александра Сергѣевна. — Сказаніе о чудесахъ Вожіей Матери и пр. М. 1864 (кн. Н. Н. Голицынь. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. С.-Пб. 1889).

Акимова Софья Павловна, переводчица драмы: „Мать и сынъ“ (ibid., стр. 8).

Акимовъ А., переводчикъ съ французскаго языка комедіи-водевиля: „Женихъ безъ страха или Вотъ каковы друзья!“ (Рец. Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1850 г., апрѣль). — „Какъ занимать“. Куллеты изъ новаго водевиля: „Пробужденіе льва“ (ibid., январь).

Аксеновскій Д. — Стихотворенія. С.-Пб. 1846. (Рец. Финскій Вѣстникъ 1846 г., т. 10).

Алабова. Перевела съ нѣмецкаго: „Михоль, исторія нѣмца нашего времени“. Іоанна Шерра. М. 1873 (кн. Голицынь. Библиографическій словарь русскихъ писательницъ).

Александровскій, студентъ педагогическаго института. — „Чертоги и хижина“, басня (Сѣверный Вѣстникъ, 1804 г., ч. IV). — Разборъ поэмы „Таврида“ (тамъ же, 1805 г., ч. V.).

Александровъ Ипполитъ. „Воля за гробомъ“, драма въ 2 д. С.-Пб. 1845. (Рец. Финскій Вѣстникъ, 1846 г., т. 8).

Алимовъ А. „Товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ“. (Пантеонъ и репертуаръ русской сцены 1851 г., июль и августъ, Смѣсь). — „Картина изгнанника“ (случай изъ жизни художника) (тамъ же, ноябрь).

Алчаринская. — Словарь кн. Н. Н. Голицына.

Аматерка — псевдонимъ. (Тамъ же).

Андреева А. С. (ум. въ 1889 г.) — „Горе отъ ближнихъ“, повесть, напечатанная въ Русскомъ Словѣ 1859 г., августъ. — Рецензія на книгу: „Судьба женщины“ (La femme affranchie, par M. Jenny d'Héricourt.) въ Отеч. Запискахъ, 1861, т. 137 (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Андреевскій Д. А. — сотрудникъ журнала: Пантеонъ и репертуаръ русской сцены, въ которомъ помѣщены слѣдующія его про-

введенія: „Какъ надо жить“, стихотвореніе (1850, мартъ); „Сварливая жена“, куплеты изъ водевиля (1850, апрѣль); „Обыгранный шуллеръ“, стихотвореніе (1850, май); „Майское гулянье“ (нѣчто въ родѣ поэмы), стихотвореніе (1850, май).

Андреевъ Степанъ. „Левсиль, русскій богатырь“. Росс. сочиненіе въ стихахъ. Подражаніе Ильѣ Муромцу. С.-Пб. 1807. (Студинскій каталогъ, № 6805).

Аничкова Идалія Мечиславовна, современная писательница.— „Наташа Озерова“, романъ изъ современныхъ русскихъ нравовъ. С.-Пб. 1887. (Рец. Новое Время 1888 г., № 4294). Она же издала въ Парижѣ подъ псевдонимомъ Fehli-Ahda книжку: „Feuilles de journal“. S. Paris. Sixième édition.

Анненскій Г. „Злоключенія нѣжнаго сердца“. Отрывокъ изъ признаній бѣднаго человѣка (Сѣверное Обозрѣніе, 1849, т. I, Смѣсь).

Анольская Вѣра.— „Два дара“, стих. (Сынъ Отечества 1842 г., т. 8). — „Волна“, стих. (ibid.). — „Въ память юности-поэта“, стих. (Маякъ 1842 г., т. 2) (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонелли Эмилія.— „Воспитаны ли мы?“ (Сѣверная Пчела 1863 г., № 194). (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Антонова Татьяна.— „Ирландскія пѣсни“—пер. съ франц. (Дамскій журналъ 1823 г., ч. 3, № 18).

Анухтинъ А.— „Русскія пѣсни“, стих. (Вибл. для чтенія 1862 г., январь).

Ансель Н.— „Приключеніе въ Полюстровѣ“. Оригинальная шутка-водевиль въ 1 д. (Рец. въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1847 г., т. V).

Анцъ Илья.— „Правосудіе Божіе“. (Современникъ 1841 г., т. 23).— „Богатая старушка и родственники ея“. Ком. въ 2 д. (Рец. Репертуаръ и Пантеонъ, 1850, январь). „Спасенное знамя“. Русская быль въ 2-хъ картинахъ. (Рец. тамъ же, 1850, февраль).

Апека, псевдонимъ А. П. Кузьминой (Словарь кн. Н. Н. Голицына).

Аптекарьскій М.— „Маша, повѣсть“ (Вибл. для чтенія 1864 г., августъ).

Ардашевъ Василій.—Обозрѣніе Вологодскихъ губернскихъ Вѣдомостей съ основанія ихъ въ 1838 г. (Вибл. для чтенія 1854 г., июль, смѣсь).

Ариольдъ, Елизавета.— „Ночь“, стих. (Дамскій журналъ 1829 г., ч. 25, № 1).

Аскольдовъ.—,Валеро“. Драматическая фантазія въ 7 сценахъ (стихами), 1844 г. (Сѣверное Обзорѣніе 1849 г., т. 2).

Ахлебишина Марія Николаевна, сотрудница „Моднаго Магазина“, изд. С. Г. Мей (Словарь кн. Голицына).

Здѣсь кстати сдѣлаемъ поправку и дополненіе, относящееся къ одному изъ будущихъ томовъ разбираемаго Словари. Привода цитату изъ Исторіи всеобщей литературы І. Шерра о русскихъ народныхъ поэтахъ Алипановѣ и Ульяновѣ, г. Венгеровъ откровенно сознается, что счелъ это „однимъ изъ курьезовъ, столь обильно уснащающихъ все, что пишется иностранцами о Россіи. Какіе-то Алипановъ и Ульяновъ, имена которыхъ мы слышимъ въ первый разъ, выше Веневитинова и Хомякова! Какъ тутъ было не подумать, что даже самыя имена-то этихъ мнимыхъ сверстниковъ Кольцова сочинены. На половину наши сомнѣнія и оправдались: поэтъ Ульянова никогда не существовало, а удалось намъ только разыскать въ нотныхъ каталогахъ фамилію композитора Ульянова, сочинявшаго романсы. Но „народный“ поэтъ Алипановъ дѣйствительно былъ когда-то“ (стр. 422). Хотя большой потери для Словаря не произошло бы, еслибы выбросить изъ него не только Ульянова и Алипанова, но и другихъ, подобныхъ имъ писателей, но нельзя отрицать столь категорически самого существованія Ульянова: такой поэтъ, авторъ нелѣпѣйшихъ стихотвореній, басенъ и повѣстей, жилъ на свѣтѣ, и сочиненія его были изданы въ Петербургѣ въ 1856 г., въ двухъ частяхъ. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ долго останавливаться на подобныхъ писателяхъ, произведенія которыхъ самъ составитель Словаря считаетъ „совершенно невозможнымъ литературнымъ соромъ“ (стр. 422). Между тѣмъ г. Венгеровъ отводитъ Алипанову цѣлыхъ шесть страницъ своего труда и приводитъ много выписокъ совершенно нелѣпыхъ стихотвореній. Еще болѣе кажется страннымъ посвящать нѣсколько страницъ (518—521) нѣкому Анаевскому, котораго г. Венгеровъ называетъ и совершенно вѣрно „полоумнымъ мальчикомъ“. Вообще Словарь много выигралъ бы, еслибы въ немъ сократить кое-что: излишнія разглагольствія самого составителя и нѣкоторыя черезъ-чуръ обильныя выдержки изъ произведеній разныхъ авторовъ: напримѣръ, въ статьѣ объ Алмазовѣ слишкомъ много стиховъ, страницъ пять мелкаго шрифта въ два столбца. Нерѣдко перепечатываются цѣликомъ литературныя произведенія; напримѣръ, Описаніе путешествія дьяка Александра въ Царьградъ (стр. 367—368), грамота патріарха Адріана о борохѣ (стр. 131—134).

Словарь г. Венгерова „критико-біографическій“, то-есть, дающій не только голые факты о писателяхъ, но и критическую оцѣнку ихъ дѣятельности. Конечно, литературная критика имѣетъ очень мало основныхъ началъ, съ которыми всѣ были бы согласны. И съ оцѣнкою г. Венгерова, можно, пожалуй, соглашаться, но можно и не соглашаться; однако худо то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ нарушаются основныя правила всякой критики. Для примѣра укажемъ на статью объ Е. В. Аладинѣ. Достоверныхъ свѣдѣній объ этомъ литераторѣ, какъ заявляетъ самъ же г. Венгеровъ, почти никакихъ нѣтъ. Известно только, что онъ умеръ въ Петербургѣ 14-го августа 1860 года. Тѣмъ не менѣе г. Венгеровъ рисуеъ такой портретъ: „самъ по себѣ будучи мало симпатичнымъ и совсѣмъ незамѣчательнымъ человѣкомъ, умѣлъ, однако, подлаживаться къ современнымъ литераторамъ и славился искусствомъ выпрашивать у нихъ статьи, повѣсти и стихотворенія для своего сборника... ловкій издатель „Невскаго Альманаха“ нашелъ пути и къ расположенію великаго поэта“ (стр. 346—347). Быть можетъ, эта характеристика Аладина и вѣрна, но спрашивается: на чемъ она основана? Оказывается, на воспоминаніяхъ Бурнашева, неоднократно уличеннаго во лжи. Намъ кажется, слѣдовало бы быть осторожнѣе въ этихъ случаяхъ или, по крайней мѣрѣ, оговориться, что отзывъ заимствованъ изъ весьма сомнительнаго источника.

Говоря о Словарѣ, какъ справочной книгѣ, мы не можемъ обойти вопроса объ удобствѣ пользованія имъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Венгерова оставляетъ желать многого. Свѣдѣнія объ одномъ лицѣ находятся въ разныхъ мѣстахъ, и самъ издатель совѣтуетъ обращаться при справкахъ не только къ вышедшему тому и къ дополненіямъ его, но и къ тѣмъ дополненіямъ, которыя будутъ прилагаться къ дальнѣйшимъ томамъ. При большомъ числѣ выпусковъ это, пожалуй, и затруднительно.

Нѣкоторыя несовершенства Словаря, на которыя мы выше указали, не могутъ однако вредить его достоинствамъ. Во всякомъ случаѣ, трудъ, предпринятый г. Венгеровымъ, заслуживаетъ уваженія: въ вышедшемъ томѣ онъ далъ столько матеріала, отчасти совсѣмъ новаго, интереснаго и важнаго, что уже однимъ этимъ приобрѣлъ право на вниманіе. Надо только желать, чтобы этотъ обширный и полезный трудъ былъ доведенъ до конца.

А. К.

Великих и удальных князей Сяверной Россіи въ татарской періодъ съ 1238 по 1505 г. Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ событіямъ. А. В. Экземплярская. Т. I. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе. Изданіе гр. Н. И. Толстого. С.-Пб. 1889.

Недостаточное число справочныхъ книгъ и даже полное отсутствіе нѣкоторыхъ, въ особенности необходимыхъ въ научныхъ занятіяхъ исторіей, давно уже чувствуется и нерѣдко служило предметомъ сѣтованій, но тѣмъ не менѣе число такихъ книгъ увеличивается чрезвычайно медленно. Можно было бы написать цѣлый рядъ desiderata въ родѣ известной книги П. А. Муханова: „Что нужно для русской исторіи“ и столь же известной статьи проф. Брикнера, послужившей предметомъ обсужденія на третьемъ археологическомъ съѣздѣ; но въ настоящемъ случаѣ ограничимся заявленіемъ, что одинъ изъ такихъ пробѣловъ пополняется книгою, по случаю которой высказано все вышеписанное. Полный словарь князей существуетъ у насъ только въ томѣ VI-мъ „Исслѣдованій, лекцій и замѣчаній“ Погодина и доведенъ до татарскаго нашествія; изъ предпринятаго покойнымъ М. Д. Хмыровымъ „Алфавитно-справочнаго перечня“ вышла только одна часть: „Перечень государей и замѣчательныхъ особъ ихъ крови“, а изъ второй части, долженствовавшей заключать въ себѣ удѣльныхъ князей, вышла только первая половина. Къ тому же трудъ М. Д. Хмырова рѣдко указываетъ источники и далеко не всегда критиченъ (такъ какъ ссылается на „Зерцало“ Мальгина). Вотъ почему желателенъ былъ новый трудъ въ этомъ родѣ. Его предпринялъ А. В. Экземплярскій, уже зарекомендовавшій себя брошюрами объ Углицкихъ и Ярославскихъ князьяхъ. Вышедшій первый томъ заключаетъ въ себѣ біографіи великихъ князей Владимірскихъ и Владиміро-Московскихъ, по терминологіи автора (то-есть, потомковъ Ивана Калиты до Іоанна III). Въ видѣ приложенія авторъ прибавилъ свѣдѣнія о тѣхъ сыновьяхъ великихъ князей, которые не имѣли удѣловъ, и хронологическій перечень событій исторіи Новгорода и Пскова. Книга снабжена полнымъ указателемъ и генеалогическою таблицей. Полнота свѣдѣній и критическая провѣрка данныхъ—въ книгахъ такого рода первое достоинство. Въ этомъ отношеніи трудъ А. В. Экземплярскаго производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: авторъ основательно изучилъ лѣтописи, ознакомился съ наиболѣе распространенными пособіями и вездѣ видны слѣды критической провѣрки; такъ что на книгу его можно безопасно положиться,

или по крайней мѣрѣ въ случаяхъ сомнѣнія всегда возможна по-
вѣрка. Обиліе примѣчаній—въ такомъ трудѣ большое достоинство.
Изъ пособій авторъ не пользовался „Исторіей Россіи“ Иловайскаго
и, по моему мнѣнію, слишкомъ много пользовался „Повѣствованіемъ
о Россіи“ Арцыбашева. Нельзя не пожалѣть также, что въ виду
справочности онъ не счелъ нужнымъ приводить интересныя новыя
ислѣдованія; на примѣръ, ислѣдованіе А. И. Никитскаго о Новго-
родской церкви заставляеть задуматься при принятіи извѣстій Іакина
о прежнемъ Новгородѣ, и Татищева о событіяхъ въ Новгородѣ 1480
года. Слѣдовало бы также не забывать ислѣдованій Ф. И. Успен-
скимъ о бракѣ Софіи Фоминишны или Г. В. Форстена: „Борьба изъ-
за господства на Балтійскомъ морѣ“, гдѣ найдутся подробности о сноше-
ніяхъ съ Даніей. Изъ первоисточниковъ не встрѣчаемъ указаній на на-
данныя Русскимъ Историческимъ Обществомъ дѣла крымскія и поль-
скія, на „Памятники дипломатическихъ сношеній“. Лѣтописями авторъ
пользуется по „Полному собранію русскихъ лѣтописей“, когда мы уже
имѣемъ четыре тома новаго изданія; иногда авторъ затрудняетъ чи-
тателя, называя одинъ и тотъ же источникъ разными именами; такъ въ
пр. 602 онъ говоритъ о лѣтописи поца Іоанна, да вѣдь это Новгород-
ская лѣтопись, которую онъ всегда и цитуетъ, подъ этимъ загла-
віемъ. Также въ пр. 356 (единственная ссылка на Арцыбашева) приво-
дится лѣтопись, содержащая Россійскую исторію отъ (6714—1206 до
7042—1536); а въ другихъ случаяхъ та же лѣтопись называется Типо-
графскою (продолженіе Несторовой лѣтописи). За то Мальгина онъ могъ
бы совсѣмъ оставить въ покоѣ: кто нынѣ станетъ справляться съ Маль-
гинимъ? Впрочемъ это сдѣлано было, вѣроятно, въ виду М. Д. Хмырова,
который нѣтъ пользовался, и едва ли не онъ ввелъ въ заблужденіе и пишу-
щаго эти строки, сообщившаго въ „Энциклопедическомъ Словорѣ“
невѣрное извѣстіе о женѣ Андрея Ярославича (см. въ разбираемой
книгѣ, пр. 70). Признавая ошибку, указанную почтеннымъ авторомъ, не
могу согласиться съ нимъ въ опроверженіи моего мнѣнія о томъ,
что Ярославъ не платилъ дань Кіеву по желанію новгородцевъ.
Авторъ находитъ (пр. 574), что въ такомъ случаѣ Ярославу нечего
было обращаться къ варягамъ; но онъ искалъ въ нихъ помощи,
какъ искалъ Володиміръ противъ Ярополка, и самъ Ярославъ впо-
слѣдствіи противъ Мстислава Тмутараканскаго. Не понимаю также, по-
чему авторъ къ моему замѣчанію, что Иванъ Калита назвался вели-
кимъ княземъ всея Руси въ подражаніе митрополиту, счелъ нужнымъ
прибавить: „но можетъ быть, это было и сознательнымъ стремленіемъ“

емъ", какъ будто одно противорѣчить другому: титулъ заимствованъ по сознательному стремленію; лучше было бы прибавить, что впервые такой титулъ припалъ Михаилъ Ярославичъ (см. статью М. А. Дьяконова въ Библиографѣ 1888 г.) Кстати, почему авторъ раздѣленіе Москвы (то-есть, доходовъ) на трети считаетъ особенностью московской политики объединенія (стр. 81)? Трети, сколько помню, были и въ Твери, и въ Рязани.

Недосмотровъ встрѣчается довольно мало, и нѣкоторые изъ нихъ оговорены; но остались и не оговоренные: на стр. 105 вмѣсто Константина надо читать Дмитрій; совершенно бесполезно при объясненіи названія Вельядъ Фелляномъ (стр. 238) стоять вопросительный знакъ. Давно уже признаю тожество этихъ двухъ названій; на стр. 355 подъ 1341 г. читаемъ: „зимой Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Новгородъ и привезъ сына учиться грамотѣ“. Молодой князь, который учился грамотѣ у архіепископа, былъ знаменитый Михаилъ Александровичъ, а Михаилъ Ярославичъ, какъ авторъ и показываетъ, убитъ еще въ 1318 г. (стр. 58). Прибавлю еще, что было бы желательно въ біографіи великаго князя Василя Васильевича видѣть указаніе на дѣло Исидора, а въ хронологіи новгородской исторіи весьма не лишнее было бы вставить хотя договоры съ князьями. Кстати о Новгородѣ легендарное предисловіе слишкомъ длинное; можно было бы (если это нужно) указать на эти легенды въ примѣчаніи, но не слѣдовало бы забывать извѣстія, что Святославъ княжилъ въ Новгородѣ. Прибавлю еще, что авторъ относитъ къ слишкомъ ранней эпохѣ значеніе посадниковъ, которые до Всеволода Мстиславича были княжескими наместниками, какъ Борисъ, присланный Мономахомъ изъ Кіева. Не думаю, чтобы Довмонтова стѣна была первымъ укрѣпленіемъ Пскова (стр. 390), хотя авторъ показываетъ согласно съ мнѣніемъ мѣстныхъ археологовъ. Вездѣ соборъ кафедральный въ дѣтницѣ, а св. Троицы за Довмонтовою стѣной. Едва ли то, что мы видимъ теперь, остатокъ, а не полное укрѣпленіе.

Вообще желаю скорѣе видѣть продолженіе полезнаго и тщательнаго труда А. В. Экземплярскаго, во второмъ томѣ котораго должны появиться біографіи удѣльныхъ князей сѣверной Руси и великихъ князей Тверскихъ, Рязанскихъ и Суздальско-Новгородскихъ; тамъ, вѣроятно, узнаемъ почему авторъ, отвергая мнѣніе Соловьева и заявленія царя Василя Ивановича Шуйскаго, производитъ послѣднихъ отъ Андрея Ярославича.

К. Вестумевъ-Рюминъ.

Dvě povědky v české literatuře XV století. Podává Dr. Jiří Polívka. V Praze. 1889.

Г. Поливка издалъ, съ прекраснымъ историко-сравнительнымъ предисловіемъ, два старочешскіе разказа: одинъ о Гризельдѣ по рукописи Пражскаго музея, другой—о невѣрной женѣ по рукописи Крыжовническаго монастыря, въ которой она слѣдуетъ за новеллой о Гризельдѣ. Та же послѣдовательность наблюдается въ латинскомъ сборникѣ императорской Вѣнской библіотеки, написанномъ въ 1459—1460 годахъ: и здѣсь „*Historia infidelis mulieris*“, тождественная по содержанію съ упомянутою чешскою, слѣдуетъ за текстомъ Гризельды въ известной обработкѣ Петрарки. Исторія о невѣрной женѣ напечатана г. Поливкой въ латинской и чешской редакціяхъ.

Чешская повѣсть о Гризельдѣ, являющаяся переводомъ Петраркова переложенія, не вызвала особиыхъ комментаріевъ. Автору известна вся новѣйшая литература этого сюжета, но нѣкоторые вызываемые имъ вопросы остаются по прежнему открытыми. Въ какихъ отношеніяхъ находится новелла о Гризельдѣ и ея литературныя отраженія къ народнымъ сказкамъ того же содержанія, известнымъ въ Тироли, Даніи, Исландіи и на Руси? Новелла ли перешла въ сказку, или сходство объясняется тѣмъ, что первая коренится въ сказочномъ сюжетѣ? (сл. стр. 16). Относительно Боккаччіо авторъ выражаетъ (стр. 10) мнѣніе, что сюжетъ его Гризельды заимствованъ имъ изъ устной италіанской традиціи; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что не изъ *Lai de le freisne*. Кстати: Боккаччіо не учился въ Парижѣ (стр. 10), а предположеніе, что почтенный клерикъ, отъ котораго Чосеръ слышалъ въ Падуѣ новеллу о Гризельдѣ, былъ самъ Петрарка, принадлежитъ пока къ догадкамъ (стр. 11).

Вопросъ, поставленный для новеллы Боккаччіо, повторяется и для русской сказки того же содержанія. Нѣсколько новеллъ Декамерона было переведено на русскій языкъ въ XVIII вѣкѣ, Гризельда лишь въ началѣ нашего столѣтія, говоритъ авторъ (стр. 16) съ ссылкой на г. Ровинскаго и съ сомнѣніемъ, чтобы въ короткое время, протекшее со времени перевода новеллы о Гризельдѣ, она могла на столько распространиться и усвоиться въ народѣ, что стала сказкой. Сомнѣнія эти раздѣляемъ и мы, хотя въ сущности ничто не заставляетъ насъ привязывать сказку къ известному намъ переводу, и ничто не мѣшаетъ предположить существованіе болѣе древняго.

Я останавлиюсь долѣе на *Historia infidelis mulieris* и на соответ-

ствующей ей чешской повѣсти: O Brizeldě teč zlá o zlé. Сюжетъ принадлежитъ къ извѣстнымъ по былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, по второй части польскаго сказанія о Валгержѣ Удаломъ и ихъ восточнымъ и южно-славянскимъ параллелямъ; въ болѣе широкомъ смыслѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ соприкасается съ мотивами повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены. Къ тому и другому сюжету я позволю себѣ указать на мои замѣтки въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССІ, отд. 2, стр. 299—300, и ч. ССLXIII, отд. 2, стр. 35—38.

Сообщаемъ содержаніе чешско-латинской повѣсти по пересказу издателя (стр. 26—27).

Въ франкскихъ областяхъ жилъ рыцарь по имени Рудольфъ de Schlüsselberg, ze Sluseverku. Жена родила ему сына и дочь; когда впоследствии ее постигла проказа, пріятели мужа пристають къ нему, чтобъ онъ разстался съ своею женою, но онъ отвергаетъ ихъ просьбы и, продавъ свое имущество, отправляется съ женою и дѣтьми на чужбину. Въ то время вспыхнула война между королемъ Португальскимъ и двумя языческими королями; по долгому колебанію военнаго счастья первый палъ, и язычники осадили главный городъ Португалии, Декаполисъ, въ которомъ осталась овдовѣвшая королева. Оказывается, что и Рудольфъ съ семьей очутился, не извѣстно какимъ путемъ, въ томъ же городѣ. При его помощи и его храбростію непріятель стѣсненъ, въ назначенномъ поединкѣ Рудольфъ убиваетъ противника; непріятели принуждены очистить страну, и наступаетъ миръ и покой. Отъ своего хозяина, у котораго Рудольфъ остановился съ семьей, онъ узнаетъ, что въ сосѣднемъ лѣсу есть источникъ, обладающій чудесною, цѣлительною силой, но непрístupный, ибо его сторожить несмѣтное число гадюкъ и змѣй. Не смотря на отговоры друзей, Рудольфъ идетъ къ нему съ женою и дѣтьми, убиваетъ гадюкъ и змѣй, заступавшихъ ему путь, и счастливо добирается до источника; искупавшись въ немъ, жена исцѣлилась отъ своего недуга, и къ ней вернулась ея прежняя краса.

Здѣсь начинается, собственно, повѣсть о невѣрной женѣ. Хозяинъ Рудольфа соблазняетъ ее разказомъ о королѣ-язычникѣ, рѣшившемся жениться лишь на женщинѣ равной ему по красотѣ; она была бы ему супругой и всегда жила бы въ богатствѣ и довольствѣ. Жена Рудольфа поддастся на эти уговоры и тайно отъ мужа бѣжитъ за море къ тому королю, захвативъ съ собою и дѣтей. Авторъ негодуетъ на ея неблагодарность: Sed o deceptiva consortis dissolute fal-

lacial dic impia mulier et lungevis hominum sub perpetui labe vituperij obtrectanda quid amplius tibi facere debuit aut potuit fidelissimus canthoralis, qui dum te lepre squalore fedatam a suo sequestrare potuit consortio, non solum a te separari noluit, verum etiam nobiles parentes suos adversum ipsum ob tui adhesionum iustissime insultantes tanquam extraneos renuit et contempsit... castra, possessiones et boves precio vendidit et ad exterarum se tecum contulit nationes, prepones natalis solij dulcedini provincias alirnas. Nonne tui ob emundationem (se) infinitis se submisit periculis, dum adversus tot bestias venenosas congressu tam valido decertaret? (стр. 82).

Обманутый мужъ идетъ искать жену, одѣтый куцумъ; добрался до мѣста, гдѣ она жила, и раскладываетъ свой драгоценный товарь передъ храмомъ, куда обыкновенно ходилъ король съ его женой и дѣтьми. Дѣти признали его, а жена выдаетъ его королю, какъ убійцу его брата, и такъ какъ ей предоставлено назначить мужу наказаніе, велитъ привязать его надъ горячими углями къ столбу въ опочивальнѣ, гдѣ она сама покоится съ королемъ и своими дѣтьми. Когда король и жена уснули, мальчикъ, сжалившійся надъ отцомъ, ищетъ подъ подушкой ножа, чтобы разрубить его узы; сестра пытается помѣшать ему; когда и она заснула, мальчикъ освобождаетъ отца. Рудольфъ однимъ ударомъ меча сноситъ голову королю, женѣ и дочери и бѣжитъ съ сыномъ, незамѣченный стражей; черезъ нѣкоторое время его хватились, послали за нимъ погоню, но онъ храбро отбился отъ нея и вмѣстѣ съ сыномъ переправился на корабль въ Португалію.

Г. Поливка обстоятельно разобралъ (стр. 29 слѣд.) извѣстныя ему параллели по отношенію, какъ къ цѣлому составу разказа, такъ и къ частнымъ его мотивамъ. Мы совершенно согласны съ его опредѣленіемъ, что наша повѣсть—неудачная компиляція (стр. 44), *mixtum compositum* (стр. 28); мы не согласны только съ нимъ въ опредѣленіи ея составныхъ частей. Авторъ видитъ въ нихъ „различныя повѣсти“; я попытаюсь выставить предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ сводомъ двухъ версій одного и того же разказа. Точкой отправленія для меня послужить странная постановка эпизода о „хозяйнѣ“ Рудольфа. У него останавливается рыцарь, побѣдоносно отражающій враговъ, осадившихъ городъ; онъ же указываетъ Рудольфу на чудотворный источникъ, а затѣмъ склоняетъ къ невѣрности его красавицу-жену въ интересахъ короля азычника. Во семь этомъ есть внутреннее противорѣчіе, которое можно объяснить

недосказанностью, недостаточной мотивировкою положения, либо приемами компилятора. Мы поняли бы дѣло, еслибы самъ хозяинъ увлекся женой своего гостя, явившемся передъ нимъ въ обповленной красѣ; при такомъ планѣ борьба съ невѣрными и роль короля изычника были бы лишними. Онѣ понятны въ той формулѣ „невѣрной жены“, какая представляется нѣмецкою поэмою о Соломонѣ и Морельфѣ: король Фаро идетъ на Иерусалимъ, побѣжденъ въ битвѣ подъ его стѣнами и взятъ въ плѣнъ; Соломонъ держитъ его въ оковахъ, поручивъ попеченіе о немъ женѣ; между тѣмъ плѣнникъ успѣлъ внушить ей любовь къ себѣ, она выпускаетъ его на свободу, а черезъ нѣкоторое время *spīman*, подсланный королемъ, хитростью похищаетъ царицу. Въ польскомъ преданіи о Валгержѣ Удаломъ нѣтъ войны и плѣнъ будущаго похитителя мотивированъ иначе, но положеніе въ сущности то же: Вислимиръ, опекунъ Валгержа, посаженъ имъ въ башню за его вымогательства; въ отсутствіе Валгержа, его жена скучаетъ и по уговору служанки рѣшаетъ: выпускать на ночь красиваго узника—на шутки, а днемъ снова сажать его въ тюрьму, чтобы никто того не замѣтилъ. Влюбившись въ Вислимира, она бѣжитъ съ нимъ.

Компиляторъ могъ имѣть въ виду разказъ того же содержанія: война съ непріятельскимъ королемъ, попадающимъ въ плѣнъ и увозящимъ жену своего противника.

Но существуетъ въ народныхъ сказаніяхъ и другая формула невѣрной жены, гдѣ къ мотиву невѣрности присоединалось еще и обличеніе въ неблагодарности. Въ былинѣ о Потокѣ и въ соответствующихъ народныхъ сказкахъ (сициліанской, абруцкихъ, каталонской, бретонской, лорренской, нѣмецкой и аннамской) мужъ оживляетъ умершую жену; а она измѣняетъ ему для другаго. Легко представить себѣ существованіе варианта, въ которомъ вмѣсто момента оживленія являлось исцѣленіе, достигнутое путемъ борьбы и опасности: рыцарь покидалъ свою родину, увозя прокаженную жену и ради нея, узнавалъ гдѣ-нибудь на стоянкѣ о чудесномъ источникѣ, добирался до него самого, а исцѣвленная жена отдавалась гостиннику. Компиляторъ могъ знать такую или подобную легенду о „неблагодарной женѣ“ (напомнимъ его нападки именно на ея неблагодарность) и внѣшнимъ образомъ связалъ ее съ аналогическою повѣстью типа Морольфа: съ формулой „плѣнника“. Черта соединенія осталась въ неловкой мотивировкѣ эпизода о „хозяинѣ“.

Перейду отъ моей гипотезы къ нѣкоторымъ гипотезамъ г. Поливки.

Латинскій сборникъ вѣнскаго библіотеки, содержащій въ себѣ Гризельду и *Historia infidelis mulieris*, принадлежалъ прежде, судя по записи, одному монастырю близъ Верна въ Моравіи (*iste liber domus sancte trinitatis prope Brunnam ordinis Carthusiensis in Kunigsfel.* Сл. стр. 25); съ другой стороны—компиляторъ повѣсти о невѣрной женѣ имѣлъ подъ руками разказъ въродѣ польскаго преданія о Валгержѣ Удаломъ, неизвѣстнаго на западѣ (стр. 39), если не брать въ разчетъ легенды нѣмецкихъ *Gesta Romanorum* о цесарѣ Гордіанѣ, представляющей, впрочемъ, нѣкоторыя отличія (стр. 46). Если компилятору стала извѣстна польская повѣсть, то вѣроятно, потому, что онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Польшей; какое это сосѣдство—на это указываетъ запись вѣнскаго сборника: *Historia infidelis mulieris* составлена была на чешско-моравской почвѣ (стр. 39, 26), въ pendantъ къ Гризельдѣ, какъ бы въ противовѣсъ ей: Гризельда—вѣрная жена, ея мужъ ея недостойнъ; на оборотъ, мужъ *Historia*'и блещетъ нравственными качествами въ сравненіи съ своею невѣрною женою (стр. 28); чешскій переводчикъ усилилъ этотъ параллелизмъ, назвавъ ее *Bryzelidys*, именемъ, созвучнымъ съ Гризельдой; исследователь замѣчаетъ (стр. 27) по этому поводу, что въ изданіяхъ (а можетъ быть, и въ рукописяхъ) Петрарки и въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ переводахъ повѣсти о Гризельдѣ ея имя читается *Briselidis*.

Я не вхожу въ разборъ этихъ положеній, вѣроятность которыхъ усилилась бы, на мой взглядъ, еслибъ исторія чешской латини, средневѣковой и начинающагося возрожденія подтвердила разборомъ стили „исторія“, ея принадлежность именно чешской области. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ: авторъ предполагаетъ вѣнскій списокъ *Historia*'и оригиналомъ чешскаго переводчика; на самомъ дѣлѣ сходство оказывается далеко не дословнымъ: начиная съ 4-й главы чешскій текстъ излагаетъ кратче, иное опускаетъ, 10-я глава въ немъ лишняя противъ латинскаго подлинника и т. д. (стр. 27—28). Исследователь объясняетъ эти разногласія тѣмъ, что крыжовницкій текстъ не прямо переводъ съ латинскаго, то-есть, вѣнскаго, а списокъ съ какого-нибудь утраченнаго, либо еще неизвѣстнаго намъ перевода, при чемъ, очевидно, предполагается, что и этотъ предполагаемый переводъ сдѣланъ былъ съ вѣнскаго оригинала. Но къ такому предположенію ничто не обязываетъ, потому что столь же легко представить себѣ существованіе другаго латинскаго сборника, съ Гризельдой и „исторіей“, въ которой уже предюсхищены были отличія чешскаго пересказа и стояло имя *Bryzelidys*, неизвѣстное вѣнскому списку. Очень

можетъ быть, что это лишь случайное или сознательное искаженіе Гривельды; я подозрѣваю въ немъ Бризенду извѣстнаго романа о троянскихъ дѣяніяхъ Benoit de Saint More: типъ женской вѣтряности и измѣнчивости, созданный французскимъ труверомъ и ставшій традиціоннымъ въ средневѣковой литературѣ. Она любитъ Трою и быстро, незамѣтно для себя, переходитъ въ объятія Діомеда Боккаччіо, въ своемъ Филостратѣ, измѣнилъ ей имя въ Гривельду; латинскій пересказъ романа Бенуа, сдѣланный въ XIII вѣкѣ Гвидономъ де Колумна, былъ переведенъ въ 1411 году на чешскій языкъ; это первая печатная чешская книга (въ Пльзеньѣ 1468 г.). Если наша *Bryzelidus* взята оттуда—а имя идетъ къ типу вѣтряной, невѣрной жены,—то объ авторѣ исторіи трудно будетъ повторить, за изслѣдователемъ (стр. 45), что онъ и жилъ гдѣ-нибудь въ захолустьи, вдали отъ литературнаго движенія; тѣмъ труднѣе, что авторъ, какъ предполагается, имѣлъ въ виду, копилируя свою повѣсть, и новеллу Боккаччіо, и имя ея героини.

Александръ Веселовскій.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прижимѣ его состава до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Виттескаго. Выпуски 1-й и 2-й. Казань. 1889—1890.

Биографія русскаго государственнаго дѣятеля, о которомъ нашъ великій преобразователь выразился: „въ этомъ маломъ путь будетъ“, безъ сомнѣнія, представляетъ достойный предметъ для историческаго изслѣдованія, и потому мы не удивляемся, что авторъ разбираемаго сочиненія, еще въ 1873—1875 годахъ составившій небольшой историческій очеркъ подъ заглавіемъ „Неплюевъ и Оренбургъ“, помѣщенный въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ, продолжаетъ по настоящее время изучать все относящееся до извѣстнаго основателя города Оренбурга, и что онъ подарилъ публикѣ очень интересную книгу, въ которой сгруппировалъ множество свѣдѣній, относящихся до И. И. Неплюева, а также до обширнаго Оренбургскаго края. Должно однако сказать, что такая двойственность предмета изслѣдованія естественно привела къ тому, что одна часть книги приобрѣла видимый перевѣсъ надъ другою. Случилось то, что неизбежно должно было случиться: многосторонняя дѣятельность Неплюева, какъ администратора, поглотила совсѣмъ Неплюева, какъ чело-
вѣка; администраторъ же въ свою очередь былъ поглощенъ тѣмъ обшир-
часть солхуі, отд. 2.

нымъ краемъ, которымъ онъ управлялъ. Всякій, прочтя любопытную книгу г. Витевскаго, признаетъ виѣстѣ съ нами, что о самомъ Неплюевѣ, какъ человѣкѣ, говорится въ ней весьма немного, такъ что при извѣстномъ перемѣщеніи главъ можно было бы эту книгу озаглавить болѣе правильно: „Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года“. Авторъ могъ бы, пожалуй, сказать намъ, что онъ не обладалъ необходимыми матеріалами для изображенія И. И. Неплюева какъ человѣка. Но съ этимъ можно согласиться только до нѣкоторой степени, между прочимъ и потому, что существуетъ хотя не очень подробная, но все-таки весьма интересная автобіографія этого замѣчательнаго дѣятеля. Г. Витевскій, разумѣется, пользовался ею, но, во первыхъ, недостаточно критически, а во вторыхъ, мало обратилъ вниманія на выражающіяся въ ней воззрѣнія Неплюева. Правда, онъ старается изображать Неплюева вообще очень симпатичными чертами; но это не устраняетъ вопроса о нравственной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ его поступковъ, о которыхъ можно судить иногда нѣсколько иначе, чѣмъ судить о нихъ г. Витевскій.

Мы не будемъ пересказывать вслѣдъ за авторомъ жизнь Неплюева, на сколько она описана въ двухъ вышедшихъ выпускахъ разбираемаго сочиненія; но остановимся на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этой жизни, и между прочимъ на такихъ, на которыя г. Витевскій смотритъ едва ли правильно.

Первыя три главы сочиненія г. Витевскаго повѣствуютъ о происхожденіи рода Неплюевыхъ, о дѣтствѣ и юности Ивана Ивановича, объ его заграничномъ ученіи и его дипломатической дѣятельности въ Турціи и на Немировскомъ конгрессѣ 1737 года. Съ IV-й главы начинается разказъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Неплюевъ по возвращеніи изъ заграничной службы.

Къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Анны относятся тѣ кровавыя драмы, нравственными виновниками которыхъ были выслужившіеся иноземцы, а исполнителями явились русскіе родовитые люди, и въ числѣ ихъ Неплюевъ. Сперва, въ 1737 году, состоялся судъ надъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, авторомъ кондицій верховниковъ 1730 г., судъ, въ составъ котораго назначенъ былъ и Неплюевъ. Роль Неплюева въ этомъ судѣ не извѣстна г. Витевскому, но онъ почему-то думаетъ, что его участіе было пассивное. По нашему мнѣнію, и такое участіе слишкомъ нелестно, чтобы даже предполагать его. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ Волынскаго участіе Неплюева было иное. Онъ, какъ выражается г. Витевскій на

стр. 82, „вѣроятно, не ожидалъ, что его заставятъ принять на себя роль сыщика и слѣдователя по этому дѣлу... Неплюеву“, говорить авторъ далѣе, — „въ этомъ дѣлѣ принадлежала болѣе полицейская и исполнительная роль, чѣмъ какое-либо рѣшающее значеніе въ судьбѣ Волынскаго, да и въ этомъ случаѣ Неплюевъ былъ какъ бы только помощникомъ такого лукаваго сыщика и ловкаго заплочнаго мастера, какимъ былъ главный начальникъ тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ“ (стр. 92). Все это однако очень мало свидѣтельствуетъ въ пользу безупречнаго поведенія Неплюева въ этомъ дѣлѣ и, къ сожалѣнію, доказываетъ лишь то нравственное безразличіе, до котораго способенъ былъ пасть этотъ несомнѣнно умный человѣкъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. По видимому, Неплюевъ и самъ сознавалъ свою нечистую роль на этомъ судѣ, ибо онъ совершенно умалчиваетъ о немъ въ своихъ позже составленныхъ запискахъ; а это обстоятельство очень важно. Г. Витевскій опровергаетъ высказанное г. Карповичемъ мнѣніе, что казнь Волынскаго послужила основаніемъ богатству Неплюева, и что онъ проживилъ изъ имѣній Волынскаго (стр. 89). Но, по нашему мнѣнію, эта награда, зависѣвшая, очевидно, не отъ самого Неплюева, является только слѣдствіемъ его усердія, проявить которое онъ могъ, даже и при тогдашнихъ условіяхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Мы думаемъ, что біографу Неплюева прежде всего слѣдовало опредѣлить съ точностію, въ чемъ состоялъ тотъ или другой образъ дѣйствій Неплюева въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, и чѣмъ онъ обусловливался. Это обрисовало бы личность человѣка; но этого-то и не сдѣлалъ г. Витевскій. Что въ дѣлѣ Волынскаго Неплюевъ велъ себя какъ человѣкъ партіи, „искавшій“, по старинному выраженію, „своего счастья“ и не стѣснявшійся ни нравственными принципами, ни національными симпатіями, всего лучше видно изъ того, въ какомъ положеніи оказался онъ по паденіи Остермана: какъ его приверженецъ, онъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей, лишенъ ордена св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень, прежде ему пожалованныхъ, и содержался подъ арестомъ до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ. Однако, благодаря содѣйствію родственниковъ, ему удалось вскорѣ оправдаться, и онъ былъ назначенъ командиромъ Оренбургской экспедиціи. Упоминая объ этихъ обстоятельствахъ въ своей автобіографіи, Неплюевъ говорить, что онъ отправился въ Оренбургъ „съ покойнымъ, по невинности, духомъ“. Замѣчаніе едва ли вполне искреннее; весьма вѣроятно, что, убажая въ эту почетную ссылку, Неплюевъ вспоминалъ

слова, сказанныя ему Волынскимъ на одномъ изъ допросовъ: „Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать!“ И разсужденія эти должны были шевельнуть его совѣсть. Въ характерѣ Неплюева была немалая доля черствости честолюбца. Онъ припалъ назначеніе въ Оренбургъ, какъ счастливый выходъ изъ опаснаго положенія, въ которое былъ поставленъ при воцареніи Елисаветы своими прежними близкими отношеніями къ Остерману. Онъ не понималъ отчаянія своей молодой жены и въ своей автобіографіи довольно равнодушно говоритъ объ ея „уныніи“, изъ котораго онъ старался извлечь своими „совѣтами“.

Въ новой должности дѣлецъ Неплюевъ оказался на своемъ мѣстѣ: онъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство Башкирскій край, обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, обуздать грабительство степныхъ хищниковъ и распространить нашу торговлю съ Азією. И дѣйствительно, заслуги Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ были весьма значительны: онъ оказался дѣятельнымъ и разумнымъ администраторомъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе г. Витевского, будто бы „Неплюевъ былъ Петромъ Великимъ для Оренбургскаго края“ (стр. VIII), кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ; по крайней мѣрѣ въ вышеданныхъ выпускахъ его сочиненія мы не находимъ полного подтвержденія такому уподобленію. Припомнимъ слова самого Неплюева, оплакивающаго смерть Петра Великаго: „На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“, и спросимъ: можно ли эти слова примѣнить къ самому Неплюеву въ отношеніи къ Оренбургскому краю? Конечно, нѣтъ. Дѣятельность Неплюева въ этомъ краѣ была очень почтенная; но она является только естественнымъ продолженіемъ дѣятельности его предшественниковъ — Кирилова и Татищева, и это вполнѣ очевидно изъ сдѣланнаго самимъ г. Витевскимъ интереснаго очерка Оренбургскаго края до Кирилова, при немъ, а также при Татищевѣ и князѣ Урусовѣ.

Русская колонизація давно уже проникла въ обширныя пространства, заселенныя башкирами, и еще въ 1554 году среди нихъ построенъ былъ русскими городъ Бирскъ, затѣмъ Оса, Мензелинскъ и Уфа, а въ 1732 году положено было основаніе Закамской линіи. Захватъ земель русскими поселенцами вызывалъ ропотъ и неудовольствіе башкиръ; злоупотребленія мѣстной администраціи края раздували эту вражду до огромныхъ и отчаянныхъ возстаній башкиръ. Пер-

вое изъ нихъ случилось еще въ 1584 году; особенно же извѣстно возстаніе Саятовское, въ 1664 году, продолжавшееся пять лѣтъ. Русское правительство убѣдилось, что для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ необходимо содержать постоянную военную силу, не только на границѣ, но и внутри Оренбургскаго края. Первый обратилъ вниманіе на это Петръ Великій; но смерть помѣшала ему осуществить задуманный планъ. Кириловъ, развивая планъ Петра Великаго, доказывалъ необходимость устроить городъ на рѣкѣ Ори, чтобъ, овладѣвъ бухарскими землями, проложить дорогу для русскихъ товаровъ въ Вухару, Бадакшанъ, Балхъ и Индію. Кирилову даны были средства къ исполненію его плана. Но возстанія башкиръ, а затѣмъ болѣзнь Кирилова, много препятствовали осуществленію его замысловъ; тѣмъ не менѣе еще въ 1737 году въ Оренбургскомъ краѣ существовали, кромѣ города Самары и основаннаго Кириловымъ въ 1735 году Оренбурга, около 20 укрѣпленій, которыя должны были образовать новую Самарскую и Яицкую линію. Въ 1737 году Кириловъ умеръ, и мѣсто его занялъ извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ, Василій Пикитичъ Татищевъ. Онъ продолжалъ дѣло Кирилова; усмирялъ постоянныя возстанія башкиръ, боролся съ злоупотребленіями администраціи, завелъ въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ, перенесъ Оренбургъ на другое болѣе удобное мѣсто при Красной горѣ, а прежній Оренбургъ переименовалъ въ Орскую крѣпость; усилилъ новыми укрѣпленіями Яицкую линію (по Уралу). Преемникъ его князь Урусовъ получилъ приказаніе продолжать строить укрѣпленія отъ новаго Оренбурга по Яику вверхъ до Верхнеяицкой крѣпости и отъ нея по рѣкамъ Ію и Тоболу. Онъ же долженъ былъ принять въ подданство Россіи Среднюю Киргизскую орду, выразившую на то свое желаніе еще при Татищевѣ. Но башкиры бунтовали по прежнему; особенно сильно было возстаніе подъ начальствомъ Салтанъ-Гирея, по прозванію Каракасала. Эта отчаянная кровавая борьба обошлась дорого башкирамъ.

По свидѣтельству извѣстнаго Рычкова, въ періодъ времени съ 1735 по 1740 годъ сожжено 300 башкирскихъ деревень, казнено 7455 человекъ, отдано помѣщикамъ 2,882 чел. башкирскихъ женъ и дѣтей и т. д. Урусовъ предполагалъ построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Сакмарѣ, но не успѣлъ; онъ умеръ въ 1741 году; это досталось уже на долю его преемника—Неплюева, прибывшаго въ Самару въ 1742 году. Онъ также усмиряетъ возстанія башкиръ, преслѣдуетъ

злоупотребленія администраціи (особенно любопытно дѣло съ бывшимъ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ), переносятъ городъ Оренбургъ еще разъ на другое (нынѣшнее) мѣсто, на 252 версты отъ Орска, на самый Уралъ, и также возводитъ цѣлыя линіи укрѣпленій, но только въ другихъ направленіяхъ, сообразно новымъ требованіямъ жизни. Необходимо замѣтить, что Неплюевъ вѣдалъ не только башкирами, киргизами и всею линіей вѣшнихъ и внутреннихъ крѣпостей въ краѣ, а также провинціями Исетскою и Уфимскою, но скоро въ его же вѣдомство поступили ставропольскіе крещенные калмыки и Яицкое казачье войско.

Г. Витевскій говоритъ очень подробно въ нѣсколькихъ главахъ о Яицкомъ казачьемъ войскѣ, о его происхожденіи и внутреннемъ устройствѣ. Военная коллегія рано стремится преобразовать внутренній строй Яицкаго войска, а также внутреннее казацкое самоуправленіе. Отсюда постоянныя неудовольствія казаковъ, дорожившихъ своею независимостью, и жалобы ихъ на притѣсненія. Съ другой стороны, и здѣсь сосѣдніе кочевники (киргизы, калмыки и каракалпаки) переходили Яикъ, производили грабежи и угоняли скотъ у казаковъ, которые просили позволенія чинить военный промыселъ надъ воровскими калмыками. Еще Татищевъ для охраны казаковъ предлагалъ поселить по рѣкѣ Яику драгунскій полкъ. Неплюевъ предпочелъ возложить оборону края на самихъ же яицкихъ казаковъ, строго запретивъ обижать киргизъ съ калмыками. Кромѣ того, Неплюевъ построилъ нѣсколько линій военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ; эти линіи, принявъ Оренбургъ за центры, шли: на сѣверъ—Самарская и Орская, на востокъ—Красногорская и Уйская, соединявшаяся съ Сибирскою линіею, на западъ—Самарская, и на югъ—Нижне-Яицкая, до самаго Каспійскаго моря. Для заселенія этихъ линій назначены были лапдиляцкіе полки, оберегавшіе прежде Закамскую линію; но ихъ было мало. Это указывало на необходимость создать такую военную силу, которая могла бы быть водворена на постоянное жительство въ полинейныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края. Такою силой явилось основанное въ 1755 году, по представленію Неплюева, Оренбургское казачье войско. Г. Витевскій сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о происхожденіи сего войска, при чемъ вдается иногда даже въ излишнія подробности, не относящіяся непосредственно ни къ Неплюеву, ни къ Оренбургскому краю, какъ наиримѣръ, объ ограниченіяхъ при Петрѣ Великомъ крѣпостнаго права, о жестокостяхъ помѣщицы Салтыковой и княгини Козловской и т. д. Находя не-

обходимымъ соединить Оренбургскую линію крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вошелъ въ переговоры о томъ съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ; результатомъ ихъ явилась Звѣриноголовская крѣпость.

Но Неплюевъ очень хорошо сознавалъ, что для спокойствія края недостаточно однихъ укрѣпленій, что необходимо дать обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развить торговлю и промышленность въ краѣ, чтобы такимъ образомъ привести къ покорности средне-азиатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на среднюю Азію.

Обо всемъ этомъ предстоитъ сообщить г. Витевскому въ слѣдующихъ выпускахъ его интереснаго труда. Книга его, конечно, съ любопытствомъ будетъ прочтена всякимъ интересующимся исторіей нашего отечества.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что если приложеніе къ первымъ двумъ выпускамъ портретъ Неплюева и виды соборовъ въ Оренбургѣ составляютъ нѣкоторое украшеніе книги, то приложеніе подробной географической карты всего Оренбургскаго края, съ современнымъ Неплюеву его раздѣленіемъ, является не только желательнымъ, но и крайне необходимымъ.

И. И.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ *Сергіемъ Ал. Вьлюкоровымъ*. Выпускъ I, 1578—1613 гг. М. 1889 ⁴⁾.

Нѣтъ надобности говорить о важности памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами. Эти документы представляютъ во всей полнотѣ дѣятельность нашихъ великихъ князей и царей, направленную къ увеличенію могущества государства, показываютъ, какими способами планы нашего правительства въ этомъ направленіи приводились въ исполненіе, выясняютъ, какъ создавались традиціи нашей дипломатіи, даютъ понятіе о кипучей дѣятельности посольскаго приказа. Ни одинъ историкъ не можетъ обойтись безъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Карамзинъ и Соловьевъ широко пользовались сокровищами архива. Сдѣлать ихъ,

⁴⁾ Отд. изд. изъ *Ученій съ Московскомъ Имп. обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ* за 1889 г.

путемъ изданія, доступными для всѣхъ—задача въ высшей степени важная, трудъ вполне благодарный. Надо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что многіе документы могутъ утратиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, вслѣдствіе порчи въ давнее время, когда способъ храненія ихъ былъ самый примитивный.

Но если ужъ издавать, то все, цѣликомъ, безъ пропусковъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ повтореній, теперь, пожалуй, лишнихъ, но въ свое время необходимыхъ, вызывавшихся канцелярскими приемами нашихъ дьяковъ и подъячихъ. Такое изданіе, по своей растянутости и массѣ подробностей, иногда мало относящихся къ дѣлу, будетъ скучно, въ чтеніи утомительно; но только въ подобномъ изданіи и будетъ дѣйствительный толкъ. По нашему убѣжденію, это единственно правильный путь, и на такой путь сталъ С. А. Бѣлокуровъ, приступившій къ изданію памятниковъ сношеній Россіи съ Кавказомъ, съ древнѣйшихъ временъ.

Главную часть книги г. Бѣлокурова составляютъ, какъ по объему, такъ и по содержательности, сношенія съ Грузіей. Покойный академикъ Броссе изучалъ эти документы и на основаніи ихъ напечаталъ: *Examen critique des annales géorgiennes* (1845) ¹⁾. Но такія работы, основанныя на не изданныхъ документахъ, всегда возбуждаютъ сомнѣніе: всѣмъ ли матеріаломъ воспользовался авторъ, не ограничился ли онъ тѣмъ только, что имѣло ближайшее отношеніе къ его прямой задачѣ, не упустилъ ли онъ какихъ свѣдѣній, быть можетъ, важныхъ, но ему ненужныхъ? такъ ли, наконецъ, понялъ онъ свой источникъ? Вотъ почему изданіе матеріаловъ должно предшествовать разсужденіямъ, на нихъ основаннымъ.

По завоеваніи независимости отъ татаръ, Россіи приходилось завоевывать себѣ международное положеніе, на что обращено было особенное вниманіе великихъ князей Московскихъ, и что давалось нелегко. Чтобы занять видное положеніе среди прочихъ государствъ Европы и Азии, заставить ихъ съ уваженіемъ относиться къ возрождавшейся Россіи, государямъ нашимъ нужно было выказать свою силу и могущество; а видимымъ признакомъ силы являлась въ то время

¹⁾ Статья эта въ русскомъ переводѣ г. Тлужлова, „Критическій обзоръ грузинскихъ лѣтописей новѣйшихъ временъ по русскимъ документамъ“, напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Пр.* за 1846 г., т. 51, отд. II, стр. 1—35, 71—131.

обширность владѣній,— „Царство ширится“. Поэтому расширение предѣловъ государства считалось главной задачей правительства, и воеводы на нашихъ окраинахъ никогда не упускали изъ виду подводить „подъ высокую царскую руку“ новыхъ подданныхъ. Пріумноженіе земли происходило главнымъ образомъ на востокѣ, то-есть тамъ, гдѣ мы встрѣчали элементъ слабый: сибирскіе инородцы рѣдко рѣшались идти противъ огнестрѣльнаго оружія и смиренно несли ясакъ въ русскую казну. Но если встрѣчалось серьезное сопротивленіе, какое, на примѣръ, встрѣтили казаки наши со стороны бурятъ, тамъ поступательное движеніе задерживалось, иногда надолго. На югѣ и на западѣ, куда собственно и были устремлены главныя силы наши, мы имѣли весьма незначительный успѣхъ почти до Петра Великаго.

Такъ какъ мы не могли высылать на востокъ значительныхъ отрядовъ, то приходилось выработать такую стратегическую систему, которая гарантировала бы безопасность отряда и въ то же время удерживала бы вновь пріобрѣтенную страну въ повиновеніи. Система была выработана очень скоро, она состояла въ возведеніи крѣпостей (городовъ), которыя постепенно выдвигались впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигалась и Украина наша, пока не доходила до естественной границы. Мы двигались крѣпостями. Василій Іоанновичъ, чтобы вліять на Казанское царство, построилъ на устьѣ рѣки Суры городъ Васильсурскъ; Іоаннъ Грозный, добираясь до этого царства, основалъ Свіяжскъ—и участь Казани была рѣшена. По украинѣ возникли города, при чемъ нѣкоторыя крѣпости выдвигались изъ линіи далеко въ степь, какъ, на примѣръ, при Феодорѣ Іоанновичѣ Вѣлгородъ. Михаилъ Феодоровичъ выстроилъ Тамбовъ, Козловъ и другіе. Послѣдствія такой системы обнаружались въ самомъ непродолжительномъ времени. Занятая земля закреплялась за Россіей, безпкойные сосѣди дѣлались смирнѣе, открытый прежде имъ путь для грабежа сталъ обнаруживать препятствія, вслѣдствіе чего центральныя области меньше страдали отъ хищническихъ набѣговъ и, пользуясь спокойствіемъ, увеличивали свое благосостояніе.

Но этимъ дѣло еще не ограничивалось. Мелкіе владѣльцы, наши сосѣди, во время столкновеній между собою должны были обращать вниманіе и на Россію, особенно ближайшій къ намъ, который могъ попасть между двухъ огней. Чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, онъ рѣшался обратиться къ русскому царю за покровительствомъ и защитой. Получить покровительство было легко: стоило

только принять русское подданство. Христіанскіе владѣльцы принимали присягу на подданство и цѣловали крестъ, иновѣрцы давали шерть ¹⁾ по своей вѣрѣ.

Съ этого момента начинался между нашимъ правительствомъ и новымъ подданнымъ цѣлый рядъ недоразумѣній и неудовольствій съ обѣихъ сторонъ. Онъ принималъ подданство для своихъ личныхъ выгодъ и смотрѣлъ на подданство, какъ на простую формальность; мы преслѣдовали свои цѣли и требовали, какъ съ подданнаго, дѣйствительныхъ услугъ, что вовсе не входило въ его планы. Этотъ подданный не только не исполнялъ своихъ обязанностей такъ, какъ мы понимали дѣло, но при случаѣ не прочь былъ поживиться на нашъ счетъ, то-есть, переставалъ „прямить“, начиналъ „воровать“, требовалось непослушника „посмирить“, иногда не одинъ даже разъ. Тогда онъ, „узнавъ свои вины, билъ челомъ“, но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что правительство наше, наскучивъ продолжительною борьбой, лишало вассала его владѣній, которыя поступали подъ непосредственную русскую власть; туда назначался воевода, а для упроченія этой власти воздвигались новыя укрѣпленія, которыя начинали играть роль прежнихъ, обратившихся въ пункты стратегическихъ въ административныя или торговые.

Замѣчательно, что эта система удержалась до нашихъ дней. Такимъ образомъ покоряли мы Сибирь, двигались на Кавказъ, въ Крымъ. Но нигдѣ укрѣпленные линіи не получили такого широкаго развитія, какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Недруги наши отлично понимали значеніе такой мѣры: сколько, напримѣръ, велось у насъ переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ по поводу одного только города Терка, построеннаго Іоанномъ Грознымъ! Ханъ и султанъ требовали срытія города, и русскому правительству пришлось на время уступить: городъ былъ снятъ; но терскіе казаки остались на своемъ мѣстѣ.

Можно ли говорить, послѣ этого, что мы двигались на востокъ и на югъ безъ всякой системы, безъ плана, строго обдуманнаго, а какъ-то случайно? Быть можетъ, предки наши иногда упускали удобные моменты для своихъ дѣйствій, но вѣдь это удобство обнаруживалось

¹⁾ Арабское слово *шертъ*, „условіе“, „договоръ“ занесено къ намъ татарами въ значеніи „дѣлать“, „присяга“. Отсюда глаголъ *шертовать*, часто употреблявшійся въ старину въ дѣлѣ сношенія съ азіатцами.

лишь впоследствии и ясно теперь для насъ, но современникамъ дѣло могло представляться иначе. Правительство наше всегда дѣйствовало осторожно; но настойчиво. Это, вѣдь, тоже система.

Отношенія Россіи къ Грузіи, самыя дружественныя въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, разрѣшились въ 1801 году принятіемъ грузинъ въ русское подданство ¹⁾. Этотъ актъ устраняетъ всякіе счеты между нами и ими; но существуетъ мнѣніе, идущее изъ грузинскаго лагеря, высказываемое публично, что Россія не принесла никакой пользы Грузіи, что воспользовавшись со стороны грузинъ существенною помощію въ борьбѣ съ турками и персїянами, она выдавала грузинскій народъ его врагамъ, которые жестоко мстили ему. Тяжкій упрекъ! Чтобы убѣдиться, справедливъ ли онъ, мы должны обратиться къ историческимъ памятникамъ, которые одни только могутъ представить дѣло въ истинномъ видѣ. Документы, изданные г. Бѣлокуровымъ, оканчиваются пока вступленіемъ на Россійскій престолъ Дома Романовыхъ, по въ нихъ излагается начало сношеній, чтѣ для насъ особенно важно, такъ какъ отношенія обонихъ правительствъ другъ къ другу уже опредѣлились, тутъ обнаруживается, на какой путь стало то и другое, какіе были у нихъ планы, къ чему они стремились.

Когда пало Астраханское царство, значеніе Россіи для Кавказа сразу опредѣлилось, а выдвинутый впередъ Грознымъ городъ Терки (или Терекъ) давалъ Россіи возможность принимать участіе въ событіяхъ, совершающихся на Кавказѣ. Уже тогда Грузинскій царь сталъ проситься въ подданство къ Московскому. При Фѣдорѣ Іоанновичѣ переговоры о подданствѣ велись очень оживленно; начались они со стороны Грузинскаго царя Александра. Положеніе Грузіи въ то время было самое печальное: ей угрожалъ Турецкій султанъ съ одной стороны, Персидскій шахъ—съ другой. Царю Александру приходилось откупаться отъ обонихъ, а, кромѣ того, шамхаль тарковскій (въ дѣлахъ нашихъ называется шевкаль) постоянными набѣгами разорялъ

¹⁾ Императоръ Александръ I, прежде чѣмъ присоединить Грузію къ Россіи, хотѣлъ убѣдиться, действительно ли народъ грузинскій желаетъ этого присоединенія и действительно ли для него другаго исхода нѣтъ. Въ инструкціи данной по этому поводу посланному въ Грузію Кноррингу, императоръ говорилъ, что „не для Россіи присоединяется народъ сей къ имперіи, но собственно для него, что не нашихъ польза имъ въ семъ ищемъ, но единственно его покой и безопасности“.

Грузію. Откупиться подарками и отъ шамхала Александръ, вѣроятно, находилъ неудобнымъ, а бороться съ нимъ собственными средствами не могъ. Ему оставалось прибѣгнуть къ покровительству сильной державы, хотя бы на условіяхъ нѣскольکو и унижительныхъ, но унижаться Александръ уже привыкъ; а въ этомъ случаѣ тягость униженія облегчалась тѣмъ, что приходилось имѣть дѣло съ христіанскимъ государемъ, съ царемъ Московскимъ, къ которому онъ обратился съ предложеніемъ своего подданства. Трудно было положеніе Александра и до этого шага, теперь же оно усложнялось новыми обязательствами, и царю Грузинскому предстояло хитрить больше прежняго.

Личность царя Александра представляется намъ въ видѣ далеко не привлекательномъ. Северно онъ началъ, скверно и кончилъ. Какъ смотрѣли на него персіяне, видно изъ статейнаго списка нашего посла въ Персію князя Андрея Звенигородскаго. Когда посолъ просилъ шаха отпустить въ Россію находящагося въ Персіи „въ закладѣ“ сына Александрова Константина, то получилъ такой отзывъ о Грузинскомъ царѣ отъ „ближняго шахова человѣка“ Фергатъ хана: „Олександру царю никому вѣры нати нельзя, какъ государю вашему манить, такъ и государю нашему. А ко государю вашему пишетъ и бьетъ челомъ, а называецца хрестьяниномъ, а ко государю нашему пишетъ, а называетца нашіе вѣры, а къ турецкому ежегодно посылаетъ по 30 вѣжковъ шолку“. Самъ шахъ Аббасъ заявилъ князю Андрею: „говорилъ еси о грузинскомъ царевичѣ, чтобъ мнѣ его къ брату своему ко государю вашему послати, и я не только за грузинскаго царевича, хотя, для любви, и за сына своего Сейфи мирзу не стою, только Олександро царь человѣкъ неправедной и ни въ чемъ ему безъ закладу вѣры нати нельзя“. Положимъ, это говорили персіяне въ своихъ интересахъ, но въ томъ же родѣ отозвался объ Александрѣ и сынъ его Константинъ въ отвѣтъ на вопросъ шаха, не хочетъ ли онъ, Константинъ, переѣхать къ Московскому государю: „Я нынѣ здѣ обсурманенъ и ожененъ и учинился въ холопствѣ у тебя шахова величества, а будетъ захотѣлося отцу моему видѣти у государя, и онъ чего для не пошлетъ ко государю сына своего, брата моего котораго ни буди? Только отецъ мой всѣмъ государемъ манить, какъ турецкому, такъ государю московскому, такъ и тебѣ шахову величеству, и вѣрять ему никому ни въ чемъ нельзя“¹⁾). Пусть это отвѣтъ

¹⁾ Дѣла Персидскія, книга № 3. Статейный списокъ князя Андрея Звенигородскаго.

тонкаго дипломата, вынужденнаго вывертываться изъ затруднительнаго положенія, пусть это отвѣтъ интригана, быть можетъ, уже тогда замышлявшаго свергнуть отца съ престола, но по отношенію къ Россіи онъ волюнѣ оправдался. „Манить“, чтобы заручиться поддержкой Московскаго царя противъ шамхала, безъ всякихъ затратъ съ своей стороны, удалось Александру какъ нельзя лучше. Отдѣляясь одними обѣщаніями и требуя отъ насъ постоянно помощи, Александръ имѣлъ столько нахальства, что еще обвинялъ русское правительство въ недостаткѣ энергіи, что наше содѣйствіе, не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы ему хотѣлось, только ухудшаетъ его положеніе. Сущность переговоровъ въ этомъ и заключалась.

Въ 1586 году прибыли въ Россію отъ Грузинскаго царя священникъ Іоакимъ, старецъ Кирилла и Хуршитъ съ грамотою, въ которой царь Александръ просилъ Ѳедора Іоанновича принять Грузію подъ свою царскую руку, такъ какъ „земля наша хрестыянская, а отъ невѣрныхъ турокъ въ велицей бедѣ и утесненъ“ (стр. 12). Ѳедоръ Іоанновичъ принялъ царя Александра подъ свою руку тѣмъ болѣе охотно, что дѣло шло о защитѣ хрестіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся пріобрѣсти союзника противъ турокъ. Прежде всего требовалось возстановить на устьѣ Сунжи городъ Терекъ и договориться съ Грузинскимъ царемъ на счетъ условій подданства, которое надо было закрѣпить присягой. Съ этою цѣлію въ Грузію былъ отправленъ Родіонъ Виркинъ съ товарищи. Уже по началу переговоровъ стало ясно, что дѣло не состоится на принципѣ взаимныхъ услугъ. Съ нашей стороны отъ поваго подданнаго требовали ежегодныхъ поминковъ: „по 10 аргумаковъ добрыхъ, по 10 коневъ добрыхъ, которые бы государю пригодились, по 5 вноходцевъ, по 50 камокъ золотныхъ кизылбашскихъ съ золотомъ и съ серебромъ лутшихъ, по 10 ковровъ съ золотомъ и съ серебромъ и съ шелки“ (стр. 24). Да единовременно для терскаго гарнизона царь Александръ долженъ былъ доставить провіантъ. Цѣловальную запись онъ далъ; но поминки давать въ томъ количествѣ, какъ было ему заявлено, отказался. Конечно, расходъ у Александра былъ великъ: онъ платилъ дань султану турецкому, задобривалъ шаха, гдѣ ужъ тутъ посылать дары въ Москву! У насъ, впрочемъ, за данью и не гнались. Въ наказѣхъ слѣдующимъ посламъ предписывалось на поминкахъ не настаивать: „государь нашъ его царское величество пожаловалъ Александра царя, подъ свою царскую руку взялъ не для дани, ни для чего; для своего царственнаго обычая и для хрестыянства; а у го-

сударя нашего въ казнѣ чего нѣтъ?" (стр. 247 и 278). А о томъ, что Александръ будетъ продовольствовать русскій отрядъ въ Тергѣ, нечего было и думать.

Въ отвѣтъ на посольство Биркина явились къ намъ въ 1588 г. князь Калланъ, и прежніе старецъ Кирилла и Хуршитъ съ просьбою защитить Грузію отъ Шевкала. Просьба была уважена, рать на Шевкала обѣщана. Къ Александру отправленъ въ слѣдующемъ году князь Семень Звенигородскій, съ которыми посланы наши точно формулированныя требованія къ Грузинскому царю (стр. 88—89). Александръ на словахъ казался самымъ преданнымъ подданнымъ Московскаго государя, но только на словахъ. „Все Божье да великаго государя моего царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи“, говорилъ онъ нашему послу, — „язъ холопъ и жена моя и дѣти мои и все государство мое передъ Богомъ да передъ нимъ государемъ (стр. 160)... и мнѣ ото государя своего не отступити, хоти случитца за то и смерть приняти“ (стр. 163). Показавъ посламъ войско свое, Александръ заявилъ: „а то люди не мои, то все люди Божьи да государевы“ (стр. 172). За послами Александръ ухаживалъ въ высшей степени. „Ѳажте да пейте“, говорилъ онъ имъ, — „бутте сыти и веселы. Все — государя великаго. Только бѣ языку вашему умѣлъ, и язъ бы вѣдалъ, какъ васъ великаго государя пословъ чтити“ (стр. 189). На одномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали послы, „Олександро царь, выходя изъ за стола, самъ съ азнауры здоровалъ посломъ князю Семену да дяку Торку питья и шестья. А говорилъ: видите сами, какъ язъ и съ своими азнауры для великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи васъ, его пословъ, чту; самъ, выходя изъ-за стола, и съ азнауры своими бью челомъ. Весь мой домъ Божей да вашъ“ (стр. 200). При всемъ этомъ сокровенною мыслью царя Александра было смирить Шевкала на чужой счетъ. Русскій отрядъ уже ходилъ на Шевкала, отнял у него рѣку Койсу, на которой рѣшено было построить городъ. Но Грузинскій царь этимъ не удовольствовался. Въ 1590 году снарядилъ онъ посольство, возложенное на князя Сулеймана и Хуршита, съ спеціальною цѣлью просить помощи противъ Шевкала. Въ грамотѣ своей Ѳедору Ивановичу Александръ писалъ: „намъ чинитца теснота отъ горскихъ людей: приходятъ они въ нашу землю украдомъ, иножды въ день, иножды ночью, и нашихъ людей побиваютъ и въ половъ емѣютъ, и доколе до насъ вѣсть дойдетъ, а они украдомъ вскоре повоевавъ бѣгаютъ“ (стр. 225). Изложивъ, какъ отъ недруговъ пребывалъ

въ скорби, Александръ просилъ рати на Шевкала ¹⁾. Посламъ заявили, что просьба будетъ уважена, но сдѣлали имъ запросъ: сколько самъ Александръ пошлетъ войска противъ Шевкала? Послы отвѣчали уклончиво: войска у царя 40,000, а сколько пошлетъ, то вѣдаетъ Богъ да государь (стр. 227). Выяснить этотъ вопросъ былъ отправленъ въ Грузію Василій Плещеевъ. А между тѣмъ русская рать произвела нападеніе на Шевкала, сожгла у него городъ Андреевской. Царь Александръ съ своей стороны никакого участія въ дѣлѣ не принималъ, онъ прислалъ къ Московскому царю князя Арама и архимандрита Кирилла битъ челомъ за эту оборону. На аудіенціи у Бориса Годунова князь Арамъ говорилъ, что Александръ ему наказалъ „бити челомъ и велѣлъ припасти къ твоимъ ногамъ, чтобъ ты его царскому величеству наше челобитіе доносишь и объ насъ билъ челомъ и молишь и просишь, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, Александра царя, держалъ во оборонѣ и въ защищеніе и послалъ бы на Шевкалскаго большую рать свою съ вогненнымъ боемъ, чтобъ государева рать къ зиме на Шевкалскаго пошла къ Таркамъ и Тарки, взявъ, укрепили и сидѣли бы въ Таркахъ государевы люди“ (стр. 253). И опять просьба уважена, противъ Шевкала посланъ князь Хворостининъ „съ вогненнымъ боемъ“, а въ Грузію отправленъ Иванъ Всеволодскій (въ 1593 г.), чтобы побудить Александра напасть на Шевкала съ противоположной стороны. Не имѣлъ успѣха и Всеволодскій: грузинское войско не помогло намъ. Прибывшее въ 1595 г. грузинское посольство (Хуршитъ и Арамъ) привезло грамоту царя Александра, въ которой онъ оправдывался тѣмъ, что русскіе воеводы не очистили еще дорогу черезъ Кумыцкую землю.

У насъ, конечно, поняли политику Александра; но переговоры съ нимъ не прерывались, потому что они все-таки соответствовали нашимъ цѣлямъ, „смирить“ Шевкала было тоже въ нашихъ интересахъ, хотя Грузинскому царю наши походы противъ Шевкала выставлялись, какъ жертва, приносимая нами Грузіи. Но преслѣдуя свои

¹⁾ Еще въ Грузіи Сулиманъ отъ имени Александра говорилъ князю Семену Звенигородскому: „а которые были государства бусурманскія, Шевкалъ и ные,— и тѣ учали голдовати Турекому жъ, что вѣра ихъ одна бусурманская. А толко одно мое государство хрестьянское осталось, и то хотять бусурманы поглотити. Да что они у меня селъ и деревень повоюють, пожгутъ или людей побьють или моранять, и то не столь имъ досадить, тѣмъ побитымъ Богъ судилъ; а то всего пуцки, что возмутъ хрестьянина жива и поругаютца хрестьянской вѣре, многими муками бусурманить въ свою вѣру“ (стр. 214).

личныя цѣли, правительство имѣло въ виду и Грузинскаго царя, который получалъ изъ нашихъ походовъ противъ Шевкала значительныя выгоды, а потому и поведеніе Александра представлялось намъ не соответствующимъ тѣмъ обязательствамъ, которыя онъ добровольно принялъ на себя. Надо было дать это понять Александру, и вотъ Федоръ Іоанновичъ въ грамотѣ къ нему писалъ: „и наши воеводы, Шевкалову землю воевавъ и стоявъ въ Таркахъ долгое время, да Тархи разворили, а сами на Терку воротилися. И мы тому подивилися: для чего такъ учинилося, что ты къ нашему царскому величеству присылалъ пословъ своихъ съ слезиннымъ прошеньемъ, жалующись на Шевкала, чтобъ намъ велик. госуд. ц. и вел. кн. Федору Ивановичю всеа Русіи самодержцу на него послати рать свою и его велѣли воевати, а какъ мы на него рать свою послали, и ты съ нашими воеводами на него не сталъ и сына своего и свата къ нашимъ воеводамъ съ ратью не прислалъ? И за тѣмъ большое дѣло не совершилося, а нашему царскому величеству въ той рати въ подъемѣ великіе убытки починилися“ (стр. 266—267).

Грамоту повезъ Совинъ въ 1596 г., при чемъ въ наказѣ ему, на случай отговорокъ царевыхъ людей въ невозможности для грузинъ выступить противъ Шевкала, сдѣлано наставленіе, какъ отвѣчать: „какъ вы того и говорить не стыдитесь, что Александръ царь съ своимъ сыномъ рати на Шевкала не послалъ за дорогою? Коли такая милость была къ Александру царю, что многая государева рать, пришедъ, Шевкалову землю воевали, а Шевкалъ противъ государевыхъ воеводъ не сталъ, побежалъ,—и въ то было время Александру царю надъ Шевкаломъ и промышлять и рать своя къ государевымъ воеводамъ послать“, и проч. (стр. 274).

Пріѣхалъ Совинъ въ Грузію, и опять Александръ сталъ выказывать свою преданность Россіи на словахъ: „ухватился я“, говорилъ онъ Совину,—„у великого государя царя и вел. кн. Федора Ивановича всеа Русіи самодержца за его царскую полу и по свою смерть отъ его царского величества отступенъ не буду“ (стр. 287). Но когда начались переговоры, то посламъ нашимъ ближніе царя Александра люди дали замѣтить, что Московскій царь не вполне исполнилъ свое обѣщаніе: „Александръ царь по ся мѣста ни въ чемъ великого государя вашего не ослушался. А сына своего царевича Юрья съ ратью Александръ царь ко государю вашему воеводамъ на сходъ хотѣлъ послати, да пройти было въ горахъ не мочно, дороги черезъ горы большіе конныя на Кумицкую землю нѣтъ. А государевы воеводы

ходили и воевали Шевкаловы мѣста, которые у моря блиско, а въ Казы-Кумышехъ государевы воеводы не были и Шевкаловыхъ лутчихъ мѣстъ не воевали; а которой городъ поставили государевы воеводы въ Шевкалове землѣ, и отъ того города Шевкалу некоторые тесноты нѣтъ. И ныне Шевкаль, сложась со многими зъ горскими князми, болши прежнего государя нашего цареву Александрову землю воюеть и церкви Вожи разоряють“ (стр. 301). Стало быть, изъ земли Шамхала въ Грузію пройти было можно, а изъ Грузіи къ нему нельзя. Мало того: тѣ же ближніе люди заняли посламъ, что „Александръ царь ныне къ Шевкалу платье посылаетъ для того, чтобъ Шевкаль людямъ своимъ на Иверскую землю ходити войною не велѣлъ“ (стр. 302). Въ отвѣтъ послы привели слова наказа: „какъ вы того и говорити не стыдитесь“ и прочее; но слова эти не произвели на грузинъ желаннаго дѣйствія. „Государь нашъ.... поминки посылаетъ по неволе, что съ нимъ управитца не мочно“, возражали они (стр. 303). Что же касается до дани, то ея послы и не требовали, да Александръ и намѣренія не имѣлъ посылать приличную дань, какую предоставили на его волю. Посламъ нашимъ онъ замѣтилъ: „пришла де на меня и на мое государство скудость великая, мноую свою казну разослалъ въ дань басурманскимъ государемъ, отъ которыхъ моей землѣ теснота бываетъ; да выдалъ де дочь свою замужъ за Дадьянсково (Мингрельскаго) князя и мноую свою казну въ приданое далъ. И мнѣ де къ великому государю дани послати нѣчево“ (стр. 309—310). Отпуская русскихъ пословъ, Александръ по ирежнему просилъ выслать русскую рать противъ Шевкала. На этомъ долженъ былъ настаивать и посланный имъ въ Москву кн. Сулейманъ.

Въ грамотѣ, которую привезъ кн. Сулейманъ Федору Іоанновичу въ 1599 году, Александръ писалъ: „намъ надежа была на великого государя; а государева рать намъ ничего не пособила, ни которую корысть намъ не учинили, ни намъ, ни землѣ нашей, ни асыровъ нашихъ, ни монастыремъ, ни церквамъ, ни всему роду крестьянскому“ (стр. 320). Въ грамотѣ къ Борису Годунову упрекъ высказывается еще сильнѣе: „прежъ сего было слово твое къ намъ, и мы твоему слову вѣрили; а слово твое и указъ твой до конца не совершилося.. Прежъ сего слухъ былъ по всѣхъ царствахъ, что Александръ царь Иверскій съ великимъ государемъ Московскимъ въ любви живеть, а великій государь Московскій ему посылаетъ кречеты и дары многіе; а ныне сего лѣта ни кречеты не прислали намъ, ни дары, чтобъ человеку пригоже было“. И все-таки при этомъ прибавлялъ: „а чело-

битье мое все изъ начала до конца про Шевкалское, чтобъ рать свою прислалъ великую на моего недруга, а на государева измѣнника и непослушника, на Шевкалского и на всю Кумыцкую землю; мы опричь сего не ставемъ государю докучати" (стр. 321).

Иностранная политика при Федорѣ Иоанновичѣ находилась, можно сказать, въ вѣдѣніи Бориса Годунова, потому и царствованіе Бориса не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Посланые въ Грузію въ 1601 году Иванъ Нащокинъ и дьякъ Иванъ Леонтьевъ должны были настаивать, чтобъ Александръ, уговорясь съ астраханскими и терскими воеводами, послалъ противъ Шевкала свою рать одновременно съ русскою, чтобы надъ Шевкаломъ „промышляти за одинь" и дорогу между двумя государствами очищать сообща (стр. 332—333), не такъ, какъ прежде: „князь Овдрѣй Хворостининъ съ товарищи царского величества Кумыцкую землю воевали и ждали многое время Олександровыхъ царевыхъ воинскихъ людей, и Александръ царь рати своей не послалъ, а была одна государева рать, да и то ходили не во время, и потому тогда и не совершилось. И то Александру царю стало отъ себя. А только бѣ была рать Александрова царева и пошли бѣ на Шевкала во время, ино бѣ тогда Олександрово дѣло, Шевкалского походъ совершился" (стр. 335).

Посольство это было не изъ удачныхъ, оно чуть было не разошло Россію съ Грузіей. После въ статейномъ спискѣ жалуются на дурное обращеніе съ ними Грузинскаго царя, который будто бы говорилъ „непригожія слова" про царя Бориса. Но прибывшій къ намъ въ 1603 году старецъ Кирилло не только отрицалъ показаніе русскихъ пословъ, но обвинялъ еще ихъ самихъ въ предосудительномъ поведеніи. Обвиненію повѣрили, и такъ какъ Нащокинъ умеръ, то заплатился одинъ только Леонтьевъ: его велѣно казнить торговою казнью и вкинуть на смерть въ тюрьму (стр. 428), а предварительно провели мимо посольскаго двора, гдѣ стояли грузинскіе послы, и били кнутомъ (стр. 403). Кромѣ того, изъ животовъ Нащокина и Леонтьева выдано Кириллу 500 рублей „за то, что онѣ, будучи въ Грузинской землѣ, воровали, многихъ людей безчестили и грабили и до смерти побивали" (стр. 406). Такимъ образомъ, все, чтѣ было возможно, мы дѣлали для Грузіи, не извлекая никакой для себя пользы съ ея стороны. „Не видя ихъ (грузинъ) къ себѣ никакіе службы", Борисъ Федоровичъ „многую свою милость показалъ, рати многіе на недруга ихъ, на Шевкала послалъ и города въ Черкасской и Кумыцкой землѣ, для ихъ челобитья поставити велѣлъ" (стр. 478). Отношеніе же Але-

ксандра къ Россіи представляется тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что отговариваясь невозможностью дѣйствовать за одно съ русскими противъ шамхала для пользы Грузіи, Александръ, по требованію шаха Аббаса, явился съ своимъ отрядомъ въ Персію и проливалъ грузинскую кровь, сражаясь съ бухарцами въ рядахъ персидскаго войска, то-есть, принималъ участіе въ дѣлѣ для него совершенно чуждомъ.

Новый русскій посолъ Татищевъ (1604 г.) не засталъ въ Грузіи царя Александра, но управлявшій тогда государствомъ царевичъ Георгій утѣшалъ насъ по старой программѣ и „говорилъ, что онъ во всей государеве воле и кромѣ Бога да его великаго государя надежи ни на кого не имѣеть“ (стр. 478). Какую злою иронією звучали въ то время эти слова!

Вернувшійся изъ похода Александръ не успѣлъ переговорить съ русскими послами: передъ самой аудіенціей онъ былъ убитъ сыномъ своимъ Константиномъ при помощи персіянъ, при немъ находившихся. Та же участь постигла и Георгія. Константинъ же заявилъ Татищеву, что „будетъ великій государь вашъ учнетъ меня жаловать также, какъ и шахъ, и язъ въ его государеве жалованье рать быть и учну ему, государю, служить лутчи отца своего и братьи и поминки посылать аргамани и всякіе узорочья“ (стр. 490). Съ тѣмъ посольство наше и отправилось домой.

Въ смутное время намъ было не до Грузіи, и сношенія съ нею прервались до воцаренія Михаила Федоровича. Будемъ ожидать появленія въ печати дальнѣйшихъ документовъ, когда представится полная возможность оцѣнить отношенія Грузіи къ Россіи. Теперь же мы видимъ, что начало сношеній не оправдало ожиданій нашего правительства, что дѣло было основано на довѣрїи одной стороны и на обманѣ другой. Но вопросъ о подданствѣ былъ возбужденъ, цари наши стали стремиться къ осуществленію его, шли къ этой цѣли упорно и достигли ея.

Въ отпискѣ пословъ Совина и Полуханова находится шифрованная замѣтка, которую г. Бѣлокуровъ помѣстилъ на страницѣ 312 своей книги. Слова написаны связно; мы предлагаемъ раздѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ: Оп аездражню ачетъ в ацѣр ашоттси отьлок ешъваекъ огоспадор одьбет ечолъм ийъзъ Гурейз аечът оспольтв енопюльт (предполагаемъ: енопшюльт) омговарът (должно быть: оговарът, м, попало отъ другаго слова) антон отьлок едъ гурязьноски езмѣл і ечолног (должно быть: ечоломног, то-есть, сюда надо

отнести м, поповшее въ омговярѣт) оыат (предполагаемъ: нбѣят) ко огоспадарю шотѣб ешѣвакал оевавѣл а окил ешвакал оевавѣт есна-тунѣт іон ойпсолѣв ѣнечог оысалт.

Раскрывается шифръ такимъ образомъ: каждый слогъ пишется послѣдовательно въ обратномъ порядкѣ буквъ. Выходитъ слѣдующее: По задержанью чаеть (то-есть, чаять) въ царѣ шатости: только шевкала господарю добѣеть челомъ, и изъ грузей, чаеть, пословъ не пошлуть; говорятъ тайно: только де Грузинской землѣ и челомного битя ко господарю, штобъ шевкала воевалъ, а коли шевкала воевать не стануть, ино и пословъ нѣчего посылать.

Сообщеніе чрезвычайно важное, оно характеризовало отношенія къ намъ царя Александра, раскрывало нашему правительству всю политику этого подданнаго. Такое донесеніе посолъ нашъ въ Грузіи не рѣшился послать обыкновеннымъ письмомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ услугамъ грузинъ, а было извѣстно, что царь Александръ не отличался особеннымъ благородствомъ: онъ вскрывалъ грамоты Московскаго царя къ русскимъ посламъ, находившимся въ Грузіи. Такъ поступилъ онъ съ княземъ Семеномъ Звенигородскимъ ¹⁾.

Мнѣ въ первый разъ встрѣчается употребленіе шифра въ такое раннее время, въ XVI столѣтіи. Секретныя бумаги, какъ, напримѣръ, наказъ послу писались въ то время обыкновеннымъ способомъ, а потому посланникамъ предписывалось такой документъ внучить наизусть, на тотъ случай, еслибы понадобилось наказъ уничтожить, чтобъ онъ не попалъ въ руки иностранцевъ, такъ какъ въ наказѣ излагались планы и намѣренія правительства по отношенію къ иностраннымъ государствамъ ²⁾.

¹⁾ Къ кн. Звенигородскому, во время пребыванія его въ Грузіи, прислааны были изъ Астрахани двѣ грамоты, которыя оказались распечатанными. Поэтому случаю послы наши замѣтили старцу Кириллу: „того нигдѣ не ведетца, что грамоты чужіе распечатывати; а намъ то стало безчестно, чтобъ Олександръ царь велѣлъ того смыскати, кто тѣ грамоты распечаталъ. А будетъ Олександро царь тѣ наши грамоты и самъ распечаталъ, и въ томъ онъ воленъ; а и тому было быти не пригоже“. И старецъ Кирило говорилъ: „тѣ грамоты распечаталъ самъ Олександро царь; и выслушавъ тѣхъ грамотъ, послалъ къ вамъ и со мною приказалъ, что ихъ распечаталъ онъ самъ“, стр. 182.

²⁾ Въ наказѣ князю Василью Васильевичу Тюеякину и дяку Семену Емельянову, посланнымъ въ 1597 г. въ Персію, для заключенія съ шахомъ Аббасомъ оборонительнаго и наступательнаго союза, главнымъ образомъ противъ Турецкаго султана, сказано: „Нѣчто принесеть ихъ, по грекомъ, подъ турецкого го-

Въ настоящемъ случаѣ мы не знаемъ, кто придумалъ такой шифръ: дьяки ли посольскаго приказа, или самъ Совинъ? Въ виду единичности случая и вслѣдствіе малаго размѣра сообщенія мы готовы предположить, что починъ принадлежалъ Совину, который могъ понадѣяться на пронизательность дьяковъ посольскаго приказа ¹⁾.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы возбудить вопросъ о способѣ печатанія старинныхъ документовъ. Такихъ документовъ, дипломатическихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ, не говоримъ уже о лѣтописяхъ, грамотахъ, трактатахъ, издано очень много, но никакой системы для передачи текста до сихъ поръ не выработано. Всякій издаетъ по своему личному усмотрѣнію и произволу. Ученнаго общества и учрежденія не пришли по поводу изданій ни къ какому соглашенію ²⁾. Выработать правила, конечно, трудно, но необходимо и давно пора обратить на этотъ вопросъ серьезное вниманіе, хотя бы для того, чтобы будущія поколѣнія не передѣлывали нашихъ работъ. Думаемъ, что авторитетъ Археографической комиссіи долженъ помочь дѣлу.

Идеальное требованіе отъ изданія заключается въ томъ, чтобы мы, въ случаѣ утраты подлинника, могли, по печатному тексту, воз-

родъ подъ Дербень, или на море иль возьмутъ турецкого люда, и князю Василью Васильевичю и дьяку Семейке приказъ и рѣчь, и грамоты государевы, и грамоты Бориса Федоровича и росписи поминкамъ, изготова съ каменемъ тайно, обеваявъ крѣпко во что, да выинути въ воду, чтобъ никому непримѣтно было, или приготова огонь, шечь, или изодратъ, чтобъ однолично устроити, — лише оставити у себя грамоты о торговомъ дѣле..... а себъ наказую память, изуча крѣпко нанзусгъ, изодрати ихъ". Дѣло о посольствѣ кн. Тюелкина (въ Моск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, лл. 98—103).

¹⁾ Древнѣйшею цѣпной азбукою для шифрованной переписки считается „азбука цѣпная, данная отъ патриарха Филарета Никитича думному дьяку Ивану Грязеву, писанная его рукою“ 1633 г. августа 8-го дня. Она хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и описана Поповымъ подъ заглавіемъ: „Прибавленіе къ статьѣ о дипломатической тайности въ древней Руси“ (*Записки Имп. Археологическаго общества*, т. V).

²⁾ Дворцовые разряды въ изданіи II Отдѣленія собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи напечатаны съ измѣненіемъ орфографіи, равно какъ и у И. Е. Забѣлина (въ *Учен. Моск. общ. ист. и древн.*); а въ Симбирскомъ сборникѣ Валуева согласно съ подлинникомъ. Сношенія Россіи съ Римскою имперіей изданы II Отдѣленіемъ собств. Его Императорскаго Величества канцеляріи съ незначительными поправками; Г. О. Карповъ допустилъ поправки въ Крыскихъ дѣлахъ (въ *Сборникѣ Императорскаго Историческаго общества*). В. А. Уляницкій въ тѣхъ же дѣлахъ строго держался текста. Такой же системѣ слѣдовалъ и г. Валодуровъ.

становить этотъ подлинникъ въ первоначальномъ видѣ. Осуществленіе этого требованія на практикѣ встрѣчается, однако, много затрудненій. Одно изъ существенныхъ состоитъ иногда въ невозможности одновременно съ передачею текста передать и то, что хотѣлъ сказать писецъ, но не имѣлъ въ своемъ распоряженіи къ тому средствъ, за отсутствіемъ въ то время тѣхъ или другихъ знаковъ (примѣры будутъ представлены ниже).

Какъ издавать памятники: держаться ли строго орфографіи подлинника, или можно допускать въ немъ измѣненія согласно новѣйшимъ требованіямъ грамматики?

Одни заявляютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой надобности сохранять прежнюю орфографію во всей ея неприкосновенности и соблюдаютъ правописаніе текста по возможности. Въ предисловіи къ изданію Дворцовыхъ Разрядовъ (С.-Пб. 1850, т. I, стр. XXXVI) сказано: „Издаваемые нами рукописи, ни по древности, ни по значенію филологическому, не принадлежатъ къ числу такихъ, въ которыхъ слѣдовало бы непремѣнно соблюдать всё, и малѣйшіе отбѣнки древней орфографіи, не раздѣляя даже словъ и не вводя новыхъ знаковъ препинанія, каковы суть Остромирово или Реймское Евангеліе. Онѣ важны по своему содержанію, но писаны большею частью людьми полуграмотными, и не было бы ни пользы, ни возможности сохранить въ печати всё орфографическія ошибки писцовъ“. Сорокъ лѣтъ спустя, И. Е. Забѣлинъ, приступая къ подобному же изданію, высказалъ то же самое: „Дьячье правописаніе XVII столѣтія, какъ извѣстно, не составляетъ основнаго сокровища для исторіи языка и напротивъ того отличается изобиліемъ весьма обычныхъ въ малограмотномъ письмѣ ошибокъ. По своему характеру, оно, какъ и теперешнее не совсѣмъ грамотное письмо, всегда обнаруживаетъ явные слѣды борьбы грамматики съ выговоромъ или произношеніемъ“ (Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, стр. XII—XIII. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1882, I). Иные держатся текста „по возможности“, не допуская никакихъ измѣненій только въ собственныхъ именахъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если подъячій написалъ велель, а строкой ниже велмль, то неужели необходимо сохранить то и другое? Неужели надо оставить: тверской, иверской? Но тамъ, гдѣ была строгая система, измѣнять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Глаголы оканчивались всегда вмѣсто *ся*, *ся*—на *ца*: видетца, ваетца. Когда пра-

вописаніе выражаетъ общій или мѣстный выговоръ, измѣненія не должны допускаться: *да* (до) Москвы, толды, *ево* и т. д. И десяти-ричное употреблялось какъ разъ на оборотъ противъ нашихъ правилъ настоящаго времени. Раскольники никакъ не соглашались писать: *Иисусъ*. Когда допускаютъ измѣненія въ орфографіи, тогда мы уже знаемъ, какъ относиться къ такому изданію, подновленному въ наше время и въ обманъ не дадимся.

Но такая система имѣетъ свои неудобства. Какія измѣненія возможны, и гдѣ предѣлъ личному произволу? Странно читать документы XV, XVI, XVII столѣтій, исправленные по грамматическимъ требованіямъ XIX.

По другому взгляду на дѣло, никакія измѣненія въ передачѣ текста не допускаются, онъ издается буква въ букву. Мы вполне сочувствуемъ такой системѣ и были бы готовы стать на ея сторону, еслибы она достигла намѣченной цѣли; но при всей, математической точности передачи, изданія подобнаго рода не имѣютъ никакого филологическаго значенія, а между тѣмъ пользованіе текстомъ и чтеніе его затрудняются¹⁾. Обойдись теперь безъ знаковъ препинанія, въ старину не употреблявшихся, не возможно. Они придаютъ изложенію смыслъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ постигается нелегко даже самимъ изучающимъ памятникъ, требуются сравненія, иногда изслѣдованія, иногда приходится пользоваться наружными признаками рукописи, а потому издатель обязанъ помочь читателю²⁾. Вотъ уже происходитъ нарушеніе текста. Не будемъ говорить о прописныхъ буквахъ, встрѣчающихся иногда совершенно некстати (напримѣръ, въ серединѣ слова); но какъ быть съ тѣми буквами, которыя вышли изъ употребленія? Иногда „кз тебѣ“ писалось посредствомъ кси. „И“ съ краткой ничѣмъ не отличалось отъ простаго „и“, а въ произношеніи существовала: твои указъ, Михаилу нельзя писать. Буква эта, какъ видно, затрудняла писцовъ, они ее, случалось, выносили на верхъ: во все^е воле, в че^е дворъ. Они писали: въ

¹⁾ Образцомъ изданій такого рода является: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною комиссіею, Высочайше утвержденною при Киевскомъ военномъ Подольскомъ и Волыскомъ генералъ-губернаторѣ. Киевъ. 1849.

²⁾ Сохраненіе орфографіи лица извѣстнаго, напримѣръ, дьяка, управлявшаго тѣмъ или другимъ приказомъ, имѣетъ основаніе; но какое значеніе представляетъ орфографію ленивѣтвыхъ писцовъ, заботившихся, главнымъ образомъ, о красотѣ почерка?

23-е число, 23-го числа, въ 23-мъ числѣ; но очень рѣдко въ 23-й день. Титла нельзя раскрывать такъ, какъ ихъ раскрываютъ теперь: восстановленныя буквы должны отличаться какъ-нибудь, хотя бы курсивомъ. Надо имѣть въ виду манеру писца выводить ту или другую букву. Нѣкоторые ъ писали, какъ э (встрѣчается и въ настоящее время), у ш дѣлали росчеркъ, какъ у ш. Буква э представляетъ много затрудненій. Старинные писцы, чтобы не писать ее, когда она была необходима, предыдущую согласную выносили на верхъ: ^аякъ (дьякъ), стрѣ^ацы, Ю^аи (Юрьи=Юрій), ра^а (рать), да^а (дань); тоже и вмѣсто э: по^аемъ; (подъемъ). Съ этимъ справиться было бы легко, еслибы буквы не выносились наверхъ безъ всякой надобности ради экономіи въ бумагѣ: под^ан^аый ^а). Прежнія сокращенія должны ли быть сохранены: то^а (того), велико^а (великого) государя, государь^а (государь же)? День и деньги сокращалось одинаково въ де. Встрѣчается лигатура, когда предлогъ оканчивается тою же буквой, какою начинается слѣдующее существительное: по^аомъ (подъ домъ), по^авои товары (подъ твои товары), по^аебя (подъ тебя), въ послѣднемъ случаѣ копирующіе буква въ букву напишутъ: по тебя.

Всѣ подобныя недоразумѣнія встрѣчаются и въ книгѣ г. Бѣлокорова. Отмѣтимъ нѣкоторыя слова:

Буква й. Въ Росѣискомъ царствѣ (стр. 177), пернеишего (стр. 234), воиюю, воина (стр. 52, 98, 99), тайные (стр. 56), проити (стр. 101, 123), Михаило (стр. 71), Каяхосръ (стр. 387); за то Юрьѣ—ужъ не возможно (стр. 199, 200).

Буква ъ и э. Два (стр. 33), о дву кон (стр. 67), рат (рать—по всей книгѣ). корол (стр. 71), кров пролетца (стр. 215); но жалованьемъ (стр. 68), хотя тамъ ъ и нѣтъ. Юрьи (стр. 169). Всей (всей) Иверской землѣ (стр. 265), грамотьку (стр. 454).

Буква ѣ: все (всѣ) кабардинские князи (стр. 75).

Буква ш: Шулды (все Шулды, вслѣдствіе лишняго росчерка, (стр. 313).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Бѣлокоровъ титла не раскрываетъ: Иса (стр. 91), Ису (стр. 93)—Исуса, Исусу. Это тѣмъ болѣе неудобно, что *Иса* будетъ по мусульмански.

Мы не имѣли въ виду исчерпать вопросъ, а только возбудить его, а потому ограничились только этими немногими примѣрами.

¹⁾ Въ точной передачѣ рукописи измѣняются чередо еамиліи г. Коробинъ (Коробини) обращается въ Коробина, Изъдановъ (Издановъ) въ Изданова, и т. д.

Замѣтимъ еще слѣдующее: на стр. 405 *Бузмихъ* должно быть измѣнено въ *Тузмихъ* (какъ на стр. 477)—происходитъ отъ слова: *тузъ*—соль. На стр. 157 напечатано: „не во священнѣхъ ризахъ“, а должно быть: не въ освещеннѣхъ ризахъ. На стр. 183 у *Сенибѣка*—должно быть *Усейнъ бека*.

Отрывокъ наказа на страницѣ 437 долженъ быть перенесенъ на 439-ю, слова: „пословъ отпусти, а дѣла с нимі никакого не учини“ слѣдуютъ послѣ: „и царское величество Крымскаго Казы—Гирея царя“.

Мы сочли долгомъ обратить вниманіе на трудъ г. Вѣлюкурова и увѣрены, что наши историки и ориенталисты скажутъ ему большое спасибо за изданіе Кавказскихъ документовъ изъ Московскаго архива. Обширное предисловіе г. Вѣлюкурова разъясняетъ читателямъ наше знакомство съ Кавказомъ въ древнѣйшія, относительно, конечно, времена и даетъ свѣдѣнія о литературѣ по этому вопросу.

И. Веселовскій.

Книжныя новости.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. *Н. П. Семенова*. Т. II. Второй періодъ занятій. Съ портретомъ перваго предсѣдателя комиссій *И. И. Ростовцова* и изображеніемъ 8 членовъ финансовой комиссій. Изданіе Меркурія Елеазаровича Комарова. С.-Пб.—Второй томъ труда *Н. П. Семенова* заключаетъ въ себя такія же любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности редакціонныхъ комиссій, какъ и первый. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пренія по докладамъ хозяйственнаго отдѣленія. Докладъ объ основаніи и размѣрѣхъ надѣла обсуждался въ общей комиссій подъ предсѣдательствомъ *Н. А. Милютина* вмѣсто *И. И. Ростовцова*, при чемъ *Милютинъ* выстъ съ *кн. Черкасскимъ* энергически отстаивалъ противъ *Галагана* принципъ сохраненія существовавшихъ надѣловъ и допущеніе отрывковъ отъ него только въ исключительныхъ случаяхъ. Разногласіе было предоставлено на усмотрѣніе *Ростовцова*, который согласился съ мнѣніемъ *Милютина*, главнымъ образомъ, изъ опасенія, какъ бы отрывъ не вызвалъ крестьянскихъ волненій. Докладъ хозяйственнаго отдѣленія объ основаніи оцѣнки и выкупа усадебъ, какъ не затрогивавшій близко интересовъ помѣщиковъ, прошелъ безъ особыхъ споровъ, точно также, какъ и дополнительный докладъ объ основаніяхъ и способѣ опредѣленія повинностей. Напротивъ того, докладъ объ отводѣ и обрѣнѣ земель вызвалъ жаркія пренія, при чемъ Самаринъ и Черкасскій стояли за регламентацію этого отвода въ видахъ огражденія интересовъ крестьянъ, тогда какъ авторъ книги находилъ возможнымъ предоставить разграниченіе земель помѣщикамъ и крестьянъ ихъ добровольному соглашенію. Кромѣ преній по этимъ вопросамъ, во второмъ томѣ помѣщены разсужденія по докладамъ с перене-

сені усадебъ, о видахъ и распредѣленіи натуральныхъ повинностей, о порядкѣ ихъ исполненія, объ общихъ свойствахъ повинностей и способѣ ихъ разверстанія, о различныхъ родахъ повинностей, взаимномъ ихъ отношеніи и условіяхъ перехода съ одной на другую, о правѣ пользованія усадьбами до выкупа и правѣ собственности на выкупленные усадьбы, объ угодьяхъ, отводимыхъ въ надѣль, о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ, о высшихъ и низшихъ размѣрахъ надѣла, о нормальномъ размѣрѣ повинностей, о надѣлахъ и повинностяхъ крестьянъ малороссійскихъ, литовскихъ, вѣнскихъ и юго-западныхъ губерній и объ устройствѣ дворовыхъ людей. Изъ преній по докладамъ другихъ отдѣленій во второмъ томѣ помѣщены сужденія по докладамъ административнаго отдѣленія—объ устройствѣ сельскаго общества, о порядкѣ распредѣленія крестьянъ между сельскими обществами, объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ и о волостномъ судѣ; по докладамъ юридическаго отдѣленія— о прекращеніи крѣпостнаго права, о правѣ собственности помѣщиковъ на земли, о хозяйственномъ устройствѣ имѣній и отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе, о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ (по состоянію) и семейственныхъ, о правахъ по договорамъ и обязательствамъ, объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній и порядкѣ наследованія въ этихъ имѣніяхъ, о переходѣ срочно-обязанныхъ крестьянъ въ другія сословія. Всѣ эти доклады служили дополненіемъ къ прежде выслушаннымъ комиссіями; пренія по нимъ особенно интересны потому, что по большей части окончательныя рѣшенія приняты были именно во второмъ періодѣ занятій комиссій, описываемомъ въ излагаемомъ томѣ. Большая часть докладовъ, пренія о которыхъ приведены во второмъ томѣ, была обсуждена комиссіями въ отсутствіи Ростовцова, заболѣвшаго въ самомъ началѣ занятій втораго періода. Авторъ подробно говоритъ о развитіи недуга Ростовцова, окончившагося смертью, и о той тревогѣ, которую возбуждала эта болѣзнь въ людяхъ, преданныхъ дѣлу освобожденія. Съ назначеніемъ послѣ Ростовцова графа Панина, характеристикъ котораго авторъ посвящаетъ особый очеркъ, въ способѣ обсужденія вопросовъ въ комиссіяхъ наступила перемена: бесѣды не отличаются тою непринужденностью, какая господствовала при Ростовцовѣ, объ остротахъ, отдѣльныхъ разговорахъ нѣтъ болѣе и помину. Самъ Панинъ то и дѣло вмѣшивается въ пренія, въ большинствѣ случаевъ съ цѣлю предупредить нарушеніе интересовъ помѣщиковъ, которыя казались ему недостаточно огражденными прежними рѣшеніями комиссій. Кромѣ перечисленныхъ матеріаловъ, во второмъ томѣ находимъ свѣдѣнія о совѣщаніяхъ редакціонныхъ комиссій съ депутатами 2-го приглашенія. Изъ приложеній ко второму тому обращаетъ на себя вниманіе письмо Ростовцова, заключающее въ себѣ обзоръ мнѣній, ходившихъ въ то время въ обществѣ о способахъ освобожденія крестьянъ, всеподданнѣйшіе адреса депутатовъ перваго призыва, записка М. А. Безобразова о значеніи русскаго дворянства и положеніи, какое оно должно занимать на поприщѣ государственной дѣятельности, съ въ высшей степени любопытными замѣчаніями государя Александра Николаевича, и послѣдняя записка Ростовцова о крестьянскомъ дѣлѣ, послѣ его смерти принятая государемъ. Уже одинъ этотъ богатый обзоръ содержанія II-го тома указываетъ на важное значеніе помѣщенныхъ въ немъ матеріаловъ. Вообще трудъ г. Семенова представляетъ послѣ Трудовъ редакціонныхъ комиссій важнѣйшій источникъ для уясненія, какъ хода самой ре-

формы, так и роли различных деятелей, потрудившихся для ее осуществления. Значение его для биографа, быть может, еще более важно, чем для историка и юриста. Благодаря подробным записям автора предъ нами живо встают, со всеми их особенностями, герои той замѣчательной эпохи, каковы Черкасскій, этотъ авторъ важнѣйшихъ статей положенія и вообще главный дѣйтель редакціонныхъ комиссій, Н. Милютинъ, Самаринъ, Ростовцовъ, Соловьевъ, самъ авторъ и другіе. Рѣчи и письменныя замѣчанія государя, изъ которыхъ лишь опубликовываются здѣсь впервые, представляютъ немаловажное дополнение къ многочисленнымъ свидѣтельствамъ объ активномъ и всегда сочувственномъ дѣлу освобожденія участія, какое принималъ онъ въ реформѣ. Нельзя не назвать счастливою мыслью Ростовцова вести запись преній комиссій, и трудно было выполнить это нелегкое дѣло лучше, чемъ сдѣлалъ то г. Семеновъ. Безъ сомнѣнія, при обиліи и разнообразіи матеріала, при напряженности работы кое-что могло и ускользнуть отъ его вниманія, но въ общемъ запись г. Семенова несетъ на себѣ характеръ полноты и достовѣрности. Не можемъ не замѣтить впрочемъ, что утвержденіе автора, высказанное имъ во введеніи (т. I, стр. 10), будто дарственный надѣлъ былъ внесенъ въ проектъ положенія главнымъ комитетомъ противорѣчитъ всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ, по которымъ это отступленіе отъ основныхъ началъ реформы было сдѣлано въ государственномъ совѣтѣ. Изъ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на безукоризненную правильность изданія въ орфографическомъ отношеніи. Ограничимся этими замѣчаніями, такъ какъ полная оцѣнка труда г. Семенова можетъ быть сдѣлана только по его окончаніи.

Григорій Зенгеръ. Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ. Варшава. 1889.—Трудъ г. Зенгера представляетъ переработку его рѣчи, произнесенной имъ на торжественномъ актѣ Варшавскаго университета, и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всякаго, кто интересуется одною изъ наиболѣе любопытныхъ страницъ въ римской исторіи, привлекавшей вниманіе многихъ ученыхъ, какъ гебраистовъ, такъ и филологовъ-классиковъ. Положеніе евреевъ въ античномъ мірѣ, съ той поры, когда въ немъ начинаютъ первенствовать римляне, полно высокаго интереса по своей своеобразности, а трагическій исходъ римско-еврейской драмы представляетъ очевидный примѣръ того, что сила римская встрѣтилась въ своемъ поступательномъ движеніи съ другою силою, правда, иного характера и свойства, и не нашла средствъ ассимилировать ее себя, вслѣдствіе чего должна была прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, характеризующимъ силу грубую, а не цивилизаторскую мощность. Авторъ съ большою живностью и знаніемъ дѣла рисуетъ намъ подробности этого столкновенія Рима съ Иудею, подробности которыхъ, благодаря обилію и обстоятельности источниковъ, представляются весьма характерными для уразумѣнія исторической роли, которую играла та и другая сторона. Нельзя сказать, чтобъ у г. Зенгера не проявлялось мѣстами увлеченіе, и именно — въ сторону евреевъ, но оно, съ одной стороны, извинительно въ виду той печальной участи, которой подверглись они съ разрушеніемъ Іерусалима, съ другой — не на столько сильно, чтобы выстѣпнуть въ неправильномъ свѣтѣ роль, которую играли боровшіяся партіи въ общемъ ходѣ развитія древней исторіи. Повторяемъ, живо и увлекательно написанная книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія среди образованной публики.

Сенсовини de die natali Livii. Ad codicum denuo collatorum fidem recensuit Johannes Chłodniak. Petropoli, 1889.—Подъ довольно оригинальнымъ и вычурнымъ заглавіемъ: о „днѣ рожденія“ грамматикъ III в. по Р. Хр. Цензоринъ оставилъ потомству небольшой трактатъ антикварнаго содержанія, не имѣющій внутренняго единства, но содержащій въ себѣ не мало интересныхъ данныхъ для исторіи римскаго календаря и лѣтосчисленія, нѣкоторыхъ обычаевъ и вѣрованій, данныхъ, которыя почерпнуты имъ изъ хорошихъ источниковъ: есть основаніе предполагать, что онъ пользовался трудами знаменитаго Варрона, если не непосредственно, то при помощи Светонія, автора, заслуживающаго полнаго довѣрія и уваженія по своей доктринѣ. Трактату этому посчастливилось въ XIX вѣкѣ: извѣстный археологъ О. Янъ издалъ его въ 1845 г., въ 1867 появилось новое изданіе подъ редакціей Гульча, а въ прошломъ году ему посвятилъ свои досуги нашъ соотечественникъ г. Холоднякъ. Въ раду этихъ изданій трудъ г. Холодняка должно признать трудомъ выдающимся по той рѣдкой отчетливости, которая характеризуетъ всѣ работы этого молодаго ученаго. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ за границей, онъ сличилъ четыре рукописи Цензорина; изъ нихъ двѣ—Coloniensis 166 и Vaticanus 4929—имѣютъ первенствующее значеніе при установкѣ текста. Сличеніе это, исполненное съ рѣдкой тщательностью (особенно много новаго въ него внесъ г. Холоднякъ черезъ внимательное отличеніе почерковъ—перваго и втораго, и черезъ отмѣтку выскобленныхъ и исправленныхъ мѣстъ и ихъ объема), показало, что не только изданіе О. Яна, но и изданіе Гульча не приводятъ рукописнаго преданія съ надлежащею полнотой и безукоризненностью, и потому въ нѣкоторыхъ, притомъ не малочисленныхъ, мѣстахъ ихъ рецензіи подлежатъ исправленію. Установленіе этого факта представляетъ значительный прогрессъ въ критикѣ Цензоринаго текста, и честь этого принадлежитъ нашему ученому. Будемъ надѣяться, что онъ подаритъ намъ и экзегетическимъ комментариемъ къ этому писателю, который заслуживаетъ полнаго и всесторонняго объясненія.

Наблюденія надъ языкомъ Теренціевыхъ комедій. Очеркъ изъ области исторической грамматики латинскаго языка. П. Черняева. Казань.—Цѣль очерка г. Черняева состоитъ въ показаніи особенностей въ употребленіи существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ у Теренція и въ выясненіи, на основаніи языка: его комедій, вопроса о прогрессѣ латинской рѣчи, въ смыслѣ отступленія отъ употребленія древнихъ словъ и введенія новыхъ. При такой постановкѣ вопроса матеріалъ, почерпнутый изъ комедій Теренція, представляется богатымъ и основательная разработка его—благодарною. Авторъ брошюры съ должнымъ вниманіемъ проштудировалъ комедіи Теренція и воспользовался лучшими комментаріями его изданіями, изъ которыхъ и почерпнулъ не мало указаній; результатомъ этихъ штудій было собраніе данныхъ относительно употребленія у Теренція, сравнительно съ употребленіемъ у Плавта, abstracta pro concretis, существительныхъ на —tor, греческихъ словъ, ἀπαξ ἀρρημένα, adiectiva verbalia на —bilis, и т. д. Многія изъ этихъ и имъ подобныхъ грамматическихъ явленій уже составили предметъ спеціальной разработки со стороны преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ, и нѣкоторыми изъ ихъ монографій воспользовался авторъ, хотя другія, довольно важныя (напримѣръ, капитальный трудъ Weise о греческихъ словахъ въ латинскомъ языкѣ), какъ кажется, остались ему неизвѣст-

ними. Вообще, не претендуя на всестороннюю разработку вопроса об особенностях рѣчи Теренція и влияния ихъ на послѣдующихъ писателей, брошюра г. Чернышева представляетъ не безполезный очеркъ части этихъ особенностей.

Грамматическія наблюденія и критико-эстетическія замѣтки. *С. Жданова*. Кіевъ 1889.—Трудъ проф. Жданова есть результатъ продолжительныхъ и самостоятельныхъ замѣтій въ областяхъ греческой грамматики и критики текстовъ. Къ первой относится его изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ въ греческомъ языкѣ, особенно языкѣ древнѣйшей поэзіи. Не касаясь вопроса о происхожденіи и исторіи грамматическаго рода въ индо-европейскомъ языкѣ, авторъ ограничиваетъ свои наблюденія языкомъ греческимъ и, въ противоположность многимъ лингвистамъ, особенно новѣйшей школы, полагающимъ, что важнѣйшіе и труднѣйшіе вопросы касательно рода, по какимъ причинамъ извѣстныя понятія подведены подъ извѣстный родъ, относятся не къ грамматикѣ отдѣльнаго языка, а къ индо-европейской; думаетъ, что дѣло слѣдуетъ поставить на оборотъ: правильный методъ изслѣдованій о родѣ долженъ, по мнѣнію автора, состоять въ изслѣдованіи сначала явленій отдѣльныхъ языковъ, которое можетъ затѣмъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на явленіе праязыка, а не на оборотъ. Сообразно такому взгляду авторъ подводитъ массу явленій грамматическаго рода подъ отдѣльныя рубрики, изъ которыхъ, путемъ различныхъ видовъизмѣненій въ воззрѣніяхъ, ищетъ возможности объяснить другія, болѣе отдаленныя по смыслу и значенію явленія. Само собою разумѣется, что тутъ не обходится безъ субъективности, ведущей иногда къ натяжкамъ, что первоначальнымъ представленіямъ придается современный характеръ, что проявляется насильственная схематизація; но все это неизбежно въ работѣ, подобной той, которая предпринята авторомъ. За нимъ остается остроуміе, послѣдовательность, ирриность сопоставленій, опирающихся на непосредственно и обстоятельно собранный матеріалъ, что дѣлаетъ трудъ его весьма почтеннымъ. Другую половину книги занимаютъ отдѣльныя замѣтки, относящіяся къ исправленію текста различныхъ греческихъ писателей, преимущественно поэтовъ. Замѣтки эти, въ большинствѣ случаевъ очень краткія, представляютъ результатъ серьезныхъ занятій древними текстами и относящіяся къ нимъ новою литературою и, по самому своему свойству, не могутъ претендовать на окончательное исправленіе даннаго мѣста: какъ догадки, они заслуживаютъ вниманія, но далеко не всѣ будутъ приняты при послѣдующихъ рецензіяхъ. Весьма жаль, что къ книгѣ не приложено указателя.

Брошюра на Рождество Христово, приписываемая Василию Великому (по сербской рукописи XV вѣка). Казань. 1889. — Анонимный издатель этого любопытнаго памятника древне-славянскаго письменности оказалъ услугу его обнародованіемъ: хотя большинствомъ издателей греческаго текста св. Василия Великаго бѣсѣда на Рождество Христово и считается подложною, тамъ же менѣе славянскій переводъ ея встрѣчается во множествѣ списковъ и предлагается всюду въ копіяхъ, болѣе или менѣе толковыхъ, съ древнѣйшаго перевода, прототипомъ котораго слѣдуетъ признать издаваемый текстъ, сохранившійся въ сербской рукописи XV вѣка. Въ первоначальномъ видѣ переводъ появился въ Сербіи, а быть можетъ, и въ Волгаріи, и затѣмъ получилъ обширное распространеніе въ древне-русской литературѣ. Онъ, между прочимъ, интересенъ потому, что облаетъ древними выраженіями, рѣдко встрѣчаемыми, или вовсе пока не встрѣчавши-

мися въ славянской письменности. Издавъ переводъ съ рѣдкою тщательностью и сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводятся, въ необходимыхъ случаяхъ, сопоставленія съ греческимъ подлинникомъ и важнѣйшія варианты изъ рукописей Соловецкой бібліотеки.

Ярославскіе пожары въ 1767 и 1768 гг. *А. А. Тимова*. Ярославль. 1889.— Неутомимый собиратель и изслѣдователь Ростовской и Ярославской старины *А. А. Титовъ* сообщаетъ въ этой брошюрѣ свѣдѣнія о двухъ пожарахъ въ XVIII вѣкѣ, опустошившихъ Ярославль и давшихъ поводъ къ составленію новаго для него плана, подтвержденнаго императрицею Екатериною II въ 1769 году. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣла о пожарахъ въ разныхъ городахъ Россіи въ 1767—1768 гг. и не лишены многихъ интересныхъ подробностей, характеризующихъ бытъ и состояніе провинціальныхъ городовъ того времени.

Указатель хранилища древностей при Новгородскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Новгородъ. 1889.— Хранилище древностей при Новгородскомъ статистическомъ комитетѣ обязано своимъ происхожденіемъ личной предпримчивости бывшаго секретаря комитета, священника *Н. Г. Богословскаго*, который, будучи командированъ въ 1863 г. для обзорѣнія губерніи въ статистическомъ отношеніи, собиралъ попутно и разные предметы, особенно памятники христіанской древности. Они-то и послужили основаніемъ музея. По недостатку средствъ на его первое обзаведеніе, комитетъ обращался за помощью къ мѣстному городскому обществу и къ Новгородскому губернскому земству. Последнее въ 1867 г. взяло на себя содержаніе музея, съ ежегодною выдачей на него по 500 р. сер. Подъ покровительствомъ земства, музей сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ, по обширности и содержанію коллекцій, провинціальныхъ учрежденій этого рода. Но въ 1878 г. то же земство отказалось отъ дальнѣйшаго содержанія музея, постановивъ предметы, принадлежащіе статистическому комитету, возвратитъ ему, а предметы, принадлежащіе церквамъ и монастырямъ Новгородской епархіи, передать по принадлежности. Комитетъ, не имѣя ни средствъ, ни помѣщенія, не могъ принять музея и вошелъ въ переговоры по этому предмету съ Новгородскою городскою управою; а между тѣмъ древности, хранившіяся въ музей, по распоряженію губернской земской управы, были свалены въ сарай при домѣ, гдѣ онъ помѣщался. Отсюда, по распоряженію митрополита Исидора, въ 1879 г. взято въ церковно-археологическій музей при С.-Петербургской духовной академіи 2026 предметовъ, а остальные оставлены на мѣстѣ. Узнавъ о печальной судьбѣ музея, Ихъ Императорскія Высочества *Сергій и Павелъ Александровичи*, *Константинъ и Дмитрій Константиновичи* пожертвовали на возобновленіе его 1000 руб.; вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждено было сочувствіе къ музею въ частныхъ лицахъ, такъ что собранная на его возобновленіе сумма составила свыше 6000 рублей. Въ настоящее время музей помѣщается въ одной изъ башенъ Новгородскаго кремля и включаетъ въ себя 2142 предмета. Число посѣтителей музея въ 1887 г. было 486, а въ 1888 г. уже 1597.

— Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили еще слѣдующія книги:

СВЯТЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА. Древне-славянскій текстъ. Казань. 1889.

Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ Кіевской дружиной Руси. Исслѣдованіе *К. В. Барсова*. Томъ III. Лексикологія „Слова“. А—М. Москва.

В. А. Бяльбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. I. С.-Пб.

СВОРЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОПИСАНІЯ МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНИ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ IX. Тифлисъ.—Содержаніе: Отдѣлъ I: Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Перевелъ *К. Гамъ*. Ч. II. Византійскіе писатели. А. Лазика и Иберія.—Отдѣлъ II: 1) О татарскихъ школахъ—*Миръ-Гамидъ-бекъ-Визирова*. 2) Народное обученіе у закавказскихъ татаръ—*А. Захарова*. 3) Анекдоты муллы Пасръ-Эдина—*А. Захарова*. 4) Татарскія сказки, записанныя въ Геокчайскомъ уѣздѣ Бакинскои губерніи—*Н. Кавбека*. 5) Нѣсколько свѣдѣній о татарскихъ повѣрьяхъ—*Миръ-Гамидъ-бекъ-Визирова*. 6) Татарское преданіе о томъ, почему въ русскомъ государственномъ гербѣ изображается двуглавый орелъ—*Суркова*. 7) Бабушкины разказы—*А. Колашева*. 8) Преданіе о разбойникѣ Керъ-оглы—*Мирза-Вали-Заде*. 9) Изъ этнографическаго дневника—*А. Иоакимова*. 10) Азбулахскія легенды—*В. Темцова*. 11) Нѣсколько свѣдѣній о селеніи Култашинѣ, Елисаветпольской губерніи, и о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ—*Рахимидъ-бекъ-Эфендіева*. 12) Изъ народной словесности у шапсуговъ—*А. Кайтмазова*. 13) Изъ народной словесности у имеретинъ—*В. Ломинадзе*. 14) Сказка о змѣѣ-царѣ—*И. Санакоева*. 15) Указки, собранныя въ селеніи Баявъ, Елисаветпольскаго уѣзда—*П. Томіева*; сверхъ того, предисловіе и алфавитный указатель ивродческихъ словъ.

ПЕРЕНЕСЕНА ГРУЗИНСКИХЪ ЦАРЕЙ И ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ съ государями Россійскими въ XVIII столѣтіи. *А. А. Цагарели*. С.-Пб.

Къ биографіи *М. К. Бобровскаго* (славянскаго филолога и ориенталиста). *П. Бобровскаго*. С.-Пб.

Н. Любимичъ. Начало католической реакціи и упадокъ реформации въ Польшѣ. По не изданнымъ источникамъ. Варшава.

ТРУДЫ VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА въ Одессѣ (1884 г.). Томъ IV. Съ присоединеніемъ плана, таблицъ и общихъ указателей. Одесса. 1889.

Н. П. Лихачевъ. Отвѣтъ суровому критику. Возраженіе на рецензію *Д. А. Корсакова* о книгѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка“. М.

Овъ отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ. Чтеніе *Г. Герца*. Переводъ *Н. Дреителіана*. С.-Пб.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗКАЗЫ. *Н. И. Познякова*. I—IV. С.-Пб.

Ученіи въ общей географіи, съ таблицами. Курсъ II-го класса. Африка, Австралія, Азія и Америка. Составилъ *Г. С. Лыжкинъ*. С.-Пб.

ПО П Р А В К И.

Въ ливарской книгѣ Журн. Минист. Народн. Просв., въ статьѣ Н. М. Благовѣщенскаго „Десятая сатира Ювенала“, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

- 1) На стр. 47, въ 17-й строкѣ, вмѣсто Вулкану, слѣдуетъ читать: „Марсу“.
- 2) На стр. 70, въ строкѣ 15-й, послѣ „gerula“ слѣдуетъ поставить точку, а слѣдующія затѣмъ слова „также въ значеніи причастія“ должны быть вычеркнуты.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ИТАЛІИ ¹⁾.

Въ мартѣ 1889 года я командированъ былъ въ Италію, съ цѣлью изученія современнаго состоянія въ ней народнаго образованія. Въ настоящей статьѣ излагаю результаты моихъ наблюденій надъ тамошнею школьною жизнью. Руководствовался я при печатаніи этихъ наблюденій тѣмъ соображеніемъ, что у насъ очень мало имѣется вообще свѣдѣній о постановкѣ учебнаго дѣла въ Италіи, что по существу, сколько мнѣ извѣстно, въ русской педагогической литературѣ ни одной статьи, рассматривающей состояніе въ ней народнаго образованія, какъ низшаго, такъ средняго и высшаго. Въ виду этого, я нашелъ не лишнимъ собрать имѣющійся объ этомъ вопросѣ офиціальныи матеріалъ и постарался представить по возможности полный обзоръ современнаго состоянія народнаго образованія въ Италіи, хотя, конечно, размѣры статьи не позволяли мнѣ входить въ большія подробности.

Вездѣ въ Италіи я находилъ, какъ въ лицѣ начальства учебныхъ заведеній и чиновъ центральнаго и провинціального управленія министерства, такъ и среди отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, самый радушный пріемъ и предупредительные отвѣты на всѣ мои вопросы; вездѣ я имѣлъ возможность подробно осматривать учебныя заведенія и присутствовать на лекціяхъ и урокахъ. Въ Римѣ въ министерствѣ отъ статъ-секретаря Mariotti, товарища министра народнаго просвѣщенія, получилъ я всѣ офиціальныя документы, учебныя программы и планы, на которые я ссылаюсь въ предстоящей статьѣ. Въ особенности же обязанъ я рѣдкой любезности консерватора Туринскаго промышленнаго музея (Museo R. Industriale) cav. Jervis, который сопутствовалъ мнѣ повсюду въ Туринѣ при посѣщеніи мною учебныхъ заведеній и снабдилъ меня рекомендаціей солхви, отд. 3.

дательными письмами ко многимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ заведеній въ Италіи.

Если мы будемъ слѣдить за различными фазисами, черезъ которые проходило народное образованіе въ Италіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія, то увидимъ, что господствовавшія въ разныя эпохи направленія образованія были весьма различны; одно только вліяніе на школу оставалось въ Италіи непоколебимымъ съ начала столѣтія, то-есть, съ Вѣнскаго конгресса 1815 года и до самаго 1870 года, это всепоглощавшее и всюду проникавшее въ школу вліяніе католическаго духовенства. Съ восстановленіемъ мелкихъ королевствъ и герцогствъ въ Италіи, послѣ 1814 года, восстановлена была и прежде господствовавшая въ нихъ школьная система, въ замѣнъ императорскихъ collèges, заимствованныхъ изъ сосѣдней Франціи при Наполеонѣ I. Эта школьная система, какъ извѣстно, вполне и во всемъ подчиняла школу вліянію католическаго духовенства, обратившаго ее въ слѣпое орудіе своей политики, а въ послѣдствіи, и своей борьбы противъ италіанскаго правительства. Но примѣръ Франціи, гдѣ въ то же самое время происходила борьба между духовными школьными конгрегаціями и другимъ, чисто свѣтскимъ направленіемъ, впервые выдвинувшимъ принципъ совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ, не остался безъ вліянія и на Италію, въ особенности ближайшую къ Франціи сѣверную. Къ этому времени, то-есть, къ 1816 году, относится первое появленіе въ Піемонтѣ элементарной школы новаго типа, допускающей совмѣстное обученіе дѣтей обоюго пола,—типа, вызвавшего въ свое время столько же почитателей, сколько и порицателей. Типъ этотъ съ тѣхъ поръ и укоренился въ Піемонтѣ. Въ то же самое время въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правительство распространяло своимъ школьнымъ положеніемъ 1818 года начальное образованіе подъ вліяніемъ педагогическихъ воззрѣній, перешедшихъ изъ Германіи, гдѣ въ то время важную роль играла система Песталоцци. Пока въ сѣверной Италіи народное образованіе прокладывало себѣ такимъ образомъ вѣрный путь, населеніе южной Италіи продолжало оставаться въ полномъ невѣжествѣ, въ которомъ желали держать намѣренно его мѣстныя правительства. Тамъ школа была всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства и іезуитскаго ордена, и это положеніе вещей продолжалось до самаго послѣдняго времени. На ряду съ сѣверною Италіей мы видимъ стремленія къ реорганизаціи школы, къ освобожденію ея изъ-подъ опеки католическаго духовенства и въ нѣко-

торыхъ областяхъ средней Италіи, наиримѣръ, въ Тосканѣ, изъ городовъ которой Флоренція всегда стояла во главѣ остальныхъ, благодаря своимъ образцовымъ учебнымъ заведеніямъ; но и въ Тосканѣ, по декрету отъ 30-го іюня 1852 г., школы, какъ начальныя, такъ и среднеобразовательныя, перешли въ вѣдѣніе епископовъ.

Въ Ломбардіи и Венеціанской области австрійское правительство, опасаясь революціонныхъ стремленій, снова подчинило школу католическому духовенству, на основаніи австрійскаго конкордата 1855 года, обративъ начальныя училища и возникшія уже было *Realschulen* въ духовныя семинаріи, подчиненныя епископамъ, и закрывъ почти всѣ жепскія учебныя заведенія. Большинство же зданій, служившихъ прежде для школъ, обращены были въ монастыри.

Въ герцогствѣ Парискомъ школа въ это время была въ рукахъ іезуитовъ, въ Моденскомъ—конгрегаціи св. Филиппа Нерскаго (*St. Philippe de Néri*). Вотъ нѣкоторыя цифры, заимствованныя изъ официальныхъ документовъ за время министерства *Matteucci* и другихъ (1864—1865), всего лучше свидѣтельствующія о томъ положеніи, въ какомъ находилось народное образованіе въ столь недавнее прошлое въ Италіи. *Matteucci* считаетъ на 1000 человекъ 350 неграмотныхъ въ Пиемонтѣ и Ломбардіи, 470 въ Эмилии и Тосканѣ и болѣе 800 въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Число неграмотныхъ женщинъ въ этихъ провинціяхъ было, конечно, еще значительнѣе, а именно: въ Пиемонтѣ и Ломбардіи ихъ насчитывалось 450 на 1000, 593 въ Эмилии и Тосканѣ и до 938 на 1000 въ Неаполѣ и Сициліи. При 7.106,211 жителей въ Пиемонтѣ и Ломбардіи въ 1864 году имѣлось одно начальное училище на 521 жителя; при 5.338,149 жителей въ Эмилии и Тосканѣ—1 училище на 1409 жителей, и одно только училище на 2484 жителя въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Сициліи. Министръ *Natoli* въ 1865 году удостовѣрился въ томъ, что въ южныхъ провинціяхъ Италіи на 1000 человекъ до 912 насчитывалось безграмотныхъ. На основаніи отчета министра *Bonghi* отъ февраля 1879 года оказывается, что существовало въ Италіи до 277 католическихъ семинарій съ 17,478 учениковъ; министръ *Natoli* въ своемъ отчетѣ за 1865 годъ указываетъ на существованіе 286 семинарій въ Италіи (за исключеніемъ Венеціанской области, Неаполя и Рима) съ 13,174 учениками. Католическія семинаріи, замѣнявшія среднеобразовательныя заведенія, по отзывамъ тогдашней инспекціи, посылаемой министерствомъ для ревизіи, были крайне слабы какъ по преподаваемымъ въ нихъ предметамъ и упо-

требуемымъ въ нихъ методамъ, такъ и по педагогическимъ качествамъ учительскаго персонала". Притомъ католическое духовенство весьма неохотно допускало свѣтскую власть въ стѣны своихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1864—1865 годовъ мы замѣчаемъ въ итальянскомъ правительствѣ твердую рѣшимость реорганизовать школу на новыхъ началахъ. Такъ, министръ Natoli не стѣсняется закрывать тѣ семинаріи, куда не пускаютъ его инспекцію, и открывать на ихъ мѣсто правительственныя школы. Это направленіе министерства продолжалось до 1870 года, когда оно наконецъ увѣнчалось совершеннымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства; но еще въ іюлѣ 1867 года въ парламентѣ разсматривалось предложеніе объ ограниченіи дѣятельности семинаріи—подготовленіемъ исключительно духовныхъ, отнявъ у нея такимъ образомъ среднеобразовательный ея характеръ. Каковы печальныя послѣдствія этого отдѣленія церкви отъ государства, мы видимъ въ современной итальянской школѣ, утратившей всякую религиозную основу. На это печальное явленіе я буду еще имѣть случай указать.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе прошлаго итальянской школы; я принужденъ ограничиться изученіемъ современнаго ея положенія.

I.

Частное образованіе въ Италіи.

Начальное образованіе обязательно и бесплатно въ Италіи на основаніи закона 15-го іюля 1877 года ¹⁾. Законъ этотъ (§ 1) обязываетъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто посылать дѣтей обоюго пола, начиная съ шестилѣтняго возраста, либо въ частную школу, либо въ элементарную коммунальную (*Scuola elementare del Comune*). Этотъ элементарный курсъ продолжается три-четыре года—до девятилѣтняго-десятилѣтняго возраста учениковъ; по окончаніи его, ученики подвергаются экзамену въ присутствіи члена провинціального училищнаго совѣта и родителей учениковъ (§ 2). За неисполненіе

¹⁾ Сборникъ королевскихъ декретовъ, министерскихъ циркуляровъ и распоряженій съ 1859—1887 г. (ошд. изданіе), составленный докт. Bruto Amante, Art. 315, § 22 pag. 495 и слѣд. (*Raccolta completa de' testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari. Seconda edizione. Roma 1887*).

этого закона родители подвергаются штрафу, могущему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ простираться до 10 лиръ (§ 4).

О курсѣ начальныхъ училищъ я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ настоящей статьи, рассматривая положеніе низшаго образованія въ Италіи; здѣсь я укажу только на то обстоятельство, что именно эта обязательность начального образованія ¹⁾ породила возникновеніе въ Италіи безчисленныхъ частныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно среднихъ, которыхъ я посѣтилъ особенно много въ двухъ городахъ Италіи, представляющихъ выдающіеся центры по народному образованію, Туринѣ и Миланѣ; поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ вѣскольکو подробнѣе.

Естественно, что болѣе обеспеченные родители предпочитаютъ, хотя и за довольно значительную, сравнительно, плату, отдавать дѣтей своихъ въ частныя среднія учебныя заведенія, въ которыхъ число воспитанниковъ значительно меньше, чѣмъ въ казенныхъ, а потому и педагогическое наблюденіе и физическій уходъ за ними несравненно лучше, нежели въ правительственныхъ гимназіяхъ и лицейхъ, которые въ большихъ городахъ всегда переполнены воспитанниками.

Открытіе частными лицами учебнаго заведенія допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не стѣснено никакими особыми затрудненіями, такъ какъ общаго устава для частныхъ учебныхъ заведеній не существуетъ. На основаніи законоположеній, которыми руководствуется италіанское министерство народнаго просвѣщенія (art. 246, pag. 322 Пл. Сборн.), каждому италіанскому подданному не моложе 25-ти лѣтъ предоставляется право открыть частное среднее учебное или низшее учебное заведеніе съ интернатомъ или безъ онаго. Требуется лишь соблюденіе слѣдующихъ трехъ обязательныхъ условій:

1) Лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно обладать дипломомъ, соответствующимъ разряду открываемаго имъ заведенія, то-есть, для открытія среднее учебного заведенія требуется дипломъ объ окончаніи средней школы и т. д.

2) Преподаваніе учебныхъ предметовъ должно строго придерживаться заранѣе опубликованной заведеніемъ программы, в отдѣльному

¹⁾ Вызавшая переполненность какъ министерскихъ, такъ и коммунальныхъ училищъ, въ которыхъ плата за ученіе въ среднихъ—весьма незначительна, а въ начальныхъ—не существуетъ.

преподавателю не должно быть поручено болѣе двухъ учебныхъ предметовъ.

3) Открытіе частнаго учебнаго заведенія должно состояться при представителѣ отъ министерства. По art. 247, pag. 323 Сборн., лицо, желающее открыть частное учебное заведеніе, должно увѣдомить объ этомъ письменно провинціального попечителя округа (*Provveditore agli studii della rispettiva provincia*). При этомъ должно указать на мѣстность, гдѣ предполагается открыть учебное заведеніе, на помещеніе для школы и приложить предполагаемую учебную программу и фамильный списокъ преподавателей.

Provveditore долженъ вмѣстѣ съ членомъ мѣстнаго муниципалитета удостовѣриться въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ помещенія для вновь открываемаго учебнаго заведенія и навести справки о нравственныхъ качествахъ лица, желающаго открыть заведеніе. Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ отправки прошенія на имя *provveditore* не поступило отъ него никакого протеста, частное учебное заведеніе считается открытымъ и при условіяхъ соблюденія вышеизложеннаго § 246, не можетъ быть закрыто иначе, какъ по доказанному обвиненію директора заведенія въ преступленіи противъ нравственности или государственнаго и общественнаго порядка.

По art. 248, pag. 324 Сборн., закрытіе частнаго учебнаго заведенія можетъ состояться только по министерскому декрету, на основаніи постановленія высшаго совѣта министерства (*Consiglio Superiore*). Впрочемъ, по art. 249, *provveditore* предоставлено право въ исключительныхъ случаяхъ временно закрыть частное учебное заведеніе, до разсмотрѣнія дѣла въ совѣтѣ министерства.

Контроль министерства надъ частными учебными заведеніями сводится только къ присутствованію при открытіи заведенія и къ наблюденію за удовлетворительными его гигиеническими условіями. Наблюденіе же за ходомъ преподаванія и присутствованіе на экзаменахъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ не входятъ въ кругъ обяванности окружной инспекціи, хотя иногда и посылается на экзамены депутатъ отъ министерства, но его присутствіе не обязательно. Такимъ образомъ директоръ частнаго учебнаго заведенія является совершенно самостоятельнымъ и не обязанъ руководствоваться никакими министерскими циркулярами.

Относительно учебниковъ и пособій педагогическій совѣтъ частныхъ учебныхъ заведеній, также впрочемъ, какъ и казенныхъ, совершенно не стѣсненъ въ своемъ выборѣ. Въ Италіи вообще не суще-

ствуетъ въ этомъ отношеніи никакого контроля, и каждый преподаватель выбираетъ для своего предмета какой ему угодно учебникъ. При министерствѣ или при провинціальныхъ учебныхъ округахъ не существуетъ особой комиссіи, подобной нашему ученому комитету, на обязанности которой лежало бы, между прочимъ, и разсмотрѣніе учебниковъ и учебныхъ пособій для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства. Нѣчто подобное существуетъ только при провинціальныхъ муниципалитетахъ, вѣдающихъ также и школьнымъ дѣломъ, подъ предсѣдательствомъ синдика. Объ этомъ крайне пагубномъ двоевластіи въ управленіи школою въ провинціяхъ Италіи, я буду говорить ниже, при обзорѣни организаціи центрального управленія министерства и управленія провинціальныхъ округовъ.

Очевидно, что въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ это отсутствіе всякой регламентаціи въ выборѣ учебниковъ даетъ себя еще болѣе чувствовать, нежели въ казенныхъ, и должно особенно тяжело отзываться на ученикахъ, при переходѣ изъ одного заведенія въ другое. Эта система страдаетъ, конечно, еще и другими, весьма существенными педагогическими недостатками, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ отсутствіе всякаго единства въ преподаваемыхъ учебныхъ дисциплинахъ въ учебныхъ заведеніяхъ одинаковаго типа и преслѣдующихъ одинаковыя цѣли.

Для лучшаго ознакомленія съ внутреннею организаціею частныхъ учебныхъ заведеній, я посѣтилъ нѣсколько изъ нихъ въ Туринѣ и Миланѣ. Выбралъ я для осмотра большіе центры сѣверной Италіи потому, что она въ отношеніи образованія значительно опередила остальные части королевства и въ особенности южную, гдѣ народное образованіе до самаго послѣдняго времени далеко не процвѣтало. Напротивъ того, Пиемонтъ и Ломбардія всегда были и являются до сихъ поръ самыми просвѣщенными и цвѣтущими областями Италіи; въ этихъ провинціяхъ въ особенности много находится частныхъ учебныхъ заведеній весьма разнообразныхъ типовъ, въ которыхъ школьное дѣло достигло сравнительно гораздо лучшихъ результатовъ ¹⁾. При осмотрѣ учебныхъ заведеній я старался выбирать такія, которыя представляли бы извѣстный типъ заведенія и выдавались бы

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ карты распространенія образованія въ различныхъ областяхъ Италіи. Эти карты — оѣціальное изданіе статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ. Они любезно были предоставлены въ мое распоряженіе директоромъ статистическаго бюро, командоромъ Водіо.

чѣмъ-либо изъ общаго уровня. Я посѣщала каждое изъ нихъ по нѣскольку разъ, присутствуя на урокахъ въ различныхъ классахъ и бесѣдуя съ директоромъ и отдѣльными преподавателями. Тамъ, гдѣ при заведеніи находился интернатъ, я имѣла всегда возможность, благодаря любезности начальствующихъ лицъ, основательно его осматривать, входя во всѣ подробности внутренней жизни заведенія. Здѣсь я буду излагать результаты моихъ наблюденій только надъ выдающимися изъ нихъ.

Къ числу послѣднихъ я отношу въ Туринѣ 2 частныхъ учебныхъ заведенія — одно высшее, другое — среднее. Первое изъ нихъ называется „Scuola elementare internazionale“, второе — „Istituto Internazionale Italiano“.

„Scuola elementare internazionale“ названа такъ потому, что является въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствительно международнымъ училищемъ, такъ какъ въ числѣ воспитанниковъ есть дѣти самыхъ разнообразныхъ національностей и даже нѣсколько поляковъ. Она основана въ 1870 году съ цѣлью давать элементарное образованіе дѣтямъ обоюдо пола зажиточныхъ родителей, принадлежащихъ мѣстной и иностранной буржуазіи. Национальность учениковъ не играетъ никакой роли при приемѣ; напротивъ, въ училищѣ находятся болѣе иностранцевъ, нежели итальянцевъ.

Училищемъ завѣдуютъ директоръ и училищный совѣтъ, состоящій изъ извѣстныхъ въ Туринѣ педагоговъ. Большинство преподавателей женскаго пола. Курсъ въ училищѣ 5-лѣтній; 3 первые класса составляютъ младшее отдѣленіе, а два послѣдніе — старшее. Такимъ образомъ, въ этомъ училищѣ проходитъ полный элементарный курсъ, подготовляющій дѣтей къ гимназій или реальному училищу.

Дѣти поступаютъ туда 6 лѣтъ и остаются — мальчики до 10 лѣтъ, а дѣвочки до 12. Обученіе во всѣхъ классахъ совмѣстное. Учениковъ въ школахъ обоюдо пола въ настоящее время 110, въ каждомъ классѣ обязательно не болѣе 20; какъ только ихъ больше, открывается параллельное отдѣленіе.

Цѣль преподаванія — приготовить какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ къ среднеобразовательной школѣ.

Учебный планъ слѣдующій: 1) итальянскій языкъ, 2) французскій языкъ, 3) нѣмецкій языкъ, 4) англійская и нѣмецкая каллиграфія, 5) ариметика, 6) рисованіе, 7) географія, 8) римская исторія, 9) начала естествознанія, 10) пѣніе, 11) гимнастика, 12) женскія ручныя работы. Законъ Божій католическаго вѣроисповѣданія препода-

дается только разъ въ недѣлю. Это преподаваніе необязательно и происходитъ только по формальной просьбѣ родителей.

Здѣсь мы сталкиваемся съ самымъ большимъ мѣстомъ современной италіанской школы: отсутствіе всякой религіозной основы въ ней непріятно поражаетъ всякаго наблюдателя. Инстинктивная боязнь всякаго вліянія церкви въ дѣлѣ народнаго образованія объясняется историческими причинами: она вытекаетъ изъ продолжительной борьбы церкви съ правительствомъ въ Италіи, изъ совершеннаго отчужденія школы отъ всякаго вмѣшательства церкви, въ особенности съ 1870 года; она, наконецъ, есть естественное послѣдствіе извѣстной, излюбленной италіанскими патриотами новѣйшаго времени формулы министра Кавура: „l'église libre dans l'état libre“; но несомнѣнно одно, что отсутствіе всякаго религіознаго образованія, всякой религіозной основы въ народной школѣ повлечетъ за собою весьма печальныя послѣдствія для подросткающаго поколѣнія, для котораго ученіе „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“ никогда не замѣнитъ отсутствія религіи и нравственнаго вліянія, получасмаго учениками съ малолѣтства при урокахъ закона Божія. Директоръ заведенія Chellini, съ которымъ я говорилъ объ этомъ вопросѣ, передалъ мнѣ, что онъ самъ сознаетъ тотъ великій пробѣлъ, который несомнѣнно существуетъ въ его учебномъ планѣ отъ отсутствія въ немъ преподаванія закона Божія, но онъ убѣжденъ, что еслибъ онъ сдѣлалъ законъ Божій обязательнымъ предметомъ, большинство родителей взяло бы своихъ дѣтей изъ его школы. Это лучше всего рисуетъ современное положеніе вещей по отношенію къ этому вопросу въ Италіи!

Дабы ученики не были обременены домашними занятіями, они, по окончаніи уроковъ, остаются еще на 1 часъ или болѣе въ училищѣ, чтобы готовить уроки на слѣдующій день.

Особенности этой школы сравнительно съ другими въ Туринѣ одинаковаго типа слѣдующія: 1) При училищѣ находится такъ-называемое „giardino d'infanzia“, нѣчто въ родѣ нѣмецкихъ Kindergarten по Фребелевской системѣ, существующее при этомъ училищѣ съ 1878 года, куда дѣти поступаютъ съ 4-хъ лѣтъ. 2) Совмѣстность преподаванія для мальчиковъ съ дѣвочками, что весьма удобно для родителей; это совмѣстное обученіе, по мнѣнію педагогическаго совѣта училища, нисколько не оправдало ожидаемыхъ отъ него неудобствъ; напротивъ, практика показала, что оно достигаетъ вполнѣ хорошихъ результатовъ. 3) Преподаютъ три новые языка—французъ.

скій, нѣмецкій и англійскій, что большая рѣдкость въ Италіи, гдѣ даже въ старшихъ гимназическихъ классахъ до самаго послѣдняго времени не былъ обязательенъ ни одинъ изъ новыхъ языковъ; это преподаваніе поручено природнымъ французкамъ, нѣмкамъ и англчанкамъ, отчего много выигрываетъ чистота произношенія иностраннаго языка. 4) Послѣ cadaго урока—10-ти минутный промежутокъ, въ продолженіе котораго дѣти играютъ на дворѣ весьма обширномъ и снабженномъ всевозможными приспособленіями для гимнастики. 5) За плату полуанціонера родители могутъ оставлять своихъ дѣтей въ училищѣ отъ 8¹/₂ ч. утра до 5¹/₂ ч. дня.

Учебный годъ начинается въ началѣ октября и продолжается до конца іюня; по четвергамъ уроковъ не бываетъ. Плата за ученіе въ первыхъ трехъ классахъ 189 фр., въ двухъ старшихъ—234 фр., за посѣщеніе Фребелевскаго сада платится 12 фр. за мѣсяць.

Въ Giardino d'infanzia въ 1888—1889 учебномъ году состояло 27 дѣтей — 16 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 4 — 6 лѣтъ. Эта элементарная школа, какъ и вообще Kindergarten, имѣетъ цѣлью гармоническое развитіе физическихъ и умственныхъ силъ дѣтей обоого пола, имѣющихъ не менѣе 4-хъ и не болѣе 6-ти лѣтъ. Дѣтей занимаютъ всевозможными, доступными для нихъ ручными работами и бесѣдами объ окружающихъ ихъ предметахъ (leçons de choses). Эти занятія прерываются гимнастическими упражненіями и пѣніемъ. Отдѣльный урокъ въ этомъ элементарномъ пріютѣ не долженъ продолжаться болѣе получаса, и при хорошей погодѣ всѣ занятія происходятъ подъ открытымъ небомъ, на обширномъ дворѣ училища.

Не распространяюсь больше о типѣ этихъ заведеній, такъ какъ онъ общезвѣстенъ. Я вынесъ изъ посѣщенія какъ этого элементарнаго пріюта, такъ и многихъ другихъ въ Туринѣ и Миланѣ, самое отрадное впечатлѣніе. Лица дѣтей сіяли радостью и довольствомъ; играя, безъ всякаго умственнаго напряженія, они приобрѣтали необходимыя элементарныя свѣдѣнія и съ дѣтскимъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ словомъ и движеніемъ любимой, опытной наставницы. Руководятъ этими пріютами учительницы, кончившія курсъ въ нормальныхъ училищахъ, о которыхъ я буду говорить ниже.

Перехожу къ слѣдующему, осматрѣнному мною, частному учебному заведенію R. Istituto Internazionale Italiano есть частное учебное заведеніе, находящееся подъ особымъ покровительствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и основано въ 1867 году королевскимъ де-

клетомъ. Оно заключаетъ въ себѣ 2 приготовительные класса—въ младшій изъ нихъ поступаютъ 7 лѣтъ,—и первые 5 гимназическихъ классовъ, составляющіе въ Италіи гимназическій курсъ (Ginnasio); старшіе три класса носятъ названіе лицей (Liceo) (этихъ старшихъ классовъ въ настоящее время въ училищѣ нѣтъ, но ихъ предполагаютъ открыть съ будущаго учебнаго года). Кроме того, имѣется въ заведеніи коммерческое отдѣленіе, подчиненное министерству земледѣлія и торговли, заключающее въ себѣ 6 классовъ, куда поступаютъ воспитанники 12 лѣтъ и откуда выходятъ 18 лѣтъ. Этотъ курсъ преслѣдуетъ чисто практическія цѣли: готовятъ будущихъ коммерсантовъ, бухгалтеровъ, служащихъ въ банкахъ и проч.

При училищѣ находится весьма обширный интернатъ. Число интерновъ, когда я его посѣтилъ, было 80. Помѣщеніе для нихъ очень хорошее, можно даже сказать роскошное: каждый имѣетъ свою комнату, со всѣмъ необходимымъ. Рекреационныя и рабочія комнаты свѣтлыя и просторныя, ѣда очень даже хороша. На каждыхъ 10 воспитанниковъ полагается дежурный воспитатель, ночующій въ интернатѣ. Воспитанники принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ націямъ; есть между ними даже одинъ русскій и нѣсколько негровъ и японцевъ. Всѣхъ учениковъ до 100 человекъ, изъ нихъ 20 полупансионеровъ. Средства заведенія, помѣщающагося въ собственномъ зданіи, при которомъ находится большой садъ, составляютъ: плата, поступающая съ воспитанниковъ ¹⁾, и различныя субсидіи; такъ, на-примѣръ, министерство иностранныхъ дѣлъ вноситъ ежегодно 3,000 лиръ на двѣ стипендіи, министерство земледѣлія и торговли — по 8,000 лиръ, городъ Туринъ даетъ 4,000 лиръ и торговая палата—3,000 лиръ ²⁾. Не входятъ въ плату за пансионеровъ расходы на платье (форменное), покупку книгъ и на канцелярскія принадлежности. При помѣщеніи двухъ сыновей въ интернатъ, родители пользуются уступкою 5%, трезъ и болѣе—10%. Воспрещается интернамъ имѣть при себѣ деньги и вообще цѣнныя вещи, а также постороннія учебныя предметы книги, журналы, фотографіи.

¹⁾ Съ интерна моложе 10 лѣтъ взимается 800 лиръ въ годъ,

„ „ 10—12 „ „ 1000 „ „ „

„ „ старше 12 „ „ 1100 „ „ „

²⁾ Заведеніемъ управляетъ директоръ De-Grossi и совѣтъ учебно-воспитательный и административный, котораго онъ состоитъ непремѣннымъ членомъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, городской думы и chambre de commerce.

Коммерческое отдѣленіе, существовавшее при училищѣ съ 1867 г., преобразовано королевскимъ декретомъ отъ 23-го октября 1884 года въ правительственное коммерческое училище, подчиненное министерству земледѣлія и торговли. Подобныхъ коммерческихъ училищъ въ Италіи еще 4, въ Венеціи, Генуѣ, Бари и Брешии. Курсъ въ нихъ шестилѣтній, раздѣленный на два отдѣленія по три года въ каждомъ. Первое отдѣленіе приготовляетъ воспитанниковъ къ занятію различныхъ мелкихъ должностей въ банковыхъ учрежденіяхъ и конторахъ и къ коммерческой практикѣ. Учебные предметы, преподаваемые въ низшихъ трехъ классахъ, — италіанскій языкъ, французскій языкъ, ариметика, бухгалтерія, географія, исторія, торговля и биржевыя свѣдѣнія, курсъ морали. Въ старшихъ трехъ классахъ преподаются: новые языки (въ томъ числѣ и испанскій), упражненія въ торговой перепискѣ, коммерческое и банковое счетоводство, коммерческая географія и исторія, элементы экономіи и статистики, изученіе таможенныхъ законовъ и тарифовъ желѣзнодорожныхъ и морскихъ, практическія упражненія въ образцовомъ банкѣ, курсъ морали.

Преподаваніемъ коммерческихъ знаній въ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ этого типа правительство надѣется набѣгнуть необходимости посылать для этого молодыхъ людей за границу. Потребность въ укрѣпленіи международныхъ сношеній съ италіанцами, живущими въ американскихъ колоніяхъ и на востокѣ, особенно высказалась со времени объединенія Италіи; этимъ объясняется открытіе подобныхъ интернациональныхъ среднеучебныхъ заведеній, поддерживающихъ нравственную связь между Италіей и заатлантическими ея выселенцами.

На одномъ изъ посѣщенныхъ мною уроковъ исторіи въ этомъ коммерческомъ училищѣ (это происходило въ V классѣ — воспитанники 16 — 17 лѣтъ) меня непріятно поразило, что воспитанникъ, вызванный повторить содержаніе предыдущаго урока, сѣлъ на кафедру и оттуда читалъ весьма напыщеннымъ тономъ родъ лекціи. На вопросъ мой преподавателю (онъ же и инспекторъ заведенія), почему разрѣшается ученикамъ садиться на кафедру, онъ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣлается, чтобы приучать ихъ къ краснорѣчію. Сомнѣваюсь, чтобы это качество особенно нужно было будущему коммерсанту, не говоря уже о томъ, что подобныя лекціи, читаемыя учениками съ высоты кафедры, врядъ ли развиваютъ въ нихъ скромность.

Изъ осмотрѣнныхъ мною частныхъ учебныхъ заведеній въ Миланѣ

позволю себѣ остановиться на женскомъ училищѣ, носящемъ названіе „Sante Polli“, какъ одномъ изъ лучшихъ. Оно помѣщается въ старинномъ дворцѣ Durini; поэтому помѣщеніе весьма обширное, комнаты высокія и свѣтлыя, при домѣ находится большой, тѣнистый садъ, въ полномъ распоряженіи училища, что большая рѣдкость для Милана. Въ училищѣ находится: giardino d'infanzia (куда дѣти поступаютъ даже съ 3-хъ лѣтъ и остаются въ немъ три года), элементарный курсъ, раздѣленный на 8 классовъ (6 лѣтъ — 14 лѣтъ) и высшій курсъ 2-хлѣтній. Такимъ образомъ дѣвочка, поступившая 3-хъ лѣтъ въ училище, пройдя полный въ немъ курсъ, выходитъ изъ него 16-ти, 17-ти лѣтъ. Учебные предметы слѣдующіе: законъ Божій (въ этомъ училищѣ обязательный предметъ), италіанскій языкъ, ариметика и основанія геометріи, географія и исторія, свѣдѣнія по физикѣ и гигиенѣ, новые языки (французскій, нѣмецкій и англійскій), каллиграфія и женскія рукодѣлія. Кромѣ того, преподаются: рисованіе, хоровое пѣніе, танцы и гимнастика. Курсъ начинается 15-го октября и кончается въ половинѣ іюля. Уроки продолжаются съ 9½ ч. утра—4 ч., кромѣ четверга. Плата за воспитанницъ, которыя всѣ приходятся, слѣдующая: въ asyle infantile — 100 лиръ, на элементарномъ курсѣ отъ 150 — 250 лиръ, смотря по классамъ, на высшемъ курсѣ — 350 лиръ. Я присутствовалъ на урокѣ римской исторіи въ среднихъ классахъ (преподавала директриса училища Regaschi), на урокахъ нѣмецкаго языка, италіанскаго языка и ариметики въ старшихъ и младшихъ классахъ, и пріятно былъ пораженъ прекраснымъ преподаваніемъ и бойкими, отчетливыми и дѣльными отвѣтами ученицъ. На высшемъ курсѣ проходитъ весьма подробно и обстоятельно исторія отечественная и всеобщая; она доводится до обьединенія Италіи. Особенное вниманіе обращается на отечественный языкъ. По заявленію преподавателя италіанской литературы въ старшихъ классахъ, воспитанницы пишутъ сочиненія на заданныя темы весьма удовлетворительно. Курсъ италіанской литературы проходитъ весьма подробно; особенное вниманіе обращается на упражненія въ стилѣ. На урокахъ новыхъ языковъ я не встрѣчалъ того плохого произношенія иностранныхъ словъ, замѣченнаго мною въ большинствѣ учебныхъ заведеній въ Италіи. Вообще же я вынесъ изъ осмотра этого частнаго учебнаго заведенія самое лучшее впечатлѣніе.

II.

Изученіе организаціи стипендій для недостаточныхъ студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи является однимъ изъ самыхъ неясныхъ вопросовъ для изучающаго состояніе высшаго образованія въ этой странѣ, такъ какъ, собственно говоря, стипендій, правильно организованныхъ, вовсе не существуетъ въ Италіи ни въ высшихъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а есть только нѣсколько отдѣльныхъ капиталовъ, какъ королевскихъ, такъ и частныхъ или отдѣльныхъ провинцій, проценты съ которыхъ могутъ быть употребляемы въ видѣ вспомоствованія студентамъ учебныхъ заведеній, обозначенныхъ въ завѣщаніяхъ. Эти суммы для нѣкоторыхъ провинцій Италіи достигаютъ иногда довольно крупныхъ размѣровъ; такъ, напримѣръ, для Ломбардіи, Эмиліи, Умбріи, Тосканы и Неаполя капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью, достигалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ почтенной цифры въ 241,117 лиръ, изъ $\%$ съ котораго образовались 553 стипендіи, распредѣленныя совершенно неравномѣрно по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ случается часто, что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ имѣется масса стипендій, въ другомъ на оборотъ ихъ вовсе нѣтъ. При этомъ положеніи о стипендіяхъ чуть ли не въ каждомъ заведеніи свои, различныя отъ прочихъ, что весьма затрудняетъ изслѣдователя, желающаго выяснитъ себѣ общія положенія, которыми руководились жертвователи. Вообще этотъ вопросъ еще вовсе не разработавъ правильно въ Италіи. Что же касается до частныхъ обществъ вспомоствованія студентамъ, то ихъ вовсе не существуетъ, и ректора университетовъ, съ которыми приходилось мнѣ говорить о существованіи у насъ подобныхъ обществъ вспомоствованія при всѣхъ русскихъ университетахъ, выражали крайнее удивленіе, хотя и находили существованіе подобныхъ обществъ весьма желательнымъ и у нихъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ стипендіяхъ, необходимо представить здѣсь таблицу платежей, обязательныхъ для студентовъ италіанскихъ университетовъ на различныхъ факультетахъ и условія, при которыхъ они могутъ быть освобождены отъ взноса платы за слушаніе лекцій. Плата за слушаніе лекцій распредѣляется слѣдующимъ образомъ по факультетамъ. Она бываетъ 4-хъ разрядовъ: 1) за имматрикуляцію на факультетъ, 2) годичная плата за право

слушанія лекцій, 3) добавочная такса за производство курсоваго испытанія (переходнаго экзамена) и 4) за выдачу студенту диплома объ окончаніи имъ полнаго курса на соответствующемъ факультетѣ. Это ясно видно изъ прилагаемой таблицы, заимствованной мною изъ официального изданія „Правилъ для студентовъ Неаполитанскаго университета“. Правила эти озаглавлены: *Principali Disposizioni dei Decreti e Regolamenti Universitari per norma degli studenti. Napoli. 1888.* Приложение № 1. Плата, поступающая отъ студентовъ по этимъ четыремъ разрядамъ, во всѣхъ университетахъ Италіи одинакова.

Годичная плата за слушаніе лекцій можетъ быть разсрочена на два срока пополугодно—въ началѣ учебнаго года—въ ноябрѣ мѣсяцѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Плата за производство годичныхъ испытаній (переходныхъ экзаменовъ) должна быть произведена за 10 дней до начала экзаменовъ. Плата за дипломъ объ окончаніи курса вносится по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ. Не внесшіе платы за слушаніе лекцій и за производство экзаменовъ не могутъ быть ни допускаемы къ опыту, ни пороведены на слѣдующій курсъ. Имматрикулованный въ одинъ изъ королевскихъ университетовъ ¹⁾ и внесшій за это плату, при переходѣ въ другой королевскій университетъ, освобождается отъ вторичной уплаты за имматрикуляцію.

Вышеизложеннымъ правиламъ должны подчиняться всѣ студенты италіанскихъ университетовъ, вносящіе плату за слушаніе лекцій. Но существуетъ во всѣхъ университетахъ не мало студентовъ, освобожденныхъ отъ платы. Освобожденіе это происходитъ на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1870 года, при слѣдующихъ непремѣнныхъ условіяхъ: студенты, желающіе быть освобожденными отъ платы, должны представить свидѣтельство мѣстной коммуны, откуда они родомъ и въ которой находится постоянное мѣстожительство ихъ родителей, съ обозначеніемъ рода занятій послѣднихъ, семейнаго ихъ положенія, ежегодно получаемаго ими дохода (приблизительнаго), а также свѣдѣнія объ ежегодныхъ податяхъ и налогахъ, взимаемыхъ съ нихъ. Эти свѣдѣнія должны относиться къ текущему платежному году и отнюдь не ко времени болѣе

¹⁾ Кроме „королевскихъ университетовъ“, въ Италіи есть еще и частные (libere). О нихъ я буду говорить ниже, рассматривая состояніе высшаго образованія въ Италіи.

отдаленному (§ 61 правилъ, редактированный на основаніи министерскаго циркуляра отъ 1-го октября 1876 года).

Освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій на I курсѣ только тѣ студенты, которые на выпускномъ экзаменѣ изъ лицеевъ (экзаменъ на аттестатъ зрѣлости (esame di licenza liceale) получили не менѣе $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ (§ 63 правилъ на основаніи королевскаго декрета отъ 5-го августа 1877 года). Экзамены, какъ выпускные изъ лицеевъ, такъ и переходные въ университетахъ (курсовые) производятся въ комиссіяхъ, состоящихъ изъ 3-хъ экзаменаторовъ, при чемъ каждый экзаменаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10 балловъ, итого всѣхъ балловъ 30. Довогающійся освобожденія отъ платы за лекціи на первомъ курсѣ студентъ долженъ получить на выпускномъ экзаменѣ не менѣе 27 балловъ. Къ такому прошенію объ освобожденіи отъ платы должно быть приложено свидѣтельство начальства лицея, гдѣ обучался студентъ о прилежаніи его и хорошемъ поведеніи. О всѣхъ подобныхъ случаяхъ освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій должно быть едѣлано представленіе министру въ концѣ академическаго года. Желающіе быть освобожденными отъ взноса платы за слушаніе лекцій на послѣдующихъ курсахъ, должны выдержать спеціальные экзамены изъ назначенныхъ факультетомъ предметовъ и получить на оныхъ отъ $\frac{9}{10}$ до $\frac{9}{10}$ на кругъ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ.

Таковы главнѣйшіе параграфы правилъ для студентовъ, трактующіе объ условіяхъ обязательныхъ для освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій въ университетахъ.

Но нельзя сказать, чтобы весьма многіе студенты пользовались этою привилегіей, что ясно видно изъ ниже слѣдующихъ таблицъ (см. приложение № 2 и 3). Одна изъ нихъ представляетъ суммы, не внесенныя студентами Неаполитанскаго университета за 1886—1887 академическій годъ (уплаченныя университетомъ за нихъ), а другая представляетъ суммы, выданныя въ качествѣ субсидій для уплаты за слушаніе лекцій студентами того же университета за тотъ же академическій годъ на всѣхъ факультетахъ.

Общее число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ въ 1886—1887 академическомъ году на всѣхъ факультетахъ означено въ таблицѣ № 4. Въ другихъ университетахъ число студентовъ, освобожденныхъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій въ 1886—1887 году, было нѣсколько больше, напримѣръ, въ Туринскомъ

университетѣ; цифры уплаченныхъ ими и не уплаченныхъ суммъ конечно колеблются по годамъ, но въ общемъ приведенныя мною таблицы представляютъ довольно ясно положеніе этого вопроса. Освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій не связано для студентовъ ни съ какими особыми экзаменами.

Переходя теперь къ правительственнымъ и частнымъ стипендіямъ, я принужденъ ограничиться только нѣкоторыми высшими учебными заведениями, мною осмотрѣнными, въ которыхъ таковыя имѣются; какъ я уже сказалъ выше, таковыхъ очень не много, они весьма разбросаны по разнымъ провинціямъ Италіи и въ бюджетѣ заведенія составляютъ весьма незначительный фондъ. Во всякомъ случаѣ происхожденіе этихъ стипендій въ Италіи чисто случайное и потому не представляетъ ничего существенно важнаго. Въ бюджетѣ Неаполитанскаго университета, напримѣръ, имѣется цифра въ 10,000 лиръ, ежегодно поступающая изъ министерства, но это скорѣе правительственная субсидія университету, чѣмъ сумма на стипендіи. Кромѣ того, сосѣднія съ Неаполемъ муниципалитеты южныхъ провинцій Италіи, какъ-то Gallipoli, Caserta, Bari, Benevento и др. вносятъ на содержаніе Неаполитанскаго университета ежегодно отъ 600—700 лиръ. Эти суммы идутъ на уплату не внесенныхъ студентами срочныхъ платежей за право слушанія лекцій, но эти суммы поступаютъ далеко не аккуратно и не являются вовсе обязательными для вышеупомянутыхъ муниципалитетовъ, такъ что опять-таки нельзя ихъ называть стипендіями.

Въ Туринскомъ университетѣ это дѣло поставлено нѣсколько правильнѣе; именно: за нѣсколько мѣсяцевъ до начала академическаго года ректоръ университета публикуетъ о существующихъ вакансіяхъ на слѣдующія, учрежденныя при Туринскомъ университетѣ, стипендіи: 100 стипендій королевскихъ по 70 лиръ ежегодно въ теченіе 9 учебныхъ мѣсяцевъ, то-есть, каждая стипендія въ 630 лиръ. Имѣются еще такого же размѣра 22 стипендіи провинціи Турина, нѣсколько частныхъ стипендій и наконецъ 6 стипендій, также по 630 лиръ каждая, такъ-называемой „Fondazione Ghislieri“. Послѣднія стипендіи были учреждены еще папою Пиемъ V при Павійскомъ университетѣ, исключительно для студентовъ, уроженцевъ Ломбардской провинціи, окончившихъ курсъ въ основанномъ имъ Collegio Ghislieri (6 изъ этихъ стипендій принадлежатъ теперь Туринскому университету). Королевскія же стипендіи предназначены исключительно для уроженцевъ прежняго королевства Сардиніи.

ніи. Число свободныхъ стипендій различныхъ наименованій, конечно, колеблется ежегодно; одинъ годъ ихъ больше, другой годъ меньше; такъ, напримѣръ, въ 1887 году согласно публикаціи ректора ихъ было всего 39. Получающіе эти стипендіи студенты Туринскаго университета составляютъ какъ бы особое отдѣленіе студентовъ университета, носящее названіе: „Collegio delle Province“, учрежденное королевскимъ декретомъ отъ 1-го іюля 1869 года. Прежде существовавшее подъ этимъ названіемъ училище не существуетъ съ 1869 года, а остается его названіе. Зданіе его перешло сначала въ вѣдѣніе военнаго министерства, а нынѣ составляетъ собственность Regio Museo Industriale Italiano въ Туринѣ.

Студенты, родители коихъ живутъ въ Туринѣ, не могутъ претендовать ни на одну изъ этихъ стипендій. Исключенія допускаются только при представленіи студентомъ доказательства крайней его бѣдности, препятствующей ему поступить въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе.

Между вышеупомянутыми городскими стипендіями есть нѣкоторыя, выдаваемые исключительно студентамъ медицинскаго факультета, обязаннымъ за это въ теченіе академическаго года посѣщать клиники городской больницы св. Іоанна Крестителя (ospedale Maggiore di S. Giovanni Battista di Torino). Студенты-медики, не могущіе представить свидѣтельства объ аккуратномъ посѣщеніи ими этого госпиталя, лишаются стипендіи.

Кромѣ того, всѣ студенты, желающіе получить стипендію, должны подвергнуться повѣрочному испытанію на основаніи королевскаго декрета отъ 2-го апрѣля 1885 года. Испытаніе это состоитъ изъ шести письменныхъ работъ: 1) латинскаго сочиненія; 2) италіанскаго сочиненія (большою частью историческаго содержанія); 3) сочиненія на философскую тему; 4) перевода съ греческаго на италіанскій языкъ; 5) рѣшенія задачъ изъ арифметики, алгебры и геометрии. Эти письменныя работы производятся въ теченіе трехъ дней и дается для выполненія каждой изъ нихъ четыре часа. Условія исполненія этихъ письменныхъ работъ тѣ же, какія соблюдаются у насъ на выпускныхъ экзаменахъ изъ гимназій (на аттестатъ зрѣлости). Впрочемъ у нихъ употребленіе словарей латинскаго и греческаго не воспрещается.

Кромѣ того, конкурирующіе на стипендію студенты подвергаются еще двумъ устнымъ экзаменамъ изъ предметовъ лицейскаго курса. Для полученія стипендіи требуется на повѣрочномъ испытаніи на

кругъ не менѣе $\frac{1}{10}$ всѣхъ удовлетворительныхъ балловъ по каждому предмету ¹⁾).

При Миланской академіи „Scientifico-Litteraria“ ²⁾ существуетъ десять правительственныхъ стипендій, по 700 лиръ каждая, выдаваемыхъ ежегодно по конкурсному экзамену изъ италіанскаго языка, латинскаго, одного изъ новыхъ языковъ и исторіи, шесть стипендій города Милана и четыре разныхъ провинцій. Условія получения стипендій одинаковы съ университетскими.

Кромѣ того, существуютъ еще двѣ премія, учрежденныя профессоромъ Elio Lattes, въ 125 и 860 лиръ, выдаваемыя за лучшія сочиненія по филологіи или исторіи, писанныя студентами на послѣднемъ курсѣ. Премія эта ежегодно возобновляется. Положеніе объ этихъ преміяхъ утверждено королевскимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 9-го сентября 1885 года. Изъ вышеизложеннаго ясно, что стипендіи эти носятъ чисто случайный характеръ. И дѣйствительно, при разсмотрѣніи бюджета министерства народнаго просвѣщенія въ Италіи, выясняется, что существующія стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ играютъ самую ничтожную роль.

III.

Центральное управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ Италіи и участіе муниципалитетовъ въ дѣль народнаго образованія въ провинціяхъ.

Въ основаніи всего италіанскаго законодательства, касающагося министерства народнаго просвѣщенія, поставленъ органическій законъ, обнародованный въ министерство Casati 13-го ноября 1859 года и названный потому „Legge organica (Casati) sulla pubblica istruzione“. Законъ этотъ обнимаетъ всѣ отрасли и регулируетъ всѣ функціи вѣдомства народнаго просвѣщенія, какъ по отношенію къ центральнымъ его органамъ, такъ и провинціальнымъ. На основаніи этого закона (art. 1—29) центральное управленіе министерства на-

¹⁾ Правила эти заимствованы мною изъ оенціальной публикаціи ректора Туринскаго университета Anselmi отъ 17-го іюня 1887 года и изъ извлеченія „Regolamento per il R. Collegio degli Studenti delle Provincie“.

²⁾ О ней я буду говорить подробно въ своемъ мѣстѣ при отчетѣ о посѣщенныхъ мною высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

роднаго просвѣщенія въ Италіи подраздѣляется на три отдѣла (разряда), изъ которыхъ первый вѣдаетъ личнымъ составомъ центрального управленія, Высшимъ совѣтомъ (Consiglio Superiore), составленіемъ бюджетовъ и контролемъ денежныхъ отчетовъ всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству; второй отдѣлъ вѣдаетъ академіями художествъ, археологическими институтами и раскопками, консерваторіями и музыкальными училищами, бібліотеками, архивами и различными спеціальными академіями; третій отдѣлъ вѣдаетъ всѣми учебными заведеніями, въ томъ числѣ и университетами, практическими школами для инженеровъ, ветеринарными училищами и астрономическими обсерваторіями.

Среднеучебныя заведенія и начальныя (элементарныя) находятся въ вѣдѣніи двухъ спеціальныхъ отдѣловъ центрального управленія министерства, изъ которыхъ первый отдѣлъ управляетъ всѣми казенными гимназіями, лицеемъ и техническими школами, казенными интернатами и всѣмъ личнымъ составомъ управленія и преподавателей среднеобразовательной школы, тогда какъ второй отдѣлъ завѣдуетъ всѣми „нормальными училищами“ (родъ нашихъ учительскихъ институтовъ, о которыхъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ), всѣми начальными училищами, всѣми женскими учебными заведеніями, училищами для глухо-нѣмыхъ и личнымъ составомъ инспекціи народныхъ училищъ.

При министерствѣ находится совѣтъ (Consiglio Superiore di Pubblica Istruzione), состоящій изъ 14 постоянныхъ членовъ и 7 временныхъ, назначаемыхъ королевскимъ декретомъ на семь лѣтъ, большею частью изъ профессоровъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ совѣтъ подраздѣляется обыкновенно на три отдѣла, на обязанности которыхъ лежитъ разсмотрѣніе въ качествѣ совѣщательнаго органа всѣхъ вопросовъ, какъ административнаго, такъ и педагогическаго свойства, относящихся ко всѣмъ тремъ разрядамъ образованія. Отчасти въ кругъ занятій этого совѣта министра входитъ и разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ и пособій для среднеобразовательной и начальной школы, но выборъ учебныхъ руководствъ и пособій совершенно зависитъ отъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній, который вовсе не обязанъ руководствоваться въ этомъ отношеніи опредѣленіями высшаго совѣта. Особый отдѣлъ совѣта министра составляетъ „художественный комитетъ“, состоящій изъ 5 членовъ совѣта министра и 6 извѣстныхъ своими произведеніями художниковъ. На обязанности этого комитета лежитъ предла-

гать на усмотрѣніе министра необходимыя измѣненія въ уставахъ академій художествъ, указывать на полезныя покупки, которыя могло бы правительство произвести для пополненія художественныхъ коллекцій, составлять программы художественныхъ конкурсовъ и назначать за успѣшное ихъ выполненіе преміи, составлять отчеты для представленія министру о состояніи художественныхъ музеевъ и галлерей.

Совѣтъ министра собирается три раза въ мѣсяцъ, а иногда и чаще, смотря по надобности. Въ составъ центрального управленія министерства, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ и учрежденій, входятъ еще такъ-называемые „*Ispettori centrali*“, должность коихъ учреждена королевскимъ декретомъ отъ 12-го мая 1881 года. Такихъ центральныхъ инспекторовъ при министерствѣ трое: инспекторъ высшихъ учебныхъ заведеній, инспекторъ классическихъ среднеобразовательныхъ училищъ и инспекторъ техническихъ школъ, онъ же инспектируетъ начальныя училища и учительскіе институты. Они назначаются королевскимъ декретомъ и приравнены въ служебномъ отношеніи къ членамъ совѣта министра. На обязанности ихъ лежитъ обязывать всѣ подвѣдомственныя министру учебныя заведенія, производить подробную ихъ ревизію въ административномъ и учебномъ отношеніяхъ и ежегодно представлять объ этихъ ревизіяхъ подробные отчеты министру.

Если организація центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія въ Италіи не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей сравнительно съ подобною же организаціей этого управленія въ другихъ странахъ Европы, то нельзя того же сказать относительно ея провинціального школьнаго управленія („*Amministrazione scolastica provinciale*“). Въ самой основѣ законодательства, касающагося этой администраціи, поставлено какое-то непонятное и, безъ сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ весьма неудобное двоевластіе. Дѣло въ томъ, что въ 69 провинціяхъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ объединеннаго Италіанскаго королевства, находятся 69 училищныхъ совѣтовъ, обсуждающихъ подъ предсѣдательствомъ не представителя отъ учебнаго вѣдомства, а мѣстнаго синдика (городскаго головы) всѣ вопросы, касающіеся народнаго образованія въ данной провинціи. *Provveditore agli studii* (исправляющій въ своей провинціи отчасти обязанности нашего попечителя округа) состоитъ только совѣщательнымъ членомъ этого совѣта; такимъ образомъ онъ поставленъ въ невозможность руководить реніями въ засѣданіяхъ совѣта и на-

правлять ихъ согласно цѣлямъ, преслѣдуемымъ министерствомъ. Отсюда является въ управленіи школою въ провинціяхъ весьма нежелательное двоевластіе: съ одной стороны, распоряжается городская дума въ лицѣ своего городского головы (не въ городскихъ училищахъ, а въ правительственныхъ гимназіяхъ, лицеехъ и низшихъ училищахъ); съ другой стороны, отстаиваетъ виды и интересы министерства „proveditore“.

Результатъ всего этого, конечно, отсутствіе всякой централизаціи въ такомъ важномъ дѣлѣ, могущее весьма легко перейти въ полную дисгармонію въ томъ случаѣ, когда, что весьма возможно, взгляды и интересы министерства и городской думы бывають различны. Proveditore только въ отсутствіи синдика предсѣдательствуетъ въ училищномъ совѣтѣ. Подобная смѣна предсѣдателей, могущихъ быть весьма часто представителями двухъ самыхъ противоположныхъ направленій, также, конечно, является весьма нежелательною. Въ составъ этого училищнаго совѣта входятъ, кромѣ предсѣдателя-синдика и proveditore, еще 6 членовъ, изъ которыхъ два члена назначаются министромъ народнаго просвѣщенія (выбираемые изъ директоровъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній), два члена назначаются провинціальною депутаціею большинствомъ голосовъ и два члена отъ провинціального муниципалитета. Всѣ эти члены назначаются на три года и могутъ быть вновь избираемы.

Отсюда ясно, какъ разнороденъ можетъ быть составъ подобнаго совѣта, отъ котораго зависитъ постановка всего учебнаго дѣла въ провинціи, и какъ трудно бываетъ часто добиться единства въ постановляемыхъ имъ рѣшеніяхъ.

Между тѣмъ обязанности и права провинціального совѣта весьма обширны. Провинціальный училищный совѣтъ собирается въ главномъ городѣ провинціи. Онъ долженъ слѣдить за исполненіемъ учебными заведеніями провинціи, какъ казенными, такъ и частными, всѣхъ обязательныхъ для нихъ постановленій. Въ отношеніи къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ его ревизія ограничивается наблюденіемъ за соблюденіемъ предписанныхъ гигиеническихъ мѣръ.

Онъ завѣдуетъ всѣми капиталами, пожертвованными въ пользу общественныхъ училищъ, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ воли завѣщателей и существующихъ по этому предмету законоположеній. Онъ открываетъ новые элементарные пріюты для дѣтей (Giardino d'infanzia), вечерніе и воскресные классы для рабочихъ, народныя библиотеки, составляетъ статистическія таблицы по начальному

и среднему образованію, выбираетъ членовъ-делегатовъ, которые должны присутствовать на экзаменахъ, рассматриваетъ и составляетъ всѣ бюджеты учебныхъ заведеній, не подчиненныхъ непосредственно министерству, выбираетъ и назначаетъ весь учительскій персоналъ въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ всѣхъ разрядовъ; онъ можетъ даже временно закрыть училище, если находитъ это нужнымъ, до представленія всего дѣла на усмотрѣніе министра и проч.

Изъ этого краткаго перечня занятій провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ видно, какъ разнообразна и важна его дѣятельность, на сколько необходимо было бы, чтобы при обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ соблюдалось строгое единство въ направленіи — единственное условіе успѣшнаго хода учебнаго дѣла. Между тѣмъ я уже указывалъ на то обстоятельство, что при существующемъ двоевластіи въ училищномъ совѣтѣ и при разнообразіи его членовъ, представителей различныхъ учреждений, представителю министерства, *provveditore*, не возможно руководить учебнымъ дѣломъ во вѣренной его попеченію провинціи, исключительно согласно желаніямъ и видамъ министерства, такъ какъ ему приходится часто сообразоваться съ волею и желаніемъ муниципалитета, такого же, если еще не большаго, чѣмъ министерство, распорядителя судьбами народнаго образованія въ провинціяхъ.

На пагубныя послѣдствія подобнаго двоевластія для успѣшнаго хода учебнаго дѣла неоднократно указывалъ мнѣ *Provveditore* Миланской провинціи, *sav. Ronchetti*, благодаря любезности и рѣдкой предупредительности котораго я имѣлъ возможность подробно осмотрѣть нѣсколько учебныхъ заведеній въ Миланѣ.

Привлеченіе провинціальныхъ муниципалитетовъ къ дѣлу народнаго образованія весьма понятно со стороны италянскаго правительства; въ 1859 году, когда вышелъ законъ *Casati*, оно не обладало значительными средствами для бюджета народнаго просвѣщенія, и надѣялось такимъ путемъ 1) вызвать пожертвованія на дѣло народнаго образованія со стороны провинціальныхъ муниципалитетовъ, могущихъ пополнить недостатокъ правительственныхъ субсидій и 2) заинтересовать ихъ въ успѣхѣ народной школы въ провинціи, что отчасти и было достигнуто. Этою мѣрою и объясняется громадное число учебныхъ заведеній, въ особенности низшихъ, возникшихъ за послѣднія двадцать лѣтъ въ Италіи, но для самаго хода учебнаго дѣла это мѣропріятіе оказалось весьма пагубнымъ. Министерство въ настоящее время сознаетъ это вполне, такъ какъ оно является далеко не един-

ственнымъ ховлиномъ въ своемъ вѣдомствѣ, но помочь этому горю теперь весьма трудно. Врядъ ли однако муниципалитеты, облеченные такою широкою властью въ провинціальныхъ училищахъ и привыкшіе пользоваться этою властью такъ долго, согласятся добровольно отказаться отъ своихъ привилегій.

IV.

Состояніе низшаго образованія въ Италіи.

Вопросъ о низшемъ (элементарномъ) образованіи еще въ самое послѣднее время подвергался пересмотру со стороны италіанскаго правительства.

Общія положенія, касающіяся низшаго образованія, обнародованы были еще въ 1859 году (*Legge organica Casati (titolo V)*); засимъ 15-го іюля 1877 года вышелъ законъ объ обязательности элементарнаго образованія въ Италіи, а въ послѣдующіе годы—различныя законоположенія, касающіяся постановки учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ и различныхъ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ, носящихъ въ Италіи названіе „*Scuole Normali*“ (положеніе о нихъ обнародовано 1-го ноября 1883 года). Всѣ эти положенія и инструкции были по инициативѣ нынѣшняго министра *Boselli* вновь рассмотрѣны, значительно дополнены и отчасти видоизмѣнены и наконецъ 16-го февраля 1888 года утверждены королевскимъ декретомъ такъ-называемый „*Regolamento unico per l'istruzione elementare*“, представляющій сводъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ постановленій, касающихся начальнаго образованія въ Италіи.

Надо отдать полную справедливость италіанскому правительству: вполне понимая всю важность начальнаго образованія, оно всегда имъ интересовалось и не щадило средствъ, для его распространенія и удовлетворительной его постановки. Изъ всѣхъ разрядовъ образованія низшее, пожалуй, поставлено въ Италіи сравнительно лучше прочихъ; въ особенности же правительство обратило серьезное вниманіе на подготовку учителей для начальныхъ училищъ. Нормальныя школы дѣйствительно удовлетворяютъ своей цѣли, какъ я буду имѣть случай изложить это ниже.

Главные пункты этого *Regolamento per l'istruzione elementare* ¹⁾

¹⁾ Привожу переводъ съ оециальной брошюры озаглавленной „*Regolamento*

слѣдующіе: элементарное образованіе бываетъ двухъ разрядовъ — низшее и высшее. Предметы, входящіе въ составъ низшаго разряда — релігиозное обученіе (необязательное, какъ и вездѣ, въ настоящее время въ Италіи) ¹⁾, чтеніе, письмо, начальная арифметика, отечественный языкъ и элементарныя свѣдѣнія о метрической системѣ.

Въ составъ предметовъ обученія въ начальныхъ училищахъ высшаго разряда входятъ, кромѣ болѣе обстоятельнаго изученія вышеупомянутыхъ предметовъ, еще сочиненія на заданную тему, каллиграфія, веденіе счетоводства, элементарная географія, изученіе выдающихся событій изъ отечественной исторіи, свѣдѣнія изъ физики и естественныхъ наукъ, примѣнительно къ повседневному обиходу. Кромѣ того, въ послѣднее время преподаются еще въ мужскихъ начальныхъ училищахъ высшаго разряда первые элементы геометріи и линейнаго черченія, а въ женскихъ — рукодѣліе. Къ этимъ предметамъ, по циркулярному предложенію министра отъ 15-го іюля 1877 г., прибавлено преподаваніе „первыхъ свѣдѣній объ обязанностяхъ чловѣка и гражданина“, а съ 1878 года — обязательное преподаваніе гимнастики. Преподаваніе всѣхъ предметовъ должно производиться согласно утвержденнымъ министерствомъ программамъ. Элементарное образованіе бесплатно во всѣхъ коммунахъ Италіи. Возрастъ дѣтей, посѣщающихъ начальныя училища — отъ 6—12 лѣтъ. Въ деревенскихъ общинахъ, если позволяетъ мѣсто, допускаются въ школу дѣти и старше 12-ти, но не старше 15-ти лѣтъ. Въ каждой коммунѣ должны обязательно находиться два начальныя училища низшаго разряда, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Подобное училище обязательно въ каждомъ мѣстечкѣ, населеніе котораго превышаетъ 800 жителей, когда оно отдалено отъ центра коммуны далѣе, чѣмъ на 2 километра. Въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе менѣе 500 жителей, открывается начальное училище на 6 мѣсяцевъ. Всѣ дѣти отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ обязательно посѣщаютъ начальное училище низшаго разряда, раздѣленное на три класса. Ни въ одномъ начальномъ училищѣ число учениковъ при одномъ учителѣ не должно превышать 70, при большемъ числѣ учениковъ обязательно открываются параллельные

unico per l'istruzione elementare approvato con R. Decreto 16 febbraio 1888 preceduto dalla Relazione del Ministro.“

¹⁾ Министерскій циркуляръ отъ 29-го сентября 1870 года предписываетъ обязательное преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ только для дѣтей родителей, заявившихъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти обучались закону Божію.

классы. Начальныя училища высшаго разряда состоятъ изъ 2-хъ классовъ, по одному году въ каждомъ и должны быть открываемы во-первыхъ, въ коммунахъ, въ которыхъ находятся среднеучебныя за-веденія (классическія или реальныя (*tecniche*) или „нормальныя учи-лища“ (учительскіе семинаріи и институты), и вовторыхъ, въ ком-мунахъ, въ которыхъ населеніе превышаетъ 4000 жителей.

Непосредственное завѣдываніе начальными училищами принад-лежитъ мѣстному муниципальному управленію, которое руковод-ствуется изданными постановленіями министерства народнаго про-свѣщенія, подъ наблюденіемъ провинціальной министерской инспекціи. Вѣдаетъ школьнымъ дѣломъ учебный муниципальный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ синдика провинціи; въ этомъ совѣтѣ состоитъ членомъ *Provveditore agli studi*, о которомъ я упоминалъ, говоря о частномъ образованіи. Онъ отчасти исправляетъ должность нашего попечителя округа, но съ гораздо меньшими правами. Учебный годъ начинается съ 15-го октября и кончается 15-мъ августа. О томъ, что родители, не посылающіе дѣтей своихъ въ начальныя училища, подвергаются денежному штрафу, я уже упоминалъ выше, говоря объ организаціи частнаго образованія въ Италіи.

Выпускные экзамены изъ начального училища высшаго разряда—двоякаго рода—устные и письменные. Правила для этихъ экзаме-новъ утверждены королевскимъ декретомъ отъ 24-го іюня 1883 года.

Экзамены эти служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрочнымъ испытаніемъ для учениковъ, поступающихъ въ I классъ гимназій или реального училища (*Scuola tecnica*). Требуется письменное сочиненіе на италі-анскомъ языкѣ; устные экзамены производятся изъ всѣхъ пройден-ныхъ предметовъ; испытаніе каждаго отдѣльнаго ученика не должно продолжаться свыше 20 минутъ. Получившіе менѣе $\frac{6}{10}\%$ всѣхъ 10 балловъ, находящихся въ распоряженіи экзаменаторовъ, не допуска-ются къ устному испытанію.

Въ своемъ докладѣ королю отъ 16-го февраля 1888 года ми-нистръ народнаго просвѣщенія *Boselli* указываетъ на наступившую неотложную необходимость кодифицировать многочисленныя и весьма разнообразныя постановленія, касающіяся начального образованія и придать имъ болыное единство; съ этою цѣлью составленъ этотъ сводъ, носящій названіе „*Regolamento unico per l'istruzione elemen-tare*“ и подносится къ утвержденію короля.

Взглядъ министерства на преподаваніе закона *Bozija* въ началь-

ной школѣ мы находимъ въ другомъ докладѣ ¹⁾ министра Boselli отъ 25-го сентября 1888 года. Привожу точный переводъ даннаго мѣста: „Министръ убѣжденъ, что преподаваніе закона Божія, поставленное въ должныхъ границахъ, составляетъ могучее воспитательное средство. Поэтому онъ не рѣшился совершенно исключить его изъ программы, но сдѣлалъ его факультативнымъ предметомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ министерство не считаетъ себя компетентнымъ въ составленіи программы, по которой долженъ преподаваться законъ Божій въ начальныхъ училищахъ, поэтому оно ограничивается лишь тѣмъ, что сохраняетъ это преподаваніе, какъ факультативное, предоставляя составленіе программы и учебныхъ плановъ по этому предмету духовному начальству“. При этомъ министръ указываетъ на примѣръ Англіи, поступающей въ этомъ отношеніи такимъ же образомъ. Итакъ, преподаваніе закона Божія во всѣхъ начальныхъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ въ Италіи обязательно только для дѣтей родителей, заявившихъ о томъ желаніе. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: кому поручить это преподаваніе—свѣтскимъ лицамъ или духовнымъ?

Для обсужденія этого вопроса еще 19-го ноября 1888 года собирався между прочими и коммунальный совѣтъ города Рима, и вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ этотъ совѣтъ ²⁾. По мнѣнію совѣта, не желательно поручать преподаваніе закона Божія въ начальныхъ училищахъ духовенству, въ виду враждебныхъ отношеній, въ которыхъ оно находится къ государству; но съ другой стороны, представляется весьма труднымъ выборъ подходящихъ для этого лицъ и среди свѣтскихъ учителей, такъ какъ господствующее настроеніе въ религіозныхъ вопросахъ въ современной Италіи—индифферентизмъ: въ этомъ открыто признается совѣтъ. На этомъ основаніи онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: въ маленькихъ общинахъ, съ общаго согласія большинства мѣстныхъ гражданъ, это преподаваніе можетъ легко быть поручено свѣтскому учителю начального училища, но въ большихъ центрахъ является необходимость въ под-

¹⁾ Istruzione e Programmi Didattici per le Scuole Elementare del Regno colla Relazione del Ministro per l'Istruzione Publica a S. M. e relativo R. Decreto in data 25 Settembre 1888. Torino. 1888.

²⁾ Сообщеніе это я беру изъ оциф. сборн., распор. и постановл. по мин. народн. просвѣщенія. Tit. V—Istr. Elem. Norm. — Insegnamento religioso, стр. 530 и слѣд.

готовленіи особыхъ учителей *ad hoc*, которымъ исключительно поручено было бы преподаваніе закона Божія. Но и эти учителя должны быть непремѣнно свѣтскія лица и проходить спеціальный подготовительный курсъ, такъ какъ обязательное преподаваніе закона Божія въ „нормальныхъ училищахъ“ (учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ) также перестало быть таковымъ съ 1877 года.

Въ общихъ положеніяхъ, предшествующихъ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету преподаванія въ начальныхъ училищахъ, министръ указываетъ на крайнюю необходимость обращать вниманіе и на физическое развитіе дѣтей и съ этою цѣлью предписываетъ гимнастическія упражненія и обязательно продолжительныя промежутки между уроками (не менѣе четверти часа). Самые уроки въ младшихъ классахъ не должны продолжаться свыше полчаса времени, а въ старшихъ—трехъ четвертей часа, при чемъ только и можно добиться желательнаго вниманія къ проходимому въ классѣ со стороны всего класса. Весьма важно, по мнѣнію министра, съ раннихъ лѣтъ приучать дѣтей къ наблюденію окружающихъ ихъ явленій и предметовъ; съ этою цѣлью еще въ самыхъ элементарныхъ классахъ (*giardino d'infanzia*) проходятся особые уроки, носящіе у французовъ названіе—*leçons de choses*. Далѣе министръ, между прочимъ, останавливается на недавно введенномъ въ учебный планъ начальныхъ училищъ курсѣ „о правахъ и обязанностяхъ гражданина“. Онъ указываетъ прежде всего на то, какъ слѣдуетъ понимать этотъ терминъ. Цѣль этого курса—не преподавать ученикамъ права и обязанности, о которыхъ они не могутъ имѣть никакого понятія; напротивъ, онъ долженъ ихъ приучать къ мысли о необходимости выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ ту мысль, что если часто случается, что люди не исполняютъ своего долга, то это происходитъ не отъ незнанія ими, что этотъ долгъ существуетъ, а отъ отсутствія воли. Этотъ курсъ, по его мнѣнію, и долженъ клониться главнымъ образомъ къ правильному развитію воли въ ученикѣ и дисциплины, въ надеждѣ, что эти уроки останутся ему памятны на всю жизнь, когда обязанности ученика замѣнятся обязанностями гражданина. Въ старшихъ классахъ слѣдуетъ давать ученикамъ нѣкоторыя общія понятія о государственномъ строѣ Италіи, о ея внутреннемъ устройствѣ и вѣншемъ положеніи и стараться внушить имъ патриотическія чувства. Преподаваніе этого курса съ 1877 года сдѣлалось обязательнымъ во всей Италіи, вытѣснивъ собою преподаваніе закона Божія. Очевидно, что подобный, чисто фор-

мальный курсъ никомъ образомъ не можетъ замѣнить благотѣльнаго религіознаго и нравственнаго вліянія на молодую душу ученика уроковъ закона Божія въ рукахъ опытнаго, умѣющаго дѣйствовать на его душу законоучителя.

Переходя къ учебнымъ планамъ по каждому отдѣльному предмету въ начальныхъ школахъ, министръ опредѣляетъ въ учебномъ планѣ по отечественному языку дѣль его преподаванія — правильно и бѣгло читать и писать на немъ, избѣгая при этомъ неправильностей и особенностей столь многочисленныхъ въ Италіи иѣстныхъ говоровъ; самая грамматика должна преподаваться по возможности практически; такъ-называемый „логическій анализъ“, столь много практикуемый во французскихъ школахъ, совершенно исключается изъ программы. Весьма важно добиться отъ ученика, чтобъ онъ ясно и толково передавалъ прочитанное; совѣтуется почаще занимать учениковъ диктовкой, какъ провѣркой орфографіи и изученіемъ легкихъ, доступныхъ ихъ возрасту стихотвореній наизусть. Между прочимъ, министръ высказываетъ весьма вѣрную мысль: онъ предписываетъ задавать сочиненія только на темы, вполне доступныя и извѣстныя ученикамъ, такъ какъ весьма вредно въ педагогическомъ отношеніи заставлять учениковъ писать о предметахъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ (например, не видавшихъ никогда моря заставлять описывать происходящую на немъ бурю, или обитателей равнины—сѣбяния вершины и т. д.). Это развиваетъ въ ученикѣ только привычку къ пустой болтовнѣ, къ фразерству и поверхностному отношенію къ описываемому предмету. Желательно, чтобъ ученики дополняли преподаваемое въ классѣ соответствующимъ чтеніемъ, сдѣланнымъ по выбору учителя въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Но это желаніе остается однимъ *plum desiderium*, такъ какъ выборъ книгъ, могущихъ служить для ученическаго чтенія, весьма ограниченъ въ Италіи; вопросъ о школьныхъ и ученическихъ бібліотекахъ, можно сказать, тамъ еще и не возникалъ.

Курсъ исторіи въ начальныхъ училищахъ, конечно, долженъ быть исключительно эпизодическій и по возможности сопровождаться объясненіями на раскрашенныхъ картинахъ, представляющихъ выдающіяся событія изъ отечественной исторіи. Для наглядности привожу въ главныхъ чертахъ программу по каждому предмету курса начальныхъ училищъ.

I классъ (нижній разрядъ).

По отечественному языку—упражнения въ чтеніи и письмѣ, предметные уроки (leçons de choses), изученіе стихотвореній наизусть; по исторіи—эпизоды изъ еврейской, греческой и римской исторіи; изъ ариметики—письменные дѣйствія сложѣнія и вычитанія надъ числами до 100, а въ умѣ—до 10.

II классъ.

По отечественному языку—чтеніе и объясненіе прочитаннаго, письмо подѣ диктовку, стихотворенія, продолженіе „предметныхъ уроковъ“, при чемъ область наблюденія все расширяется, каллиграфія; изъ исторіи—эпизодическій курсъ древней и отечественной исторіи; изъ ариметики—четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами. Понятіе о дробяхъ.

III классъ.

По отечественному языку—толковое чтеніе и передача прочитаннаго, диктовка и знаки препинанія, упражненія для памяти, практическій курсъ грамматики, продолженіе предметныхъ уроковъ; по географіи—общія понятія о географіи, изученіе рѣкъ, озеръ и городовъ Италіи; по исторіи—курсъ отечественной исторіи (эпизодическій); по ариметикѣ—понятіе о десятичныхъ дробяхъ, понятіе о метрической системѣ.

IV классъ (высшій разрядъ).

По отечественному языку—къ проходимому въ младшихъ классахъ присоединяются сочиненія на заданную тему; изученіе (практическое) синтаксиса; по географіи—болѣе подробное развитіе предыдущаго курса; по исторіи—біографіи выдающихся историческихъ личностей изъ греческой и римской исторіи; по физикѣ—извѣстѣйшіе растенія и минералы въ данной мѣстности, ихъ употребленіе въ обыденной жизни, дѣйствіе теплоты на тѣла; изъ геометріи—начальные понятія, рисованіе геометрическихъ фигуръ, повтореніе пройденнаго курса ариметики.

V классъ.

По отечественному языку—подготовленіе къ выпускному экзамену, на которомъ ученикъ долженъ быть въ состояніи правильно

и вполне отчетливо написать сочиненіе на заданную тему; окончаніе практическаго курса грамматикъ; по географіи—явленія изъ математической географіи въ доступной формѣ (движенія земли и солнца и прочихъ небесныхъ свѣтилъ, времена года, понятіе о меридианѣ, объ экваторѣ, о широтѣ и долготѣ), изученію Европы и остальныхъ частей свѣта; изъ исторіи—новая исторія Италіи, исторія Савойскаго дома, послѣднія событія отечественной исторіи до объединенія Италіи; по физикѣ—понятія о свѣтѣ, теплотѣ, гидростатикѣ и динамикѣ; по ариметикѣ—дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями, тройное правило, правило товарищества, геометрическія фигуры, понятіе о плоскости, перпендикулярѣ и объемѣ.

Не безинтересно для выясненія современнаго положенія начальнаго образованія въ Италіи познакомиться съ нѣкоторыми выводами, къ которымъ пришла коммиссія для пересмотра учебныхъ плановъ и инструкцій, касающихся низшаго образованія. Отчетъ этой коммиссіи изданъ въ Римѣ въ январѣ 1888 года ¹⁾.

Коммиссія эта, какъ говорится въ началѣ отчета, поставила себѣ двѣ цѣли въ своихъ занятіяхъ: 1) свести въ одинъ сводъ всѣ законоположенія, касающіяся начальнаго образованія и 2) выразить нѣкоторыя *placida desideria* относительно реорганизаціи существующей постановки учебнаго дѣла въ низшей школѣ.

Коммиссія вполне сознаетъ, что у начальной школы въ Италіи не хватаетъ традиціи, такъ какъ она еще очень молода, и ей приходится съ трудомъ пробивать себѣ путь; но она до тѣхъ поръ не утвердится прочно, пока у правительства не будетъ въ распоряженіи достаточнаго контингента хорошихъ, опытныхъ учителей для начальныхъ училищъ, такъ какъ главный, необходимый факторъ для успѣшнаго хода школьнаго дѣла—все-таки учитель, и при хорошемъ учителѣ школа не можетъ быть плоха. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ начальному училищу, такъ какъ учитель въ ней большею частью одинъ, и вліяніе его поэтому на чуткую молодежь огромное. А подобнаго удовлетворительнаго контингента народныхъ учителей нельзя добиться однимъ только утвержденіемъ стипендій въ учительскихъ институтахъ; для этого, кромѣ хорошо составленнаго учебнаго плана этихъ институтовъ, необходимы еще личныя качества кандидатовъ на учительскія мѣста.

¹⁾ Relazione della commissione nominata con decreto del 28 marzo 1887 dal Ministero della Pubblica istruzione.

Желательно было бы, конечно, по возможности, увеличить и самые размеры учительскихъ стипендій (размѣры этихъ стипендій для воспитанниковъ и воспитанницъ Scuole Normali колеблются между провинціями отъ 200 до 500 лиръ въ годъ), дабы тѣмъ отвлечь отъ другихъ профессій лицъ, сильно нуждающихся, а между тѣмъ удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учительскому персоналу; но это, конечно, финансовая сторона дѣла, въ которую коммиссія не можетъ вмѣшиваться; да и самое время теперь весьма не подходящее для увеличенія государственнаго бюджета Италіи, который — прибавлю уже отъ себя — далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Далѣе коммиссія указываетъ опять-таки на примѣръ Германіи, гдѣ профессія народнаго учителя считается весьма почетною, но за то требуетъ весьма продолжительнаго подготовленія; молодые люди не раньше 20-ти лѣтъ получаютъ учительскія мѣста послѣ цѣлыхъ 14 лѣтъ ученія — 8 лѣтъ начальнаго училища (съ 6—14) и 6 лѣтъ нормальнаго училища. Тамъ подготовка народныхъ учителей весьма серьезная; поэтому коммиссія желала бы, чтобы нѣмецкіе учительскіе институты были приняты за образецъ.

Не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ, менѣе важныхъ, пожеланій коммиссіи, упомяну только о слѣдующемъ: главный недостатокъ современной начальной италіанской школы она видитъ въ томъ, что она не даетъ ничего законченнаго своимъ ученикамъ; это представляетъ большой ущербъ для тѣхъ изъ нихъ, которые заканчиваютъ ею свое образованіе и не переходятъ въ среднеучебныя заведенія, а такихъ очень много. Поэтому коммиссія желала бы увеличить курсъ начальныхъ училищъ еще на три года, сдѣлавъ его восьмилѣтнимъ, по примѣру Германіи.

Положеніе о нормальныхъ училищахъ для народныхъ учителей утверждено королевскимъ декретомъ отъ 21-го іюня 1883 года. Общія положенія о нихъ я заимствую изъ официальнаго изданія ¹⁾.

Нормальныя училища бываютъ двухъ разрядовъ — высшаго и низшаго; первыя съ трехлѣтнимъ курсомъ, дающимъ право преподаванія въ начальныхъ училищахъ обоихъ разрядовъ, вторыя — съ двухлѣтнимъ курсомъ, выдающія аттестатъ на право преподаванія только въ начальной школѣ низшаго разряда. Помѣщеніе для Scuole

¹ Regolamento per le Scuole Normali approvato con R. Decreto del 21 giugno 1883. Roma. 1883.

Normale дается коммунальнымъ управленіемъ. Предметы преподаванія въ нихъ тѣ же, что и въ начальныхъ училищахъ, для которыхъ они готовятъ преподавателей, съ прибавленіемъ педагогики. Для každато предмета имѣется особый преподаватель; педагогика преподается директоромъ заведенія. При каждой Scuole Normale должно находиться начальное училище для практическихъ упражненій воспитанниковъ. При каждой Scuole Normale должны находиться фундаментальная и ученическая бібліотека, физическій кабинетъ, небольшой педагогическій музей и гимнастическій залъ.

По окончаніи учебнаго года, каждый преподаватель долженъ представить въ совѣтъ учительскаго института отчетъ о своей преподавательской дѣятельности за текущій годъ и объ успѣхахъ учениковъ. Два раза въ годъ министру представляются отчеты о дѣятельности института. На вступительномъ экзаменѣ требуются: сочиненіе на итальянскомъ языкѣ повѣствовательнаго рода, образцы каллиграфіи и нѣсколько рисунковъ (по классу рисованія); устный экзаменъ простирается на предметы, входящіе въ программу пригготовительнаго курса, о которомъ я сейчасъ буду говорить, и продолжается не менѣе часа для každаго экзаменующагося. Въ каждомъ классѣ не должно быть больше 50 воспитанниковъ. Получившіе менѣе $\frac{6}{10}$ за письменное сочиненіе не допускаются къ устному испытанію. Экзаменационная коммиссія состоитъ изъ преподавателей института, подъ предсѣдательствомъ директора.

При каждомъ нормальномъ училищѣ мужскомъ или женскомъ имѣется пригготовительный курсъ, раздѣленный на два года. Поступающіе туда не могутъ быть — воспитанники моложе 14, а воспитанницы моложе 13 лѣтъ. Для поступленія на „пригготовительный курсъ“ требуется знаніе курса первыхъ 4 классовъ начальнаго училища.

Письменные экзамены на полученіе диплома на званіе учителя начальнаго училища 1-й степени, могущаго преподавать во всѣхъ классахъ, состоятъ изъ: 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) развитія педагогической темы, 3) образца каллиграфіи, 4) рисунка по классу рисованія. Письменные экзамены на полученіе диплома 2-й степени, дающаго право преподаванія только въ младшихъ классахъ, состоятъ изъ 1) сочиненія на отечественномъ языкѣ, 2) образца каллиграфіи, 3) рисунка геометрическаго и по орнаменту. Кроме того, требуются устныя испытанія изъ всего пройденнаго курса. На каждое письменное сочиненіе дается по 4 часа. Получив-

шіе не больше $\frac{6}{10}$ балловъ за письменныя работы по отечественному языку и по педагогикѣ не допускаются къ устному испытанію. Желающіе подвергнуться испытанію на полученіе диплома вносятъ—мужчины по 12 лиръ, женщины по 13 лиръ въ пользу экзаменаціонной комиссіи. Настоящее положеніе для нормальныхъ училищъ вошло въ дѣйствіе съ 1883—1884 учебнаго года.

Привожу нѣкоторые штаты:

Директоръ получаетъ въ годъ	2,000 лиръ
Преподаватели штатные получаютъ отъ.	1,640—1,800 лиръ
Сверхштатные	1,500—1,300 .

На стипендіи для учениковъ и ученицъ учительскихъ институтовъ всѣ провинціи Италіи вносятъ вмѣстѣ до 236,000 лиръ въ годъ, при чемъ вносы весьма различны: Римская провинція и Флоренція даютъ по 7,000 лиръ, Неаполь—12,500, Генуя — 6,500, Миланъ—9,000, Туринъ — 9,250, но есть и провинціи, дающія только по нѣсколько сотъ лиръ. Начальное образованіе, сдѣлавшись обязательнымъ въ Италіи съ 1877 года, легло почти всею своею тяжестью на бюджетъ отдѣльныхъ городовъ и коммунъ, при нѣкоторомъ только содѣйствіи со стороны министерства.

Не входя въ разсмотрѣніе учебнаго плана по каждому предмету въ нормальныхъ училищахъ, скажу только нѣсколько словъ о посѣщенной мною нормальной женской школѣ въ Туринѣ, считающейся образцовою. Основатель ея и до сихъ поръ состоящій ея попечителемъ — бывшій министръ народнаго просвѣщенія Berti, который съ рѣдкою любезностью самъ показывалъ мнѣ свое учебное заведеніе и водилъ по классамъ. Замѣчательна эта нормальная школа тѣмъ, что она была перная, открытая въ Италіи для дѣвицъ, и по ея образцу стали открываться всѣ прочія.

Эта нормальная школа для учительницъ существуетъ въ занимаемомъ имъ въ настоящее время зданіи съ 1874 года, но мысль объ ея возникновеніи зародилась еще въ пятидесятыхъ годахъ, и сначала нѣчто въ родѣ частныхъ педагогическихъ курсовъ было открыто на квартирѣ самого Berti, бывшаго тогда профессоромъ философіи въ Туринскомъ университетѣ. Его стараніями тогда же учреждено было общество вспоможенія, состоявшее изъ мѣстныхъ туринскихъ дамъ, которое брало на себя всѣ издержки по поддержанію этихъ курсовъ (Societa Femminile per l'istruzione gratuita

delle maestre). Bertl добился дароваго помѣщенія для школы отъ муниципалитета.

Въ настоящее время въ этомъ учительскомъ институтѣ находится до 320 воспитанницъ, но со времени ея основанія и до сихъ поръ перебывало въ немъ 6871 воспитанница, изъ которыхъ не менѣе 2000 лицъ получило дипломъ на право преподаванія въ начальныхъ училищахъ. Я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ италянскон литературы, исторіи и физики и вынесъ изъ посѣщенія этого училища самое отрадное впечатлѣніе. Отвѣты ученицъ были толковыя; преподавательницы, большею частью изъ окончившихъ полный курсъ въ той же нормальной школѣ, умѣли занимать вниманіе всего класса своимъ преподаваніемъ; у всѣхъ этихъ дѣвицъ довольныя, веселыя лица; видно, однимъ словомъ, что дѣло правильно поставлено и что результаты на лицо.

Особенное вниманіе обращено на педагогическія упражненія воспитанницъ старшихъ классовъ въ начальномъ училищѣ, находящемся при нормальной школѣ. Это одно изъ весьма рѣдкихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, гдѣ преподается обязательно полный курсъ закона Божія духовнымъ лицомъ. Городъ даетъ подѣ училище даровое помѣщеніе. Министерство приплачиваетъ по 12,000 лиръ ежегодно. Каждая ученица платитъ по 40 лиръ въ годъ. Для поступленія въ школу существуетъ конкурсный экзаменъ.

Но есть и существенный недостатокъ въ этомъ заведеніи — это плохое помѣщеніе. Классы до невозможности переполнены, въ нѣкоторыхъ 64 ученицы, духота въ нихъ страшная; я осматривалъ ихъ въ самую жаркую пору, въ іюлѣ мѣсяцѣ; кромѣ того, всѣ классы выходятъ на дворъ, а дворы въ Италіи не отличаются благовошіемъ; при училищѣ нѣтъ сада. Впрочемъ, неудовлетворительность помѣщенія вполне сознаетъ и начальство заведенія. Оно находится въ настоящее время въ переговорахъ съ муниципалитетомъ о переводѣ училища въ другое, болѣе соответствующее ему помѣщеніе.

Всего больше распространенію низшаго образованія въ Италіи содѣйствовали училищныя совѣты при городскихъ муниципалитетахъ, учреждая начальныя городскія училища одинаковаго почти типа съ осматрѣнными мною министерскими, открывая вечернія школы для рабочихъ съ 14-ти-лѣтняго возраста (Scuole serali) и воскресныя (festive), открытыя съ 1-го октября по 15-е марта по 2 часа вечеромъ, кромѣ субботы и воскресенія. Но ихъ я не осматривалъ, такъ какъ они принадлежатъ совершенно другому вѣдомству, находясь въ

исключительномъ вѣдѣніи городского самоуправления и его училищнаго совѣта. Вообще, на распространеніе народнаго образованія городскіе муниципалитеты не жалѣютъ средствъ, и школьный бюджетъ ихъ громадный. Городъ Миланъ тратитъ до пяти милліоновъ лиръ ежегодно на городскія училища.

V.

Обозрѣніе средняго образованія (классическаго) въ Италіи.

Изъ всѣхъ разрядовъ образованія среднее образованіе, и преимущественно классическое, подвергалось въ Италіи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій самымъ равнообразнымъ реформамъ и служило предметомъ самыхъ горячихъ преній въ парламентѣ и въ педагогической литературѣ; можно сказать, что до сихъ поръ типъ классической среднеобразовательной школы далеко еще не установился въ Италіи и потому далеко не играетъ тамъ той основной, выдающейся роли въ общемъ образованіи юношества, какая давно уже установилась за нимъ въ Германіи. Италія заимствовала свою школьную классическую систему у нѣмцевъ, но не сумѣла проникнуться истиннымъ духомъ классицизма, ограничиваясь только внѣшнимъ заимствованіемъ, чтобы не отстать отъ прочихъ культурныхъ государствъ. Результатъ этого явленія мы замѣчаемъ въ настоящее время: нигдѣ плоды классическаго образованія не были такъ скудны, какъ въ Италіи, этой классической странѣ по преимуществу, гдѣ, казалось бы, классическая система образованія должна была бы естественно вытекать изъ историческаго прошлаго страны, гдѣ она является для обучающагося юношества своею, родною и потому, казалось бы, гораздо болѣе доступною. Между тѣмъ самая постановка преподаванія древнихъ языковъ въ италіанской среднеобразовательной школѣ находится въ настоящее время на весьма незавидной высотѣ, катедры же древней классической филологіи въ италіанскихъ университетахъ либо пусты, либо заняты посредственностями; нѣтъ въ настоящее время ни одного выдающагося профессора классической филологіи ни въ одномъ изъ 17 италіанскихъ университетовъ; однимъ словомъ, классическая филологія въ современной Италіи положительно прозябаетъ, начиная съ средней школы и кончая университетами; тамъ процвѣтаютъ физико-математическіе и отчасти медицинскіе факультеты, но отнюдь не историко-филологическіе.

Классическая система среднеобразовательной школы существуетъ въ Италіи уже 30 лѣтъ; она введена была такъ-называемымъ „legge Casati“ 13-го ноября 1859 года. Этотъ законъ имѣлъ въ виду три разряда средней школы—гимназій, лицей и такъ-называемые національные конвикты, „Convitti nazionali“; въ 1883—1884 учебномъ году насчитывалось въ Италіи до 887 училищъ различныхъ наименованій съ 48943 воспитанниками ¹⁾ (между ними были впрочемъ и духовныя училища, находящіяся въ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ). Однако выработанный тогда уставъ для среднеобразовательной школы является далеко не общимъ для всей Италіи; существуютъ особые уставы гимназій и лицеевъ для Неаполитанской провинціи, Сициліи, Тосканы и т. д., Надо, впрочемъ, отдать справедливость италіанскому правительству, весьма много сдѣлавшему съ 1859 года для поднятія общаго уровня средняго образованія. Въ эпоху объединенія оно находилось еще въ самомъ плачевномъ положеніи: латинскій языкъ преподавался въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ; о греческомъ языкѣ не было и помину; въ старшихъ классахъ проходились весьма поверхностно элементарная математика и начатки физики. По отзывамъ тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ, приемныя испытанія воспитанниковъ лицеевъ и гимназій, кончившихъ полный въ нихъ курсъ, въ университеты были чисто формальнаго свойства. Притомъ не было никакого единства въ законоположеніяхъ, которыми управлялась среднеобразовательная школа въ различныхъ провинціяхъ Италіи. Содержаніе учебныхъ заведеній лежало только отчасти на попеченіи правительства; въ большей же части провинцій тогдашней Италіи они всецѣло содержались коммунальнымъ управленіемъ, которое, давая матеріальныя средства, хотѣло вмѣстѣ съ тѣмъ играть и выдающуюся роль въ школѣ въ учебномъ и административномъ отношеніи,—отсюда частыя пререканія съ министер-

¹⁾ Это—среднеучебныя заведенія съ интернатами; вотъ ихъ подробная номенклатура:

національныхъ училищъ	28 съ	2591	воспитанниками.
правительственныхъ	25 „	1220	„
провинціальныхъ	20 „	1170	„
коммунальныхъ	86 „	5359	„
di Fondazione	169 „	11102	„
епископальныхъ	283 „	15380	„
частныхъ	276 „	12121	„

887 съ 48943 воспитанниками.

ствомъ, отъ которыхъ, конечно, терпѣла главнымъ образомъ сама школа. Съ теченіемъ времени министерство взяло верхъ въ этой борьбѣ и понемногу стало вносить въ свой бюджетъ содержаніе большинства гимназій и лицеевъ королевства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ, но и до сихъ поръ значительная часть среднеучебныхъ заведеній находится въ исключительномъ вѣдѣніи провинціальныхъ муниципій, управляющихъ ими при весьма слабомъ контролѣ мѣстной учебной власти. Но чего никогда не было въ учебномъ вѣдомствѣ въ Италіи и чего въ немъ нѣтъ, слѣдовательно, и до сихъ поръ—это серьезной школьной традиціи, составляющей главную силу школы въ Германіи. Въ Италіи направленіе министерства народнаго просвѣщенія всегда, къ несчастію, зависѣло отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, отъ того, наконецъ, какая политическая партія возьметъ временно перевѣсъ въ парламентѣ; однимъ словомъ, школа въ Италіи никогда не могла вполне отрѣшиться отъ вліянія на нее внутренней политики страны, и это вліяніе, конечно, могло быть только весьма пагубнымъ. Отсюда причина этихъ постоянныхъ колебаній не только въ вопросѣ о классическомъ образованіи въ гимназіяхъ и лицеехъ, и въ самомъ направленіи среднеобразовательной школы, въ постоянной борьбѣ правительства съ церковью изъ-за религіозной основы образованія, закончившейся, какъ я уже указалъ выше, прекращеніемъ всякаго обязательнаго преподаванія закона Божія въ низшей и средней школѣ и закрытіемъ съ 1870 года богословскихъ факультетовъ въ италіанскихъ университетахъ. Размѣры настоящей статьи не даютъ мнѣ возможности вдаваться въ болѣе подробное изложеніе состоянія въ Италіи классическаго образованія за прошлое время; ограничусь только изложениемъ современнаго положенія этого вопроса и тѣхъ необходимыхъ реформъ въ этой области, о которыхъ высказываются открыто, какъ въ преніяхъ въ парламентѣ, такъ и въ многочисленныхъ педагогическихъ статьяхъ и брошюрахъ, посвященныхъ этому вопросу и вышедшихъ за послѣднее время въ Италіи. Буду говорить только о постановкѣ учебнаго дѣла въ среднеобразовательной италіанской школѣ, не касаясь различныхъ вопросовъ административнаго свойства, подвергавшихся тоже разнообразнымъ реформамъ за послѣднее время.

Среднеобразовательная классическая школа въ Италіи подраздѣляется на пятиклассную гимназію, отчасти соотвѣтствующую нашему прогимназическому курсу, и на трехклассный лицей, подготов-

ляющій непосредственно къ поступленію въ университетъ. 26-го іюня 1886 года вышелъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, утвержденный королевскимъ декретомъ, въ силу котораго въ каждой провинціи Италіи долженъ находиться лицей. Второй лицей въ той же провинціи открывается только въ такомъ случаѣ, если населеніе провинціи достигаетъ 600,000 жителей, или если населеніе провинціи хотя и менѣе 450,000 жителей, но въ городѣ, въ которомъ находится лицей, не менѣе 80,000 жителей. Уставы для лицеевъ и гимназій въ Италіи мѣнялись неоднократно съ 1859 года. Нынѣ дѣйствующій уставъ вышелъ 23-го октября 1884 года; одновременно съ нимъ изданы и примѣрныя классныя программы и инструкціи для преподавателей каждаго учебнаго предмета. Предметы, входящіе въ программу среднеобразовательной классической школы,—тѣ же, что и у насъ. Единственное отличіе отъ нашего гимназическаго учебнаго плана—преподаваніе естествовѣдѣнія,—за то въ Италіи не преподается ни одинъ изъ новыхъ языковъ. Но преподаются они, въ особенности древніе языки, въ гораздо меньшемъ объемѣ. Существуетъ, впрочемъ, въ настоящее время предположеніе, сдѣлать обязательнымъ французскій языкъ въ низшихъ классахъ, и нѣмецкій—въ старшихъ.

Таблица распредѣленія учебныхъ предметовъ по классамъ всего лучше представитъ учебный планъ современной италіанской классической школы. Эта таблица введена въ дѣйствіе въ самое послѣднее время, но далеко еще не повсемѣстно. Утверждена она королевскимъ декретомъ отъ 24-го октября 1888 года по докладу нынѣшняго министра *Boselli* (см. приложение № VI). Изъ этой таблицы ясно видно, какое сравнительно ограниченное число часовъ удѣляется на преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, въ особенности въ лицейскихъ классахъ, непосредственно готовящихся къ университету. Спрашивается: какую серьезную программу можно выполнить при 3 часахъ въ недѣлю, удѣленныхъ на латинскій и греческій языки въ послѣднихъ двухъ классахъ лицея? Между тѣмъ читаемые въ нихъ авторы почти тѣ же, что и у насъ; такъ, изъ римскихъ авторовъ читаются въ I лицейскомъ классѣ, соответствующемъ нашему 6-му классу—Титъ Ливій (Исторія), Энеида или „Георгики“ Виргилія и оды Горация, въ II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й)—Тадитъ (*Vita Agricolae*), „*Institutiones*“ Квинтилиана, оды „*epistolae*“ и сатиры Горация, а въ III лицейскомъ классѣ (нашъ 8-й) — „*De oratore*“ Цицерона, „Тускуланскія бесѣды“ и даже одна комедія Плавта.

Изъ греческихъ авторовъ (греческій языкъ преподается всего 5 лѣтъ, начиная съ IV гимназическаго класса) читаются въ I лицейскомъ классѣ (нашъ 6-й) „Иліада“ Гомера и „Анабазисъ“ Ксенофонта, во II лицейскомъ (нашъ 7-й)—„Одиссея“, Геродотъ, отрывки изъ Исократы и изъ рѣчей Лисія, въ III же лицейскомъ (нашъ 8-й) діалоги Платона, „Критонъ“, „Протагоръ“, „Федонъ“, его „аполлогія“, „Филиппики“ Демосоева и рѣчь его „о вѣнѣхъ“.

Кромѣ того, начиная съ II лицейскаго класса (нашъ 7-й) проходитъ даже систематическій курсъ исторіи римской литературы, а съ I лицейскаго (нашъ 6-й)—курсъ исторіи греческой литературы. Очевидно, что при столь незначительномъ числѣ часовъ, посвященныхъ древнимъ языкамъ выполнить подобную программу не мыслимо. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что гораздо меньше времени, чѣмъ у насъ, употребляется на письменныя упражненія. На выпускномъ экзаменѣ изъ лица требуется только письменный переводъ съ латинскаго на италіанскій, а не съ отечественнаго на латинскій, и вовсе не требуется письменнаго перевода по греческому языку; отсюда ясно, что центръ тяжести при изученіи древнихъ языковъ лежитъ не въ грамматическомъ ихъ изученіи, а въ чтеніи авторовъ.

Въ инструкціи, изданной министерствомъ для преподавателей древнихъ языковъ ¹⁾, высказывается весьма дѣльное желаніе, чтобы преподаваніе латинскаго языка и отечественнаго, преимущественно въ низшихъ гимназическихъ классахъ, соединялось по возможности въ лицѣ одного преподавателя, для болѣе легкаго сравнительнаго ихъ изученія. Обращается вниманіе преподавателей на то, чтобы они не увлекались лингвистическими тонкостями и сравнительнымъ методомъ, и ясно опредѣляется цѣль изученія латинскаго языка: именно въ гимназіяхъ оно должно клониться къ знанію грамматики (этимологіи и синтаксиса), а въ лицейяхъ—къ чтенію и интерпретаціи авторовъ, (комментаріи къ тексту историческіе и миеологическіе, съ сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній по римскихъ древностямъ). Тѣ же требованія предъявляются и къ преподаванію греческаго языка; предписывается обязательное повсемѣстное употребленіе „Еразмовскаго“ чтенія.

Систематическое изученіе латинскаго синтаксиса начинается съ

¹⁾ Programmi e Istruzioni per l'insegnamento nei ginnasi e nei licei in esecuzione del R. Decreto 23 Ottobre 1884.

V гимназическаго класса, при 5 урокахъ по латинскому языку въ недѣлю. Изъ авторовъ читаются: во II классѣ — отрывки изъ Корнелія Непота, въ III — Цезарь и отдѣльныя мѣста изъ „Метаморфозъ“ Овидія, въ IV — Цицеронъ („De Amicitia“ или „De Senectute“), Саллюстій, „Энеида“ Виргилія, въ V классѣ — избранныя мѣста изъ Тита Ливія и Энеида. Греческій языкъ начинается только въ IV классѣ; въ V классѣ — послѣднемъ гимназическомъ, заканчивается этимологія, начиная съ изученія глаголовъ на *μ*, и начинается „Анабазисъ Ксенофонта“.

Изъ разговоровъ съ директорами лицеевъ и гимназій я вынесъ впечатлѣніе, что они считаютъ нынѣ дѣйствующій учебный планъ весьма обременительнымъ и трудно выполнимымъ; между тѣмъ онъ значительно уменьшенъ противъ учебнаго плана 1884 года (см. Приложение № VII).

Изъ остальныхъ предметовъ преподаванія въ среднеобразовательной италянкой школѣ всего лучше поставлено преподаваніе отечественнаго языка со словесностію и математики, въ особенности первое. Курсъ италянкой литературы читается весьма подробно и обстоятельно, требованія по этому предмету на переходныхъ и выпускныхъ экзаменахъ весьма серьезныя; особенное вниманіе обращается на выработку правильнаго, изящнаго стиля и на обстоятельное историко-литературное изученіе каждаго отдѣльнаго періода италянкой литературы, какъ древней, такъ и новой. Курсъ математики гораздо меньше нашего.

Въ своемъ докладѣ въ депутатской камерѣ въ засѣданіи 13-го декабря прошлаго 1888 года бывший министръ народнаго просвѣщенія, Соррѣно, говоря о современномъ положеніи классической школы въ Италіи, жалуется главнымъ образомъ на чрезмѣрное разнообразіе ея учебной программы, на то, что ученики не могутъ достаточно сосредоточиться на тѣхъ дисциплинахъ, которыя должны были бы лечь въ основаніе программы, а принуждены разбрасываться по безчисленнымъ второстепеннымъ предметамъ. Его *pium desiderium* выражается въ латинскомъ правилѣ: „*non multa, sed multum*“. Объясняетъ онъ отсутствіе концентричности въ учебныхъ планахъ тѣмъ, что они составляются въ высшемъ совѣтѣ министерства (*Consiglio Superiore di Pubblica Istruzione*), въ которомъ засѣдаютъ специалисты по каждому отдѣльному предмету, не могущіе отрѣшиться отъ желанія увеличить размѣры преподаванія своей специальности въ ущербъ другимъ. По этому поводу онъ приводитъ очень вѣрное и остроумное замѣчаніе.

ключеніе Bersot, одного изъ членовъ Conseil Supérieur французскаго министерства народнаго просвѣщенія, высказанное имъ въ 1884 году¹⁾. Переходя къ учебнымъ планамъ отдѣльныхъ предметовъ, онъ признаетъ вѣрнымъ, хотя и нѣсколько преувеличеннымъ, мнѣніе, высказанное членомъ испытательной комиссіи Carducci²⁾ о малоуспѣшности кончающихъ курсъ лиценстовъ по отечественному языку, высказываемой въ ихъ письменныхъ сочиненіяхъ. Привожу это крайне пессимистическое мнѣніе въ переводѣ: „Незнаніе учениками общезвѣстныхъ фактовъ отечественной исторіи, не только литературныхъ, но и изъ чисто гражданской исторіи, отсутствіе всякой классической культуры, скудость и разбросанность мыслей, легковѣрность и поспѣшность выводовъ, почеркаемыхъ изъ чтенія ежедневныхъ газетъ, напыщенность выраженій, полное незнаніе серьезной традиціи италіанской литературной школы“. Причину этого зла Carducci видитъ въ современной италіанской семьѣ, не воспитанной въ серьезной классической школѣ, въ общей культурѣ, далеко отставшей отъ здоровой классической традиціи, направленной исключительно почти только къ чисто матеріальнымъ интересамъ.

Sorripo въ своемъ докладѣ норицаетъ стремленіе преподавателей исторіи входить въ слишкомъ большія подробности, изъ-за которыхъ они часто забываютъ болѣе существенныя части курса и обременяютъ непроизводительно память учениковъ излишними именами и хронологическими датами; высказываетъ желаніе значительно уменьшить курсъ математики, физики и химіи, ограничивъ первый изъ нихъ по алгебрѣ рѣшеніемъ уравненій 2-й степени и исключая тригонометрію совсѣмъ изъ курса, а второй—исключительно прохожде-

¹⁾ „Les programmes, au lieu d'être l'oeuvre d'un homme ou d'un petit nombre d'hommes, ont été élaborés dans une grande assemblée, où toutes les études, toutes les spécialités, toutes les directions de l'esprit étaient représentées; de sorte que chacun, se croyant responsable envers ses électeurs ou envers lui-même, de ne pas laisser en souffrance les connaissances qui lui étaient chères, demandait à en introduire quelque partie dans le plan d'études. De là ce savoir encyclopédique, ces matières scientifiques si variées qui figurent dans l'enseignement de nos classes; de là aussi les réclamations en sens divers qui n'ont pas tardé à se faire entendre, car du moment, qu' on veut satisfaire tout le monde, on peut s'attendre bientôt à avoir tout le monde contre soi“. Association pour l'étude des questions d'enseignement secondaire. Allocution du président E. Bersot (12 avril 1884).

²⁾ Отчетъ экзаменационной комиссіи для выпускныхъ экзаменовъ изъ лицеевъ въ 1886—1887 учебномъ году — *Bulletino Ufficiale dell' Istruzione*, июн 1888, стр. 279.

ніемъ экспериментальной физики и химіи. Мотивомъ къ такому значительному сокращенію программы Сорріно приводитъ то соображеніе, что среднеобразовательная школа есть школа общаго развитія, а не подготовительная школа къ той или другой спеціальности, между прочимъ и математической. Но это соображеніе имѣло бы мѣсто при иной постановкѣ гуманитарныхъ предметовъ, а не при той, которая существуетъ въ италіанскихъ лицеяхъ. Сорріно высказывается прямо противъ преподаванія философіи въ лицеяхъ, на основаніи общезвѣстныхъ доводовъ; онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ лицеяхъ ограничивались краткимъ курсомъ логики въ послѣднемъ классѣ. По поводу преподаванія латинскаго языка, преимущественно въ высшихъ классахъ, онъ высказываетъ сожалѣніе, что въ Италіи такъ мало обращаютъ вниманія на письменныя классныя упражненія (*extemporalia*), которыя, кромѣ существенной пользы для точнаго усвоенія грамматическихъ правилъ, имѣютъ еще то не замѣнимое значеніе, что требуютъ полнаго вниманія учениковъ въ классѣ. Онъ приводитъ примѣры пѣмецкихъ гимназій, гдѣ всѣ старанія педагоговъ направлены на то, чтобы центръ тяжести при изученіи предмета сосредоточивался на занятіяхъ въ классѣ, а не на домашнихъ упражненіяхъ, чѣмъ, кромѣ дидактическихъ цѣлей, достигаются и столь важныя—гигіеническія, такъ какъ уроки не требуютъ отъ учениковъ почти никакихъ домашнихъ приготовленій, а потому все почти внѣклассное время могутъ они посвящать отдыху. Относительно преподаванія греческаго языка бывшій министръ откровенно заявляетъ, что при данномъ числѣ уроковъ (всего 15 въ недѣлю во всѣхъ классахъ) нѣтъ никакой возможности достигнуть какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ. Еще въ 1887 году была получена въ министерствѣ петиція, подписанная ректоромъ и профессорами Пармскаго университета, о томъ, чтобы греческій языкъ сдѣланъ былъ факультативнымъ предметомъ классической школы. Мотивирована была эта петиція тѣмъ соображеніемъ, что „нѣтъ достаточно времени для изученія всѣхъ предметовъ, поэтому одно изъ двухъ—либо меньше математики, либо греческій языкъ, какъ факультативный предметъ, либо наконецъ, предоставленіе права каждому выбирать *ad libitum* греческій языкъ или полный лицейскій курсъ математики“¹⁾). Въ виду высказанной всѣми педагогическими совѣтами невозможности увеличить число часовъ по греческому языку, Сорріно

¹⁾ Въ журналѣ *Le Scuole Secondarie*. Anno V, № 23.

прямо высказывается за то, чтобы греческій языкъ сдѣланъ былъ факультативнымъ предметомъ, и выражаетъ увѣренность, что изученіе его отъ этого нисколько не пострадаетъ.

Въ заключеніе Соррино находитъ необходимымъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ изъ новыхъ языковъ обязательнымъ, и предпочтеніе даетъ нѣмецкому языку. Реформы, предложенныя имъ, до сихъ поръ не введены въ исполненіе, но они встрѣтили сочувствіе въ высшемъ министерствѣ. За то вышеизложенный докладъ Соррино былъ встрѣченъ весьма недружелюбно многими представителями отдѣльныхъ кафедръ италіанскихъ университетовъ. Изъ многочисленныхъ брошюръ, появившихся за послѣднее время въ Италіи, касающихся постановки классическаго образованія, упомяну здѣсь только объ одной брошюрѣ профессора Болонскаго университета Angelo Valdarini¹⁾. Онъ возстаетъ главнымъ образомъ противъ обращенія греческаго языка въ факультативный предметъ и противъ уменьшенія программъ по философіи, хотя доводы его по послѣднему вопросу весьма мало убѣдительны.

Для дальнѣйшей характеристики классической школы въ Италіи не могу не остановиться на нѣкоторыхъ весьма дѣльныхъ взглядахъ, высказанныхъ въ книгѣ извѣстнаго педагога, профессора Villari: „Scritti pedagogici“, давно появившейся во Флоренціи еще въ 1868 году, но до сихъ поръ не утратившей значенія для характеристики главныхъ недостатковъ италіанской школьной системы. О ея необычайной косности, объ отсутствіи всякаго движенія впередъ въ италіанской педагогикѣ всего лучше свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что, посѣщая въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя средне-учебныя заведенія въ Миланѣ, Туринѣ и другихъ городахъ Италіи, я наталкивался на тѣ же самыя недостатки въ постановкѣ учебнаго дѣла, на которые указывалъ еще Villari слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Главный, капитальный недостатокъ органическаго закона, легшаго въ основаніе всей постановки школьнаго дѣла въ Италіи закона Casati, заимствованнаго изъ Германіи, Villari видитъ въ томъ, что существующая въ Германіи постановка учебнаго дѣла вытекла изъ самыхъ мѣстныхъ условій страны, изъ характера ея населенія и потому пустила тамъ глубокіе корни; въ Италіи же

¹⁾ Di Alcuni Riforme necessarie nella Istruzione Secondaria e Superiore per Angelo Valdarini,—Bologna 1889.

она является какъ нѣчто заимствованное, не отвѣчающее національнымъ идеаламъ и симпатіямъ, какъ это ни странно, вовсе не склоннымъ къ классицизму; поэтому она всегда оставалась для италіанскаго юношества чуждою системою образованія. Если же разсматривать тѣ формы, въ которыя вылилась эта система, тѣ мѣропріятія, посредствомъ которыхъ она приведена была въ исполненіе, то легко убѣдиться въ томъ, что они только еще болѣе затруднили ея примѣненіе на практикѣ.

Villari весьма справедливо указываетъ на главный недостатокъ италіанской школьной системы, состоящій въ предпочтеніи, отдаваемомъ въ средней школѣ академическому чтенію передъ непосредственными занятіями преподавателя съ вѣрреннымъ ему классомъ. Особенно практикуется это при урокахъ отечественной литературы. Тутъ преподаваніе обращается совершенно въ лекцію по словесности; результатомъ же подобной системы — тотъ безотрадный фактъ, что даже кончающіе курсъ лицейсты съ трудомъ въ состояніи правильно написать любое сочиненіе на заданную тему или даже простое письмо. Это стремленіе обращать урокъ въ лекцію я, съ своей стороны, замѣчалъ даже въ среднихъ классахъ италіанскаго реальнаго училища. Въ противоположность этой пагубной системѣ Villari указываетъ на гораздо болѣе рациональную методу, употребляемую въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, гдѣ вниманіе всего класса все время урока неустанно должно слѣдить за предлагаемымъ преподавателемъ вопросамъ, и гдѣ каждый шагъ впередъ въ преподаваніи подлежащаго предмета достигается общими усиліями преподавателя и всего наличнаго состава класса.

Въ преподаваніи исторіи замѣчается та же склонность къ громкимъ заглавіямъ проходимыхъ отдѣловъ курса, при чемъ преподаватель изощряется въ краснорѣчіи и высказываетъ свою начитанность, а ученики при этомъ могутъ относиться къ проходимому въ классѣ совершенно безучастно, такъ какъ къ слѣдующему уроку отъ нихъ требуется только знаніе известнаго отдѣла учебника. Что же касается послѣднихъ, то и въ этомъ отношеніи, какъ я уже замѣтилъ выше, дѣло поставлено далеко неудовлетворительно, въ виду отсутствія всякаго единства и всякихъ обязательныхъ для преподавателей нормальныхъ учебниковъ.

Другой существенный недостатокъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ италіанской средней школѣ Villari совершенно справедливо видитъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ учительскаго персонала,

практикуемыхъ министерствомъ, вслѣдствіе чего не можетъ установиться никакая серьезная школьная традиція въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Германіи, напротивъ, извѣстный директоръ или заслуженный преподаватель извѣстнаго предмета становится какъ бы неразлучнымъ съ заведеніемъ, составляетъ его гордость и славу; черезъ его руки проходятъ безчисленные выпуски учениковъ; такому педагогу легко создать свой извѣстный методъ преподаванія; общими усиліями подобныхъ опытныхъ, выдающихся преподавателей создаются школьныя традиціи. Въ Италіи ни одно учебное заведеніе не имѣетъ, такъ сказать, постояннаго состава преподавателей; нѣтъ у нихъ и постояннаго состава учениковъ, за которыми они могли бы слѣдить съ младшихъ классовъ и доводить ихъ до выпускнаго экзамена, какъ это практикуется во многихъ гимназіяхъ въ Германіи. Въ Италіи преподаватели отдѣльныхъ предметовъ постоянно мѣняются въ классѣ. Изъ младшихъ классовъ въ томъ же семестрѣ часто переходятъ въ старшіе и на оборотъ; они не успѣваютъ познакомиться со своими учениками, и тѣ къ нимъ не успѣваютъ привыкнуть. На послѣднее обстоятельство директоръ одной гимназіи въ окрестностяхъ Турина (въ Moncalieri) указывалъ мнѣ какъ на выгодную сторону этой системы, такъ какъ, говорилъ онъ, — имѣя дѣло постоянно съ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ, ученики скоро узнаютъ его слабыя стороны и ими, конечно, злоупотребляютъ. Но, благодаря этой системѣ, заведеніе, отличавшееся выдающимся составомъ преподавательскихъ силъ, можетъ весьма скоро оказаться въ совершенно иныхъ условіяхъ. Кромѣ того, большинство преподавателей получаетъ весьма недостаточное вознагражденіе по дороговизнѣ жизни, такъ что не можетъ существовать безъ частныхъ уроковъ, которые, отнимая у нихъ время и силы, конечно, вліяютъ и на ходъ преподаванія казенныхъ уроковъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти постоянныя передвиженія учительскаго персонала, производимыя министерствомъ въ Римѣ, не могутъ обходиться безъ частыхъ несправедливостей; протекція тутъ, конечно, играетъ большую роль, а министерству нѣтъ никакой возможности слѣдить за всѣми неизбежными при этомъ мѣстными интригами въ провинціяхъ. Учебныя же заведенія при этой системѣ передвиженій лишаются постояннаго, столь важнаго педагогическаго вліянія въ одномъ направленіи, а преподаватель, не можетъ серьезно интересоваться своими учениками, не можетъ отдавать себя всего своему учительскому дѣлу. Кромѣ того,

въ Италиі вовсе не практикуется весьма полезная мѣра для успѣшнаго хода класснаго преподаванія—пробные уроки. Въ самое послѣднее время только, именно 30-го декабря 1888 года, утверждёнъ по докладу нынѣшняго министра Roselli, уставъ такъ-называемыхъ: „Scuole di Magistero“, долженствующихъ играть отчасти роль существующихъ при факультетахъ семинарій въ германскихъ университетахъ; но эти „scuoli“ пока еще не открыты. Студенты прямо съ университетской скамьи попадаютъ въ преподаватели гимназій или лицей, не обладая никакими педагогическими приемами, не имѣя понятія о томъ, какъ вести классъ, какъ добиться въ немъ даже тишины и порядка. Очевидно, что проходитъ весьма много времени, пока молодой студентъ освоится съ своею новою задачею, съ своею аудиторіей, а тутъ-то его часто уже переводятъ на другое мѣсто. Въ концѣ своей книги Villari совершенно вѣрно замѣчаетъ, что весьма ошибочно думать, чтобы какой бы то ни было уставъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо сочиненъ, могъ существенно измѣнить къ лучшему ходъ учебнаго дѣла. Подобная перемѣна достигается годами и зависитъ всецѣло отъ учительскаго персонала и отъ степени культуры современнаго общества, которое само должно проникнуться важностью учебной реформы.

Въ заключеніе этой части моей статьи позволю себѣ кратко остановиться на нѣкоторыхъ осмотрѣнныхъ мною гимназіяхъ и лицейхъ въ Туринѣ. Изъ числа ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Real Collegio Carlo Alberto въ Moncalieri (существующее съ 1838 года въ окрестностяхъ Турина), въ которомъ должность инспектора занимаетъ извѣстный метеорологъ Francesco Denza, директоръ знаменитой Монкалерской обсерваторіи, помѣщающейся въ самомъ зданіи училища, и президентъ всѣхъ метеорологическихъ обществъ въ Италиі. Онъ любезно предложилъ мнѣ свои услуги, чтобъ осмотрѣть все заведеніе, и лично все мнѣ показывалъ. Въ этомъ Collegio съ курсомъ правительственныхъ гимназій и лицеевъ помѣщаются до 100 интерновъ. Помѣщеніе интерната, можно сказать, роскошное: у каждаго воспитанника своя комната со всѣмъ необходимымъ; рекреационныя и рабочія комнаты весьма просторныя и свѣтлыя; при зданіи находится большой садъ со всѣми гимнастическими приборами: кабинеты физической и естественной исторіи не уступаютъ лучшимъ университетскимъ; богатая коллекціи по зоологій присылаются бывшими учениками изъ разныхъ частей свѣта; многіе изъ нихъ моряки.

Составъ учениковъ весьма разнороденъ, но всѣ принадлежатъ къ

достаточнымъ семьямъ (плата ежегодная съ пансіонера 1200 лиръ). Серьезное отличіе этого среднеучебнаго заведенія отъ прочихъ то, что въ немъ въ основѣ образованія поставленъ законъ Божій; большинство преподавателей духовныя лица. Самъ Денза носитъ одежду католическаго ксендза. Неблагопріятная сторона жизни въ этомъ интернатѣ та, что воспитанники совершенно отдалены отъ вліянія родной семьи: они возвращаются въ семью только на одинъ день каждые два мѣсяца.

Кромѣ 1200 лиръ за ученіе, вносится поступающимъ воспитанникомъ одновременно 70 лиръ. Сравнительно высокая плата дѣлаетъ это заведеніе доступнымъ только для дѣтей достаточныхъ родителей. Лѣтомъ воспитанники переѣзжаютъ на казенную дачу въ горы и на морскія купанья.

Кромѣ этого заведенія, осматрѣны мною два лица въ Туринѣ—*Liceo Savigua* и *Liceo Giobretti*; въ первомъ изъ нихъ до 300 учениковъ, во второмъ около 250. Это правительственныя среднеучебныя заведенія съ полнымъ гимназическо-лицейскимъ курсомъ. Въ нихъ я присутствовалъ на нѣсколькихъ урокахъ древнихъ языковъ, итальянскаго языка и исторіи въ старшихъ и среднихъ классахъ.

Авторовъ латинскихъ ученики читаютъ довольно бѣгло; видно, что все вниманіе обращено на бѣглость чтенія; переводъ на отечественный языкъ требуется болѣе или менѣе литературный; на точность не обращаютъ большаго вниманія. Переводъ этотъ не сопровождается никакими почти грамматическими комментаріями; грамматику вообще мало изучаютъ и плохо знаютъ, въ чемъ я убѣдился въ низшихъ классахъ; переводовъ письменныхъ почти не дѣлаютъ, въ особенности съ отечественнаго языка на латинскій. Непрѣятно поражаетъ произношеніе латинскихъ словъ на итальянскій манеръ, особенно при чтеніи гекзаметра. Въ греческомъ языкѣ успѣхи гораздо еще ниже. Я убѣдился въ томъ, что во II лицейскомъ классѣ (нашъ 7-й классъ) ученики съ трудомъ переводятъ Геродота, а синтаксиса совершенно не знаютъ; письменные же переводы съ итальянскаго на греческій, которые мнѣ показывали, свидѣлствуютъ о плохомъ знаніи неправильныхъ глаголовъ. На удареніе не обращаютъ никакого вниманія, что очень непрѣятно поражаетъ при чтеніи и, конечно, весьма облегчаетъ письменныя упражненія на греческомъ языкѣ. Относительно преподаванія отечественнаго языка и исторіи могу только подтвердить замѣчанія, которыя уже дѣлалъ выше.

VI.

Обозрѣніе высшаго образованія въ Италіи.

Всякаго изучающаго современное положеніе высшаго университетскаго образованія въ Италіи прежде всего поражаетъ громадное число университетовъ—21 университетъ (17 правительственныхъ и 4 частныхъ, *Università libere*) ¹⁾. Здѣсь я, конечно, не могу входить въ подробное разсмотрѣніе италіанской университетской системы, ея особенностей, ея прошлаго и настоящаго; все это не входитъ въ мою задачу. Я ограничусь здѣсь только общимъ краткимъ очеркомъ состоянія университетскаго образованія въ современной Италіи и отчетомъ о посѣщеніи мною нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ университетовъ, такъ и нѣкоторыхъ специальныхъ заведеній и постараюсь присоединить къ этому очерку нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся высшихъ учебныхъ заведеній, любезно предоставленныя мнѣ въ распоряженіе директоромъ главнаго статистическаго бюро при министерствѣ земледѣлія и торговли въ Римѣ, командоромъ Бодіо.

Среди 17 правительственныхъ университетовъ, конечно, есть и такіе, которые, по имѣющемуся у меня статистическому сборнику по высшему образованію за 1885—1886 академическій годъ, имѣли не болѣе 109 студентовъ (университетъ въ Массарата съ однимъ юридическимъ факультетомъ), или 124 человека (университетъ въ Сассари и т. д.). Самыми многочисленными по числу студентовъ всегда были университеты Неаполитанскій, Туринскій, Болонскій и Падуанскій; они же самыя древніе.

Это обиліе университетовъ въ такомъ сравнительно небольшомъ государствѣ, какъ Италія, объясняется конечно тѣмъ, что университетское образованіе установилось тамъ уже очень давно, такъ какъ, напримѣръ, Болонскій университетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, Неаполитанскій университетъ ведетъ свое начало съ 1224 г.

¹⁾ 17 правительственныхъ университетовъ находятся въ слѣдующихъ городахъ: Bologna, Cagliari, Catania, Genova, Macerata, Messina, Modena, Napoli, Padova, Palermo, Parma, Pavia, Pisa, Roma, Sassari, Siena, Torino; 4 частныхъ—въ Camerino, Foggia, Perugia, Urbino. Они содержатся незначительно на средства провинціи и коммуны или на пожертвованные капиталы.

и т. д. Главная же причина, конечно, къ открытію въ послѣдніе годы многихъ университетовъ, совершенно незначительныхъ по количеству студентовъ и по качеству профессорскаго персонала, объясняется стремленіемъ, весьма распространеннымъ въ массѣ въ Италіи, къ высшему образованію въ ущербъ болѣе практическимъ и хлѣбнымъ профессіямъ. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи Италія нѣсколько напоминаетъ Россію, и это положеніе вещей далеко не отрадно по своимъ послѣдствіямъ, весьма печальнымъ для большинства молодыхъ людей, прошедшихъ университеты и не имѣющихъ по окончаніи его ни занятій, ни даже часто куска хлѣба.

Кромѣ вышепоименованныхъ университетовъ, существуютъ въ Италіи еще слѣдующія спеціальныя высшія учебныя заведенія: академія „Scientifica-litteraria“ въ Миланѣ, 2 высшихъ агрономическихкихъ училища въ Миланѣ и въ Portici близъ Неаполя, высшій техническій институтъ въ Миланѣ, 3 высшихъ коммерческихъ училища въ Венеціи, Генуѣ и Бари, инженерныя училища („Scuole d'applicazione per gli ingegneri“) въ Римѣ, Неаполѣ, Туринѣ, Болоньѣ, Палермо, высшее нормальное училище въ Пизѣ („Scuole Normale Superiore di Pisa“) для учителей начальныхъ училищъ, высшіе ветеринарные институты („Scuole Superiore di medicina veterinaria“) въ Туринѣ, Неаполѣ и Миланѣ, и наконецъ, высшіе женскіе учительскіе институты („Istituti Superiori femminili di Magistéro“) въ Римѣ и во Флоренціи для учительницъ, начальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній вообще. Изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній я осматривалъ только миланскую академію „Scientifica-litteraria“, но у меня имѣются уставы и учебныя планы всѣхъ прочихъ ¹⁾.

Общаго университетскаго устава въ Италіи нѣтъ, а существуютъ напротивъ 4 отдѣльныхъ устава, которыми управляются всѣ 17 университетовъ, а именно: 1) законъ Casati 13-го ноября 1859 года для университетовъ Туринскаго, Генуэвскаго, Павійскаго и Каліарскаго 2) законъ 16-го февраля 1861 года—для Неаполитанскаго; 3) законъ 17-го октября 1860 года—для сицилійскихъ университетовъ, и наконецъ, 4) законъ 31-го іюля 1859 года—для тосканскихъ университетовъ, не говоря уже о многочисленныхъ измѣненіяхъ и преобразо-

¹⁾ Raccolta completa de 'testi di leggi, decreti, regolamenti e circolari. Офиціальное изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Roma. 1887. Tit. II. Istruzione Superiore, стр. 124 слѣд.

ваніяхъ, послѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ и особомъ положеніи, которыми управляются „*Università libere*“. Всѣ эти уставы отличаются довольно существеннымъ образомъ другъ отъ друга, не столько по отношенію къ учебнымъ планамъ на различныхъ факультетахъ, сколько по представляемымъ ими особымъ правамъ и привилегіямъ ректору, совѣту, факультетскимъ засѣданіямъ и проч., такъ что права эти далеко не одинаковы во всѣхъ университетахъ. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ при рассмотрѣніи средняго образованія въ Италіи, мы встрѣчаемся съ массою временныхъ мѣръ, съ отсутствіемъ всякаго единства въ проведеніи той или иной школьной системы, что, конечно, не можетъ отозваться благотворно на общемъ ходѣ образованія страны.

Содержаніе университетовъ правительственныхъ лежитъ всецѣло на бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ полныхъ университетахъ имѣются слѣдующіе факультеты: историко-филологическій факультетъ (*facoltà di filosofia e lettere*), юридическій (*facoltà di giurisprudenza*), математическій (*facoltà di scienze matematiche*), естественныхъ наукъ (*facoltà di scienze naturali*), и наконецъ, медицинскій (*facoltà di medicina*). Богословскіе факультеты окончательно закрыты повсемѣстно съ 1872 года; сохранены только на философскомъ факультетѣ кафедры исторіи церкви и каноническаго права.

Въ 1859 году, когда утверждались первые болѣе или менѣе общіе университетскіе уставы въ Италіи, богословіе еще обязательно читалось во всѣхъ университетахъ различныхъ италіанскихъ государствъ. Въ 1862 году, при пересмотрѣ штатовъ для ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, о кафедрахъ богословія ничего не было упомянуто. Въ 1872 году, когда разсматривалось въ камерѣ депутатовъ предложеніе министра Correnti о закрытіи богословскихъ кафедръ во всѣхъ университетахъ, было всего 4 слушателя курса богословія (такъ какъ онъ пересталъ быть обязательнымъ). Профессоровъ же богословія было 27; содержаніе ихъ обходилось правительству въ 80,887 лиръ. Такимъ образомъ, каждый слушатель богословскаго курса обходился правительству слишкомъ 20,000 лиръ. Естественно, что подобное положеніе вещей не могло продолжаться и повело къ окончательному закрытію этой кафедры ¹⁾. Весьма ните-

¹⁾ L'Instruction publique en Italie par Hippelau. Paris. 1885, стр. 297.

ресны пренія, вызванныя въ камерѣ депутатовъ по случаю этого предложенія министра. Они собраны въ отдѣльную брошюру ¹⁾.

По бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ содержаніе 17 правительственныхъ италіанскихъ университетовъ опредѣлено въ 8.715,584 лиръ, которыя распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

на содержаніе учебнаго персонала.	6.317,674	лиръ
на содержаніе учебныхъ пособій	1.646,163	„
на экстраординарные расходы	751,747	„
Итого	8.715,584	лиръ ²⁾ .

При 17 университетахъ приходится вѣскольکو болѣе 500,000 лиръ (512,681 лиръ) на университетъ, въ три раза меньше суммы, отпускаемой на каждый университетъ въ Пруссіи. Между тѣмъ въ Пруссіи, населеніе которой не многимъ меньше населенія Италіи, существуетъ 11 университетовъ ³⁾, обходящихся правительству (которое платитъ ³/₄ общихъ расходовъ на содержаніе ихъ) въ 16.182,842 итал. лиръ (по бюджету на 1888 — 1889 академическій годъ), что составляетъ на каждый университетъ 1.471,167 итал. лиръ; то-есть, въ Италіи на 958,486 лиръ меньше сравнительно съ Германіею тратится на каждый университетъ. Отсюда уже ясно, на сколько учебныя средства и вся общая постановка италіанскихъ университетовъ иная, чѣмъ въ Германіи. Италія не въ состояніи при существующемъ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія поддерживать это громадное количество имѣющихся у нея университетовъ на должной высотѣ, да это количество вовсе и не вызывается дѣйствительною потребностью населенія.

Изъ италіанскихъ университетовъ подробно осмотрѣны мною Неаполитанскій, Туринскій и Генуэзскій. Позволю себѣ остановиться главнымъ образомъ на первомъ изъ нихъ.

Неаполитанскій университетъ основанъ въ 1224 году при Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ. Въ числѣ знаменитыхъ его профессоровъ

¹⁾ Discorsi pronunciati alla camera dei Deputati nella discussione del progetto di Legge per l'abolizione delle Facoltà teologiche nelle tornate di aprile 1872. Roma.

²⁾ Эти цѣловые данныя я получилъ въ Статистическомъ бюро въ Римѣ отъ командора Bodio.

³⁾ Эти 11 университетовъ слѣдующее: Берлинскій, Кенигсбергскій, Грейсвальдскій (Greifswald), Бреславскій, Галльскій (Halle), Кильскій (Kiel), Геттингенскій, Марбургскій, Воннскій, Мюнстерскій и Браунсбергскій (въ послѣднихъ двухъ живютъ только по два факультета — богословскій и историко-этнологическій).

числился, какъ извѣстно, въ средніе вѣка и Тома Аквинать. На каждомъ университетѣ въ Италіи, конечно, отражалась въ сильной степени исторія того италіанскаго государства, въ которомъ онъ находился; поэтому весьма немпогіе изъ нихъ избѣгли тревожной эпохи междоусобной борьбы, охватившей Италію въ средніе вѣка и продолжавшейся всю эпоху возрожденія и реформации. Этимъ отчасти объясняется, что и впоследствии, уже въ нынѣшнемъ столѣтїи, каждый италіанскій университетъ сохранилъ свои мѣстныя особенности, вытекавшія изъ его историческаго прошлаго и трудно поддающіяся общей регламентации; отсюда—существованіе этихъ многочисленныхъ уставовъ, которыми управляются италіанскіе университеты, и отсутствіе въ Италіи одного общаго университетскаго устава.

Число студентовъ въ Неаполитанскомъ университетѣ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ университета, профессоромъ Trinchese, въ 1888—1889 академическомъ году было 4,108 человекъ. Собственно по факультетамъ студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

на юридическомъ факультетѣ	1,619	человѣкъ
на медицинскомъ	1,597	"
на математическомъ	43	"
на естественномъ	38	"
на историко-филологическомъ факультетѣ	113	"
	<hr/>	
	3,410	человѣкъ

Но къ этому числу присоединяются еще: 1) студенты инженернаго училища (l'Ingegneria), куда поступаютъ студенты—математики, прослушавшіе первые два курса (это специальное высшее учебное заведеніе, причисленное только къ университету, но находящееся въ особомъ зданіи), и 2) студенты состоящей при университетѣ фармацевтической школы (Scuole di farmacia). Такимъ образомъ, если къ цифрѣ 3,410 прибавить 261 студентовъ инженернаго училища и 437 студентовъ фармацевтовъ, то и получимъ вышеозначенную цифру 4,108 человекъ.

Въ медицинскихъ клиникахъ университета работали, когда ихъ посѣщалъ, до 60 женщинъ, готовящихся къ докторскому диплому. Эта мѣра временная; по заявленію ректора, на будущее время министерство не допуститъ совмѣстнаго занятія студентокъ со студентами въ клиникахъ, находя это по многимъ причинамъ неудобнымъ.

Продолжительность курсовъ на факультетахъ слѣдующая: на медицинскомъ 6 лѣтъ, на всѣхъ остальныхъ 4 года, на фармацевтическомъ отдѣленіи 5 лѣтъ, въ институтѣ инженеровъ 3 года и 2 года въ университетѣ.

О размѣрѣ платы, взимаемой со студентовъ за право слушанія лекцій, я уже говорилъ выше, рассматривая организацію университетскихъ стипендій. Она бываетъ 4-хъ родовъ: 1) плата за имма-трикуляцію на факультетъ, 2) годичная плата за лекціи, 3) до-бавочная такса за производство экзаменовъ, и 4) плата за дипломъ объ окончаніи курса.

О студенческихъ стипендіяхъ я уже говорилъ; здѣсь упомяну только о существованіи при италіанскихъ университетахъ правительственныхъ стипендіатовъ по двумъ разрядамъ наукъ — по факультету „*filosofia e lettere*“ и по факультету „*di scienze fisiche e naturali*“. Эти стипендіаты посылаются — одни во внутреннія провинціи Италіи, другіе — за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Первые получаютъ по 1,200 лиръ ежегодно, вторые — до 3,000 лиръ. Изъ нихъ преимущественно набирается контингентъ учителей въ среднеучебныя заведенія. Число ихъ ограничено. Для полученія правительственной стипендіи требуется выдержаніе ежегоднаго конкурсаго экзамена по заранѣ утвержденной факультетомъ программѣ. Факультетъ опредѣляетъ максимумъ числа обязательныхъ лекцій на каждомъ курсѣ.

Выпускные экзамены — „*esamea laurea*“ — производятся въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ ординарнаго профессора даннаго предмета и 4 приватъ-доцентовъ, постороннихъ университету, не изъ числа профессорскаго персонала. Эти комиссіи засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ декана факультета.

Правленіе университета — нашъ совѣтъ — состоитъ изъ декановъ факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора. Ректоръ университета выбирается на два года профессорами на эту должность и утверждается министромъ. По отношенію къ выбору ректора уставы университетовъ въ особенности различаются между собою. Неаполитанскій университетъ пользуется особымъ совершенно положеніемъ среди остальныхъ по отношенію къ выбору ректора. На основаніи такъ-называемаго закона Имбриани (*legae Imbriani*) отъ 16-го февраля 1861 г., въ Неаполитанскомъ университетѣ ректора выбираетъ весь профессорскій составъ изъ числа трехъ ординарныхъ профессоровъ, предложенныхъ извѣстнымъ факультетомъ. Эти три кандидата принад-

лежать къ одному факультету; черезъ каждыя два года факультетъ, изъ котораго выбирается ректоръ, мѣняется. Ректоръ выбирается на два года. Выбранный такимъ путемъ кандидатъ утверждается въ своей должности министромъ. Въ другихъ университетахъ, гдѣ этотъ законъ не дѣйствуетъ, министръ самъ назначаетъ кандидата на эту должность изъ числа трехъ лицъ, предложенныхъ отъ всѣхъ факультетовъ, а не отъ одного, какъ въ Неаполитанскомъ. Кромѣ того, тамъ ректоръ назначается только на одинъ годъ. Очевидно, что въ Неаполитанскомъ университетѣ профессорская коллегія пользуется большою автономіей. Для поступленія на всѣ факультеты италіанскихъ университетовъ требуется выдержаніе выпускнаго экзамена изъ лицей (esame di licenza liceale); впрочемъ допускается поступленіе на естественный факультетъ изъ реальныхъ училищъ (scuole tecniche) съ повѣрочнымъ экзаменомъ изъ латинскаго, греческаго и отечественной литературы.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ ректоромъ Неаполитанскаго университета, содержаніе профессорской коллегіи и вообще плата учебному персоналу университета обходится въ 586,654 лиры ежегодно; содержаніе же учебныхъ пособій, лабораторій, клиникъ и кабинетовъ — въ 168,700 лиръ ежегодно. Эти суммы весьма велики для италіанскаго университета; обыкновенный же бюджетъ университета, какъ я уже упоминалъ выше, не превышаетъ 500,000 лиръ.

Неаполитанскій университетъ всегда былъ самымъ многочисленнымъ по числу слушателей и всегда славился своимъ медицинскимъ факультетомъ.

По инициативѣ нынѣшняго ректора, профессора Trinchese, существуетъ проектъ перенесенія университета на другое мѣсто (вблизи ботаническаго сада). Зданіе университета весьма ветхое (оно существуетъ съ 1806 года) и совершенно не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ требованіямъ относительно просторныхъ лабораторій и кабинетовъ. По приблизительной смѣтѣ, постройка новаго зданія для университета обойдется въ 16 милліоновъ лиръ. Министерство ассигнуетъ два милліона, отъ сломки стараго зданія рассчитываютъ получить до 10 милліоновъ; остальные 4 милліона ожидаются поступленіемъ отъ различныхъ провинцій Италіи.

Не лишенымъ интереса представляется организація особыхъ учительскихъ семинарій при факультетахъ, съ цѣлью подготовленія учителей для среднеучебныхъ заведеній. Эти учительскія семинаріи носятъ названіе „Scuole di magistéro“ и учреждаются

при историко-филологическихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ силу королевскаго декрета отъ 30-го декабря 1888 года. Я очень интересовался присутствовать на занятіяхъ хотя бы въ одной изъ этихъ семинарій, но оказывается, что пока еще ни при одномъ изъ университетовъ занятія въ нихъ правильно не начались, и предполагается открытіе ихъ лишь съ будущаго академическаго года. Тѣмъ не менѣе останавливаюсь на самомъ уставѣ этихъ семинарій, представляющемъ, мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ и для насъ. Изъ доклада министра народнаго просвѣщенія Boselli, приложеннаго къ уставу этихъ семинарій ¹⁾, мы узнаемъ, что эти „Scuole di magistéro“ основаны были еще въ концѣ 1876 г. королевскимъ декретомъ отъ 8-го октября 1876 года, но что, преслѣдуя въ то время двѣ совершенно различныя задачи—дальнѣйшія научныя изслѣдованія студентовъ въ избранной ими специальности и изученіе методовъ преподаванія предметовъ гимназическаго и лицейскаго курса, онѣ, конечно, не достигли ни одной изъ нихъ по недостатку времени, удѣляемаго для достиженія каждой изъ этихъ цѣлей, имѣющихъ между собою такъ мало общаго. Scuole di magistéro были закрыты въ 1887 году вслѣдствіе всѣми сознаанной неудовлетворительности первоначальнаго учебнаго плана, существовавшаго съ 1884 года; признано необходимымъ значительно измѣнить ихъ программу, сосредоточивъ все вниманіе студентовъ исключительно на изученіи методовъ преподаванія въ средней школѣ и выработкѣ педагогическихъ приемовъ. Министерство надѣется, что съ измѣненіемъ учебныхъ плановъ въ упомянутомъ направленіи, эти scuole di magistéro станутъ настоящими разсадниками преподавателей для гимназій и лицеевъ, не конкурируя уже больше съ факультетами въ преслѣдованіи научныхъ цѣлей.

Сообразно съ этою новою цѣлью, положенною въ основаніе учебныхъ плановъ этихъ учительскихъ семинарій, въ нихъ обязательно будутъ преподаваться всѣ тѣ дисциплины, которыя входятъ въ программу среднеучебныхъ заведеній въ Италіи. Курсъ на обоихъ отдѣленіяхъ—историко-филологическомъ и физико-математическомъ—установленъ четырехлѣтній. Такъ какъ этотъ курсъ находится въ тѣсной связи съ университетскимъ, то онъ и подраздѣляется на два отдѣленія: старшее и младшее, сообразно съ требованіями, предъявляемыми студентамъ, при переходѣ на 3-й курсъ (esame della licenza

¹⁾ Regolamenti per le scuole di magistéro annesse alle facoltà di filosofia e lettere e di scienze matematiche, fisiche e naturali. Roma. 1889.

di facoltà) и на выпускномъ (esame per laurea). Занятія въ младшемъ отдѣленіи семинарій (двухгодичный курсъ) должны готовить преподавателей для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній (для итальянскихъ гимназій—нашъ прогимназическій курсъ), для техническихъ школъ различныхъ типовъ (реальныя училища) и для высшихъ нормальныхъ училищъ (учительскихъ институтовъ). Въ старшемъ отдѣленіи (тоже двухгодичный курсъ) готовятъ учителя для лицеевъ, при чемъ въ программу входятъ все предметы итальянскаго лицейскаго курса.

Желательно было бы, по мнѣнію министра, открытіе еще 5-го курса въ Scuole di magistéro, не обязательнаго, но куда могли бы поступать окончившіе полный курсъ въ семинаріи, желающіе усовершенствоваться въ избранной специальности, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей семинаріи. Этотъ послѣдній проектъ еще не представленъ къ королевскому утвержденію.

Считаю не лишнимъ привести важнѣйшіе параграфы устава этихъ семинарій.

Начнемъ съ физико-математической семинаріи:

При каждомъ физико-математическомъ факультетѣ учреждается „Scuole di magistéro“, раздѣленная на 4 секціи (отдѣленія) — математики, физики, химіи и естественныхъ наукъ. Отъ министра зависитъ открыть все 4 секціи сразу или только нѣкоторыя изъ нихъ.

Занятія въ семинаріи начинаются съ перваго курса для чистыхъ математиковъ, а для прочихъ специальностей факультета — съ 3-го курса и продолжаются—для математиковъ—4 года, для прочихъ—2 года

Занятія эти ведутся параллельно съ университетскими лекціями.

На математическомъ отдѣленіи 4 профессора

„ физическомъ	„	3	„	(физики, химіи и физической математики)
„ химическомъ	„	3	„	(„ „ и естеств. наукъ)
„ естественномъ	„	3	„	(ботаники, зоологіи, минералогіи и геологіи).

Они назначаются министромъ на 2 года, по представленію высшаго совѣта министерства (Consiglio Superiore).

Каждый студентъ можетъ записаться одновременно только на одно отдѣленіе семинаріи. По выдержаніи экзамена на факультетѣ изъ другаго предмета, входящаго въ составъ какого-либо другаго отдѣленія (секціи), онъ можетъ записаться на этотъ предметъ въ соответствующее отдѣленіе. Лекціи по итальянской литературѣ обязательны въ теченіе одного года для студентовъ всѣхъ отдѣленій секціи.

Директоръ „Scuole di magistéro“ назначается министромъ на 3 года. Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ профессоровъ; онъ устанавливаетъ порядокъ экзаменовъ и утверждаетъ программы. Занятія по каждой учебной дисциплинѣ бывають не болѣе одного раза въ недѣлю. По окончаніи учебнаго года профессора представляютъ отчеты директору о своихъ занятіяхъ со студентами по вѣрному имъ предмету и объ успѣхахъ студентовъ. Отчеты эти ежегодно съ приложеніемъ заключенія директора должны представляться министру. Кончившіе съ успѣхомъ курсъ въ „Scuole di magistéro“ получаютъ преимущественное право на занятіе мѣстъ преподавателей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Не успѣвающіе студенты лишаются стипендій, если таковую получали, по обсужденіи въ „Consiglio Superiore“ и съ утвержденія министра ¹⁾).

Занятія въ „Scuole di magistéro“, открываемыя при каждомъ историко-филологическомъ факультетѣ, продолжаются также 4 года и начинаются съ 1-го же курса. Первые два года они состоятъ изъ упражненій по отечественному языку и литературѣ, по древнимъ языкамъ и по древней исторіи. Они обязательны для всѣхъ записавшихся на отдѣленіе семинаріи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занятія распределяются по слѣдующимъ 7 отдѣленіямъ (секціямъ): 1) италіанской филологіи, 2) латинской (римской) филологіи, 3) греческой филологіи, 4) исторіи, 5) географіи, 6) философіи, 7) педагогикѣ. Отъ министра зависитъ открыть всѣ секціи или только нѣкоторыя.

Въ отдѣленіи италіанской филологіи преподаются: италіанскій языкъ и словесность, латинскій языкъ, сравнительное изученіе новолатинскихъ языковъ (романскихъ нарѣчій).

Въ отдѣленіи латинской филологіи преподаются: латинскій языкъ и словесность, сравнительное изученіе древнихъ языковъ, римская археологія, примѣнительно къ міеологіи, какъ пособіе при чтеніи классиковъ въ гимназіяхъ и лицеехъ. Студенты этой секціи подвергаются экзамену по этимъ предметамъ на факультетѣ.

Въ отдѣленіи греческой филологіи преподаются: греческій языкъ и литература, сравнительное изученіе древнихъ языковъ и греческая археологія, примѣнительно къ гимназическому и лицейскому курсу.

¹⁾ Въ 1886—1887 академическомъ году такихъ стипендій выдано было всего 2100 лиръ на естественно-историческомъ отдѣленіи—4 студентамъ и 3900 лиръ на филологическомъ отдѣленіи—15 студентамъ. Эти свѣдѣнія касаются существовавшей до 1887 года Scuole di magistéro при Неаполитанскомъ университетѣ.

Въ отдѣленіи исторіи—древняя исторія, новая исторія, географія, примѣнительно къ историческому курсу средней школы. Студенты этой секціи посѣщаютъ лекціи по археологін на факультетѣ.

Въ отдѣленіи географіи — географія, исторія примѣнительно къ курсу географіи, упражненія въ картографіи. Студенты посѣщаютъ въ теченіе одного года курсъ геологін и статистики на соответствующихъ факультетахъ университета и держатъ по этимъ предметамъ экзамены.

Въ отдѣленіи философіи преподаются: философія теоретическая и нравственная, исторія философіи, педагогика.

Въ отдѣленіи педагогикѣ—педагогика, нравственная философія. Студенты этой секціи посѣщаютъ одинъ годъ курсъ физиологін и гігіены на соответствующихъ факультетахъ и держатъ экзамены изъ этихъ предметовъ.

Всѣ студенты „Scuole di magistéro“ обязательно посѣщаютъ лекціи въ университетѣ по одному новому языку и подвергаются экзамену изъ этого языка. Нѣтъ сомнѣнія, что когда эти „Scuole di magistéro“ будутъ открыты, онѣ принесутъ пользу серьезною подготовкой будущихъ преподавателей.

Мнѣ представляется лишнимъ, останавливаться на другихъ, осматрѣнныхъ мною университетахъ—Туринскомъ и Генуезскомъ, такъ какъ они существенной разницы не представляютъ въ сравненіи съ Неаполитанскимъ; въ нихъ только число студентовъ значительно меньше, въ особенности въ Генуѣ. Но позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о посѣщенной мною „Academia scientifica-litteraria“ въ Миланѣ. Она основана была въ 1859 году. Курсъ ея соответствуетъ историко-филологическимъ факультетамъ. Во всей Ломбардіи существуетъ только одинъ университетъ—Павійскій, и въ немъ до 1876 года не было историко-филологическаго факультета, поэтому съ 1859 по 1876 годъ Academia scientifica-litteraria была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Ломбардской провинціи, гдѣ эти науки преподавались. Курсъ ея—четырёхлѣтній. Есть спеціальныи курсъ (трехлѣтній) новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), посѣщаемый также и дѣвцами. Интерната при Academia нѣтъ, всѣ студенты приходящіе. При академіи учреждены 10 стипендій для недостаточныхъ студентовъ, по 700 лиръ на студента ежегодно. Для полученія ея подвергаются конкурсу экзамену изъ отечественнаго языка, латинскаго языка и новой исторіи. Кромѣ того, существуютъ еще 4 стипендіи Миланской провинціи и 6 правительственныхъ.

Ежегодно тратится на учебный персоналъ 75,000 лиръ; въ фундаментальной библиотекѣ имѣется до 80,000 томовъ. Благодаря любезности директора Academia профессора Inaba, я могъ осмотрѣть все учебное заведеніе и присутствовать на нѣкоторыхъ лекціяхъ, между прочимъ у знаменитаго лингвиста профессора Ascoli, занимающаго кафедру сравнительнаго языкованія. Преподаваніе вездѣ академическое, такъ какъ Academia scientifica-litterarum имѣетъ въ виду чисто научныя цѣли, а не педагогическія, и не подготавливаетъ учителей для среднѣучебныхъ заведеній. Въ 1888 — 1889 академическомъ году было на всѣхъ 4 курсахъ 37 студентовъ, записалось на курсы новыхъ языковъ 29, изъ нихъ 20 дѣвицъ.

Командоръ Bodio сообщилъ мнѣ, между прочимъ, еще нѣсколько цифровыхъ данныхъ, касающихся специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи, а именно слѣдующія:

На содержаніе учебнаго персонала во всѣхъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи (кромѣ университетскихъ) тратится ежегодно	6.956,838 лиръ,
На содержаніе зданій, лабораторій, кабинетовъ, освѣщеніе, канцелярію и проч.	2.279,376 „
На пособия, пенсія, преміи и проч.	205,486 „
	<hr/>
Итого.	9.441,700 „
Экстраординарныхъ расходовъ до	1.148,299 „
	<hr/>
Итого.	10.589,999 лиръ.

На пополненіе библиотекъ специальныхъ высшихъ заведеній ежегодно тратится	1.367,328 лиръ
---	----------------

Такимъ образомъ правительство тратитъ ежегодно на высшія спеціальныя учебныя заведенія около 12 милліоновъ.

На пополненіе этой суммы получается ежегодно пособій отъ различныхъ провинцій и коммунъ, въ конхъ находятся эти заведенія, до	800,000 лиръ и
отъ взноса платы за слушаніе лекцій до	400,000 „

Итого 1.200,000 лиръ;

Вся остальная сумма (10.800,000 лиръ) всецѣло лежать на бюджетѣ министерства, изъ чего видно, что онъ очень великъ по разряду специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Графъ А. Мушинъ-Шушинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Неаполитанскій университетъ.

I. Tabella delle tasse universitarie.

Facoltà e corsi speciali.	T A S S E.				Sopratas- so annua di esame.
	Anni di studio.	Impatri- colazione.	Iscrizione annua.	Diploma.	
Filosofia e Lettere.	4	L. 40	L. 75	L. 60	L. 12 50
Giurisprudenza.	4	" 40	" 165	" 60	" 25 —
Medicina e Chirurgia.	6	" 40	" 110	" 60	" 16.67
Scienze fisiche, naturali e matematiche per gli aspiranti alle lauree.	4	" 40	" 75	" 60	" 12.50
Fisico-matematica per gli aspiranti al diploma d'Ingegnere	2	" 40	" 132	" —	" 20 —
Chimica e Farmacia.	5	" 40	" 60	" 60	" 10 —
Corso per Notai e Procuratori ¹⁾	2	" 30	" 50	" 20	" 25 —
" " Farmacisti ²⁾	4	" 30	" 25	" 20	" 12.50
" " Levatrici ²²⁾	2	" 15	" 20	" 10	" 12 —
" " Flebotomi ²²²⁾	1	" 15	" 20	" 10	" 12 —

¹⁾ Farmacisti — фармацевты.
²²⁾ Levatrici — акушерки и повивальныя бабы, готовящіяся къ диплому при университетѣ.
²²²⁾ Flebotomi — пускающіе кровь.

¹⁾ Специальный курсъ (практический) для желающихъ посвятить себя, по окончаніи курса юри-дическихъ наукъ, нотаріату. Они получаютъ дипломъ, дающій имъ право открыть нотаріальную контору.

II. Riassunto delle somme concesse a titolo di dispensa dalle Tasse agli studenti nell' anno scolastico 1886—87.

	C O R S I .		Numero degli Studenti e indicazione delle Tasse.		Numero dei dispensati.	Totale.				
	Num.	Somme pagate.	Immatricolazione.	Lezione.			Esame.	Diploma.		
Lettere	—	—	—	—	—	—				
Filosofia	—	—	1	75.00	1	12.50	1	60.00	1	147.50
Giurisprudenza	3	110.00	32	5165.00	32	900.00	8	480.00	32	6555.00
Scienze Naturali	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Matematica	—	—	8	225.00	8	37.50	2	120.00	8	382.50
Chimica	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Fisica	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Applicazione per gli ingegneri	2	80.00	6	792.00	6	120.00	—	—	6	992.00
Medicina e Chirurgia	2	80.00	63	6890.00	63	1050.21	1	60.00	63	8120.21
Farmacia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ostetricia	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Totale.	7	270.00	105	18187	105	2020.21	12	720.00	105	L. 16.197.21

III. Riassunto delle somme concesse a titoli di sussidio agli Studenti nell'anno scolastico 1886—87.

C O R S I.	Numero degli Studenti sussidiati.	Sussidii concessi.
Giurisprudenza	46	2860
Medicina e chirurgia	71	3835
Lettere e filosofia	7	370
Scieze matema- tiche, fisiche e na- turali.		
Matematica	—	—
Ingegneria	18	1098
Fisica	—	—
Chimica	—	—
Scienze naturali	—	—
Notai e procuratori	—	—
Chimica e farmacia	—	—
Farmacia	—	—
Ostetricia per levatrice	9	283
Totali №	161	L. 7896

IV. Prospetto degli Studenti ed uditori iscritti nell'anno scolastico 1886—87.

Numero d' ordine.	C O R S O.						T o t a l i.	
	1 ^o	2 ^o	3 ^o	4 ^o	5 ^o	6 ^o	Studenti.	Uditori a corsi singoli.
1 di filosofia e lettere	39	—	39	28	15	27	109	—
2 di giurisprudenza	351	5	356	415	367	351	1484	5
3 di notariato e procura	55	—	55	45	—	—	101	—
4 di matematica per gli aspiranti ingegneri	115	12	127	110	—	—	225	12
5 di chimica	—	—	—	1	2	—	3	—
6 di scienze naturali	15	1	16	4	5	—	29	1
7 di medicina e chirurgia	277	4	281	273	261	269	1593	4
8 di ostetricia per le levatrici	32	—	32	16	—	—	48	—
9 di chimica e farmacia	1	—	1	2	8	2	8	—
10 di farmacia	166	—	166	96	80	120	462	—
11 di matematica per gli aspiranti alla laurea	3	—	3	6	16	15	40	—
12 di fisica	5	—	5	—	4	3	12	—
Totale	1069	22	1081	997	753	992	4114	22
							4136 ¹⁾	

¹⁾ In questo numero non sono compresi gli Studenti iscritti alla Scuola di Applicazione per gli Ingegneri.

V. Orario delle Scuole normali Superiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ.				
	I.	II.	III.	Итого.	
Педагогика	2	3	2	7	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.
Отечественный языкъ	6	5	5	16	
Арифметика и геометрія	2	2	2	6	
Естественная исторія	3	3	4	10	
Отечественная исторія	2	2	2	6	
Географія политическая	1	1	1	3	
Курсъ „правъ и обязанностей“	1	1	1	3	
Рисованіе	3	2	2	7	
Каллиграфія	2	2	1	5	
Гимнастика	2	2	2	6	
Пѣніе	1	1	1	3	
Упражненія въ начальномъ училищѣ.	3	4	5	12	
Итого	28	28	28	84	

Orario delle Scuole normali inferiori.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ классахъ		
	I.	II.	
Педагогика	2	3	Въ женскихъ нормальныхъ школахъ въ каждомъ классѣ два раза въ недѣлю преподаются уроки рукодѣлія.
Отечественный языкъ	6	5	
Арифметика и геометрія	2	2	
Естественная исторія	3	3	
Отечественная исторія	2	2	
Географія политическая	1	1	
Курсъ о „правахъ и обязанностяхъ“	1	1	
Рисованіе	3	2	
Каллиграфія	2	2	
Гимнастика	2	2	
Пѣніе	1	1	
Упражненія въ начальномъ училищѣ;	3	4	
Итого	28	28	

Orario per le Classi del Corso preparatorio.

Предметы преподаванія.	Число часовъ въ недѣлю въ I и II классахъ.
Италянскій языкъ	9
Арифметика	3
Естественная исторія	2
Отечественная исторія	2
Географія	2
Рисованіе	2
Каллиграфія	2
Гимнастика	2
Пѣніе	1
Итого	25

VI. Учебный планъ для гимназій 1888 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	Классы:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Италянскій языкъ	7	7	7	5	6
Латинскій языкъ	7	7	7	6	5
Греческій языкъ	—	—	—	3	3
Отечественная исторія	2	2	2	—	—
Древняя исторія	—	—	—	3	3
Новая географія	2	2	2	—	—
Древняя географія	—	—	—	1	1
Элементы естествовѣдѣнія	—	—	—	2	2
Арифметика и геометрія	2	2	2	2	2
Итого	20	20	20	22	22

Учебный планъ для лицеевъ 1888 года.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	Классы:		
	I.	II.	III.
Италянскій языкъ	5	4	4
Латинскій языкъ	5	3	3
Греческій языкъ	3	3	3
Средневѣковая и новая исторія	3	3	3
Историческая географія	1	1	1
Философія	2	2	2
Математика	3	3	3
Физика и элементы химіи	—	3	4
Естественная исторія и физическая географія	2	2	1
Итого	24	24	24

VII. Премій учебный планъ 1884 года, измѣненный въ 1888 году, былъ слѣдующій:

Для гимназій.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.				
	классы:				
	I.	II.	III.	IV.	V.
Италянскій языкъ	8	8	7	6	6
Латинскій языкъ	9	8	8	5	5
Греческій языкъ	—	—	—	5	5
Географія	3	4	1	—	—
Исторія	—	—	4	4	4
Элементы естественной исторіи	—	—	—	2	2
Арифметика и геометрія	2	2	2	3	3
Итого	22	22	22	25	25

Для лицеевъ.

Предметы преподаванія.	Недѣльные часы.		
	классы:		
	I.	II.	III.
Италянскій языкъ	5	4	3
Латинскій языкъ	4	4	4
Греческій языкъ	4	3	3
Исторія	6	4 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
Математика	1	3	4
Физика и химія	—	4	4
Естественная исторія и физическая географія	2	2	2
Философія	2	3	3
Итого	27	27¹/₂	27¹/₂

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛАГАЕМАГО РУССКАГО УЧЕБНАГО ИЗДАНІЯ КЛАССИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Въ октябрѣ прошлаго года появилось объявленіе, озаглавленное такъ: „Объ изданіи иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна“.

Всякій, кому дороги интересы классицизма въ Россіи, съ сочувствіемъ встрѣтитъ мысль объ изданіи цѣлой серіи классическихъ писателей съ русскими комментаріями. У насъ находится, правда, въ обращеніи довольно изрядное число комментированныхъ изданій древнихъ авторовъ, но огромное большинство пособій этого рода представляетъ изъ себя неискusstvenныя передѣлки нѣмецкихъ изданій, составленныя притомъ иногда крайне оплошно и неряшливо. Достаточно вспомнить изданія г. Чагуевскаго, въ которыхъ не только комментаріи, но и изложеніе содержанія даннаго произведенія, представляютъ грубый переводъ на языкъ, которымъ плохо владѣетъ переводчикъ, не умѣющій къ тому же вдуматься и понять надлежащимъ образомъ ни свой латинскій, ни нѣмецкій оригиналъ. Плохимъ качествомъ подобныхъ изданій содѣйствуетъ также не мало и отсутствіе единства, хотя бы и внѣшняго, въ самомъ предпріятіи. Гг. Л. Георгіевскій и С. Манштейнъ берутся устранить это неудобство, обѣщая цѣлую серію изданій, которая будетъ выходить подъ ихъ отвѣтственной редакціей.

Еслибы редакторы будущей коллекции ограничились простымъ извѣщеніемъ объ имѣющихъ выйдти въ свѣтъ выпускахъ ихъ изданія, то намъ оставалось бы ждать появленія первыхъ образцовъ ихъ сборника, чтобы на опытѣ имѣть возможность провѣрить качества и количество собственнаго труда редакторовъ и участниковъ этого предпріятія. Но гг. редакторы объявленіемъ не ограничились. Они предпослали перечисленію готовящихся къ изданію книгъ древнихъ авторовъ и именъ лицъ, которыя приняли на себя это дѣло, пространное объявленіе, притомъ способное вызвать у всякаго, кто прочтетъ его со вниманіемъ, грустныя мысли о состояніи преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ и, главное, о преподавателяхъ этихъ предметовъ.

Обращеніе гг. редакторовъ къ публикѣ начинается съ указанія на всеобщее признаніе полезности комментированныхъ изданій древнихъ классиковъ, при чемъ сдѣланы ссылки на „лучшихъ педагоговъ“ и на наше министерство народнаго просвѣщенія. Вслѣдъ затѣмъ перечислены извѣстныя коллекціи комментированныхъ изданій, существующія въ западно-европейской филологической литературѣ (Longmans and Simpkin, Гашоттъ, Teubner, Weidmann, Bibliotheca Gothana), и дана общая характеристика существующихъ у насъ комментированныхъ изданій. Но предоставимъ слово самимъ гг. редакторамъ, обѣщающимъ обогатить насъ подобною хорошо и надежно исполненною коллекціей. Вотъ что говорятъ они:

„Наша русская классическая школа находится, къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, далеко не въ столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ западно-европейская. Въ нашей педагогической литературѣ существуетъ, правда, нѣсколько весьма почтенныхъ изданій классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, но почти всѣ они страдаютъ хотя и внѣшнимъ, но все же весьма существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи недостаткомъ, а именно, комментарий помѣщенъ въ нихъ непосредственно подъ текстомъ произведенія, что, какъ извѣстно изъ школьной практики, даетъ менѣе добросовѣстнымъ ученикамъ поводъ и возможность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія, въ томъ разчетѣ, что они всегда успѣютъ сдѣлать это на урокѣ при переводѣ заданнаго отрывка ¹⁾“. Кромѣ того, нѣ-

¹⁾ И однако въ Германіи и Франціи такимъ остается и доселѣ видъ ком-

которыя изъ русскихъ комментированныхъ изданій, являясь черезчуръ точнымъ сколкомъ съ нѣмецкихъ, оказываются не вполне согласованными съ дѣйствительными потребностями русской школы, а нѣкоторыя изъ нихъ много теряютъ и вслѣдствіе недостаточной привлекательности своей внѣшности, которая играетъ въ школьномъ дѣлѣ немаловажную роль*.

Послѣ этихъ довольно безсодержательныхъ соображеній гг. редакторы продолжаютъ такъ:

„Какъ бы то ни было, нельзя не признать великой заслуги за всѣми педагогами, которые изданіемъ древнихъ авторовъ съ примѣчаніями старались вдохнуть въ преподаваніе древнихъ языковъ новую жизнь и новый смыслъ, и нельзя не пожалѣть всю душу о томъ, что ихъ труды не всегда находили себѣ достаточно широкое распространеніе. Вина въ этомъ падаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, на тѣхъ изъ начальниковъ и преподавателей нашихъ гимназій и прогимназій, которые, по непониманію истинныхъ задачъ классическаго образованія или вслѣдствіе ошибочнаго толкованія извѣстнаго министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1873 года, требовали, чтобъ ученики приобрѣтали себѣ непременно одинъ лишь текстъ древнихъ авторовъ въ заграничномъ изданіи Тейбнера, и черезъ это лишали нашу школу такого необходимаго пособия при чтеніи греческихъ и римскихъ классиковъ, какъ комментированныя изданія. Между тѣмъ означеннымъ циркуляромъ министерство имѣло въ виду лишь облегчить учебнымъ заведеніямъ приобретеніе исправныхъ (курсивъ въ подлинникѣ) текстовъ классическихъ писателей и отнюдь не исключало пользованія комментаріями, что лучше всего доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изданія съ комментаріями были имъ даже рекомендованы“.

Удивительное дѣло, какъ это могли сотоварищи гг. редакторовъ по школьному дѣлу такъ заблуждаться на счетъ смысла министерскаго циркуляра отъ 12-го августа 1874 года, если отъ нихъ не было тайной то, что сообщено въ концѣ приведенной тирады? Гг. редакторы обвиняютъ ихъ въ усердіи не по разуму и скорбятъ при этомъ о маломъ спросѣ на изданія, подобное коимъ намѣрены они

ментированныхъ изданій, и никто, значить, еще не пришелъ тамъ къ тому наблюденію, которое сдѣлано гг. Л. Георгіевскимъ и С. Манштейномъ.

теперь выпустить въ свѣтъ сами. Не знаемъ, въ какой степени гг. редакторы правы касательно перваго и искренни на счетъ втораго, но не будемъ спорить и повѣримъ, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ они о томъ сѣтуютъ. Послѣдствія неразумной ревности директоровъ и преподавателей были, по ихъ словамъ, ужасны. Мы опять должны предоставить слово гг. редакторамъ:

„Легко можно себя представить, какъ печальны должны были быть послѣдствія упомянутаго недоразумѣнія! Ученики, читая авторовъ незначительными отрывками и утомляясь безконечною, непосильною подчасъ для ученика борьбою какъ съ формальными, такъ и реальными трудностями текста, выносили нерѣдко изъ чтенія образцовыхъ писателей классической древности не высокое эстетическое наслажденіе, какъ бы слѣдовало ожидать, а напротивъ горькое отвращеніе какъ къ древнимъ классикамъ, такъ и къ древнимъ языкамъ, и, наконецъ (?) стали прибѣгать къ разнымъ не позволимъ назвать пособіямъ, которыя извѣстны подъ именемъ подстрочныхъ переводовъ, и количество которыхъ достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“.

Итакъ, представители учебнаго вѣдомства, какими съ полнымъ правомъ можемъ мы назвать гг. редакторовъ ¹⁾, констатируютъ несостоятельность нашей гимназій въ ея трудахъ по насажденію классицизма. Мы не можемъ съ ними вполне согласиться и думаемъ, что гг. педагоги слишкомъ уже сгустили краски. Но они нашли папачею болѣзнь, въ которой пребываетъ нашъ гимназическій классицизмъ, и вотъ какъ они о томъ возвѣщаютъ:

„Желая создать противовѣсъ этому страшному бичу нашей (1?) серьезной школы, а главное—оживить чтеніе греческихъ и римскихъ классическихъ писателей, сдѣлавъ его болѣе доступнымъ и интереснымъ для учениковъ, а черезъ это и болѣе обильнымъ и плодотворнымъ, мы рѣшились предпринять изданіе полнаго иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями (разставка въ подлинникѣ) по выработанному нами общему единообразному плану“.

„Къ величайшей нашей радости, начинаніе наше встрѣтило жи-

¹⁾ Г. Левъ Георгіевскій—директоръ Царскосельской гимназій, а г. С. Манштейнъ состоитъ въ ней преподавателемъ.

вое сочувствіе какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и во многихъ русскихъ филологахъ, которые съ полною готовностью отоввались на наше приглашеніе украсить своими трудами предпринимаемое нами изданіе. Считаемо пріятнымъ долгомъ поименовать въ алфавитномъ порядкѣ, съ чувствомъ сердечной благодарности, тѣхъ изъ нихъ, труды которыхъ имѣютъ войти въ составъ первой серіи нашего изданія. Далѣе слѣдуетъ списокъ 16 именъ, изъ которыхъ пять принадлежатъ профессорамъ нашихъ университетовъ (гг. Эблинскій, Латышевъ, Негушилъ, Сонни, Шеборъ).

Отъ души радуемся, что панацея найдена, и что предполагаемая серія изданій будетъ „украшена“ не только трудами господъ преподавателей равныхъ гимназій, но также и людей съ прочно установленною ученою репутаціей. Конечно, профессора университетовъ бываютъ часто некомпетентны въ сужденіи о томъ, что собственно нужно для средней школы, но врядъ ли однако наши почтенные товарищи, которыхъ труды (если только они появятся) могутъ дѣйствительно украсить любую подобную серію, а не только будущую Bibliotheca Petropolitana, нуждаются въ рекомендаціи своихъ произведеній со стороны гг. Льва Георгіевскаго и С. Манштейна, и врядъ ли они будутъ благодарны имъ за то, что ихъ уважаемыя имена фигурируютъ въ такой по истинѣ рекламѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ искренно негодуютъ гг. редакторы противъ зла подстрочниковъ, этого „бича нашей серьезной школы“, какъ они выражаются не безъ претензій, быть можетъ, на слогъ древняго оратора! Но вѣдь, однако, кто же не знаетъ, что въ западной Европѣ существуетъ гораздо болѣе обильная литература подобныхъ изданій? Произведенія этого рода обращаются въ изобиліи и у насъ, каковы нѣмецкая Schulfreund's-Bibliothek и издаваемая Гашеттомъ коллекція: Les auteurs latins и Les auteurs grecs „avec des sommaires et des notes par une société de professeurs“. По типу этихъ изданій сочиняются и наши подстрочники, а чаще, вѣроятно, непосредственно съ нихъ переводятся. Но какой однако педагогъ на западѣ будетъ такъ блинворукъ, чтобы видѣть въ существованіи этой литературы „страшный бичъ школы“? Конечно, всякій признаетъ, что въ дѣлѣ школьнаго ученія подобныя изданія неудобны и вредны. Они слишкомъ облегчаютъ „приготовленіе урока“, а потому пользованіе ими, освобождая учащагося отъ всякаго собственнаго усилія понять фразу древняго писателя, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности приобрѣсти навыкъ въ сво-

бодномъ пониманіи древняго текста. Но развѣ на западѣ, гдѣ подстрочники и числомъ гораздо обильнѣе, и по цѣнѣ доступнѣе, чѣмъ у насъ, какой-либо представитель педагогическаго міра станетъ такъ забавно вопить противъ подстрочниковъ? Или вся разница въ томъ, что на западѣ нѣтъ недостатка въ комментированныхъ изданіяхъ, а у насъ ихъ не много, и что ихъ изгоняли изъ гимназій? Конечно, нѣтъ! А разница въ томъ, что на западѣ учителя знаютъ свое дѣло и учатъ, а въ Россіи школьные порядки ставятъ вопросъ объ ученіи, къ сожалѣнію, совершенно иначе.

У насъ учитель древнихъ языковъ, который по праву носить имя учителя, есть довольно рѣдкое исключеніе. Огромному большинству лицъ, исполняющихъ эти обязанности, имя учитель усвоивается лишь по традиціи, и было бы большимъ недоразумѣніемъ предполагать о нихъ, что ихъ роль въ классѣ соответствуетъ термину „учитель“. Если судить по преобладающему общему типу, то въ настоящее время русское слово учитель слѣдовало бы передавать на латинскій языкъ никакъ не черезъ *praesceptor*, а пожалуй *inquisitor*, отъ *inquirere*, что значить: выпрашивать, развѣдывать. Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность—задать урокъ и поставить отмѣтку. Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значить, рачительнѣе ведетъ свое дѣло. Такъ какъ учитель не учитъ учениковъ, а только обязанъ стараться заставить ихъ учиться, то вполнѣ естественно, что свою дѣятельность въ классѣ онъ обращаетъ въ уловленіе ученическаго незнанія, которое немедленно протоколируется выставленіемъ балла въ журналъ въ графѣ, соответствующей данной фамиліи. Углавливаніемъ незнанія исчерпывается у большинства учителей ихъ отношеніе къ дѣлу ученія. Вотъ гдѣ причина того, что у насъ на Руси такъ всеобще распространено репетиторство. Заботливые родители приглашаютъ репетиторовъ къ своимъ дѣтямъ, не только пока тѣ состоятъ въ младшихъ классахъ и еще не освоились со школьною дисциплиною или нуждаются въ помощи по какимъ-нибудь особымъ обстоятельствамъ; репетиторство не прекращается и тогда, когда ученики состоятъ въ старшихъ классахъ и нерѣдко до седьмаго и даже восьмаго — увы, это всѣмъ извѣстные факты!—класса. Если дѣло учителя сведено къ задаванію урока и затѣмъ уловленію незнанія, то иначе и быть не можетъ. Если нѣтъ репетитора, то въ замѣнъ появляются на помощь подстрочники. Въ борьбѣ съ

этимъ „бичемъ нашей серьезной школы“ бессильны не только все нынѣ существующія комментированныя изданія древнихъ авторовъ, но бессильною окажется и та будущая коллекція изданій этого рода, которую предпринимаютъ гг. Георгіевскій и Манштейнъ. Какъ хороши ни оказались бы ихъ изданія, подстрочники останутся жить въ школѣ. И если количество этихъ послѣднихъ, какъ увѣряютъ гг. Георгіевскій и Манштейнъ, „достигло въ наше время по истинѣ ужасающихъ размѣровъ“, то на будущее время съ полною увѣренностью можно предсказать дальнѣйшее увеличеніе этого „ужасающаго“ количества.

Дѣло классицизма въ гимназіи будетъ стоять все на томъ же низкомъ уровнѣ, какъ нынѣ, пока для русскаго слова учитель латинскій переводъ будетъ inquisitor. Къ сожалѣнію, на этомъ уровнѣ пониманія своихъ обязанностей стоятъ и гг. редакторы будущей коллекціи древнихъ авторовъ. Въ этой серіи изданій они хлопочутъ о томъ, чтобъ отнять у ученика „возможность уклоняться при домашнемъ приготовленіи отъ ознакомленія съ содержаніемъ комментарія“, съ каковою цѣлью они вознамѣрились помѣстить его не внизу подъ текстомъ, какъ то общепринято, а послѣ текста, въ другой половинѣ книги. Важность ихъ тона, когда они говорятъ объ этомъ ничтожномъ внѣшнемъ измѣненіи вида изданія, вызываетъ по истинѣ удивленіе относительно гг. редакторовъ, какъ педагоговъ. Они хлопочутъ прежде всего о томъ, какъ ученикъ готовить дома свой урокъ. Безмѣрно важнѣе другой вопросъ: какъ проходить этотъ урокъ, какъ даютъ его въ классѣ гг. педагоги. Пока учитель не совлечетъ съ себя привычнаго и удобнаго халата inquisitor'a, до тѣхъ поръ никакое изданіе, какъ бы хороши ни были въ немъ комментаріи и даже иллюстраціи, не выдержитъ конкуренціи съ подстрочниками, ибо послѣдній скажетъ все-таки больше и проще, чѣмъ самое лучшее изданіе съ комментаріемъ. Конечно, быть учителемъ гораздо труднѣе, нежели оставаться въ роли инквизитора. Заставлять дѣтей и юношей учиться въ классѣ—дѣло, требующее великаго напряженія, постояннаго вниманія, приспособленія и опытности, тогда какъ халатъ инквизитора освобождаетъ педагога отъ всякой работы, позволяеть ему часто при полномъ незнаніи разыгрывать роль авторитета и нещадно ставить плохіе баллы за не выученный урокъ, провѣряя отвѣтъ ученика хотя бы даже по открытой книгѣ.

Такого рода порядки въ нашей школѣ содѣйствовали образованію типа „инквизитора“, который замѣщаетъ живую душу класса, лицо

учителя. Самый типъ, конечно, имѣеть исконную древность въ школахъ, ибо въ средѣ педагоговъ всегда была и будетъ тенденція замѣнять трудное дѣло ученія простымъ спрашиваніемъ заданнаго урока ¹⁾). Но желательно, чтобъ общія распоряженія администраціи имонно преграждали возможность такого простаго взгляда на высокія учительскія обязанности. Уврачеваніе нашей современной школы—дѣло сложное, и претензія предлагать панацею со стороны гг. Георгіевскаго и Манштейна, не выходящихъ въ своихъ представленіяхъ объ обязанностяхъ учителя дальше заботы, какъ ученики готовятъ дома свои уроки, и не уразумѣвшихъ, гдѣ причина распространенія „ужасящихъ“ ихъ подстрочниковъ, этого, по ихъ словамъ, „страшнаго бича школы“, — претензія эта заслуживаетъ только сожалѣнія. Господамъ педагогамъ надлежитъ побольше думать о томъ, что ученикъ дѣлаетъ въ классѣ. Тогда и начнетъ у насъ поправляться дѣло, котораго не исправятъ никакія хорошія комментированныя изданія

¹⁾ Хотя это утвержденіе и не нуждается въ доказательствахъ, но позволимъ себѣ однако привести одну историческую справку. Знаменитый митрополитъ Литовскій Іосифъ Сямашко, разказывая въ своей автобіографіи о годахъ ученія въ „Немеровскихъ гимназіальныхъ училищахъ“, говоритъ между прочимъ слѣдующее о тогдашнихъ учителяхъ:

„Теперь едва ли поймутъ, какіе въ прежнія времена были учителя. Одинъ изъ нихъ, добрый старичекъ, не знаю, бывалъ ли въ классѣ и четверть урочнаго времени. Я у него былъ первымъ почти цѣлый годъ, въ званіи *auditor auditorum*, то-есть, наблюдалъ и отиѣчалъ знаніе уроковъ аудиторами, исполнявшими подобную обязанность въ отношеніи прочихъ учениковъ. Помню, какъ онъ, бывало, въ самомъ началѣ урока скажетъ мнѣ: *слушай, Сямашко*, а самъ отправляется въ училищныя сѣни, гдѣ часто весь урокъ проводитъ съ другими учителями въ шумныхъ разговорахъ. Тогда ученики начинаютъ трепать поочередно урокъ, громко, наизусть или по книгѣ, какъ попало. Разумѣется, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, я не могъ соблюсти порядка между семидесятью моими соучениками, изъ которыхъ половина могла носить меня на рукахъ. Чисто поднимается шумъ и гвалтъ. Тогда отворяются изъ сѣней двери, показывается голова учителя съ громкимъ словомъ: *молчаге*—и все по прежнему: учителя расхваливаютъ, а мы треплемъ урокъ. Въ концѣ является въ классъ мой учитель: если ееть еще время, просматриваетъ замѣтки о знаніи уроковъ, наказываетъ не знавшихъ, и наконецъ, беретъ учебникъ и назначаетъ погтемъ слѣдующій урокъ, говоря: *съ этою жѣста по это*. Подобнымъ образомъ обращался онъ не только съ уроками, обыкновенно заучиваемыми наизусть, но даже съ арифметикою и географіею“. Записки Іосифа митрополита Литовскаго. Томъ I. С.-Пб. 1883, стр. 8.

древнихъ авторовъ... Бѣда не въ книгахъ и не въ томъ, какъ ученики готовятъ уроки дома, а въ людяхъ и въ томъ, что дѣлается въ классѣ ¹⁾...

Юліанъ Кулаковскій.

¹ Отчеты отдѣльныхъ гимназій могутъ дать, въ социальнѣю, наглядное доказательство справедливости нашихъ сѣтованій. Позволимъ себѣ привести нѣкоторые данныя хотя бы изъ недавно опубликованнаго „Отчета о состояніи Императорской Николаевской гимназіи въ Царскомъ Селѣ“ за 1887—1888 годъ. Изъ таблицы, помѣщенной на стр. 12, оказывается, что изъ общаго числа учениковъ гимназіи, 208 человѣкъ, въ 1887 году перешло въ высшіе классы 115 и осталось во второй годъ въ тѣхъ же классахъ 93 человѣка. Въ маѣ мѣсяцѣ 1888 года удостоено перевода изъ общаго числа, 191 человѣкъ, только 97 человѣкъ, какъ значится на стр. 38 „Отчета“, или 50,12% всѣхъ учащихъ въ гимназіи. Такая поразительная малоуспѣшность тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что число учениковъ въ отдѣльныхъ классахъ крайне незначительно. Къ началу переводныхъ и окончательныхъ испытаній состояло въ 1888 году, какъ значится на стр. 12 „Отчета“, по 10 человѣкъ въ VI и VIII классахъ, 11—въ VII, 12—въ V, 23—въ приготовительномъ, 24—въ IV, 28—въ III, 33—во II, 40—въ I-мъ. И при такой малочисленности классовъ дѣло обученія шло однако слабо, такъ что, напримѣръ, въ V классѣ оставлено на второй годъ *всѣхъ* человѣкъ и переведено 7, въ III классѣ оставлено на второй годъ *десять* и переведено 17. Мы намѣренно указываемъ на тѣ классы, гдѣ нѣтъ экзаменовъ, и отиѣтки, полученныя въ теченіе учебнаго года, служатъ основаніемъ для перевода въ высшій классъ. На страницахъ 36, 37 и 38 очень обстоятельно сообщено о числѣ неудовлетворительныхъ отиѣтокъ, полученныхъ учениками всѣхъ классовъ въ четвертныхъ вѣдомостяхъ объ ихъ успѣхахъ по отдѣльнымъ предметамъ....

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1889 годъ ¹⁾).

Во всей длинной лѣтописи Академіи, можетъ быть, не найдется года, который былъ бы, какъ нынѣшній, отмѣченъ такими тяжкими для нея и многими утратами. Одинъ за другимъ сошли въ могилу: президентъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, вице-президентъ Викторъ Яковлевичъ Буняковский и академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ. Горестны для насъ были эти утраты, чувствительны овѣ были для всего строя академической жизни. Утѣшеніемъ намъ могло лишь служить сознаніе, что отошедшіе отъ насъ дѣятели оставили намъ послѣ себя въ наслѣдіе славныя имена, которыя останутся навсегда памятны въ лѣтописяхъ нашихъ.

Графъ Толстой былъ призванъ волею Монаршею занять постъ главнаго руководителя Академіи въ то время, когда предмѣстникъ его, графъ Ѳ. П. Литке, взысканный отъ Всевышняго тяжкимъ уже для него долголѣтіемъ и пораженный старческими недугами, лишившими его возможности быть полезнымъ Академіи, просилъ и получилъ увольненіе отъ званія президента. Поступая на его мѣсто, графъ Толстой былъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ,

¹⁾ Составленъ и читанъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1888 г.

приготовленъ къ плодотворной, но и трудной, предстоявшей ему дѣятельности по управленію высшимъ ученымъ учрежденіемъ въ имперіи. Съ значеніемъ, нуждами и слабыми сторонами Академіи онъ близко ознакомился передъ тѣмъ, еще въ бытность въ теченіи 14 лѣтъ (1866—1880) министромъ народнаго просвѣщенія. Но это знакомство получило для себя еще болѣе широкую, такъ сказать, документальную основу, послѣ оставленія имъ этого министерства. И здѣсь да позволено мнѣ будетъ сохранить для нашей исторіи и для будущаго біографа графа Толстаго характерную черту, свидѣтельствующую о томъ, какъ онъ любилъ ученыя занятія и какъ основательно дѣлалъ всякое дѣло. Располагая, послѣ увольненія отъ министерскихъ обязанностей, болѣшимъ досугомъ, онъ посвятилъ его историческимъ трудамъ, избравъ предметомъ ихъ царствованіе императрицы Екатерины II, и въ особенности—заботы Великой монархини объ учебной части въ нашемъ отечествѣ. Изучивъ въ подробности архивъ бывшаго своего министерства, онъ, занявшись исторіею нашего просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ, естественно остановился на неразрывно связанной съ нею исторіи нашей Академіи. По его желанію, ему были постепенно доставляемы изъ нашего архива всѣ переплетенные томы бумагъ бывшей академической канцеляріи, вѣдавшей административныя дѣла Академіи въ XVIII столѣтіи. Такъ перебралъ онъ въ короткое время весь этотъ архивъ; но посылавшіеся ему для просмотра архивныя фоліанты возвращались отъ него, для замѣны ихъ другими, такъ скоро, что невольно—какъсь въ томъ—рождалось предположеніе, что просмотръ съ его стороны былъ лишь бѣглый, приблизительный, работа барича-диллетанта, удовлетворяющагося верхушками. Но какъ же былъ я впослѣдствіи удивленъ, пораженъ, внутренно пристыженъ, когда онъ, будучи уже президентомъ и получивъ повелѣніе занять трудный и отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, раскрылъ передо мною, въ своемъ кабинетѣ, особый шкафъ, съ толстыми переплетенными томами, въ которыхъ въ величайшемъ порядкѣ была размѣщена масса собственноручно сдѣланныхъ графомъ подробныхъ выписокъ, копій и извлеченій изъ документовъ, найденныхъ имъ въ нашемъ архивѣ и полезныхъ для задуманнаго имъ историческаго труда. Взглянувъ на нихъ съ сожалѣніемъ и какъ бы прочаясь съ ними до времени, онъ замѣтилъ, что теперь это только матеріалы для работъ ему въ старости, когда онъ уже не будетъ годенъ для службы Царю: теперь же нужно не писать исторію, а дѣлать ее.

Вступая въ Академію въ качествѣ президента, гр. Толстой приносилъ съ собою большую опытность въ дѣлахъ и давнишнее знаніе людей. Твердость характера счастливо сочеталась въ немъ съ доброжелательствомъ и обходительностью высоко образованнаго свѣтскаго человѣка. При такихъ качествахъ ему не трудно было, съ первыхъ же шаговъ, самымъ мирнымъ образомъ, положить конецъ тѣмъ печальнымъ „недоразумѣніямъ“, которыми, къ прискорбію, были омрачены послѣдніе годы президентства гр. Литке, и направить всю дѣятельность Академіи на развитіе тѣхъ трудовъ, которые составляютъ ея цѣль и назначеніе.

При всей краткости времени, что онъ былъ нашимъ президентомъ, всего семь лѣтъ ¹⁾, графъ Толстой успѣлъ много сдѣлать для Академіи. Главною его заслугою было оживленіе въ ней трудовъ по русской исторіи. Человѣкъ высокаго ума, онъ равно цѣнилъ всѣ науки; но какъ у истого русскаго, сердце у него, съ полнымъ правомъ; ближе лежало къ наукѣ, хранительницѣ самыхъ дорогихъ для насъ родныхъ воспоминаній и преданій, наукѣ, въ которой отражается и на которой опирается наше народное самосознаніе. Многие изъ того, что онъ замышлялъ сдѣлать по этой части, онъ не успѣлъ исполнить за свою кончину; но и то, что имъ сдѣлано, оставитъ глубокій слѣдъ въ развитіи у насъ трудовъ по отечественной исторіи.

Крупною, личною заслугою его было привлеченіе въ ряды академическихъ дѣятелей сенатора Н. В. Калачова, незабвеннаго радѣтеля объ архивномъ дѣлѣ въ Россіи, устроителя богатаго историческими сокровищами Московскаго архива министерства юстиціи, создателя археологическаго института, этого разсадика ученыхъ русскихъ архивистовъ. По мысли Калачова и при поддержкѣ графа Толстаго, начала Академія издавать, въ двухъ обширныхъ, многотомныхъ сборникахъ важнѣйшіе, доколѣ неизвѣстные документы, разъясняющіе государственный строй и внутренній бытъ Россіи, какъ временъ Петра Великаго, такъ и въ предшествовавшую его реформамъ эпоху Московскихъ царей. Обработка и печатаніе „Актвъ Московскаго государства“ обезпечены особою, исходатайствованною гр. Толстымъ спеціальною суммою, назначенною на розысканіе въ архивахъ и на

¹⁾ Любопытна случайность, по которой важнѣйшія событія въ жизни графа Д. А. Толстаго приходились на апрѣль: 14-го апрѣля 1866 г. былъ онъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, и 14-го апрѣля 1880 г. уволенъ отъ этой должности; 25-го апрѣля 1883 г. назначенъ президентомъ Академіи, и 25-го апрѣля 1889 г. скончался.

обнародованіе важнѣйшихъ для русской исторіи документовъ XVI и XVII столѣтій.

Ходатайству его же мы обязаны пожалованіемъ другой специальной суммы на изданіе матеріаловъ, хранящихся въ нашемъ архивѣ для исторіи самой Академіи и интересныхъ вообще для изображенія русскаго просвѣщенія въ прошедшемъ столѣтіи. Графъ Толстой и самъ внесъ посильную лепту для разработки этой исторіи четырьмя обширными записками, напечатанными въ нашихъ изданіяхъ, — объ учебной части въ Россіи въ XVIII столѣтіи, о городскихъ училищахъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и объ университетѣ и гимназій, существовавшихъ при Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи.

Учрежденныя съ 1884 года, по стараніямъ Калачова и по проекту гр. Толстаго, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ученія архивными комиссіи и историческіе архивы стали дѣятельными центрами сохраненія и обработки для науки письменныхъ памятниковъ старины, разбѣянныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ, что лишь подъ покровительствомъ гр. Толстаго могли быть Академіею изданы теперь же, въ полномъ ихъ видѣ, завѣщанныя ей, написанныя лишь для потомства, „Записки“ приснопамятнаго Іосифа, митрополита Литовскаго, столь важныя для исторіи одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ царствованія императора Николая I, воссоединенія миллионовъ униатовъ съ православною церковью.

Но, любя отечественную исторію, какъ долженъ ее любить всякій русскій, гр. Толстой съ равною готовностію подавалъ руку помощи академическимъ предпріятіямъ и по другимъ отраслямъ наукъ. Его предстательству предъ Престоломъ обязана Академія значительными средствами, позволившими осуществить давнишнюю, завѣтную ея мечту объ ученомъ изслѣдованіи, путемъ снаряженія особой экспедиціи, самыхъ полярныхъ окраинъ сибирскаго материка и Ново-Сибирскихъ острововъ. Имъ же исходатайствованы, отъ щедротъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, необходимыя средства для достойнаго изданія въ свѣтъ обрабатываемыхъ Академіею научныхъ результатовъ путешествій Пржевальскаго по Центральной Азіи. Много стараній приложилъ онъ для доставленія нашей главной физической обсерваторіи способовъ къ расширенію и усовершенствованію нашей системы метеорологическихъ наблюденій, въ видахъ точнѣйшаго изученія климата разныхъ частей Россіи и

примѣненія результатовъ такого изученія къ удовлетворенію житейскихъ потребностей страны.

Возведенное, во время его президентства, красивое новое зданіе, примыкающее къ библіотекѣ, позволило дать этому столь существенно важному для ученыхъ занятій учрежденію нашему необходимое расширеніе помѣщенія его, вмѣстѣ съ тѣмъ доставило возможность изъ накопившихся у насъ, въ теченіе полутора вѣка существованія Академіи, драгоценныхъ этнографическихъ коллекцій образовать цѣлый этнографическій музей, по своему составу и устройству вполне достойный этого названія.

Наконецъ, желая доставить Академіи болѣе значительныя средства поощрять ученые труды въ Россіи по наукамъ, входящимъ въ кругъ нашихъ занятій, графъ Толстой и его супруга, графиня Софія Дмитріевна, пожертвовали въ 1883 г. болѣе 19,500 руб. въ капиталъ премій, посвященныхъ имя графа, съ тѣмъ, чтобъ эти преміи могли быть присуждаемы не черезъ каждые три года, какъ было дологѣ, а ежегодно.

Вотъ, мн. гг., факты, говорящіе сами за себя; вотъ какія услуги графомъ Толстымъ, какъ президентомъ, оказаны наукѣ въ средѣ академіи. О нихъ благодарная исторія сохранитъ память и до тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда уже не останется въ живыхъ никого изъ его современниковъ, могущихъ свидѣтельствовать о томъ, какое глубокое уваженіе питали всѣ мы къ его свѣтлой и благородной личности.

Другою чувствительною потерей для насъ была кончина всѣми высокочтимого, старѣйшаго изъ членовъ Академіи, Нестора русскихъ математиковъ, Виктора Яковлевича Вуяковскаго. Спокойна и тиха была его кончина, какъ спокойна и тиха была его долгая жизнь. Годы подкрадывались къ нему незамѣтно, почти не давая себя знать на его душевныхъ способностяхъ, такъ что всѣ мы, видя его передъ нами въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ всегда одинаково бодримъ и умственно здоровымъ, могли подъ часъ забывать, что человекъ смертенъ.

Викторъ Яковлевичъ родился въ 1804 г. 3-го декабря, въ Подольской губерніи, въ историческомъ мѣстечкѣ Варѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Малороссіи, состоялъ въ то время на службѣ, подполковникомъ конно-польскаго уланскаго полка. Ранняя смерть отца (онъ умеръ 37 лѣтъ, въ 1809 г., въ Тавастгусѣ, въ Финляндіи, гдѣ находился со своимъ полкомъ) имѣла рѣшающее вліяніе на всю

судьбу будущаго математика. Его мать, по недостатку средствъ, не могла заняться его воспитаніемъ, но эту заботу принялъ на себя ротный сослуживецъ и другъ его отца, А. П. Тормасовъ, бывшій съ 1819 года московскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ домѣ его, въ Москвѣ, молодой Буняковскій получилъ домашнее воспитаніе, вмѣстѣ съ сыномъ Тормасова, и вмѣстѣ съ нимъ же былъ отправленъ въ 1820 г., при гувернерѣ, за границу для довершенія своего образованія. Эта счастливая для него случайность привела бѣднаго, но даровитаго и жаднаго къ ученію молодаго человѣка, черезъ Кобургъ, въ которомъ онъ пользовался частными уроками, и черезъ Лозанну, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ тамошней академіи, наконецъ, въ Парижѣ въ то время, когда французская школа математики была тамъ въ полномъ блескѣ, когда тамъ жили и учили Лапласъ, Фурье, Пуассонъ, Коши, Лажандръ, Лавруа, Амперъ, Араго и др. Здѣсь-то, слушая этихъ знаменитыхъ ученыхъ, то на лекціяхъ въ Сорбоннѣ, то въ Collège de France, усвоилъ себѣ Буняковскій тѣ отличительныя качества французской математической школы—простоту и ясность, то, что называютъ изяществомъ изложенія, которыя онъ потомъ, возвратясь въ отчество, перенесъ къ намъ и долгимъ своимъ преподаваніемъ водворилъ въ Россію.

Быстро, въ теченіе одного года (1824), получилъ онъ степень бакалавра (кандидата) и лиценціата (магистра), а въ слѣдующемъ уже году, по публичномъ защищеніи двухъ напечатанныхъ имъ диссертаций—одной по механикѣ, а другой по математической теоріи теплоты, удостоенъ отъ факультета наукъ парижской академіи степени доктора математики. Съ докторскимъ дипломомъ въ карманѣ прибылъ Буняковскій въ 1826 г. въ Петербургъ, въ весьма благоприятную для него пору.

Если счастьемъ можетъ считаться попадать кстати и впопадъ куда нужно, то такое счастье вышло вполне на долю Буняковского. Въ то время, какъ онъ, окончивъ ученье, долженъ былъ помышлять о томъ, что изъ себя сдѣлать, и мечталъ уже о военной службѣ, по слѣдамъ своего отца, извѣстнаго своею храбростію улана, — обстоятельства повернули его совсѣмъ въ другую сторону. Во время дна состояніе математики какъ въ высшемъ ученомъ, такъ и въ педагогическихъ сферахъ столицы представляло такіе недочеты, что появленіе на петербургскомъ горизонтѣ 22-лѣтняго юноши, успѣвшаго наслушаться парижскихъ профессоровъ, составило собою уже замѣтное событіе. Не далѣе какъ черезъ два года по приѣздѣ его въ сто-

лицу, передъ нимъ гостеприимно распахнулись двери Академіи Наукъ, и затѣмъ начались, постепенно разростаясь, многочисленныя занятія по преподаванію математики въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы.

Съ этой поры и до самыхъ послѣднихъ дней его жизни тянется для него длинная вереница годовъ — „обѣдовъ длинный рядъ“, —однообразно протекавшихъ въ ученыхъ трудахъ. Если вообще жизнь ученыхъ, проводящихъ все время въ кабинетной тиши, рѣдко представляетъ какіе нибудь интересныя эпизоды, могушія сообщить ихъ біографіямъ занимательность для постороннихъ, то это еще въ большей мѣрѣ примѣняется къ біографіи Буняковского, у котораго одною изъ выдающихся сторонъ его характера было необыкновенное постоянство привычекъ. Онъ столь же крѣпко держался разъ принятаго порядка своего домашняго быта, какъ другіе любятъ перемѣны въ жизни.

Одною изъ такихъ привычекъ была для него умственная работа; онъ жилъ, когда работалъ, и жилъ только, чтобы работать, и его біографіи почти вся укладывается въ рамки его бібліографіи. Велико число болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ, напечатанныхъ имъ въ теченіи свыше 60-лѣтней его ученой дѣятельности, въ разныхъ русскихъ и отчасти иностранныхъ изданіяхъ, но въ особенности въ изданіяхъ нашей Академіи. Они обогатили разныя отрасли математики: исчисленіе конечныхъ разностей, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механику, геометрію, теорію вѣроятностей и преимущественно теорію чиселъ, любимый предметъ занятій Буняковского. Всѣ они отличаются изяществомъ изложенія и останутся навсегда драгоцѣннымъ достояніемъ и украшеніемъ русской математической литературы.

Какъ человекъ, Викторъ Яковлевичъ представлялъ собою образецъ высоко-нравственной личности: всегда строгій къ самому себѣ, благодушный и снисходительный ко всѣмъ, онъ, не смотря на свою казавшуюся мягкость, былъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ и никогда ими не поступался ни для кого и ни для чего, подчиняясь во всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ глубокому чувству долга. Въ теченіи своей долгой жизни онъ многихъ имѣлъ друзей и пріятелей и никогда не имѣлъ враговъ и противниковъ; многимъ дѣлалъ добро и никому не сдѣлалъ зла, по крайней мѣрѣ сознательно. Высканный отъ Бога счастливымъ долгодѣіемъ, онъ пользовался во всю свою жизнь, и до послѣдняго издыханія утѣхами тихаго, безматежнаго семейнаго счастья.

Смерть не пощадила и немногочисленнаго историко-филологическаго отдѣленія нашего. Жертвою ея палъ одинъ изъ младшихъ по годамъ членъ его, академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, умершій 29-го августа, въ гор. Дмитровѣ, Московской губерніи, на 61-мъ году жизни. Кончина его была потерей не для одной науки и Академіи. Всѣ присутствующіе здѣсь конечно еще помнятъ тѣ дружныя проявленія соболъзнованія, какими встрѣчена была вѣсть о его смерти въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, и которыя указали какое мѣсто онъ занималъ въ современномъ обществѣ.

В. П. Безобразовъ родился въ 1829 году, 3-го января, въ городѣ Владимірѣ. Образованіе получилъ въ Александровскомъ лицейѣ, въ томъ XV-мъ курсѣ, котораго первые два года протекли еще въ Пушкинскомъ лицейѣ, въ Царскомъ Селѣ, и воспитанники котораго, съ третьяго года, уже въ Петербургѣ, дочитывали профессорскія записки и учебники вплоть до своего выпуска въ 1847 году. Это перемѣщеніе лица изъ мирныхъ царскосельскихъ садовъ въ столичную среду совпало, по времени, съ тою памятною эпохою, когда новыя политическія системы и экономическія ученія стали доноситься до насъ съ запада и находили для себя особенно воспримчивую почву въ нашей тогдашней молодежи. Любознательный и впечатлительный, Безобразовъ сталъ тогда уже съ увлеченіемъ изучать теоріи новѣйшихъ въ то время экономистовъ, а разъ ознакомившись съ ними, онъ весь отдался разработкѣ тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ, по доктринамъ экономистовъ, обѣщалось необыкновенное поднятіе народнаго благосостоянія. То, что было сначала дѣломъ увлеченія молодыхъ лѣтъ, стало потомъ задачею всей жизни.

Кто посвящаетъ себя изученію законовъ, управляющихъ экономической жизнью народовъ; рѣдко можетъ удержаться въ сторонѣ отъ сферы практической дѣятельности, отъ непосредственнаго примѣненія выводовъ, добытыхъ спекулятивнымъ путемъ, къ вопросамъ дня. По живости своего темперамента, Безобразовъ не избѣгъ такого направленія; его всегда занимала не столько разработка отвлеченныхъ теорій политической экономіи, сколько возможность приложенія истинъ науки къ задачамъ, выдвигаемымъ на очередь ходомъ современной народной жизни.

Нельзя не поставить Безобразову въ заслугу, что, не смотря на все разнообразіе положеній, въ которыя ставила его служебная его карьера, не смотря даже на то, что по живости и подвижности

своей натурн онъ не замыкался исключительно въ типн кабинета и не ограничивался одною своею спеціальною, онъ остался навсегда вѣрнъ однажды избранной имъ себѣ наукѣ. А служебное его поприще было замѣчательно разнообразно и представляло вѣроятно не разъ искушеніе измѣнить ей.

Непосредственно по выпускѣ изъ лицей, служба его началась въ государственной канцеляріи (1847). Вслѣдъ за тѣмъ видимъ мы его, въ теченіи пяти лѣтъ, въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ, въ различныхъ должностяхъ служебной лѣстницы, затѣмъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, то начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи его, то редакторомъ Журнала Министерства. Затѣмъ появляется онъ въ комиссіи при министерствѣ финансовъ о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системы податей и пошлинъ, чтобы вскорѣ затѣмъ перейти въ провіантское вѣдомство военнаго министерства, гдѣ онъ одно время несетъ обязанности помощника оберъ-провіантмейстера С.-Петербургской и Псковской губерній, и наконецъ назначается членомъ совѣта министра финансовъ (1864), членомъ Академіи Наукъ (1865) и сенаторомъ (1885).

Рядомъ съ исполненіемъ разнообразныхъ обязанностей этой разнообразной службы идутъ почти ежегодно, начиная съ 1860 года, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, путешествія его, командировки съ ученою цѣлью, то за границу—для изученія иностранныхъ поземельныхъ банковъ или для обзоренія заграничныхъ университетовъ, то въ разныхъ губерніи Россіи—разъ для собранія свѣдѣній о видахъ и намѣреніяхъ землевладѣльцевъ относительно учрежденія земскихъ банковъ и о состояніи оборотовъ приказовъ общественнаго призренія,—въ другой разъ—для изученія вопроса объ учрежденіи на новыхъ основаніяхъ должности губернскихъ механиковъ,—или для собранія свѣдѣній на нижегородской и другихъ армаркахъ о промышленности и торговлѣ на нихъ. Въ иные года, мы видимъ его въ разныхъ губерніяхъ—изучающимъ положеніе льняной промышленности Россіи или на Уралѣ обзорѣвающимъ тамошніе казенные горные промыслы. Но любимую цѣлью его лѣтнихъ командировокъ въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ были Московская и окружающія ея губерніи для изученія тамъ заводской и фабричной производительности.

Эти мѣстные изслѣдованія и занятія въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ доставили содержаніе для множества трудовъ, напечатанныхъ имъ—однихъ по обязанности службы,—другихъ въ видѣ самостоятельныхъ ученыхъ работъ. Какъ ни значительно было

число такихъ трудовъ, они не исчерпывали всей его дѣятельности. Скорби о томъ, что ученые труды недостаточно читаются, онъ охотно прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ пропаганды экономическихъ ученій. Съ особенною любовью занимался онъ передачею этихъ учений молодымъ поколѣніямъ, профессорствуя въ теченіе десяти лѣтъ (1869—1879) въ томъ самомъ лицейѣ, въ которомъ онъ и самъ впервые увидалъ свѣтъ науки. Но еще постояннѣе, долѣе и съ большимъ воодушевленіемъ, держалъ онъ въ рукахъ перо публициста, сотрудничая, почти во всѣ періоды своей жизни, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ самыхъ противоположныхъ направленій, отъ большихъ ежедневныхъ политическихъ вѣдомостей обѣихъ столицъ, до толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями и безъ нихъ, издавая одно время даже и самъ газету Вѣкъ, не отличившумся впрочемъ долговѣчіемъ.

И нельзя не удивляться подвижности его мысли, легкости у него работы, разнообразію и обширности познаній, когда видишь на какихъ разнообразныхъ поприщахъ онъ успѣвалъ дѣйствовать, съ какою легкостью переходилъ онъ изъ залы совѣщаній высшихъ административныхъ учреждений къ кафедрѣ профессора, отъ кочеваній туриста по всѣмъ угламъ обширнаго нашего отечества къ сидячей жизни кабинетнаго труженика и къ лихорадочной работѣ заборнаго журналиста, поддерживая въ то же время самыя живыя связи съ обширнымъ кругомъ образованныхъ людей своего времени. Находя, что и письмо есть еще не довольно быстрое средство передачи мыслей, онъ особенно любилъ изустныя бесѣды въ пріятельскихъ кружкахъ, передъ которыми, „давъ волю словъ теченію“, въ живыхъ импровизаціяхъ пропагандировалъ свои излюбленныя политико-экономическія убѣжденія.

Изображеніе такой разнохарактерной и разнородной дѣятельности, далеко заходящей за края академической рамки, конечно не укладывается въ скромные размѣры нашихъ отчетовъ. Для полной оцѣнки жизни и трудовъ Безобразова вужень былъ бы просторъ отдѣльной монографіи, и можно надѣяться, что изъ обширнаго круга его читателей и пріятелей найдется кто нибудь, кто соблазнится припятъ на себя выполнение такой нелегкой задачи.

Истекающій годъ не обошелся безъ прискорбныхъ утратъ и изъ числа нашихъ вѣдшихъ членовъ. Со списка почетныхъ членовъ исчезло громкое имя инженеръ-генераль-лейтенанта Германа Егоровича Паукера, извѣстнаго своею ученостью по инженерному искусству

(† 29-го марта). Изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ скончались: Варень-Деларю, въ Лондонѣ, славный своими трудами по усовершенствованію небесной фотографіи; всемірно извѣстный химикъ Шеврель († 28-го марта, въ Парижѣ); тайный совѣтникъ Рудольфъ Эрнестовичъ Траутфеттеръ, въ Петербургѣ († 12-го января), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ флоры Россіи; Амари, ученыи римскій профессоръ и историкъ († 16-го іюля, въ Флоренціи); баронъ де-Витъ, членъ института въ Парижѣ, извѣстный своими заслугами въ области классической археологіи († 29-го іюля); наконецъ, ученые представители восточной словесности: тайный совѣтникъ Керопе Петровичъ Паткановъ († 2-го апрѣля, въ С.-Петербургѣ), Уильямъ Райтъ, въ Кембриджѣ, и Паве-де-Куртейль, членъ института въ Парижѣ († 14-го декабря).

Исполняя обязанность, возлагаемую на непремѣннаго секретаря уставомъ Академіи, имѣю честь представить снисходительному вниманію вашему, мм. гг., обзоръ ученыхъ трудовъ, бывшихъ въ теченіе года предметомъ чтеній въ засѣданіяхъ физико-математическаго и историко-филологическаго отдѣленій и затѣмъ напечатанныхъ или приготавливаемыхъ къ печати въ нашихъ изданіяхъ.

По математикѣ академикъ П. Л. Чебышевъ, въ опубликованной имъ запискѣ о приближенныхъ выраженіяхъ квадратнаго корня переменѣнной черезъ простыя дроби, показалъ приложеніе общей, данной имъ прежде, теоремы относительно приближенныхъ выраженій, къ случаю, который особенно часто представляется въ практикѣ.

Работамъ, читанномъ другимъ нашимъ математикомъ, академикомъ В. Г. Имшенецкимъ объ интегрированіи симметрическихъ дифференціальныхъ уравненій, къ небольшому числу изслѣдованныхъ доселѣ типичныхъ формъ системъ дифференціальныхъ уравненій, характеризующихъ ихъ особыми свойствами, присоединена еще одна новая форма, не лишняя интереса уже потому, что она, можетъ быть, представляетъ собою лишь первый видъ въ классѣ дифференціальныхъ уравненій болѣе сложной симметріи. каковы, напримѣръ, дифференціальные уравненія динамики.

А. А. Марковъ сообщилъ Академіи рѣшеніе одного вопроса, частный случай котораго встрѣтился профессору Д. И. Менделѣеву при изслѣдованіи имъ водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу. По методамъ, приложеннымъ къ рѣшенію этого вопроса, статья г. Маркова примыкаетъ къ трудамъ П. Л. Чебышева и покойнаго Е. И. Золотарева о функціяхъ наиболѣе и наименѣе отклоняющихся отъ

вуля. Кромѣ того онъ напечаталъ первую часть своихъ изслѣдованій объ исчисленіи конечныхъ разностей и сообщилъ, что ему удалось, при помощи двукратныхъ суммъ, преобразовать многіе, медленно сходящіеся ряды въ быстро сходящіеся. Свои изслѣдованія по этому предмету онъ надѣется опубликовать въ будущемъ году.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку явились въ нашихъ изданіяхъ новыя изслѣдованія профессора Д. К. Бобылева о началѣ Гамильтона или Остроградскаго и о началѣ наименьшаго дѣйствія (главы III и IV), служація продолженіемъ разсужденія о томъ же предметѣ, появившагося прежде въ Запискахъ Академіи, и представляющія рѣшеніе нѣкоторыхъ труднѣйшихъ вопросовъ механики.

По астрономіи предметомъ чтенія академика О. А. Баклунда были поправка рефракціи отъ температуры изъ наблюдений, произведенныхъ г. Винке съ 1861 по 1864 г. Пулковскимъ меридианнымъ кругомъ. Г. Баклундъ показалъ, что изъ этихъ наблюдений поправка, зависящая отъ температуры, конечно, можетъ быть выведена довольно точно; но для строгаго опредѣленія рефракціи трудность представляется въ томъ, что ее не легко отдѣлить отъ вліянія температуры на астрономическое гнутіе, а между тѣмъ дѣло идетъ о весьма малыхъ величинахъ. Къ рѣшенію этого вопроса могутъ быть приложены выводы прежнихъ изслѣдованій г. Баклунда. Но другаго рода трудностью, имѣющею вліяніе на точность результата, является разность рефракціи къ югу или къ сѣверу, измѣняющаяся со дня на день и необъяснимая показаніями метеорологическихъ инструментовъ.

По астрономіи же и геодезіи укажемъ кромѣ того на предложенную генераломъ А. Р. Бонсдорфомъ формулу для вычисленія дугъ паралели земнаго элипсоида, и на предварительные выводы, сдѣланные адъюнктъ-астрономомъ Пулковской обсерваторіи Г. О. Струве изъ наблюдений надъ двумя спутниками Сатурна.

По физикѣ, ученый лаборантъ нашего физическаго кабинета О. Д. Хвольсонъ, сообщившій прежде въ Бюллетенѣ результаты произведенныхъ имъ опытныхъ изслѣдованій о внутреннемъ свѣторазсѣяніи въ молочныхъ стеклахъ, дополнилъ теперь эту работу оцѣткою математической теоріи такого свѣторазсѣянія, и если, можетъ быть, онъ не успѣлъ при этомъ побѣдить всѣхъ трудностей, какія представляла самая сложность задачи, то во всякомъ случаѣ его попытка можетъ дать поводъ къ дальнѣйшимъ полезнымъ работамъ по тому же предмету.

Исслѣдованія земного магнетизма и законовъ атмосферныхъ явленій на всемъ пространствѣ Россіи составили предметъ цѣлаго ряда трудовъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году въ нашихъ засѣданіяхъ. Предложенный академикомъ Г. И. Вильдомъ въ 1884 г. способъ къ тому, чтобы въ варіаціяхъ земного магнетизма отдѣлать періодическую ихъ часть, или такъ-называемый нормальный ходъ ихъ, отъ непериодической части, или такъ-называемыхъ возмущеній, былъ примененъ помощникомъ директора Екатеринбургской обсерваторіи П. К. Мюллеромъ къ исслѣдованію измѣненій магнетизма въ Петербургѣ и Павловскѣ на основаніи наблюденій 1873—1885 годовъ. При помощи полученныхъ при этомъ результатовъ и изъ обработки прежде сдѣланныхъ въ С.-Петербургѣ наблюденій академикъ Вильдъ доказалъ, что выведенный по его способу нормальный суточный ходъ склоненія не только весьма просто даетъ и возмущенія его, но и доставляетъ объясненія бывшихъ доселѣ непонятными вѣковыхъ измѣненій обыкновеннаго суточного хода склоненія. Точно также и въ возмущеніяхъ обнаруживается, какъ и въ нормальномъ ходѣ, простая суточная періодичность, при которой наибольшія и наименьшія величины лишь иначе располагаются и для обѣихъ эти періоды отъ одного года до другаго различаются только своими амплитудами, причемъ величина сихъ послѣднихъ соответствуетъ періодамъ, замѣченнымъ въ отношеніи солнечныхъ пятенъ. Изъ совместнаго расположенія этихъ двухъ простыхъ періодовъ съ ихъ измѣняющимися въ теченіе года амплитудами, возникаютъ тѣ сложныя измѣненія формъ, которыя изъ года въ годъ наблюдались непосредственно въ суточномъ ходѣ склоненія. Послѣ этого сама собою бросается въ глаза вся важность представляемаго для теоріи земного магнетизма такимъ раскрытіемъ явленія, надъ разъясненіемъ котораго тщетно трудились доселѣ физики болѣе 40 лѣтъ.

Для того, чтобы въ изученіи измѣненій элементовъ земнаго магнетизма достигнуть еще большей точности, академикъ Вильдъ уже много лѣтъ трудился надъ усовершенствованіемъ инструментовъ, употребляемыхъ для этихъ наблюденій, и въ нынѣшнемъ году обнаружилъ въ нашихъ Мемуарахъ описаніе новаго устройства магнитныхъ варіаціонныхъ инструментовъ, которые по испытаніи ихъ въ Павловской обсерваторіи оказались наиболѣе соответствующими цѣли. Тутъ же присоединено и описаніе придуманнаго имъ же фотографическаго регистрирующаго аппарата для отмѣтки магнитныхъ измѣненій, представляющаго, въ отношеніи конструкціи и удобства упо-

требленія, очевидныя преимущества предъ извѣстными англійскими аппаратами этого рода. Въ этомъ мемуарѣ изложена, кромѣ того, полная теорія относительно опредѣленія постоянныхъ величинъ и употребленія магнитныхъ варіаціонныхъ аппаратовъ, открывающая новыя точки зрѣнія для оцѣнки точности получаемыхъ этимъ аппаратомъ данныхъ.

Рядомъ съ усовершенствованіемъ теоріи шла и обработка наблюденій, для точнѣйшаго познанія распредѣленія земнаго магнетизма въ разныхъ частяхъ Россіи: директоръ Екатеринбургской обсерваторіи Г. О. Абельсъ представилъ выводы изъ точныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ въ 1887 году надъ наклономъ въ трехъ пунктахъ сѣверо-западной Сибири—Сургутъ, Обдорскъ и Кондинскъ; помощникъ директора той же обсерваторіи П. К. Мюллеръ напечаталъ старательно обработанный имъ сводъ наблюденій той обсерваторіи надъ магнитнымъ наклономъ за 49 лѣтъ, съ 1837 по 1885 годъ, а помощникъ директора Тифлисской обсерваторіи Р. Э. Ассафрей своими наблюденіями въ Эриванской губерніи дополнилъ наши свѣдѣнія о земномъ магнетизмѣ въ Кавказскомъ краѣ. Наконецъ директоръ Иркутской обсерваторіи Э. В. Штеллингъ сдѣлалъ въ 1888 году, во время поѣздки своей для осмотра метеорологическихъ станцій по берегамъ Лены отъ Иркутска до Якутска, весьма точныя наблюденія всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма въ 5 пунктахъ—Якутскѣ, Олекминскѣ, Вигимскѣ, Благовѣщенскомъ прискѣ и Банниковѣ, и въ сравненіи результатовъ ихъ съ наблюденіями въ тѣхъ же странахъ Ганстеева, Дуэ и Эрмана, относящимися къ 1829 году, и съ произведенными Ферд. Миллеромъ и др. Фритше въ 1870 и слѣдующихъ годахъ, сообщилъ намъ любопытныя выводы о вѣковыхъ измѣненіяхъ элементовъ земнаго магнетизма въ восточной Сибири, дающіе возможность внести значительныя поправки въ магнитныя карты, составленныя генералъ-майоромъ А. А. Тилло и германскою морскою обсерваторіей (Deutsche Seewarte).

Работы по метеорологіи имѣли точно также цѣлью какъ улучшеніе самыхъ способовъ наблюденій, такъ и обогащеніе науки новыми фактами для разъясненія разныхъ сторонъ климатологіи Россіи. Академикъ Вильдъ, продолжая свои изысканія о средствахъ для опредѣленія истинной температуры воздуха, показалъ между прочимъ, что недавно предложенный для этого Асманомъ способъ не соответствуетъ цѣли, давая слишкомъ высокія температуры. Завѣдующій обсерваторіей въ Павловскѣ Э. Е. Лейстъ изслѣдовалъ вліяніе вре-

мени отсчета показаній максимальнаго и минимальнаго термометровъ на величину средней суточной, выведенной изъ крайнихъ температуръ, а г. Шенрокъ—сравненіемъ дѣйствительно нормальныхъ барометровъ нашей главной физической и Павловской обсерваторій съ называющимися нормальными барометрами большей части центральныхъ обсерваторій Европы, доказалъ, что эти послѣдніе не только представляютъ разности, доходящія до $\pm 0,3$ мм, но что для нѣкоторыхъ изъ нихъ поправки въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ измѣнились до $0,2$ мм. Эти факты должны обратить вниманіе ученаго свѣта на необходимость какъ точнѣйшаго изслѣдованія причины подобныхъ измѣненій, такъ и устройства въ главныхъ европейскихъ обсерваторіяхъ столь же абсолютно нормальныхъ барометровъ, какими могутъ назваться только наши два.

Обработка разныхъ рядовъ метеорологическихъ наблюденій доставила собою содержаніе нѣсколькимъ статьямъ въ нашихъ изданіяхъ: академикъ А. В. Гадолинъ, приложеніемъ извѣстныхъ формулъ теорій вѣроятностей къ наблюденіямъ надъ вѣтрами, пытался дать математическое рѣшеніе для задачи объ измѣняемости вѣтра; г. Шенрокъ сдѣлалъ интересные выводы изъ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ грозъ въ Россіи; г. Бергъ подробно изслѣдовалъ явленіе одной необыкновенной грозы, разразившейся въ декабрь 1887 года на значительномъ пространствѣ сѣверо-западной Россіи; г. Каминскій занялся вопросомъ о сравнимости наблюденій надъ осадками въ Россіи и изъ тщательнаго изученія трехлѣтнихъ данныхъ, доставленныхъ нашею свѣтло дождемѣрными наблюденіями, извлекъ выводы полезныя для контролированія и обработки этого рода наблюденій; наконецъ г. Керсновскій дополнилъ свои прежнія изысканія о путяхъ циклоновъ въ Россіи разборомъ ихъ за 1884—1886 года.

Въ нынѣшнемъ году главной физической обсерваторіи были дарованы правительствомъ необходимыя средства не только для окончательнаго устройства начатой первоначально на частныя средства системы штормовыхъ предостереженій для Чернаго и Азовскаго морей, но и для изданія ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня съ синоптическими картами и метеорологическими данными, на основаніи телеграммъ, получаемыхъ обсерваторією ежедневно утромъ изъ 139 станцій (85 русскихъ и 54 заграничныхъ) и вечеромъ изъ 53 станцій. Въ этомъ видѣ нашъ метеорологическій бюллетень, по составу своему, богаче всѣхъ подобныхъ изданій другихъ странъ Европы. Кромѣ штормовыхъ предостереженій для русскихъ портовъ на Вал-

тійскомъ и Черномъ моряхъ, бюллетень содержитъ предсказанія погоды для слѣдующаго дня, причемъ въ отличіе отъ западно-европейскихъ бюллетеней, эти предсказанія дѣлаются не неизмѣнно на каждый день, а лишь всякій разъ, когда по ходу погоды подобное предсказаніе можно сдѣлать съ большею вѣроятностью. А именно, такъ какъ метеорологія ни въ отношеніи наблюденій, ни въ отношеніи теоріи, не достигла еще такого развитія, чтобы можно было во всякомъ случаѣ предугадать съ достаточною достовѣрностью погоду слѣдующаго дня, то означеннымъ ограниченіемъ главная физическая обсерваторія имѣла въ виду избѣжать того дескредитированія науки, которое, вслѣдствіе несоблюденія сказанной предосторожности, проявилось въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. Но болѣе прочная и болѣе общепользная организація будетъ дава предсказаніямъ погоды лишь въ будущемъ году, по устраненіи нѣкоторыхъ формальныхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, тогда откроется возможность увеличить практическую пользу такихъ предостереженій, распространеніемъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ предвареній объ ожидаемыхъ снѣжныхъ метеляхъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе читанное въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ засѣданій изслѣдованіе Б. И. Срезневскаго о снѣжныхъ метеляхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Метели и снѣжные заносы представляютъ для движенія по желѣзнымъ дорогамъ, особенно на югъ и юго-востокъ Россіи, такія затрудненія, что всякія мѣры, могущія способствовать въ скорѣйшему устраненію этихъ затрудненій, заслуживаютъ, конечно, ближайшаго изученія. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ немаловажнымъ, была бы возможность знать впередъ, какимы частямъ дороги угрожаетъ наступленіе метели, дабы можно было заблаговременно направить туда рабочія руки для расчистки пути. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ завели, на своихъ линіяхъ, наблюденія вѣтра и даже барометра, въ надеждѣ найти въ нихъ указанія о приближеніи бурь и метелей. Но при нынѣшнемъ положеніи науки совершенно несбыточно, чтобы возможно было предугадывать предстоящія пережѣны погоды помощью такихъ неполныхъ и ограниченныхъ наблюденій. Для этого нужно имѣть по телеграфу извѣстія о состояніи погоды на огромномъ пространствѣ земнаго шара и знать законы, по которымъ происходятъ измѣненія погоды, а для предсказаній въ частности для линій желѣзныхъ дорогъ, нужно еще предварительно изслѣдовать связь между метелями и метеорологическими явленіями. Такому-то изслѣдованію и посвящена записка

В. И. Срезневскаго. Изъ разбора собранныхъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ свѣдѣній о свѣжныхъ метеляхъ за 10 лѣтъ и изъ сличенія ихъ съ синоптическими картами главной физической обсерваторіи, онъ опредѣлялъ, для разныхъ частей Европейской Россіи, силу и направленіе вѣтра, при которыхъ могутъ случаться опасныя для желѣзныхъ дорогъ метели и дѣйствительно случаются, если въ то же время идетъ снѣгъ, или имѣются вблизи дороги большія количества сплываго снѣга. Оказывается, что тѣ же сила и направленіе вѣтра, которыя опасны для судовъ въ портахъ, равно могутъ угрожать метелями и на желѣзныхъ дорогахъ. Помощью изобаръ своихъ синоптическихъ картъ главная физическая обсерваторія нынѣ въ состояніи съ большою вѣроятностью предсказать за день силу и направленіе вѣтра въ любомъ пунктѣ Европейской Россіи, то-есть, опредѣлить одно изъ условій образованія метелей. Слѣдовательно, для положительности предсказаній остается только знать въ то же время состояніе слоевъ снѣга вблизи линій желѣзныхъ путей. Такимъ образомъ, наука сдѣлала свое дѣло и отъ правленій этихъ дорогъ зависятъ подать ей руку помощи, для приложенія выработанныхъ наукою данныхъ къ уменьшенію вреда метелей для движенія по этимъ дорогамъ.

Въ отдѣлѣ трудовъ по химіи укажемъ на сообщенное академикомъ Н. Н. Векетовымъ продолженіе его изслѣдованій объ энергіи окисленія рубидія, на записку академика Ф. Ф. Вейльштейна и Гросета объ анализѣ сѣрноокислаго глинозема, и на изслѣдованія того же академика и О. Блезе о количественномъ опредѣленіи сурьмы и объ опредѣленіи натра въ присутствіи кали. Кромѣ того, въ изданіяхъ нашихъ нашли себѣ мѣсто произведенныя въ академической лабораторіи М. Рыбалкинныя работы надъ дѣйствіемъ хлороводорода на серебро и на мѣдь и водорода—на полухлористую мѣдь, и записка г. Русанова о продуктахъ уплотненія альдегидовъ съ фенолами.

Труды по геологіи и палеонтологіи въ нынѣшнемъ году естественно группируются вокругъ матеріаловъ, собранныхъ Академическою экспедиціею на крайній сѣверъ Сибири и на Ново-Сибирскіе острова. Вышедшій въ печати трудъ барона Е. Толя составляетъ первую часть монографической обработки этихъ матеріаловъ. Здѣсь дано описаніе девонскихъ и силурійскихъ отложений на о. Котельномъ, интересное по тѣмъ выводамъ, къ которымъ привело изученіе ихъ фауны. Встрѣченія на западномъ берегу острова девонскія отложения относятся къ среднему отдѣлу девонской системы, имѣютъ

связь съ верхними горизонтами средняго девона Урала и представляютъ большое фаунистическое сходство съ соответствующими отложениями въ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ получается интересный выводъ, что островъ Котельный составляетъ собою одинъ изъ этапныхъ пунктовъ на пути соединенія двухъ обширныхъ морскихъ бассейновъ Урала и Сѣверной Америки въ эпоху средне-девонской трансгрессіи. Не менѣе любопытны результаты изслѣдованія силура острова Котельнаго. Уже самый фактъ открытія отложений этого возраста на рѣкѣ Средвей, впадающей въ Драгоцѣвную, былъ вполнѣ неожиданностью, такъ какъ въ этой области предполагалось, на основаніи данныхъ Геденштрома и Анжу, нахождение осадковъ мезозойскаго возраста. Въ числѣ органическихъ остатковъ изъ силурійскихъ отложений барону Толю посчастливилось открыть фораминиферы, нахождение которыхъ въ отложенияхъ такого древняго возраста представляетъ до сихъ поръ весьма рѣдкое явленіе. Подробное разсмотрѣніе силурійскихъ отложений острова Котельнаго даетъ автору право отнести ихъ къ нижней части верхняго силура, указать на ихъ отношеніе къ описаннымъ уже академикомъ Ѳ. Б. Шмидтомъ силурійскимъ осадкамъ Оленека и Вилюя, а также на общее распредѣленіе верхне-силурійскаго моря въ области тещерешней Азии и связь его съ силурійскимъ бассейномъ сѣверо-западной Россіи.

Вторую часть нынѣ обработанныхъ матеріаловъ нашей Ново-Сибирской экспедиціи составляютъ коллекціи третичныхъ растений, собранныя на островѣ, называемомъ Новою Сибирью, въ тамошнихъ „деревянныхъ горахъ“. Эти „горы“ давно извѣстны по разказамъ промышленниковъ и изъ донесеній Геденштрома и Анжу, были принимаемы доселѣ за береговые валы съ огромными накопленіями стариннаго наоснаго лѣса—„ноешины“. Теперь оказывается, что эти такъ-называемыя „деревянные горы“ образуютъ обширную третичную профиль, состоящую изъ глинистыхъ и песчаныхъ пластовъ, съ примѣсью бурога угля и множества обугленныхъ деревьевъ. Собранные тамъ листья и плоды третичныхъ растений обработаны извѣстнымъ знатокомъ ископаемыхъ растений, кievскимъ профессоромъ И. Ф. Шмальгаузеномъ. Произведенными имъ старательными изслѣдованіями счастливо восполняется бывший доселѣ пробѣлъ въ нашихъ познаніяхъ о циркумполярной третичной флорѣ и устанавливается тотъ чрезвычайно важный фактъ, что вокругъ сѣвернаго полюса въ третичный періодъ произрастала флора, похожая на флору нынѣшнихъ умѣренныхъ климатовъ. Этотъ выводъ находитъ себѣ подкрѣп-

леніе и въ работѣ, произведенной И. Д. Черскимъ надъ собранными тою же экспедиціей костями ископаемыхъ млекопитающихъ и которая составитъ собою третью часть трудовъ экспедиціи.

Въ заключеніе работъ по палеонтологіи укажемъ на двѣ записки д-ра Рогана, изъ которыхъ одна сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактовъ объ изслѣдованныхъ имъ нижесилурійскихъ рыбахъ нашего музея, а другая имѣетъ своимъ предметомъ девонскія рыбы съ верхняго Енисея и служить дополненіемъ прежнихъ работъ того же ученаго, явившихся въ нашихъ изданіяхъ. Наконецъ, чешскій ученый г. Загалка, избравъ наши записки для обнародованія своихъ палеонтологическихъ изслѣдованій, напечаталъ у насъ интересную статью о новой, найденной имъ, ископаемой морской губкѣ (*Solidinodus Poëtae*).

Къ области же геологіи можно отнести сообщенныя нашимъ членомъ-корреспондентомъ, дерптскимъ профессоромъ К. Г. Шмидтомъ гидрологическія изслѣдованія Сапибскихъ минеральныхъ источниковъ, находящихся у подножья Гевальдонскаго ледника, на сѣверо-западномъ склонѣ Казбека.

По ботаникѣ, академикъ К. И. Максимовичъ, двумя приготовленными имъ выпусками „Научныхъ результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азій“, положилъ начало къ основательному познанію флоры Монголіи и восточнаго Тибета, придвигая насъ къ Индіи, Персіи и Туркестану и имѣетъ съ тѣмъ пополняя послѣдніе оставшіяся пробѣлы во флорѣ сѣверной и средней Азій, такъ что вся флора отъ Японіи до Малой Азіи становится теперь извѣстною изъ цѣлаго ряда трудовъ, изъ которыхъ значительна и даже большая часть принадлежитъ перу русскихъ ученыхъ.

Другою работою г. Максимовича, посвященною обработкѣ растеній, собранныхъ Н. Г. Потанинымъ, дополняются для сѣверной части имѣвшіяся доселѣ свѣдѣнія о западномъ, пограничномъ съ Тибетомъ, Китаѣ, котораго несмѣтными ботаническія сокровища открыли намъ настоящій эльдорадо и неочятый и неожиданный кладъ интереснѣйшихъ находокъ. Благодаря имъ, несовершенно извѣстная доселѣ флора Китая общасть, своимъ богатствомъ и своеобразіемъ, сдѣлаться соперницею флоры Гималаевъ и Индіи.

Академикъ А. С. Фаминцынъ представилъ выводы изъ сдѣланнаго имъ изслѣдованія двухъ случаевъ симбіоза, или сожительства, водорослей съ животными, а именно рѣсничной инфузоріи *Tintinnus inquilinus* съ морскою водорослью *Chaetoceras*, и водоросли

Zoosanthella съ различными *Radiolaria* и *Actinia*. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ съ удивленіемъ указываетъ на усмотрѣнные имъ признаки психической жизни въ простѣйшихъ представителяхъ живыхъ существъ, а въ другомъ имѣлъ возможность изслѣдовать, въ связи съ симбіозомъ, исторію развитія *Radiolaria* и способъ ихъ питанія.

Кромѣ того, готовится къ выходу въ свѣтъ обширная работа гг. Ивановскаго и Половцова о болѣзни табака, называемой рѣбухою: работа столь же интересная по новымъ, устанавливаемымъ ею фактамъ для фзіологій растений, сколько полезная и для практическихъ изъ нея выводовъ для нашего табаководства.

Труды нашихъ зоологовъ преимущественно сосредоточивались на двухъ большихъ предпріятіяхъ Академіи: на обработкѣ коллекцій, вывезенныхъ Н. М. Пржевальскимъ изъ центральной Азіи, и на изданіи полной орнитографіи Россійской имперіи. Въ двухъ выпускахъ „Научныхъ результатовъ“ путешествій незабвеннаго Пржевальскаго, обработанныхъ и напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Е. А. Вяхнеромъ, описано 26 видовъ гризунцовъ, изъ которыхъ 10 оказались новыми; ученый хранитель музея Ф. Д. Плеске издалъ первый выпускъ орнитологической части этихъ „Результатовъ“, представилъ въ немъ обработку 46 пѣвчихъ птицъ изъ семейства дроздовыхъ (*Turdinae*); въ числѣ ихъ нашлась одна неизвѣстная до сихъ поръ разновидность, которой и названіе дано въ честь безвременно погибшаго путешественника. Наконецъ, хранитель того же музея С. М. Герценштейнъ, обработавшій въ прошломъ году, въ первомъ выпускѣ „Рыбъ“ Пржевальскаго, родъ Гольцовъ (*Nemachilus*), напечаталъ нынѣ второй выпускъ, почти весь посвященный описанію видовъ маринокъ (*Schizothorax*), именно 7 уже ранѣе извѣстныхъ и 7 новыхъ. Кромѣ экземпляровъ, доставленныхъ коллекціями Пржевальскаго, авторъ, для достиженія большей полноты, изслѣдовалъ въ своемъ трудѣ и весь имѣющійся въ нашемъ Музее матеріалъ по названному роду.

„Русская орнитографія“, надъ составленіемъ которой неутомно трудился Ф. Д. Плеске, подвигается впередъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ; въ февралѣ нынѣшняго года готовъ былъ первый выпускъ этого сочиненія, содержащій описаніе 13 видовъ слявокъ (*Sylvia*), водящихся въ предѣлахъ Россіи; въ октябрѣ конченъ печатаніемъ 2-й выпускъ, посвященный описанію 17 видовъ русскихъ пѣночекъ (*Phylloscopus*), а въ засѣданіи Академіи 5-го декабря уже былъ пред-

ставленъ 3-й выпускъ, заключающій въ себѣ описаніе 15 видовъ принадлежащихъ къ двумъ родамъ *Nyrolais* и *Luscinola*. Въ общемъ, слѣдовательно, окончены монографіи 45 видовъ русскихъ птицъ, изъ числа которыхъ пѣночки и представители родовъ *Nyrolais* и *Luscinola* составляютъ труднѣйшія группы птицъ и поэтому подробная разработка ихъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезна для всѣхъ занимающихся орнитологіею, въ особенности въ предѣлахъ Россіи, гдѣ для правильнаго изученія этихъ птицъ не имѣлось доселѣ никакихъ пособій.

Изъ прочихъ трудовъ по зоологій укажемъ на обширную монографію, представленную намъ ученымъ хранителемъ зоологическаго музея Варшавскаго университета В. К. Тачановскимъ, однимъ изъ старѣйшихъ и извѣстѣйшихъ нынѣшнихъ орнитологовъ, о птицахъ Восточной Сибири, плодъ основательнаго изученія принадлежащихъ тому музею богатѣйшихъ орнитологическихъ коллекцій, собранныхъ гг. Дыбовскимъ, Годлевскимъ, Янковскимъ и Калиновскимъ въ Забайкальи, въ Уссурійскомъ краѣ и въ Камчаткѣ. Здѣсь подробно описано болѣе 400 видовъ, съ изображеніемъ географическаго распространенія каждаго вида въ предѣлахъ Сибири. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ многолѣтній трудъ будетъ капитальнымъ вкладомъ въ нашу отечественную орнитологическую литературу и получитъ такую же громкую извѣстность, какою уже пользуется монографія того же ученаго о перуанскихъ птицахъ, удостоенная Академіей пріемъ имени Брандта.

Литература по ихтіологій получила полезное приращеніе въ статьѣ, напечатанной въ нашихъ Запискахъ Н. А. Варпаховскимъ о рыбахъ Нижегородской губерніи, причемъ всѣ матеріалы, на которыхъ основана эта прекрасная работа, переданы авторомъ въ нашъ музей.

Для полноты обзора трудовъ по зоологій слѣдуетъ упомянуть объ описаніи двухъ новыхъ видовъ короѣдовъ изъ рода *Scolytus* и перечнѣ всѣхъ русскихъ видовъ этого рода, имѣющихся въ академическомъ музеѣ, Ив. Шевырева, и о сообщенной въ Вюллетенѣ замѣткѣ Е. А. Вихнера по вопросу о распространеніи обыкновенной бѣлки на Кавказѣ. Критическое разсмотрѣніе имѣющихся объ этомъ извѣстій приводитъ автора къ интересному заключенію, что всѣ литературныя указанія о нахожденіи этого грызуна на Кавказѣ лишены всякаго основанія, и что бѣлки вообще нѣтъ въ кавказскихъ лѣсахъ. Выѣстъ съ тѣмъ авторъ останавливается на извѣстномъ фактѣ отсутствія бѣлки въ Крыму и на разборѣ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія этого факта Палласомъ, Нордманомъ и Кеппенемъ,

при чемъ причиною отсутствіи бѣлки въ Крыму оказывается единственно лишь отсутствіе ея на Кавказѣ.

По анатоміи и физиологіи въ нашихъ засѣданіяхъ былъ читанъ рядъ статей, интересныхъ по новостямъ и важности сообщенныхъ въ нихъ результатовъ опытовъ. Таковы: двѣ записки г. Введенскаго—одна о періодикѣ сокращенія мышцы при раздраженіи прямою, другая объ измѣненіяхъ дыхательнаго ритма при раздраженіи блуждающаго нерва электрическими токами различной частоты; статья Н. Келлера о вліяніи отягощенія и перотягощенія на высоту сокращенія мышцы; работа К. К. Севтъ-Илера о двоякомъ дѣйствіи высыхающаго нерва на мышцу; наблюденія г. Лавдовскаго надъ окончавшимися нервовъ на основаніи способа ихъ прижизненной окраски; изслѣдованія Е. Головина о дѣйствіи свѣта и теплоты на рефлексы спинного мозга; и наконецъ, записка доктора А. Е. Теохтистова о ненормальномъ дѣйствіи въ некоторыхъ сортахъ кураре.

Перехожу къ занятіямъ историко-филологическаго отдѣленія и прежде всего къ трудамъ по русской исторіи.

Въ нашихъ прежнихъ отчетахъ было упоминаемо объ обширномъ предпріятіи, задуманномъ въ Академіи по мысли покойнаго академика Н. В. Калачова, и выполненіе котораго принялъ на себя, преемникъ его по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, нашъ многозаслуженный членъ-корреспондентъ Н. А. Поповъ: я говорю о сборникѣ „Актовъ Московскаго государства“, предназначенномъ къ разъясненію, помощью архивныхъ документовъ, древняго правительственнаго строя Россіи въ до-Петровскую эпоху. По плану Калачова, должно было начать этотъ сборникъ докладами и приговорами, состоявшимися въ двухъ приказахъ, а именно разрядномъ, вѣдавшемъ всѣ распоряжки по государственной службѣ, и въ помѣстномъ, верставшемъ служившихъ людей помѣстьями. Г. Поповъ, отчасти руководствуясь планомъ Калачова, но распространивъ его и на такіе документы несомнѣнно историческаго значенія, которые могли бы представить весь объемъ, порядокъ и характеръ многосторонней дѣятельности названныхъ приказовъ, предлагалъ начать изданіе съ важнѣйшихъ документовъ разряднаго приказа, имѣвшаго до 1711 года вліяніе почти на всѣ отрасли государственнаго управленія, и указывалъ на два пріема при выполненіи такого изданія: или систематическое распредѣленіе документовъ по разнымъ видамъ управленія во всѣхъ столахъ разряда, или же печатаніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, начавъ съ дѣлъ московскаго стола. И въ

томъ и другомъ случаѣ изданіе должно было заключать въ себѣ документы по исторіи Русской церкви, военнаго управленія, законодательства, международныхъ сношеній, придворной жизни, внутренняго управленія и финансовъ, но имѣть въ виду преимущественно такія дѣла, по которымъ послѣдовало какое-либо рѣшеніе государя, боярской думы, самаго приказа или же подчиненныхъ ему воеводъ и областныхъ учреждений. Систематическое распредѣленіе по этимъ рубрикамъ документовъ всего разряда, заключающихся въ Московскомъ архивѣ въ 7153 столбцахъ и въ 1016 книгахъ (1549—1707 гг.), потребовало бы продолжительныхъ подготовительныхъ работъ и, кромѣ того, встрѣтилось бы со многими трудностями, неразлучными со всякой работой систематизаціи; хронологической-же порядокъ представлялъ значительное облегченіе, хотя въ столбцахъ Разряднаго Приказа далеко не всѣ дѣла и входящія въ нихъ бумаги расположены въ порядкѣ времени своего написанія, такъ что и въ этомъ случаѣ предварительное знакомство съ цѣлымъ составомъ каждаго столбца или даже нѣсколькихъ, являлось необходимымъ до выборки изъ нихъ документовъ. Академія Наукъ приняла порядокъ изданія хронологической и признала за лучшее начать съ дѣлъ московскаго стола разряднаго приказа, давъ всему изданію общее заглавіе: „Акты Московскаго государства“. Принявшись за осуществленіе этой задачи со свойственною ему преданностью наукъ и съ глубокимъ пониманіемъ отечественной исторіи, г. Поповъ, при усердномъ сотрудничествѣ своихъ сослуживцевъ по архиву, болыней частью Калачовской школы, и учениковъ археологическаго института, повелъ дѣло столь успѣшно, что въ теченіе года приготовленъ къ выпуску въ свѣтъ первый томъ „Актовъ Московскаго государства“, содержащій въ себѣ цѣлый рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ московскаго стола разряда, и относящихся къ періоду времени съ 1571 по 1634 годъ.

Другое столь же важное изданіе, начатое Академіей по мысли Калачова, „Доклады и протоколы сената временъ Петра Великаго“, служащее въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ „Актовъ Московскаго государства“, печатается безостановочно подъ редакцію нашего сочлена Н. Ѳ. Дубровина, который въ теченіе этого года трудился надъ 2-ю книгой IV-го тома, заключающей въ себѣ документы этого рода за 1714 годъ.

Рядомъ съ этимъ г. Дубровинъ занимался изданіемъ новыхъ документовъ, важныхъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и

издалъ этого сборника IV-й томъ, обнимающій собою время съ 1781 по 1782 годъ, когда татары въ Крыму и на Кубани, недовольные порядками и преобразованиями, затѣянными Шагинъ-Гирей-Ханомъ, возстали противъ его власти. Это возмущеніе татаръ вызвало собою внимательство Россіи и повело къ подготовкѣ почвы для окончательнаго включенія Крыма и Кубани въ предѣлы имперіи. При энергическихъ дѣйствіяхъ князя Потемкина въ Крыму и посланника нашего Я. Булгакова въ Константинополѣ, совершилось въ слѣдующемъ году одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ Екатерины Великой, мирное присоединеніе къ Россіи Тавриды и Ногаевъ, жившихъ на Кубани. Славная дѣятельность этихъ двухъ государственныхъ людей въ 1783 г. и переговоры наши съ Портою, добровольно согласившеюся на уступку намъ части своихъ владѣній, составляютъ предметъ V-го и послѣдняго тома, матеріалы для котораго г. Дубровинъ уже собраны и въ будущемъ году будетъ приступлено къ ихъ изданію.

Наконецъ, продолжая уже давно производимыя имъ въ разныхъ архивахъ розысканія еще неизданныхъ документовъ для исторіи царствованія императора Александра I, г. Дубровинъ, изъ найденныхъ имъ въ архивѣ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи историческихъ бумагъ, издалъ особый сборникъ, въ которомъ отечественная война 1812 г. и внутренній бытъ Россіи съ 1807 по 1818 годъ освѣщаются многими новыми любопытными фактами.

Въ связи съ русскою исторіею находится еще одно новое, принимаемое Академіею изданіе. Въ 1885—1887 г. В. Э. Регель былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для занятій по византійской исторіи. Во время путешествій, совершенныхъ имъ съ этою цѣлью по востоку, въ Турціи и Греціи и при занятіяхъ въ разныхъ библіотекахъ въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи и Австріи, онъ успѣлъ собрать большое число новыхъ неизданныхъ доселѣ матеріаловъ, разъясняющихъ разные вопросы византійской исторіи и въ особенности отношенія Византіи къ Россіи, Болгаріи и другимъ славянскимъ землямъ. Собраніе этихъ драгоценныхъ документовъ г. Регель предложилъ Академіи съ тѣмъ, чтобы она приняла на себя ихъ изданіе. Академія съ попятнымъ удовольствіемъ и готовностью приняла это предложеніе и съ началомъ будущаго года приступлено будетъ къ печатанію особаго сборника, подъ заглавіемъ „*Fontes rerum Byzantinorum*“. Подлинники,

на греческомъ языкѣ, будутъ сопровождаться примѣчаніями и объясненіями на латинскомъ. Для большаго удобства, каждый томъ будетъ состоять изъ 2 или 3 выпусковъ, по 10 и до 12 листовъ въ каждомъ. Имѣющимися уже и теперь въ готовѣ важными историческими документами обезпечено изданіе сборника по крайней мѣрѣ на 4 тома.

Предметомъ занатій эллинистовъ Академіи были въ нынѣшнемъ году Софоклъ и Плутархъ. Старѣйшая и лучшая изъ дошедшихъ до насъ рукописей Софокла, принадлежащая Лавренціанской бібліотекѣ во Флоренціи и писанная въ X или XI вѣкѣ, содержитъ въ себѣ множество примѣчаній, такъ-называемыхъ схолій, важныхъ не только для возстановленія правильнаго чтенія Софокла, но и тѣмъ, что въ нихъ сохранились для насъ отрывки утраченныхъ сочиненій поэтовъ и прозаиковъ древности. Хотя новѣйшій комментаторъ этихъ схолій П. Папагеоргіосъ, въ сдѣланномъ имъ въ 1888 году изданіи, во многомъ исправилъ чтеніе ихъ, однако и онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ и неправильныхъ толкованій. Исправленію этихъ ошибокъ посвящена читанная академикомъ А. К. Наукомъ записка, въ которой, кромѣ исправленія текста схолій, показано, что многія схоліи основывались на иныхъ и лучшихъ чтеніяхъ, чѣмъ какія встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ и изданіяхъ Софокла.

Записка, читанная намъ адъюнктомъ П. В. Никитинымъ „Ad Plutarchi quae feruntur *Moralia*“, имѣетъ своимъ предметомъ отчасти объясненіе, а главнымъ образомъ исправленіе нѣсколькихъ мѣстъ текста одного изъ плодovitѣйшихъ и важнѣйшихъ греческихъ писателей временъ имперіи. Извѣстно, что для того обширнаго отдѣла сочиненій Плутарха, которому присвоено названіе *Moralia*, до сихъ не существуетъ сколько-нибудь удовлетворительнаго критическаго изданія. Новѣйшее изданіе, предпринятое Вернаданисомъ и начавшее выходить въ 1888 году, дало поводъ г. Никитину сообщить о текстѣ Плутарха нѣсколько замѣчаній, подкрѣпленныхъ наблюденіями надъ словоупотребленіемъ писателя; онъ обсуждаетъ такимъ образомъ около 50 мѣстъ, большинство которыхъ принадлежитъ „*Moraliamъ*“, а нѣкоторыя и Плутарховымъ жизнеописаніямъ. Кромѣ того, академикъ А. К. Наука, напечатавъ въ нынѣшнемъ году въ Лейпцигѣ, у книгопродавца Тейбнера, второе изданіе своего сборника отрывковъ утраченныхъ произведеній греческихъ трагиковъ, трудится, вмѣстѣ съ П. В. Никитинымъ, надъ изданіемъ полнаго указателя словъ, встрѣчающихся въ этихъ отрывкахъ. Первый выпускъ такого

указателя, составленный изъ словъ на букву альфа, былъ уже представленъ Академіи и поступилъ въ печать.

Въ работахъ нашихъ ориенталистовъ продолжалось и въ нынѣшнемъ году прѣжнее оживленіе. Несторъ всѣхъ европейскихъ санскритистовъ, академикъ О. Н. Бетлингъ, не смотря на свой старческій возрастъ и слабѣющее зрѣніе, еще, можно сказать, съ юношескимъ жаромъ работаетъ надъ разъясненіемъ труднѣйшихъ памятниковъ ученой литературы древней Индіи. Едва окончилъ онъ свой многолѣтній, по истинѣ монументальный трудъ по санскритской лексикографіи, какъ уже явился съ новымъ изданіемъ: текстомъ и переводомъ двухъ упанишадъ. Какъ „Гандогіонанишадъ“, такъ и „Брадараніякопанишадъ“ принадлежать къ числу древнѣйшихъ упанишадъ, то-есть, къ разряду тѣхъ философскихъ твореній, въ которыхъ представлена попытка возвести весь міръ явленій къ одному первичному вычалу. Обѣ упанишады были уже и прежде изданы, вторая даже очень хорошо, за исключеніемъ акцентовки, а первая такъ неудовлетворительно, что г. Бетлингъ былъ вынужденъ, для того, чтобы сдѣлать текстъ сколько-нибудь понятнымъ, прибѣгать къ разнымъ конъектурамъ. Переводы обѣихъ были доселѣ болѣе или менѣе недостаточны, такъ какъ при ихъ исполненіи слишкомъ много вѣса было придано толкованіямъ одного стариннаго комментатора, насильственно втиснуваемаго въ нихъ свои собственные философскіе взгляды. Переводы, напечатанные теперь нашимъ санскритистомъ, суть строго филологическіе и поэтому, какъ нужно думать, вѣрнѣе передаютъ приемы мышленія древнихъ брамановъ.

Другой нашъ ориенталистъ, многозаслуженный синологъ В. П. Васильевъ, независимо отъ печатанія своего большаго сочиненія о буддизмѣ, сообщилъ въ нашихъ изданіяхъ еще одно продолженіе своихъ замѣтокъ по буддизму, содержащее въ себѣ буддійскій пересказъ о женской хитрости, и приготовилъ къ изданію сдѣланный имъ русскій переводъ тибетскаго сочиненія Миньчжуръ-Хутухты (Географія Тибета).

Академикъ В. В. Радловъ окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ своего „Опыта словаря турецкихъ нарѣчій“, и представилъ, въ двухъ читанныхъ имъ запискахъ — о сельджукскихъ стихахъ въ Робобъ-наме и объ одномъ древне-турецкомъ стихотвореніи — свои изслѣдованія о древне-турецкихъ діалектахъ. Кромѣ того, онъ составилъ разборъ нѣсколькихъ любопытныхъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 г. внутри текін Шахъ-Алихана въ Касимовѣ.

Изъ прочихъ трудовъ по изученію востока укажемъ на представ-

ленные намъ, собранные профессоромъ Московскаго университета В. Θ. Миллеромъ, матеріалы по языку горскихъ кавказскихъ евреевъ, состоящіе изъ текстовъ, словаря, опыта грамматики и этнографическаго очерка, и на двѣ статьи ученаго хранителя нашего Азіатскаго музея, О. Э. Лемма, о разобранныхъ имъ саргитскихъ отрывкахъ Библии.

Наконецъ, важнымъ вкладомъ въ нашу лингвистическую литературу будетъ печатаемое нынѣ Академіей второе изданіе эстскаго словаря покойнаго академика Ф. И. Видемана на основаніи имъ самимъ приготовленнаго богатаго матеріала для этого изданія, и замѣчательное изслѣдованіе учителя Минской гимназій Н. Андерсона о фонетикѣ остякскаго языка.

Не малую долю своей дѣятельности Академія должна удѣлять ежегодно на разсмотрѣніе большаго числа ученыхъ сочиненій, представляемыхъ ей для соисканія разнообразныхъ, учрежденныхъ при ней, премій разнаго рода. Число этихъ премій, изъ которыхъ однѣ раздаются ежегодно, другія черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки, а задача иныхъ предстоитъ лишь въ будущемъ, постепенно возросло съ теченіемъ времени до того, что капиталъ, обезпечивающій ихъ существованіе, достигъ нынѣ почтеннаго итога почти въ полмилліона рублей.

На нынѣшній годъ приходился рядъ конкурсовъ на нѣкоторыя изъ раздаваемыхъ Академіей наградъ и премій. О присужденіи наградъ митрополита Макарія, графа Уварова и генераль-отъ-инфантеріи Θ. Θ. Шуберта Академіей были представлены отчеты въ особыхъ публичныхъ ея засѣданіяхъ.

Учрежденная сибирскимъ дворянствомъ премія имени императора Александра II въ 1,500 р. присуждена сенатору тайному совѣтнику Н. П. Семенову за сочиненіе, изданное имъ подъ заглавіемъ: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Томъ I. Первый періодъ занятій.

Изъ всѣхъ реформъ, сдѣлавшихъ имя Царя-Освободителя бессмертнымъ, отмѣна крѣпостной зависимости крестьянъ глубже другихъ охватила собою весь строй экономической жизни народа, а экономическіе интересы имѣютъ свойство всего живѣе затрогивать сердце человѣческое, а слѣдовательно возбуждать страсти, порождать трудно примиримыя между собою противорѣчія во взглядахъ, и увлеченія въ ту или другую сторону при оцѣнкѣ людей и событій. Поэтому понятно, что для справедливой и безпристрастной исторіи освобожденія у насъ крестьянъ еще не настало время. Такая исторія еще

невозможна, и не только по близости къ намъ этого великаго событія, но и потому, что явившихся доселѣ документовъ еще слишкомъ недостаточно, чтобы по нимъ можно было составить себѣ ясное и полное понятіе о характерѣ и долѣ участія главныхъ двигателей реформы, о побужденіяхъ ими руководившихъ, о средствахъ употребленныхъ въ борьбѣ противоположныхъ взглядовъ, а главное о послѣдствіяхъ, какими реформа отразилась въ экономическомъ и общественномъ бытѣ нашего отечества. Чѣмъ недостаточнѣе имѣющееся въ наличности количество такихъ документовъ, тѣмъ обязательнѣе, тѣмъ священнѣе нравственный долгъ каждаго, кто можетъ принести свою лепту для собранія матеріаловъ, на основаніи которыхъ будетъ со временемъ написана достойная исторія одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ императора Александра II. Сочиненіе сенатора Н. П. Семенова не есть такая исторія, но это есть матеріалъ первостепенной важности для нея. Будучи назначенъ въ составъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, авторъ получилъ порученіе записывать, во время засѣданій ихъ, все, что въ нихъ говорилось. Веденный на этомъ основаніи дневникъ преній и составляетъ содержаніе книги, изданной подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Воспроизводя здѣсь, приблизительно дословно, всѣ разсужденія, происходившія въ комиссіяхъ, авторъ ставитъ читателя въ возможность быть самому, такъ сказать, свидѣтелемъ всѣхъ этихъ преній исторической важности. Въ книгѣ г. Семенова содержится неисчерпаемый запасъ показаній, драгоцѣнныхъ какъ матеріалъ для изученія исторіи не только освобожденія крестьянъ, но и началъ, послужившихъ основаніемъ для административныхъ и юридическихъ преобразованій въ Россіи, вызванныхъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Въ заслугу автору слѣдуетъ поставить и то, что онъ напечаталъ свой дневникъ именно теперь, когда живы еще многіе изъ участниковъ крестьянской реформы, имѣющіе поэтому возможность оцѣнить его, провѣрить или исправить тѣ неточности, которыя, помимо желанія автора, могли проскользнуть подъ его перомъ. Считая для себя не только долгомъ, но и особеннымъ удовольствіемъ назначить сенатору Н. П. Семенову премію имени императора Александра II, Академія полагаетъ, что это награжденіе вполне соответствуетъ патріотической мысли симбирскаго дворянина, учредившаго премію, и можетъ только желать, чтобы это отличіе послужило для почтеннаго автора поводомъ, нравственнымъ побужденіемъ докончить великій, предпринятый имъ трудъ изданія дневника, котораго имъ напечатанъ только первый томъ.

Приходившееся на нынѣшній годъ соисканіе премій имени графа

Д. А. Толстаго было открыто для сочиненій по наукамъ, которыми занимается наше историко-филологическое отдѣленіе. На конкурсѣ явилось лишь одно сочиненіе, именно: Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи, отъ начала государства до настоящаго времени. Соч. г. Пономарева (С.-Пб. 1888).

При оцѣнкѣ этого труда Академія воспользовалась любезнымъ содѣйствіемъ доцента лѣснаго института, коллежскаго совѣтника П. А. Костычева, составившаго, по приглашенію Академіи, подробный разборъ его. Сочиненіе г. Пономарева есть только очень тщательно составленный, довольно полный хронологическій перечень правительственныхъ распоряженій на пользу сельскаго хозяйства въ Россіи, основанный преимущественно и почти даже исключительно на официальныхъ свѣдѣніяхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Конечно, трудъ много бы выигралъ въ отношеніи поучительности его для насъ, еслибы не замыкался въ такіа тѣсныя рамки, онъ, путемъ разбора достаточнаго числа фактовъ, разъяснилъ какими явленіями въ состояніи русскаго сельскаго хозяйства были вызваны тѣ или другія мѣры правительства, и какими онѣ отразились послѣдствіями. Но такая собственно исторія нашего сельскаго хозяйства, по весьма справедливому замѣчанію г. Костычева, пока еще и не можетъ быть написана въ настоящее время, по неимѣнію еще предварительныхъ специальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства въ отдѣльныя эпохи нашей исторіи. Поэтому не требуя отъ автора того, чего онъ и не могъ дать по нынѣшнему состоянію литературныхъ для него пособій, будемъ благодарны ему за то, что въ своемъ сочиненіи онъ далъ надежную, во всякомъ случаѣ, справочную книгу, составленіе которой стоило не малаго труда. Въ признаніе этой полезности труда г. Пономарева Академія признала справедливымъ назначить ему вторую золотую медаль имени графа Д. А. Толстаго, въ 250 рублей.

Наконецъ, Академія имѣла въ нынѣшнемъ году въ своемъ распоряженіи премію потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова для награды за историческія сочиненія о Сибири. Въ числѣ трудовъ, явившихся для ея соисканія, Академія не могла не остановить своего вниманія на трехъ недавно изданныхъ В. К. Андриевичемъ сочиненіяхъ, въ общемъ обнимающихъ собою почти всю исторію Сибири по 1819 годъ: а) Историческій очеркъ Сибири отъ начала ея покоренія до 1769 года; 5 частей. б) Сибирь въ XIX столѣтіи (періодъ отъ смерти Императрицы Екатерины II до 1819 г.).

2 части, и наконецъ в) Исторія Сибири, ч. I (Періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до установленія главенства города Тобольска и основанія Иркутскаго острога. Объ исторіи Сибири писано не мало, начиная съ Миллера; надъ разработкою ея трудились многіе выдающіеся дѣятели, какъ Іоганнъ Фишеръ и другіе. Въ ближайшее къ намъ время явилось нѣсколько монографій и много статей въ періодическихъ журналахъ, но всѣ онѣ, касаясь отдѣльныхъ эпизодовъ, не представляли общаго очерка исторіи Сибири. Таковой пробѣлъ пополнилъ г. Андріевичъ. Исслѣдованія его основаны преимущественно на печатныхъ источникахъ. Рукописнаго матеріала или указаній на архивные источники встрѣчается очень мало. Авторъ самъ сознаетъ этотъ недостатокъ своего сочиненія и объясняетъ его трудностью историческихъ работъ въ Сибири. Въ Сибири, говоритъ онъ,—почти нѣтъ матеріаловъ для исторіи страны: въ 1879 году горѣлъ Иркутскъ, а въ 1881 году—Красноярскъ; этими пожарами истреблена масса матеріаловъ для изученія прошлаго. Въ архивѣ главнаго управленія Восточной Сибири сохранились дѣла только съ 1841 года, а секретныя съ 1821 года; остальные сгорѣли. Независимо отъ пожаровъ, многія городскія управы продавали свои дѣла на вѣсь бумаги, безъ всякой предварительной ихъ разборки. Все это, конечно, служитъ причиною, что писать исторію Сибири на мѣстѣ не возможно; она можетъ быть написана только при помощи столичныхъ центральныхъ архивовъ и библиотекъ. Одинъ сенатскій архивъ, которымъ могъ пользоваться авторъ, во время кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, далъ ему много цѣнныхъ матеріаловъ и дѣйствительно томы III и IV его историческаго очерка Сибири являются болѣе полными и лучше обработанными. Ближайшее знакомство со всѣми тремя исслѣдованіями г. Андріевича привело къ заключенію, что авторъ трудился много и сдѣлалъ все, что можно было при той невыгодной обстановкѣ, въ которую былъ поставленъ мѣстомъ своего жительства; исслѣдованія его, хотя и не внесутъ много новаго въ исторію Сибири, представляютъ однакоже первую попытку свести въ одно цѣлое всѣ касающіяся Сибири распоряженія правительства до 1819 года. Въ виду пользы, какую названнаго сочиненія могутъ оказать всѣмъ занимающимся сибирскою исторіей, Академія присудила г. Андріевичу Сибиряковскую премію, въ 1500 рублей, въ вознагражденіе его за понесенный трудъ и для поощренія его на дальнѣйшія, болѣе солидныя исслѣдованія о Сибири.

II.

Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1889 годъ ¹⁾.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, предназначенное для изслѣдовацій въ области славяно-русской филологіи, продолжало въ 1889 году свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какое было намѣчено его трудами прежнихъ лѣтъ. Согласно Высочайше утвержденному Положенію объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, въ кругъ его занятій входятъ грамматическія и словарныя работы. Въ виду того Отдѣленіе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, занималось установленіемъ правилъ русскаго правописанія, а затѣмъ обратило свои труды на рядъ работъ лексическихъ.

Въ двухъ послѣднихъ отчетахъ по Отдѣленію уже было упомянуто о предпринятомъ имъ новомъ изданіи такъ-называемаго академическаго словаря. Прежній академическій словарь—послѣднее изданіе его вышло въ 1847 году—обнималъ собою русскій языкъ, древній и новый, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. Нынѣ предпринятое изданіе словаря имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго, а также изъ областныхъ говоровъ, новый словарь сохранитъ только тѣ слова, которыя либо слились съ общеупотребительною рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляютъ особенный интересъ по связи съ современнымъ литературнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, надобно ожидать, что новый словарь будетъ почти вдвое объемистѣе, чѣмъ прежній.

Послѣ приготовительныхъ работъ, на которыя потребовалось болѣе двухъ лѣтъ, въ 1889 году оказалось возможнымъ приступить къ печатанію I-го выпуска новаго академическаго словаря. Какъ приготовительными къ нему работами, такъ и редакціей этого новаго изданія, завѣдывалъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ, посвящавшій этимъ занятіямъ все время, оставшееся у него свободнымъ за исполненіемъ обязанностей предсѣдательствующаго во Второмъ Отдѣленіи,

¹⁾ Составленъ адъюнктомъ Д. Н. Майковымъ и читанъ имъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1889 года.

а в послѣдствіи и возложенной на него должности вице-президента Академіи. Прежде всего Я. К. Гротъ въ одномъ изъ засѣданій Общаго Собранія заявилъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, намѣреваясь приступить къ печатанію I-го выпуска словаря, проситъ академикомъ двухъ другихъ отдѣленій не отказать въ своей помощи при его окончательной редакціи. Члены Общаго Собранія отнеслись къ этой просьбѣ съ полнымъ сочувствіемъ и выразили готовность просматривать корректурные листы словаря для доставленія замѣчаній по каждой специальности. Вслѣдъ затѣмъ начато было печатаніе словъ на букву А. Понятно, что подобный трудъ, при участіи многихъ лицъ, не можетъ подвигаться быстро и особенно въ началѣ долженъ идти медленно, пока не опредѣлятся съ полною точностью всѣ мелочныя подробности, которыя необходимо разъ навсегда установить для всего обширнаго изданія. Кромѣ членомъ Академіи, къ участію въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ словаря приглашены нѣкоторые посторонніе ученые, имена которыхъ будутъ въ свое время опубликованы. Само собою разумѣется, что предварительно каждый листъ подвергается внимательному разсмотрѣнію въ самомъ Отдѣленіи. При разсылкѣ первыхъ корректурныхъ листовъ, къ нимъ приложена была объяснительная записка о правилахъ, принятыхъ въ основаніе при редакціи новаго изданія словаря. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣсennихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ производился наборъ текста на букву А, составившаго около двухъ листовъ весьма убористой печати. Съ осени начался наборъ и разсылка словъ на букву В. Между тѣмъ обработка дальнѣйшихъ буквъ вчернѣ, равно какъ и выписка примѣровъ изъ писателей, продолжаютъ постоянно.

Одновременно съ подготовленіемъ новаго изданія словаря общепотребительной русской рѣчи, Отдѣленіе признало полезнымъ привести въ порядокъ находящіяся въ его распоряженіи лексическіе матеріалы по мѣстнымъ народнымъ великорусскимъ говорамъ. Въ составъ этого свода войдутъ слова, находящіяся въ „Опытѣ областного великорусскаго словаря“, который былъ изданъ Отдѣленіемъ въ 1852 году, въ „Дополненіи“ къ нему, изданномъ въ 1858 году, въ „Словарѣ архангельскаго нарѣчія“, напечатанномъ въ 1885 году, и въ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ. Кромѣ того, сводъ этотъ долженъ быть пополненъ изъ матеріаловъ рукописныхъ, а также и изъ печатныхъ трудовъ разныхъ собирателей. Одинъ изъ этихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. А. Иваницкій, доставилъ въ Отдѣленіе рукопись тщательно обработаннаго имъ словаря вологодскаго

мѣстнаго говора. Собираніе матеріаловъ для областного словаря и приведеніе ихъ въ порядокъ поручено г. Симони.

Покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ въ теченіе многихъ лѣтъ были собираемы матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Нынѣ онъ готовится къ печати дочерью покойнаго О. И. Срезневскою и печатается подъ редакціей ординарнаго академика А. Θ. Вычкова. Въ настоящее время приводится къ концу печатаніе 1-го выпуска этого словаря; выпускъ этотъ составитъ около 25 печатныхъ листовъ и будетъ заключать въ себѣ слова на а б и в.

Кромѣ того, академикъ А. Θ. Вычковъ окончилъ печатаніемъ изданный подъ его редакціей II-й томъ „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Этотъ обширный томъ обнимаетъ собою всего лишь два года царствованія Преобразователя Россіи, 1702 и 1703 годы. Изъ документовъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, многіе являются въ свѣтъ впервые; особенно интересны и поучительны свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ Польскимъ королемъ, Польшею и Литвой противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

Ординарный академикъ М. И. Сухомяновъ въ теченіе 1889 года окончилъ печатаніемъ VI-й томъ выходящихъ подъ его редакціей „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“. Въ этомъ томѣ помѣщенъ очеркъ исторіи Академіи, составленный въ прошломъ вѣкѣ академикомъ Миллеромъ и остававшійся доселѣ не изданнымъ. Трудъ Миллера имѣетъ большое значеніе для исторіи академической дѣятельности и академической жизни и справедливо почитается превосходнѣйшимъ пособіемъ, отчасти даже источникомъ для исторіи Академіи. Неустоимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ собиралъ произведенія, составлявшія библиографическую рѣдкость; снималъ копии съ официальныхъ актовъ, записывалъ слышанное отъ современниковъ и очевидцевъ и т. д. Онъ самъ былъ живымъ свидѣтелемъ многихъ событій, совершавшихся въ Академіи или на его глазахъ, или даже при его непосредственномъ участіи. Пріѣхавши въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ, въ 1726 году, Миллеръ сжился съ нею, принималъ къ сердцу ея судьбы, и составленный имъ очеркъ навсегда сохранить свое несомнѣнное значеніе. Въ трудѣ Миллера сообщается много любопытныхъ и важныхъ извѣстій для исторіи Академіи Наукъ, а сверхъ того, въ немъ разсѣяны черты, рисующія нашу умственную и общественную жизнь былаго времени. Нельзя однако не замѣтить, что, при всемъ бо-

гатствѣ содержанія Миллера очерка, нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній объ Академіи требуютъ тщательной провѣрки по документамъ академическаго архива, и въ нихъ случаяхъ, именно вслѣдствіе этой провѣрки, освященіе фактовъ у Миллера оказывается не вполне вѣрнымъ. Но эта самая невѣрность любопытна въ томъ отношеніи, что служитъ яркимъ признакомъ настроенія, сложившагося подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Кромѣ того, сдѣланный Миллеромъ очеркъ судьбы Академіи отличается жизненностью: составитель не ограничивается простымъ изложеніемъ свѣдѣній, почерпаемыхъ имъ изъ официальныхъ источниковъ—изъ архивовъ ученой конференціи и академической канцеляріи; онъ сопровождаетъ ихъ такими подробностями, что читатель невольно переносится въ далекое прошлое и видитъ передъ собою дѣйствующихъ лицъ въ тогдашней обстановкѣ, съ ихъ пріемами и особенностями. Воспоминанія Миллера знакомятъ со многими лицами, съ которыми сталкивала его судьба въ теченіе его долгой жизни. Историкъ русской литературы обратитъ вниманіе на то, что Миллеръ сообщаетъ о Феофанѣ Прокоповичѣ, Кантемирѣ, Тредіаковскомъ и другихъ нашихъ писателяхъ и ученикахъ. По плану изданія „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, трудъ Миллера изданъ въ подлинникѣ, то-есть, на нѣмецкомъ языкѣ безъ перевода, такъ какъ въ „Матеріалахъ“ переводы помѣщаются только современные подлинникамъ, какъ памятники тогдашняго литературнаго языка.

Кромѣ наблюденія за печатаніемъ „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“, М. И. Сухолинновъ занимался подготовительными работами для возложеннаго на него Отдѣленіемъ изданія сочиненій Ломоносова; онъ подвергъ тщательному изученію первоначальнаго изданія произведеній великаго двигателя русскаго просвѣщенія, появившіяся какъ при жизни его, такъ и въ ближайшее время за его смертью. Результатомъ этой работы должно быть установленіе правильнаго текста стихотворныхъ произведеній Ломоносова, которыя войдутъ въ I-й томъ новаго изданія, подведеніе вариантовъ къ этому тексту и, наконецъ, опредѣленіе хронологической послѣдовательности, въ которой стихотворенія Ломоносова были написаны.

Труды ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго за 1889 годъ относились къ области изученія народныхъ легендъ, преданій и поѣвій. Кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Archiv für Slavische Philologie и другихъ изданіяхъ, имъ напечатанъ въ Сборникѣ

Отдѣленія обширный V-й выпускъ „Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха“. Выпускъ этотъ заключаетъ семь отдѣльныхъ изслѣдованій подъ слѣдующими заглавіями: а) Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; б) Безразличныя и обоюдныя въ житіи Василя Новаго и народной всхатологіи; в) Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ; г) Генварскія русалии и готскія игры въ Византіи; д) Валькирин-Вилы; е) Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; ж) Амфилогъ-Евалашъ въ легендѣ о святомъ Гралѣ. Ставя себѣ задачею выслѣдить генезисъ различныхъ народныхъ сказаній, миеовъ и обрядовъ, академикъ Веселовскій привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской, но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ, и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы, а въ то же время попутно касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ научной критики въ приложеніи къ произведеніямъ народнаго творчества. „Объясняя сходство миеовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ“, говоритъ академикъ Веселовскій въ заключеніе одной изъ статей въ своихъ вышепоименованныхъ „Розысканіяхъ“, — „изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство объясняется либо изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другаго. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствование предполагаетъ въ воспринимавшемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мысленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія „заимствованія“ вызываетъ такимъ образомъ теорію „основъ“, и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folkloge долженъ одинаково обращаться въ ту и другую сторону вопроса въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миеа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала“. Такова точка зрѣнія, на которой стоитъ академикъ Веселовскій въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ; постоянно стремясь сочетать оба вышеуказанные приѣма въ толкованіи народныхъ сказаній, онъ предлагаетъ выводы, отвѣчающіе строгимъ научнымъ требованіямъ и виѣсть съ тѣмъ проливающимъ новый свѣтъ на многія еще темныя стороны славяно-русскаго эпоса и народнаго міросозерцанія.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ хотя и не имѣетъ постоянного жительства въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе принималъ въ 1889 году участіе въ занятіяхъ Отдѣленія не только исполненіемъ возложенныхъ на него порученій, но и личнымъ присутствіемъ въ нашихъ засѣданіяхъ въ теченіе сентября мѣсяца. Пріѣздъ его, нынѣшнею осенью, въ Россію былъ вызванъ, кромѣ общихъ научныхъ работъ, продолженіемъ его изслѣдованій въ области исторіи церковно-славянскаго языка, грамматическую обработку котораго онъ намѣренъ освѣтитъ по не изданнымъ до сихъ поръ источникамъ, отъ начала славянской письменности до конца XVI вѣка. Первая часть его труда уже отпечатана; она обнимаетъ собою періодъ съ X по XV столѣтіе—грамматическія разсужденія южныхъ славянъ и отраженія ихъ въ русской литературѣ XVI вѣка. Теперь вниманіе собирателя и изслѣдователя сосредоточено на многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ грамматическаго характера, попадающихся въ различныхъ русскихъ сборникахъ XV—XVII вѣковъ. Желаніе ознакомиться съ этими сборниками, взглянуть въ ихъ содержаніе и воспользоваться имъ для своего критическаго изданія—вотъ что побудило нашего уважаемаго сочлена провести и въ отчетномъ году нѣкоторое время въ Петербургѣ и Москвѣ. Отпечатанные до сихъ поръ тексты старинныхъ грамматическихъ разсужденій, съ объясненіями къ нимъ, составляютъ пять первыхъ главъ труда, предпринятаго академикомъ Ягичемъ; теперь на очереди глава V-я, которая будетъ посвящена дѣятельности Максима Грека и его ближайшихъ современниковъ и сотрудниковъ. Въ слѣдующихъ главахъ долженъ быть представленъ, между прочимъ, переводъ Доната, трудъ толмача Дмитрія Герасимова (по рукописи, принадлежащей библиотекѣ Казанскаго университета, копія съ которой доставлена академику Ягичу профессоромъ М. П. Петровскимъ), потомъ, въ связи съ этимъ сочиненіемъ, извлеченное изъ него „простословіе“ Евдокима (по списку въ рукописи Чудова монастыря, уступленному нашему академику Обществомъ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ), и далѣе—рядъ еще другихъ грамматическихъ статей, взятыхъ изъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ и московскихъ общественныхъ и частныхъ библиотекахъ.

Кромѣ этого главнаго труда, академикъ Ягичъ напечаталъ въ теченіе отчетнаго года „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ и представилъ въ Академію написанный по ея порученію разборъ сочиненія профессора А. А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“.

Наконецъ, стараніями академика Ягича подвинуто впередъ изданіе нѣсколькихъ сочиненій средневѣковаго чешскаго писателя Хельчицкаго, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ по копіи, доставленной въ Отдѣленіе покойнымъ молодымъ славистомъ Ю. С. Анненковымъ. Главный трудъ Хельчицкаго „Сѣтъ вѣры“ напечатанъ былъ еще подъ редакціей Анненкова. Въ его же бумагахъ была найдена копія и съ другаго сочиненія Хельчицкаго „Реплика противъ бискупа“; но академикъ Ягичъ, которому Отдѣленіе поручило окончить начатое изданіе, по рассмотрѣніи этой копіи пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ возможности печатать названное сочиненіе, не свѣривъ имѣвшагося у Анненкова списка съ подлинникомъ, хранящимся въ городѣ Оломуцѣ, въ Моравіи. Поѣздка туда нашего сочлена ускорила дѣло на столько, что теперь уже приступлено къ печатанію втораго сочиненія Хельчицкаго, и въ теченіе будущаго года Отдѣленіе надѣется выпустить въ свѣтъ цѣлый томъ произведеній этого писателя, какъ немаловажное обогащеніе средневѣковой чешской литературы.

Адъюнктъ Л. Н. Майковъ принималъ участіе въ занятіяхъ Отдѣленія съ марта отчетнаго года. За это время имъ напечатано изслѣдованіе о первыхъ шагахъ И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, составленное на основаніи вновь найденныхъ документовъ, и представленъ для помѣщенія въ Сборникъ Отдѣленія другой трудъ— „Весѣда о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда, памятникъ старинной русской письменности“, открытый имъ и снабженный его объясненіями. Сверхъ того, адъюнктомъ Майковымъ, по порученію комиссіи Уваровскихъ премій, написанъ разборъ труда Н. В. Губерти: „Матеріалы для русской библиографіи“, и внесенъ въ Отдѣленіе планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, предприняемаго Отдѣленіемъ по мысли Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Президента Академіи. Планъ этотъ одобренъ Отдѣленіемъ, и къ пригготовительнымъ работамъ по критическому изданію Пушкина уже приступлено.

II.

Въ отчетѣ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1888 годъ академикъ Сухомлиновъ имѣлъ возможность отмѣтить отрадное явленіе: въ томъ году Отдѣленіе не лишилось ни одного изъ своихъ членовъ. Не столь счастливъ былъ для насъ кончающійся нынѣ годъ:

въ теченіе его смерть отняла у Отдѣленія трехъ членовъ-корреспондентовъ—протоіерея С. К. Смирнова, юго-славянскаго ученаго Ив. Кукулевича-Сакцинскаго и англичанина, любителя и знатока русской литературы В. Рольстона. Наша обязанность — помянуть ихъ здѣсь добрымъ словомъ.

Сергій Константиновичъ Смирновъ былъ коренной москвичъ; онъ родился 5-го сентября 1818 года, получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ въ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, а въ 1840 году поступилъ для высшаго богословскаго образованія въ Московскую духовную академію. Съ этихъ поръ онъ, можно сказать, сроднился съ нею и посвятилъ ей почти всю свою жизнь. Съ 1844 года онъ былъ наставникомъ въ академіи, а съ 1878 года, по принятіи священства, ея ректоромъ, и покинулъ ее только въ 1886 году, когда здоровье его пришло въ полное расстройство. Кончина его послѣдовала 16-го февраля истекающаго года.

Отецъ Смирновъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ русскихъ ученыхъ, которые, воспитавшись подъ сѣнью обители св. Сергія, въ стѣнахъ старѣйшей школы въ московскихъ предѣлахъ, умѣли съ горячею преданностью православною вѣрѣ соединить основательность научной критики и строгость научнаго воззрѣнія. Во главѣ этой группы стояли незабвенные по своимъ дарованіямъ и трудамъ ректоръ академіи Филаретъ, впоследствии архіепископъ Черниговскій, и профессоръ А. В. Горскій. С. К. Смирновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ихъ на поприщѣ академическаго преподаванія и въ разработкѣ исторіи Русской церкви и нашего духовнаго просвѣщенія. Учено-литературная дѣятельность почившаго отца протоіерея была разнообразна: не чуждо ему было и проповѣдное слово, и стихотворство; онъ занимался философіею и филологіею, особенно въ области новозавѣтнаго греческаго языка; но всего болѣе потрудился онъ на историческомъ поприщѣ. Не будемъ перечислять его обильные ученые труды; отмѣтимъ только три важнѣйшіе и наиболѣе извѣстные: „Исторію славяно-греко-латинской академіи“ (М. 1855), „Исторію Троицкой семинаріи“ (М. 1867) и „Исторію Московской духовной академіи до времени ея преобразованія 1814—1870“ (М. 1879). По богатству матеріала и по тщательности его обработки эти сочиненія являются драгоценнымъ вкладомъ въ исторію нашего духовнаго просвѣщенія, и Академія Наукъ давно оцѣнила ихъ достоинства, увѣнчавъ каждый изъ названныхъ трудовъ своими преміями. Отецъ Смирновъ покинулъ жизненное поприще въ преклонномъ

возрастѣ; добрая память объ этомъ трудолюбивомъ изыскателѣ отечественной старины и достойнѣйшемъ наставникѣ и человѣкѣ надолго сохранится въ русскомъ обществѣ, особенно въ томъ учрежденіи, котораго онъ былъ усерднымъ лѣтописцемъ.

Въ иную среду переносить насъ личность другаго изъ скопчанскихъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ. Кукулевичъ - Сакцинскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія среди хорватовъ. Предоставимъ говорить о немъ его соплеменнику, академику И. В. Ягичу, который доставилъ Отдѣленію слѣдующее о немъ воспоминаніе:

„Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, скончавшійся 20-го іюля (н. ст.) въ Хорватіи, въ своемъ родовомъ имѣніи Пухаковцѣ, на 74-мъ году жизни, принадлежитъ къ самымъ виднымъ представителямъ эпохи возрожденія у южныхъ славянъ, которое для хорватовъ прослыло подъ именемъ „илиризма“. Имя Кукулевича останется навсегда въ благодарной памяти у хорватовъ, какъ передоваго борца за ихъ политическія и національныя права противъ несправедливыхъ притязаній мадьяръ. Кончивъ юридическое образованіе въ Загребѣ (онъ родился въ Вараждинѣ въ 1816 г.), онъ поступилъ въ 1833 году, какъ дворянинъ, въ мадьярскую гвардію; прослуживъ сперва офицеромъ въ Вѣнѣ, онъ въ 1840 году былъ прикомандированъ къ одному мадьярско-словацкому полку въ Италію, но вскорѣ его увлекло пробудившееся тогда на его родинѣ національное движеніе: въ 1842 году онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Хорватію, гдѣ сразу примкнулъ къ кружку молодыхъ „илировъ“, образовавшемуся около Галя, и началъ живую рѣчь въ политическихъ собраніяхъ и бойкими статьями въ политическихъ и литературныхъ газетахъ отстаивать права родной страны противъ угрожавшаго ей мадьярскаго централизма. Кукулевичъ еще тогда выдавался между всеми представителями новыхъ идей особенною даровитостью и замѣчательными историко-юридическими познаніями. Поэтому роковой 1848 годъ выдвинулъ его на первый планъ; его краснорѣчивымъ доводамъ обязанъ бессмертныи для хорватовъ Емлачичъ блестящимъ избраніемъ въ баны-полководцы; ему, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враницаномъ, было поручено представить это единогласное избраніе, какъ желаніе всего народа, въ Вѣнѣ на утвержденіе. Предвидя опасность, угрожавшую Хорватіи, взявшейся съ младенческою запосчивостью за рѣшеніе вопросовъ не по силамъ, Кукулевичъ заблаговременно сталъ ирискивать союзниковъ. Въ газетѣ Славянскій югъ онъ развивалъ мысль

о созывѣ всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, между тѣмъ какъ путешествія его въ Карловцы къ австрійскимъ сербамъ и въ Вѣнградъ къ Сербскому князю преслѣдовали разумную цѣль—на всякій случай обезпечить дружное и согласное дѣйствіе сербовъ и хорватовъ противъ общихъ враговъ.

„Не наше дѣло входить здѣсь въ оцѣнку событій 1848 года, въ которыхъ Кукулевичъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ политическаго, чтобы не сказать — дипломатическаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи доля отвѣтственности за роковыя ошибки, сдѣланныя тогда южными славянами, падаетъ, конечно, и на него: дорого заплатились хорваты и сербы за свое увлеченіе. Никто не чувствовалъ общаго разочарованія горче самого Кукулевича. Но онъ не опустилъ рукъ, не предался тупому бездѣйствію. Онъ понялъ, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, и хорватамъ надо было перемѣнить оружіе для борьбы. Кукулевичъ весь отдался наукѣ и въ 1850 году основалъ Общество южно-славянской исторіи, душою котораго и остался до самаго прекращенія его дѣятельности. Испытавъ прежде свои силы какъ поэтъ и романистъ (его драма „Юракъ и Софія“ имѣла въ свое время громадныя успѣхи; его стихотворенія съ политическимъ оттѣнкомъ „Славянки“ не потеряли значенія до сихъ поръ), онъ сдѣлался теперь историкомъ и археологомъ. Своими богатыми собраніями рукописей и древностей городъ Загребъ обязанъ преимущественно Кукулевичу. Множество его историко-генеалогическихъ монографій появилось на страницахъ „Архива“, органа Историческаго Общества, редакторомъ котораго онъ состоялъ до конца. Исторія искусства, въ особенности живописи, обвзана Кукулевичу важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ „Словаремъ южно-славянскихъ художниковъ“; для исторіи литературы имъ сдѣланъ первый починокъ изданіемъ сочиненій древнѣйшихъ далматинско-дубровницкихъ авторовъ. Однимъ словомъ, съ 1850 года Кукулевичъ стоялъ во главѣ литературно-культурнаго движенія, имѣвшаго своимъ центромъ Загребъ. Въ его гостепріимномъ домѣ не только встрѣчались и видѣлись всѣ хорваты, замѣтившіе о себѣ чѣмъ-либо въ области литературы и науки, но и путешествовавшіе по Хорватіи иностранцы, въ особенности же славяне, въ томъ числѣ и русскіе, имѣли возможность въ домѣ Кукулевича изучать людей и исторію его родины. У многихъ изъ нихъ сохранилось несомнѣнно очень пріятное воспоминаніе о тѣхъ часахъ, которые они провели у Кукулевича и въ его обществѣ.

„Послѣ 1860 года политическія событія снова оторвали Кукулевича на нѣсколько лѣтъ отъ научно-литературныхъ занятій. Но когда хорваты опять пали жертвою дуализма, новое административное устройство окончательно устранило Кукулевича отъ всякаго участія въ политической жизни. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ только наукѣ и культурнымъ стремленіямъ своего народа.

„Заслуги Кукулевича оцѣнены въ славянскомъ мирѣ избраніемъ его въ почетные члены многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Отъзвчивая на всѣ успѣхи славянъ Россіи отличала также не разъ Кукулевича: онъ былъ не только членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, но также почетнымъ членомъ нѣсколькихъ русскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ“.

Третій изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, скончавшихся въ истекающемъ году, Вильямъ Рольстонъ (William Ralston Shedden Ralston) принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ на западѣ Европы, которыя, въ послѣднія десятилѣтія, прилагали дѣятельныя старанія къ тому, чтобы знакомить ее съ русскою умственной жизнью.

Вильямъ Рольстонъ родился въ 1828 году и получилъ образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ. Онъ предназначалъ себя сперва къ адвокатурѣ, но очень скоро уклонился отъ этой дѣятельности и поступилъ на службу въ Британскій музей. Здѣсь онъ состоялъ болѣе двадцати лѣтъ (1853—1875), дѣля время между библиотечными работами и литературными занятіями; кромѣ того, онъ дважды выступалъ лекторомъ на Ильстерскихъ чтеніяхъ въ Оксфордѣ, и одинъ изъ этихъ курсовъ былъ посвященъ древней русской исторіи. Вообще русскимъ языкомъ и литературой онъ сталъ заниматься еще въ 60-хъ годахъ, и тогда же сталъ печатать въ англійскихъ журналахъ статьи по русской словесности. Въ 1869 году появились сдѣланный имъ переводъ романа Тургенева „Дворянское Гнѣздо“ и книга о Крыловѣ, съ приложеніемъ перевода избранныхъ басенъ. Позже были изданы еще три труда его о Россіи: „Songs of Russian People“ (1872), „Russian Folk-Tales“ (1873) и „Early Russian History“ (1874) и, кромѣ того, нѣсколько мелкихъ статей. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ довольно хорошее знакомство съ нашимъ языкомъ и неподдѣльное сочувствіе къ нашему отечеству. Онъ сдѣлалъ довольно продолжительное путешествіе по Россіи и такъ полюбилъ русскую жизнь, усвоилъ себѣ столько русскихъ обычаевъ, что въ Англии слылъ болѣе за русскаго, чѣмъ за англичанина. Въ 1879 году онъ писалъ одному изъ своихъ русскихъ друзей, между прочимъ, слѣдующія строки,

которыя могутъ дать понятіе о томъ, на сколько онъ освоился съ нашею рѣчью: „Надѣюсь, если рокъ дастъ мнѣ полное здоровье, пробыть немного времени, въ теченіе настоящаго года, въ Россіи, у одного изъ друзей Тургенева, который пригласилъ меня навѣстить его. Имѣніе его въ Курской губерніи. Если это намѣреніе не исполнится, такъ я сдѣлаю путешествіе, можетъ быть, въ Германію, и тамъ пробуду нѣсколько времени въ Висбаденѣ или въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ можно пайти и цѣлебныя воды, и русскихъ людей. Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень хочется еще разъ стараться новымъ и крѣпкимъ усиліемъ схватить и сдержать этого, всегда передо мною убѣгающаго, русскаго языка“. Рольстонъ высоко цѣнилъ проявленія самобытности русскаго духа въ произведеніяхъ нашей словесности; поэтому-то онъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдавался изученію произведеній русскаго народнаго творчества; правда, въ этой области онъ не стремился быть строго-научнымъ изслѣдователемъ: но, представляя переводы русскихъ былинъ, пѣсенъ и сказокъ, онъ знакомилъ съ ними западныхъ читателей, и въ этомъ трудѣ, требовавшемъ усердія и любви къ дѣлу, заключается его важнѣйшая заслуга въ сферѣ международныхъ литературныхъ связей. Наша Академія не могла не оцѣнить этой заслуги; избраніе его въ число нашихъ членовъ-корреспондентовъ онъ считалъ для себя великою честью. Смерть Рольстона, послѣдовавшая 6-го августа (н. ст.), не можетъ не возбудить сожалѣнія какъ въ академической средѣ, такъ вообще среди образованныхъ русскихъ людей, въ кругу которыхъ этотъ полезный литературный дѣятель имѣлъ много друзей.

III.

Въ 1883 году была учреждена при Академіи Наукъ на сумму, пожертвованную вдовою профессора Котларевскаго, премія имени ея мужа за сочиненія по славянской филологіи и археологіи; право выдавать эту премію предоставлено Отдѣленію русскаго языка и словесности, и на сегодняшнее число падаетъ первое ея присужденіе. На соисканіе преміи Котларевскаго были представлены только труды одного чешскаго писателя, именно директора гимназіи въ Брнѣ Франца Бартоша, о моравскомъ нарѣчій и памятникахъ народнаго творчества въ Моравіи.

Изъ числа книгъ, присланныхъ г. Бартошемъ, наиболѣ замѣчательнымъ слѣдующія: 1) изслѣдованіе о говорахъ моравскаго нарѣчія,

ч. I, изд. 1886 г., и два сборника моравскихъ народныхъ пѣсенъ, изд. 1882 и 1886 гг. По предложенію Отдѣленія, труды эти были рассмотрѣны членомъ-корреспондентомъ Академіи, профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ. Изъ обстоятельнаго отзыва, написаннаго ученымъ славистомъ, видно, что изслѣдованіе г. Бартоша о моравской діалектологіи хотя не вполне закончено, тѣмъ не менѣе составляетъ очень почтенное приобрѣтеніе науки. Въ изданной доселѣ I-й части г. Бартошъ разсматриваетъ четыре изъ моравскихъ говоровъ относительно ихъ строя и состава; разсмотрѣніе это сдѣлано очень подробно и обстоятельно и содержитъ въ себѣ большой запасъ фактическихъ данныхъ, до сихъ поръ не поступавшихъ въ научный оборотъ. Это обстоятельство, замѣчаетъ профессоръ Будиловичъ,—придаетъ труду г. Бартоша важное значеніе не только въ чехо-моравской, но и вообще въ славянской діалектологіи, которая можетъ указать лишь весьма небольшое число трудовъ подобнаго рода и достоинства. Критикъ находитъ однако нѣкоторые недостатки въ трудѣ г. Бартоша, но, признавая, что они относятся не къ самому матеріалу изслѣдованія, а только къ способамъ его объясненія, онъ полагаетъ, что эти промахи нимало не подрываютъ значенія книги, какъ драгоценнаго сборника весьма надежныхъ и до известной степени уже переработанныхъ матеріаловъ для моравской діалектологіи и этнологии. На составленные г. Бартошемъ сборники произведеній моравской народной словесности профессоръ Будиловичъ смотритъ какъ на дополненіе къ его главному труду, но также не отрицаетъ ихъ научной цѣнности, а затѣмъ, принимая во вниманіе всю совокупность работъ г. Бартоша, онъ признаетъ ихъ, согласно §§ 5, 6 и 7 правилъ о преміяхъ Котляревскаго, заслуживающими награжденія половиною преміей.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Отдѣленіе присудило назначить г. Францу Бартошу половиною премію въ размѣрѣ 500 рублей, а профессору А. С. Будиловичу, въ изъявленіи своей признательности, положило выдать золотую медаль, установленную для рецензентовъ по преміямъ Котляревскаго.

ducus, quod ut languidum est nimis, ita primum apud Livium omnino-que invenitur rarissime. Igitur tale fere ab eo venisse puto: „fervido cum fulgure“ vel potius: „fervidus cum fulgure“; cf. Lucr. V, 204; 1099. Nam fulguris potius quam fulgoris notionem requiri adsentior Ribbeckio.

III.

Schol. Bernens. in Verg. Georg. I, 502: Accius docet „Iuppiter Dardanum genuit. Dardanus Troum, Troum Assaracum et Ilum Ganymedemque; Capis ex Assaraco satus, qui statuit Pergamum; Laomedon Priamum et Anchisem edidit“.

Haec, quae paene eadem leguntur in scholiis Ludunensibus a Suringario Hist. crit. scholiast. Latin. II, 347 editis, interpolata pariter et truncata, Hageni partim et Ribbeckii, partim nostra opera ita fere in versus cogenda existimo:

Iovi' Dardanum progenit; Troem Dardanus,
Assaracum Tros et Ilum et Ganymedem creat;
Capis ex Assaraco est; rapuit Ganymedem Iovis;
Ilo Laomedon satu', qui statuit Pergamum;
Laomedon Priamum, Capis Anchisen edidit.

In quibus a Ribbeckio, apud quem locus citatus habet numerum III, hoc maxime dissentio, quod, antiquissimorum Romanorum secutus usum, pro Ganymede Catamitum, pro Laomedonte Alumentum reposuit. At ab Accio, quem primum „Hectōra“ dixisse constat pro „Hectōrem“ atque protulisse graecanice, quae priores Romani latine, cascās illas formas omnino arcendas existimo. Quare neque „Anchisen“ accusativum tribuere ei dubitavi neque admittere sustinui illa „Troum“, „Troum“, quippe quae scholiastae magis proprii temporis a barbarie quam Accii ab usu petita existimarem.

Ceterum stemmate apposito fit probabile ad Accium etiam referendos incerti auctoris versus a Quintiliano IX, 3, 57 et qui usus est hoc Diomede pg. 443 P. servatos:

ex Iove prognatus est, ut perhibent, Tantalus,
Pelops ex Tantalō ortus, ex Pelope est satus
Atreus, qui nostrum porro propagat genus.

In quibus „ex Iove prognatus“ („e Iove progn.“ Buechelerus) ita dictum, ut in sequentibus „Pelops ex Tantalō ortus, ex Pelope est satus“. „Iove propagatus“, quod e tertio versu irrepsit, legitur fere in

libris Quintiliani, in Diomedis „Iove propugnatus“. — Porro in secundo versu per chiasmi figuram iuncta cum praecedentibus et sequentibus reposui illa:

Pelops ex Tantalo ortus, ex Pelope est satus.

Vbi Quintiliani libri „ex Tantalo ortus Pelops, ex Pelope autem satus“, omittunt „autem“ Diomedis. Nec enim ullo pacto adduci possum ut credam illud „Pelops“ a quoquam vetustissimorum tragicorum aetnorum, nedum ab Accio omnium cultissimo, elatum per pyrrichium.

IV.

Fest. pg. 142 Accius: „cum virginali mundo (i. e. ornatu) clam patre“ (tum lacuna).— Cf. de his comm. in Non. 267, 19. — Omnino scribendum existimo „clam patrem“.

V.

Quod sub n. XLI dicit Ribbeckius in excerptis ex anonymo grammatico ap. Ang. Matum auctor. class. V, 151 referri ab Accio pariter atque Pacuvio Naevioque usurpari nominativum Iovis, Pompeius potius nominandus fuit auctor. Nam ex huius libro (gramm. lat. V, 187) haec transcripta, isque ab ipso citatus Ribbeckio in Pacuvii incertarum fabularum fragmentis s. n. LX.

At mihi excusandum, quod illud „Iovis“ in editione scenicarum Naevii carminum reliquiarum est praetermissum (sicut etiam a Ribbeckio). Nam haud dubie ex tragoediis illud pettum. Item dolendum quod versiculus ibi omissus hic (cf. Macrob. Saturn. VI, 5, 8):

cum tuis sagittis arquiteuens pollens dea.

Ceterum „Iovis“ nominativus ex Accii Epinausimache adfertur a Prisciano pg. 695

VI.

Subtrahendum fragmentis Accii septenarium trochaicum a Cic. Tuscul. I, 44, 105 servatum (XIII ed. Ribb.):

Immo enim vero corpus Priamo reddidi, Hectorem abstuli iam supra, sub n. XXVI, est monitum. — Neque magis sunt huius, quae citantur apud Varronem de l. lat. VI, 80 (XXXV ed. Ribb.); ubi legendum: „et anticum illud:

ollim violavit (sc. aspectu), quum vidit invidendum“

ed. Lucili p. 320 est adnotatum. Ibi „invidere“ positum est pro „non videre“; „invidendum“ pro eo quod nulla vi oculorum debet atrectari. Cf. quae praecedunt apud Varronem. Agitur de mysteriis. Tragici nescio cuius puto esse verba.

Haec fuere quae de Accio nunc quidem mihi viderentur dicenda, non quidem ut omnia persequerer, de quibus disputandi materiam post priorum criticorum commenta putarem relictam, sed ut potissima. Quodsi his adiunxeris, quae in libello de Pacuvii fabulis priore anno, item superioribus in editionibus Livii Naeviique et Ennii fabularum sunt proposita, haud inutile supplementum libri, quo argumenta poetarum tragicorum, apud Romanos qui fuere Augusto priores, rimatus est Ribbeckius, poterit videri. Nec tamen ignoro in nostris quoque disputationibus inveniri haud pauca parum certa, ac satis multa in carminibus antiquissimorum tragicorum latinorum partim propter exiguitatem reliquiarum, ut corruptelas frequentissimas ac saepe gravissimas omittam, partim propter exemplarium graecorum defectum etiam nunc manere obscura et quae an numquam possint expediri iure dubites. Sed ubi veri extricandi facultas nulla, ea maxime sectanda, quae similia veri ac magis probabilia videantur ceteris.

Dab. Petropoli.

L. Mueller.

КЪ ИСТОРИИ ГОРОДА ОЛЬВИИ.

Въ „Исслѣдованіяхъ объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвии“, помѣщенныхъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія три года тому назадъ (1887, январь—апрѣль, отдѣлъ класс. филологіи) и затѣмъ вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мною былъ подвергнутъ (на стр. 66 сл.), между прочимъ, всестороннему разбору знаменитый декретъ ольвиополитовъ въ честь гражданина Протогена, сына Иросонтова, яркими красками рисующій намъ политическій и экономическій упадокъ Ольвии и ея безпомощность предъ грозившимъ нашествіемъ галатовъ. Вопросъ о томъ, какіе это были галаты, занималъ многихъ ученыхъ, начиная отъ Мальтъ Брена и Гауль Рошетта и кончая Диттенбергеромъ, и рѣшался ими различно. Разсмотрѣвъ взгляды, „существующіе въ наукѣ по этому вопросу, я присоединился къ мнѣнію Шмидта, что въ документѣ упоминаются галаты Комонторія, основаннаго во Фракіи могущественное царство, существовавшее отъ 280 до 213 г. до Р. Хр., и что, стало быть, документъ относится къ III в. до Р. Хр. При этомъ я (на стр. 83 сл.) обратилъ вниманіе на рядъ ольвійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, по большей части впервые изданныхъ мною въ I томѣ *Inscr. Graecae sept. Ponti Euxini* и стоящихъ въ болѣе или менѣе близкой хронологической связи съ документомъ, касающимся Протогена. Указавъ на эту связь и на тѣ основанія, по которымъ можно было отнести эти документы къ III в. до Р. Х., я тѣмъ не менѣе долженъ былъ оговориться, что „къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы прямо и ясно указывали на время его происхожденія“. Въ настоящее время я съ особеннымъ удовольствіемъ могу указать на одинъ, такъ-сказать, хронологическій гвоздикъ, къ которому можно прицѣпить одинъ изъ этихъ ольвійскихъ документовъ,

4. ΕΔΟΞΕΝΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΑΙΔΗΜΩΙΑΝΤΙΓΟΝΟΣ
 ΧΑΡΙΣΤΙΟΥΕΙΠΕΝΕΡΕΙΔΗΤΡΟΣΙΑΓΕΟΣΔΙΟΝΥΣΙ
 ΟΥΟΛΒΙΟΥΤΟΛΙΤΗΣΑΝΗΡΑΓΑΘΟΣΩΝΔΙΑΤΕΛΕΙ
 5. ΠΕΡΙΤΕΤΟΙΕΡΟΝΚΑΙΤΟΝΔΗΜΟΝΤΟΝΔΗΛΑΙ
 ΩΝΚΑΙΧΡΕΙΑΣΤΑΡΕΧΕΙΤΑΚΑΚΟΙΝΕΙΤΕΙ
 ΠΟΛΕΙΚΑΙΙΔΙΔΑΙΤΟΙΣΕΝΤΥΓΧΑΝΟΥΣΙΝΑΥ
 ΤΩΙΤΩΜΠΟΛΙΤΩΝΞΙΣΑΝΤΙΣΑΥΤΟΝΤΑ
 ΡΑΚΑΛΕΙΔΕΔΟΧΟΑΙΤΕΙΒΟΥΛΕΙΚΑΙΤΩΙΑΔΗ
 10. ΜΩΙΕΡΑΙΝΕΣΑΙΠΟΣΙΔΕΟΝΔΙΟΝΥΣΙΟΥΟΛΒΙ
 ΟΤΟΛΙΤΗΝΚΑΙΕΙΝΑΙΑΥΤΟΝΤΡΟΞΕΝΟΝΤΟΥ
 ΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΚΑΙΑΥΤΟΝΚΑΙΕΚΓΟ
 ΝΟΥΣΚΑΙΕΝΑΙΑΥΤΟΙΣΓΗΣΚΑΙΟΙΚΙΛΙΣΕΓΚΤΗΣΙ
 15. ΚΑΙΠΡΟΣΟΔΟΝΤΡΟΣΟΔΟΝΤΡΟΣΤΗΝΒΟΥΛΗΝΚΑΙ
 ΤΟΝΔΗΜΟΝΠΡΩΤΟΙΣΜΕΤΑΤΑΙΕΡΑΥΤΑ
 ΧΕΙΝΔΕΑΥΤΟΙΣΚΑΙΤΑΛΛΑΝΑΝΤΑΟΣΑΔΕΔΟ
 ΤΑΙΤΟΙΣΑΛΛΑΟΙΣΤΡΟΞΕΝΩΝΚΑΙΕΥΕΡΓΕ
 ΤΑΙΣΤΟΥΤΕΙΕΡΟΥΚΑΙΔΗΛΙΩΝΑΝΑΓΡΑΨΑΙΔΕ
 20. ΤΟΔΕΤΟΨΗΘΙΣΜΑΤΗΜΜΕΜΒΟΥΛΗΝΕΙΣΤΟΒΟΥ
 ΛΕΥΤΗΡΙΟΝΤΟΥΣΔΕΙΕΡΟΤΟΙΟΥΣΕΙΣΤΟΙΕΡΟΝ
 ΕΙΣΣΤΗΛΗΝΝΙΚΑΝΩΡΝΙΚΑΝΟΡΟΣΕΠΕΨΗΘΙΣΕΝ

и вмѣстѣ съ нимъ декретъ въ честь Протогена. Этотъ гвоздикъ нашолся не въ Ольвиѣ, а на островѣ Дилосѣ, гдѣ, конечно, трудно было предполагать его существованіе.

Въ числѣ находокъ, сдѣланныхъ на Дилосѣ въ 1886 году при раскопкахъ, произведенныхъ членомъ французской археологической школы въ Афинахъ, г. Фужеромъ (Gustave Fougères), оказался декретъ о проксеніи, дарованной дилосцами ольвиополиту Посидею Дионисіеву, изданный тѣмъ же ученымъ въ мартовской книжкѣ журнала Bulletin de correspondance Hellénique за 1889 годъ, стр. 236, строчными буквами. Небольшая бѣломраморная плита (выс. 0,56 м., шир. 0,26, толщ. 0,065), на которой вырѣзанъ декретъ, найдена разбитою на три куска, но отъ этого разбитія пострадалъ лишь другой декретъ, вырѣзанный на нижней части плиты, тогда какъ вырѣзанный сверху декретъ въ честь Посидея сохранился цѣликомъ и безъ всякой порчи. Въ виду интереса этого декрета для истории Ольвиѣ, я нахожу нужнымъ перепечатать здѣсь полную его копию по эстампажу, съ величайшею любезностью присланному мнѣ г. Фужеромъ по просьбѣ, обращенной къ нему чрезъ посредство А. Н. Щукарева. Особенности письма декрета отмѣчены г. Фужеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Les lettres sont petites, grasses et un peu ornées; la gravure rappelle celle des comptes des hiéropes. Les E ne portent pas la barre médiane“. Изъ вариантовъ его копии, кромѣ двухъ неважныхъ описокъ или корректурныхъ недосмотровъ, слѣдуетъ отмѣтить, что имѣ даны цѣликомъ послѣднія буквы строкъ 12-й и 14-й и буква Т слова μετά въ той же (14-й) строкѣ, совершенно незамѣтныя на эстампажѣ.

1. Ἐδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· Ἀντίγονος Χαριστίου εἶπεν· Ἐπειδὴ Ποσίθεος Διονυσίου Ὀλβιοπολίτης ἀνὴρ ἀγα(θ)ὸς ὧν διατελεῖ περὶ τε τὸ ἱερόν καὶ τὸν δῆμον τὸν Δηλί-
 5. ὦν καὶ χρείας παρέχεται καὶ κοινῆ τῇ πόλει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντογχάνοοσιν αὐ-
 τῷ τῶν πολιτῶν εἰς ἃ ἂν τις αὐτὸν παρακαλεῖ, δεδόχ(θ)αι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δή-
 μῳ ἐπαινεῖσαι Ποσίθεον Διονυσίου Ὀλβι-
 10. οπολίτην καὶ εἶναι αὐτὸν πρόξενον τοῦ ἱεροῦ καὶ Δηλίων καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγό-
 νους καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτησ[ν]
 καὶ πρόσοδον <πρόσοδον> πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον πρώτοις με[τ]ὰ τὰ ἱερά, ὑπά[ρ]-

15. χαιν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα δσα δέδο-
ται τοῖς ἄλλοις προξένους καὶ εὐεργέ-
ταις τοῦ τε ἱεροῦ καὶ Δηλίων· ἀναγράψαι δὲ
τόδε τὸ ψήφισμα τῆμ μὲμ βουλὴν εἰς τὸ βου-
λευτήριον, τοὺς δὲ ἱεροποιούς εἰς τὸ ἱερὸν
20. εἰς στήλην. Νικάνωρ Νικάνωρος ἐπεψήφισεν.

Итакъ, читатели видятъ предъ собою самый обыкновенный декретъ о проксеvи, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ массы другихъ подобныхъ декретовъ, много разъ и на разные лады разбравшихся учеными ¹⁾. Но для исторiи Ольвiи онъ представляетъ значительный интересъ 1) тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о мирныхъ сношенiяхъ Ольвiи съ Дилосомъ и притомъ на столько оживленныхъ, что дилосцы сочли нужнымъ имѣть въ Ольвiи своего проксена ²⁾, 2) своими хронологическими указанiями. Дѣло въ томъ, что время этого декрета можетъ быть опредѣлено довольно точно. Какъ уже замѣтилъ г. Фужеръ въ своемъ краткомъ комментарий къ надписи, авторъ предложенiя Антигонъ Харистiевъ— навѣрное то самое лицо, которое дважды упоминается въ изданномъ г. Омоллемъ ³⁾ огромномъ отчетѣ дилосскихъ iеропоевъ года архонта Димара, котораго издатель отчета, на основанiи весьма вѣсныхъ данныхъ, ставитъ около 180 г. до Р. Хр. ⁴⁾. Стало быть, Антигонъ и Посидей ольвiополитъ жили приблизительно въ 1-й четверти II в. до Р. Хр. Съ другой стороны, этотъ Посидей съ небольшою вѣроятностью можетъ быть

¹⁾ Новѣйшее сочиненiе о проксеvи—*Paul Monceaux, Les proxénies Grecques, Paris, 1886.*

²⁾ О сношенiяхъ ольвiополитовъ съ другими елливскими городами см. въ нашихъ „Исслѣдованiяхъ“, стр. 221 сл.

³⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 20, строка 155: Καὶ τότε ἄλλο ἀργύριον εἰσῆχαι τῷ θεῷ τελῶν... τοῦ [λιμένος πα]ρὰ Ἀντιγόνου τοῦ Χαριστίου ΔΕ. Стр. 28, gauche, строка 20 сл.: Ἐγγράφισεν... καὶ Ἀντίγονον Χαριστίου καὶ τοὺς ἐγγύους αἰ ἱλασον ἀπέδωκεν τοῦ τέλους τοῦ λιμένος ΔΕ|||. Безъ сомнѣнiя, этотъ же Антигонъ поставилъ статуя своего отца, на сохранившемся пьедесталѣ которой читается слѣдующая надпись, изданная Омоллемъ въ *Bull. de corr. hell.* V, стр. 465, и затѣмъ *Lesou, Inschr. Griech. Bildbauer, № 209: Ἀντίγονος τὸν πατέρα | Χαριστίου τοῖς θεοῖς. | Θέων Θέωνος ἐπόησεν.* Письмо этой надписи, судя по факсимиле, данному въ изданiи *Lesou*, очень сходно съ письмомъ нашего декрета, которое въ свою очередь, по вышеприведеннымъ словамъ г. Фужера, напоминаетъ письмо отчетовъ iеропоевъ.

⁴⁾ *Bull. de corr. hell.* VI, стр. 56. Cf. *Homolle, Les archives de l'intendance sacrée à Délos.*

отожествленъ съ тѣмъ, который виѣсть съ братомъ Агротомъ поставилъ въ честь отца своего Діонисія статую, пьедесталъ которой сохранился до нашего времени съ надписью, изданною впервые въ моемъ сборникѣ подѣ № 106:

Ἀγρότας καὶ Ποσειδῆος οἱ ἀδελφοὶ
τῶν πατέρα Διονύσιον [Ἀκ]ῶλλων
Δελφίνῳ ἱερησάμενον.

При изданіи надписи въ сборникѣ я замѣтилъ, что характеръ ея письма указываетъ на время не позднѣе III в. до Р. Х.; и дѣйстви- тельно, этотъ памятникъ несомнѣнно древнѣе дилосскаго декрета, такъ какъ онъ поставленъ Агротомъ и Посидеемъ еще въ молодости, при жизни ихъ отца, тогда какъ въ дилосскомъ декретѣ мы видимъ Посидея уже самостоятельнымъ гражданиномъ, неоднократно оказы- вавшимъ услуги дилосцамъ и обладающимъ потомствомъ, въ кото- рому должно было перейти дарованное ему дилосцами право проксеніи.

Такимъ образомъ наше мнѣніе о времени надписи № 106 вполне подтвердилось дилосскимъ декретомъ. Далѣе, въ каталогѣ ольвійскихъ гражданъ, изданномъ въ нашемъ сборникѣ подѣ № 114, записаны Διονύσιος Ἀγρότου и Ἡρόδοτος Πρωτογένους, изъ коихъ первый, можно сказать почти навѣрное, былъ именно тѣмъ лицомъ, въ честь кото- раго была поставлена сыновьями статуя, а второй, по всей вѣроят- ности,—отецъ знаменитаго Протогена (ср. Иссл., стр. 84 сл.). Стало быть, Посидей Діонисіевъ и Протогенъ были современниками и жили приблизительно во второй половинѣ III и первой четверти II в. до Р. Хр.; а такъ какъ Галатское царство во Фракіи существовало только до 218 г., то декретъ въ честь Протогена не можетъ быть позднѣе этого термина. Такимъ образомъ дилосскій декретъ въ честь Посидея вполне подтверждаетъ тѣ соображенія, которыя высказаны въ на- шихъ „Исслѣдованіяхъ“ относительно времени декрета въ честь Про- тогена и ряда документовъ, приблизительно одновременныхъ съ нимъ.

В. Латышевъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ДЕМОСФЕНА КЪ ИСОКРАТУ.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ писателей древнегреческаго міра сталъ интересовать изслѣдователей исторіи греческой литературы еще съ самаго начала ея. Извѣстно, что однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ конкретно выражать такое отношеніе былъ тотъ, что младшій писатель представлялся ученикомъ или слушателемъ старшаго. Исчислять примѣры этого приема—излишне; они общезвѣстны, такъ какъ еще не такъ давно литературные историки повторяли ихъ какъ историческіе факты. Только въ послѣднее время стали относиться къ такимъ извѣстіямъ скептически, и за неизбѣимъ, въ большинствѣ случаевъ, надежной точки опоры, которая позволяла бы различить истину отъ простой комбинаціи, основанной даже на нѣкоторой долѣ правдоподобности, вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно данный авторъ ученикомъ другаго, оставленъ въ сторонѣ и уступилъ мѣсто вопросу о слѣдахъ вліянія литературныхъ памятниковъ старшихъ писателей на произведенія ихъ младшихъ соотечественниковъ. Изслѣдованія въ этомъ направленіи, въ особенности же такъ-называемыя Quellenforschungen, характеризуютъ филологическую дѣятельность нашихъ дней.

Предпославъ эту общую вступительную замѣтку, перейдемъ къ частному случаю, составляющему тему нашей статьи. Слѣдуетъ ли считать Демосфена ученикомъ Исократа въ буквальномъ смыслѣ слова, или нѣтъ,—на этотъ счетъ уже у древнихъ біографовъ обоихъ ораторовъ, какъ извѣстно, существовали разногласія. Одни, какъ Цицеронъ ¹⁾ и нѣкоторые источники автора псевдо-Плутарховой біогра-

¹⁾ De Orat. II, 22, 94.

фіи Демосфена ¹⁾, отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе же ²⁾ наотрѣвъ отрицали это. Авторъ псевдо-Плутарховой біографіи Исократѣ ³⁾ сохранилъ даже недурной анекдотъ касательно переговоровъ учителя съ новымъ кандидатомъ. Разказывали, что Демосфень, желая учиться у Исократѣ, но не будучи въ состояніи заплатить требуемый за полный курсъ краснорѣчія гонораръ въ 1000 драхмъ, предлагалъ ритору лишь 200 драхмъ съ просьбой, научить его за эти деньги одной пятой всего курса. Но Исократъ отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что онъ де въ розницу не торгуетъ. Эти два діаметрально противоположныя мнѣнія старались примирить третьи, которые или указывали на то, что Исей, безспорно считавшійся древнимъ учителемъ Демосфена ⁴⁾, въ свою очередь былъ ученикомъ Исократѣ ⁵⁾, или что Демосфень, такъ-сказать, контрабандой, черезъ другихъ слушателей, запасся лекціями Исократѣ по теоріи краснорѣчія и выучилъ ихъ ⁶⁾.

Уже эти противорѣчія служатъ явнымъ доказательствомъ того, что достовѣрность извѣстія, будто Демосфень учился у великаго ритора, сомнительна. Новѣйшими же литературными историками она совсѣмъ отвергается, больше всего на томъ основаніи, что древнѣйшіе авторитеты, въ особенности перипатетикъ Гермиппъ ⁷⁾, свидѣтельствуютъ противъ нея.

Итакъ, съ этимъ вопросомъ покончено, какъ кажется, навсегда. Не то можно сказать объ отыскиваніи слѣдовъ подражанія Демосфена Исократу. И на этотъ вопросъ обращено вниманіе уже въ глубокой древности. Такъ, риторъ II столѣтія послѣ Р. Х. Гермогенъ сопоставилъ начало рѣчи Исократѣ о „мирѣ“ (VIII, § 1) съ началомъ рѣчи Демосфена „противъ Тимократѣ“ (XXIV, § 4) ⁸⁾. Сходство

¹⁾ См. *Westermann Vitarum scriptt.*, p. 281.

²⁾ Ср. *Plutarchi Vita Demosth.*, c. 5.

³⁾ См. *Westerm.* I. c., p. 249.

⁴⁾ Въ новѣйшее время и это оспаривается; см. диссертацию *Hoffmann: De Demosthene Isaei discipulo* (Berol. 1872).

⁵⁾ Ср. *Westerm.* I. c., pp. 281, 309.

⁶⁾ *Plut.* I. c.

⁷⁾ *Ibid. extr.*, coll. *Schäfer*, *Demosthenes u. s. Zeit*, I², p. 311.

⁸⁾ См. *Spengel*, *Rhett. gr.* II, p. 449. Для наглядности приводимъ то и другое мѣсто:

Ἀπαντες μὲν εἰώθασιν οἱ παριόντες ἐνθάδε ταῦτα μέγιστα φάσκειν εἶναι καὶ μάλιστα σπουδῆς ἄξια τῇ πόλει, παρὶ ὧν

Εἰώθασ: μὲν οὖν οἱ πολλοὶ τῶν πρᾶττειν τι προαιρουμένων τῶν κοινῶν. λέγειν ὡς ταῦθ' ὁμῖν σπουδαιότατ' ἐστὶ καὶ μά-

этихъ двухъ мѣстъ—поразительное, и словами τινὶ καὶ ἄλλῳ Демосеенъ прямо намекаетъ на Исократъ. Точно также знаменитый новоплатоникъ Порфирій замѣтилъ не подлежащее сомнѣнію сходство изложенія о юридическомъ значеніи признаній, вынужденныхъ посредствомъ пытки (βάσανοι), не только у Исократъ и Демосеена, но, вдобавокъ, и у Исея ¹⁾. Наконецъ, схолиастъ рѣчи Демосеена „противъ Тимократа“ замѣчаетъ о началѣ § 6-го этой рѣчи: Ἰσοκρατικῆ ἢ ἔννοια καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀρχιδάμου (VI, § 1) μετήχται ²⁾. Однако, наблюденія этого рода являются лишь спорадическими и случайными.

Первая попытка нѣсколько подробнѣе изложить слѣды этого подражанія была сдѣлана только въ 1833 г. Пфундомъ въ его изслѣдованіи ³⁾, гдѣ сопоставлены слѣдующія мѣста: Исократ. VI, § 102 съ Дем. II, § 20; VIII, § 6 съ IV, § 7; VIII, § 124 съ III, § 29 и VIII, § 138 съ IV, § 8 (?). Однако, эта попытка не очень понравилась тогдашнимъ филологамъ, и они, считая ее нѣкотораго рода посягательствомъ на славу творческаго генія Демосеена, употребили противъ нея всѣ приемы, обычные въ такихъ случаяхъ, когда идетъ дѣло о защитѣ непризнаваемой оригинальности во что бы то ни стоило. Выразителемъ этого направленія явился Funkehnel въ статьѣ, помѣщенной въ Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft Циммермана (1837 г., № 59, 60, столб. 485—494), озаглавленной: Isokrates und Demosthenes ⁴⁾. Авторъ или не признаетъ сходства въ перечислен-

ἐν αὐτοῖς μέλλοσι συμβουλεύειν οὐ μὴν ἄλλ' εἰ καὶ περὶ ἄλλων τινῶν πραγμάτων ἤρμοσα τοιαῦτα προεῖπαι, δοκεῖ μοι πρόκειναι καὶ περὶ τῶν νῦν παρόντων ἐνταῦθεν ποιήσασθαι τὴν ἀρχήν.

λίот' ἀξίον προσέχειν τοῖτοισι, ὅπερ ἐν ἄν αὐτοῖς τυγχάνωσι ποιοῦμενοι τοὺς λόγους, ἐγὼ δ', εἴπερ τινὶ τοῦτο καὶ ἄλλῳ προσήκόντως εἴρηται, νομίζω ἅμοι νῦν ἀρμόττειν εἰπαιν.

¹⁾ Ср. его слова у Евсевія Praepar. evang. X, 3, 17 (изд. Dindorf. I, p. 537): τὰ περὶ βασάνων εἰρημένα παρ' Ἰσαίῳ ἐν τῇ περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου (VIII, § 12) καὶ παρ' Ἰσοκράτει ἐν τῇ τραπεζιτικῇ καίται (XVII, § 54), καὶ παρὰ Δημοσθένει ἐν τῇ κατ' Ὀνήτορος ἐξούλης (XXX, § 37) σχεδὸν διὰ τῶν αὐτῶν εἴρηται. См. тоже Диндорфово Оксфордское изданіе Демосеена, vol. VII, p. 1092. У Евсевія I. о. перечисленъ цѣлый рядъ сочиненій и отдѣльных мѣстъ разныхъ греческихъ писателей, въ которыхъ древними констатировано заимствование или даже литературная кража. Тамъ же приведены имена авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ этого вопроса.

²⁾ См. Dindorf, vol. IX, p. 736.

³⁾ Pfund, De Isocratis vita et scriptis (Berol.), p. 23. Ср. статью Funkehnel'a, о которой выше.

⁴⁾ Еще раньше возставалъ противъ подобныхъ попытокъ Meier (M. H. E.)

ныхъ Пфундомъ мѣстахъ, или допускаетъ, что каждый ораторъ могъ самостоятельно додуматься до этихъ мыслей и, что, касаясь подобныхъ выраженій, то онъ находитъ ихъ естественными на томъ основаніи, что оба оратора — греки (?) ¹⁾. Дальше авторъ точно также не находитъ справедливымъ предположеніе Пфунда, что Демосфонтъ, указывая въ своихъ Филиппикахъ на доблесть предковъ и ухудшеніе положенія вещей въ его время, дѣлалъ это по примѣру Исократъ, что впрочемъ уже схолиасты утверждали ²⁾. По мнѣнію Функгенеля, въ этихъ и еще другихъ имъ указанныхъ случаяхъ нельзя было, при аналогичности историческихъ обстоятельствъ, говорить иначе ³⁾.

Всѣ эти мотивы, на нашъ взглядъ, носятъ отпечатокъ субъективности и вытекаютъ, главнымъ образомъ, изъ пристрастія къ Демосфену и благоговѣнія передъ нимъ. Однако, не смотря на это, они до сихъ поръ повторяются большею частью литературныхъ историковъ нашего оратора. Поэтому мы, предпославъ очеркъ исторіи этого вопроса, считаемъ для рѣшенія его не лишнимъ привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ двухъ судебныхъ рѣчей обоихъ ораторовъ, сходство которыхъ, на сколько намъ извѣстно, ускользало отъ вниманія изслѣдователей, а именно, рѣчей Демосфена „противъ Мидія“ (XXI) и

въ статьѣ: *De furti litterarii suspicione in poetas et oratores Atticos collata.* (Halis, 1832 = *Opusc. acad.* II (1863), pp. 307—320). Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть это разсужденіе.

¹⁾ Свой общій взглядъ онъ формулируетъ вотъ какъ (стр. 493): „Sollten blos Parallelstellen verglichen, Sachen erklürt werden, so lässt man sich solche Gelehrsamkeit wohl gefallen; allein wenn der Redner aus dem oder jenem Redner oder Dichter seine Worte genommen haben soll, da vermisst man gesunde Kritik“.

²⁾ Ср. схола. къ Исократ. IV, § 136 (*Dindorf*, *Scholias graeca in Aeschinem et Isocratem*, p. 120): „Ο Δημοσθένης ἐν τοῖς Φιλίπποις καὶ τῇ διανοίᾳ καὶ ὀχρεῶν τῇ λέξει ἐχρήσατο. Точно также схолиастъ Демосфена (*Dindorf*, l. c. vol. VIII, p. 5 med.) указалъ на сходство приема у обоихъ ораторовъ: Что Исократъ говорилъ въ Панегрику по отношенію къ Артаксерксу Мисмону, царю персовъ, то же самое высказывалъ Демосфонтъ по отношенію къ Филиппу Македонскому.

³⁾ *Rauchenstein* и *Reinhardt* въ 5-мъ изданіи избранныхъ рѣчей Исократъ (1882 г.) сравниваютъ слѣдующія мѣста:

Исократъ IV, § 138 съ Дем. II, § 22 и IV, § 4 sq.
 „ „ „ 139 „ „ II, § 14.
 „ VII, „ 12 „ „ II, „ 9.

По поводу послѣдняго мѣста *Reinhardt* замѣчаетъ (p. 174): „eine Stelle, die überhaupt an die unsere so erinnert, dass sie wie *Nachahmung aussieht*“. Характеристична здѣсь и у другихъ ученыхъ осторожность, съ кимъ ими констатируются подражанія Демосфена.

Исократу „противъ Лохита“ (XX). Фактъ незамѣченія аналогій можно легко объяснить тѣмъ, что на послѣднюю рѣчь, имѣющую характеръ эпилога, мало кто обращаетъ особое вниманіе.

Древніе ораторы обыкновенно старались показывать видъ, что они говорятъ экспромтомъ, безъ приготовленія, чтобы противникъ, указавъ на ихъ усердіе, употребленное на составленіе рѣчи, не имѣлъ возможности подорвать довѣріе судей къ правдивости ихъ словъ. Не то мы встрѣчаемъ въ рѣчи Демосфена „противъ Мидія“; здѣсь ораторъ, ожидая подобнаго рода упрекъ со стороны обвиняемаго Мидія, даже торжественно заявляетъ, что онъ основательно наштудировалъ свою рѣчь ¹⁾. Къ этому-то ἐσκέφθαι нужно во всякомъ случаѣ отнести изученіе ораторомъ изданныхъ рѣчей его предшественниковъ, которыя имѣли сюжетомъ аналогичные случаи нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ, какъ данный процессъ Демосфена ²⁾. Такъ, по свидѣтельству ритора Феона, онъ сдѣлалъ позаимствованія для этой рѣчи изъ подобныхъ рѣчей Лисія, Лякурга и Исея ³⁾. Однако, такъ какъ данной категоріи рѣчи перечисленныхъ ораторовъ не уцѣлѣли, то мы лишены возможности провѣрить замѣтку ритора, и поэтому перейдемъ прямо къ перечню тѣхъ мѣстъ обѣихъ рѣчей, гдѣ нами усмотрѣно сходство мыслей и выраженій.

Итакъ, мы находимъ у того и другаго, во первыхъ, одинаковую характеристику преступнаго дѣянія, совершеннаго обвиняемни. Чтобъ увеличить значеніе его (αὐτήσις, amplificatio), и вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться какъ можно большаго наказанія виновныхъ, оба оратора указываютъ на силу чувства негодованія и оскорбленія, которое испытываетъ благородный человѣкъ, подвергавшійся позорному оскорбленію дѣйствіемъ.

¹⁾ § 191: ἐγὼ δ' ἐσκέφθαι μέγ, ὡ δ. 'Α., φημί καὶ οὐκ ἄν ἀρήθησθην, καὶ μεμελετημέναι γ' ὡς ἐνὴν μάλιστα ἐμοί. Ср. наши Риторическіе Этюды въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г. (часть 218, стр. 252 сл.).

²⁾ Намъ не должно удерживать отъ вѣроятности нашего предположенія то обстоятельство, что терминъ, употребленный Демосфеномъ въ данномъ мѣстѣ, имѣетъ только значеніе „обдумывать“; ораторъ въ другихъ случаяхъ, заимствуя кое-что у (Улидыда, тоже не говоритъ (какъ следовало бы) „ἀνέγνωχα“, а „ἀκούω“. Ср. *Blase*, Die attische Beredsamkeit, III, 1, p. 18, примѣч.

³⁾ Ср. *Spengel*, l. c., vol. II, p. 36 extr.: Δημοσθένης (μετανήνοχεν) εἰς τὸν κατὰ Μυδίου τὰ τε Λυσίου καὶ Λυκούργου ἐκ τῶν τῆς Ἰσέως λόγων, καὶ τὰ Ἰσείου ἐκ τῶν κατὰ Δικελείους ἕβρωτος. См. тоже у *Dindorf*, l. c., vol. VI, p. 754.

Ησοκратъ § 6:

ὕπερ τῆς αἰκίας καὶ τῆς ἀτιμίας
ἦκω... δίκην ληψόμενος, ὕπερ ὧν
προσῆκει τοῖς ἐλευθέροις μάλιστα
ὀργίζεσθαι καὶ μεγίστης τογχάναι
τιμωρίας.

Δемосөөнъ § 72:

οὐ γάρ ἡ πληγὴ παρέστηκε τὴν
ὀργήν, ἀλλ' ἡ ἀτιμία: οὐδὲ τὸ τό-
πτεσθαι τοῖς ἐλευθέροις ἐστὶ δει-
νόν, καίπερ ὄν δεινόν, ἀλλὰ τὸ ἐφ'
ὄβρει ¹⁾.

Для той же цѣли служить, дальше, цѣлѣй рядъ мѣстъ, въ кото-
рыхъ оба обвинителя стараются придать своей личной обидѣ ха-
рактеръ преступления противъ всего общества. Въ этомъ значе-
нiи они принимаютъ слова закона сюда относящагося, объясняя
мысль законодателя одинаково ²⁾.

Ησοκратъ § 2:

(κατὰ τοὺς θέντας τοὺς νόμους)
... περὶ τῆς ὄβρεως ὡς κοινοῦ τοῦ
πράγματος ἔξεστι τῷ βουλομένῳ
τῶν πολιτῶν γραφάμενῳ πρὸς τοὺς
θεσμοθέτας εἰσελθεῖν εἰς ὑμᾶς.

Δемосөөнъ § 45:

πάνθ' ὄσα τις βιζόμενος πράττει,
κοινὰ ἀδικήματα καὶ κατὰ τῶν
ἔξω τοῦ πράγματος ὄντων ἡγεῖτο ὁ
νομοθέτης... διόπερ καὶ τῆς ὄβρεως
αὐτῆς τὰς μὲν γραφὰς ἔδωκεν
ἅπαντι τῷ βουλομένῳ... τὴν γάρ
πόλιν ἡγεῖτο ἀδικεῖν, οὐ τὸν πα-
θόντα μόνον τὸν ὄβριζειν ἐπιχειροῦντα.

Сами же весьма часто повторяютъ этотъ взглядъ, напримеръ, въ
концѣ отдѣловъ рѣчи.

Ησοκратъ § 14:

προσῆκει πᾶσι μετεῖν τοὺς τοιοῦ-
τους καὶ κοινούς ἐχθρούς νομί-
ζειν.

Δемосөөнъ § 218:

κοινή ἡ κρίσις, καὶ τὰδικήματα
πάντ' ἐφ' οἷς νῦν κρίνεται, κοινὰ.

Въ связи съ этимъ находится и общественное значенiе на-
казанiя, которое судьи должны наложить на виновныхъ: обузданiе
ихъ принесетъ пользу всѣмъ, не исключая самихъ судей, и послу-
жить устрашающимъ примѣромъ для другихъ.

¹⁾ Въ слѣдующихъ словахъ того же § Демосөөнъ *развиваетъ* мысль, вы-
сказанную Исократомъ, и это мѣсто сдѣлалось уже въ древности классическимъ;
ср. *Dindorf*, l. c., p. 790 sq.

²⁾ Демосөөнъ опять попытался болѣе *распространить* то, что онъ нашелъ
у своего предшественника.

Исократъ § 15:

ἔταν τοὺς ὑβρίζοντας κολάζητε, ὑμῖν αὐτοῖς βροηθεῖτε.

Idem § 21:

ὡς ὑπὲρ αὐτοῦ δικάζων, οὕτως ἕκαστος ὑμῶν οἶσαι τὴν ψῆφον. ἄπαντας γὰρ ὁμοίως ἀδικοῦσιν.

Idem § 18:

τοὺς ἄλλους πολίτας κοσμιωτέρους ποιήσατε καὶ τὸν βίον τὸν ὑμέτερον αὐτῶν ἀσφαλέστερον καταστήσατε ¹⁾.

Демосеенъ § 8:

δημοσίᾳ συμφέρει μὴδενί, μηδέ ἐξεῖναι τοιοῦτο ποιεῖν.

Ibid.:

ὡς ὑπὲρ κοινοῦ τοῦ πράγματος ὄντος (τις)... ψηφισάσθω.

Idem § 142:

κοινῇ νῦν... πᾶσιν, ὑπὲρ πάντων ἔστι τιμωρητέος, ὡς κοινός ἐχθρὸς τῇ πολιτείᾳ.

Idem § 227:

νῦν ἀκνήσατε... τοὺς ἄλλους σφρογίσαι, μετὰ πολλῆς ἀσφαλείας αὐτοῖ τὸ λοιπὸν διαγεῖν;

Еще болѣе поразительно сходство приѣма, мыслей и выраженій тѣхъ мѣсть обѣихъ рѣчей, гдѣ говорящіе прибѣгаютъ къ предварительному опроверженію ожидаемыхъ возраженій со стороны обвиняемыхъ (προκατάληψις, anteaccusatio), которые будутъ стараться умалять значеніе совершеннаго ими преступленія (μείωσις). Здѣсь, во-первыхъ, одинаково само ожидаемое возраженіе: тотъ и другой обвиняемый будетъ указывать на то, что побои, нанесенные потерпѣвшему, не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Исократъ § 6:

ἐπιχειρήσαι μικρὸν ποιεῖν τὸ πρᾶγμα... λέγων, ὡς οὐδὲν ἐκ τῶν πληγῶν κακὸν ἔπαθον, ἀλλὰ μείζους ποιοῦμαι τοὺς λόγους ἢ κατὰ τὴν ἀξίαν τῶν γεγεννημένων.

Демосеенъ § 71:

οὐδὲ τοῦτ' ἔστιν εἰπεῖν, ὡς οὐ γεγεννημένου πάποτ' οὐδενός ἐκ τῶν τοιούτων δαινοῦ τῷ λόγῳ τὸ πρᾶγμα' ἐγὼ νῦν αἴρω καὶ φοβερὸν ποιῶ.

Это возраженіе опровергается обонми, во-первыхъ, одинаковою ссылкой на опытъ, который подтверждаетъ, что часто незначительныя причины вызываютъ роковыя послѣдствія. Но, въ самомъ изло-

¹⁾ *Funkhanel*, l. c., столб. 486, вѣрно замѣчаетъ, что сопоставляетъ съ этимъ § Дем. XXIV, § 218 или [Андокид.] IV, § 40—слишкомъ рискованно.

женіи встрѣчается у обонхъ ораторовъ разница: между тѣмъ какъ Исократъ приводитъ эту мысль въ видѣ общаго мѣста, Демосфень исчисляеть нѣсколько частныхъ случаевъ, подтверждающихъ ее.

Исократъ § 7 sq.:

πολλάκις ἤδη μικραὶ προφάσεις με-
γάλων κακῶν αἰτίαι γέγονασι, καί...
διὰ τοὺς τόπτειν τολμῶντας εἰς τοῦτ'
ἤδη τινὰς ὀργῆς προήχθησαν, ὥστ'
εἰς τραύματα καὶ θανάτους καὶ φυ-
γὰς καὶ τὰς μεγίστας συμφορὰς ἐλθεῖν.

Демосфень § 71 sqq.:

Примѣры этого общаго мѣста.

Что однако, ввоторныхъ, оба данныхъ случая представляютъ исключеніе изъ общаго правила, это не должно послужить въ пользу обвиняемымъ, такъ какъ благодаря не имъ, а только счастливому случаю и умѣренности и воздержности пострадавшихъ, не случилось ничего ужаснаго.

Исократъ § 8:

διὰ τὴν τύχην καὶ τὸν τρόπον
τὸν ἐμὸν οὐδὲν τῶν ἀνηκέστον
συμβέβηκεν.

Демосфень § 74:

ἐμαυτὸν μὲν γε . . σωφρόνως,
μᾶλλον δ' εὐτυχῶς οἶμαι βεβουλεῦ-
σθαι, ἀνασχόμενον τότε καὶ οὐδὲν
ἀνήκεστον ἐξαχθέντα πρᾶξαι.

Idem. § 76:

ἐμοὶ τῷ τοσαύτῃ καχρημένῳ
προνοίᾳ τοῦ μηδὲν ἀνήκεστον
γενέσθαι, ὥστε μηδ' ἀμόνασθαι.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ тожество мѣры наказанія, примѣненія котораго по отношенію къ обидчикамъ оба оратора требуютъ. Они находятъ, что причина ихъ наглости заключается въ томъ, что имъ легко отдѣлаться отъ наказанія за ихъ проступки денежнымъ штрафомъ.

Исократъ § 17:

οἵτινες ἂν εἰς τὰ σώματ' ἐξαμαρ-
τάνοντες τοῖς χρήμασι τὰς δίκας
ὀπέχωνται . .

Демосфень § 124:

. . τὸ εἰς ταῦτα ἀποχρῆσθαι τῷ
πλουτεῖν.

Поэтому нужно какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, при-
мѣнить къ такимъ людямъ высшую степень наказанія и конфиско-

вать ихъ имущество, чтобъ такимъ образомъ лишить ихъ возможности впредь безчинствовать.

Исократъ *ibid.*:

ἂν περιαιρῆτε τὰς οὐσίας τῶν
ναυτιευομένων εἰς τοὺς πολίτας..

Idem. § 16:

δοσον ἀποτίσας ὁ φάουον παύ-
σεσθαι μέλλει τῆς παρούσης
ἀσελγείας.

Демосфень § 138:

περαιορεθαις οὔτος τὰ ὄντα
ἴσως μὲν οὐκ ἂν ὑβρίζοι..

Idem. § 152:

δοσον καταθεις οὔτος παύσε-
ται τῆς ὑβρεως. τοῦτο δ' ἐστὶν μά-
λιστα μὲν θάνατος, αἱ δὲ μὴ, πάντα
τὰ ὄντα ἀφελέσθαι.

Хотя мы могли бы еще продолжать наши указания на одинаковыя мысли въ обѣихъ рѣчахъ, мы остановимся на сказанномъ, чтобъ приводя сомнительныя аналогіи, не подорвать довѣрія къ доказанной вѣроятности нашего предположенія. Дѣйствительно можно, отчасти, допустить, что аналогичность въ некоторыхъ мѣстахъ могла быть естественнымъ послѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ дѣла; напримеръ, на основаніи того, что оба обвиняемые—богачи, а съ другой стороны, оба обвинителя принадлежать къ классу бѣдному, оба оратора стараются подѣйствовать на судей (въ большинствѣ случаевъ тоже бѣдняковъ), указывая на равенство всѣхъ гражданъ демократическаго государства передъ закономъ и требуя отъ нихъ поддержки ¹⁾).

Такимъ образомъ мы убѣдились, что означенная рѣчь Исократа послужила для Демосфена превосходнымъ образцомъ, въ особенности для увеличенія значенія преступленія и противъ попытки противной стороны парализовать это стараніе обвинителя. Что именно для этой цѣли она пригодна въ высшей степени, свидѣтельствуетъ авторитетный голосъ Фолькмана ²⁾). Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ наглядный примѣръ метода, слѣдуя которому Демосфень сдѣлался великимъ ораторомъ. Не теоретическіе учебники ораторскаго искусства, а скорѣе тщательное изученіе готовыхъ образцовъ краснорѣчія развило

¹⁾ Ср. Исокр. §§ 19—20 съ Дем. §§ 123—124.

²⁾ Ср. *Volkmann*, *Rhetorik der Griechen u. Römer*, 2-е изд. (1885 г.), p. 270: „Nur aus Amplification besteht Isocr. or. XX gegen Lochites, die ein blosser Epilog ist.. Man kann sie geradezu als Muster eines locus communis gegen ὑβρις oder αἰχία ansehen.“

въ немъ извѣстную *δαμότης*. Въ этомъ смыслѣ говорятъ и Плутархъ, что именно такимъ эмпирическимъ путемъ онъ постоянно готовился къ своему призванію ¹⁾. Да и сами риторы того времени едва ли иначе учили; въ противномъ случаѣ ихъ методъ не возбудилъ бы порицанія Аристотѣля ²⁾.

Предпринятыми нами сопоставленіями хотя и доказано, что, такъ сказать, импульсомъ къ многимъ мыслямъ Демосфенъ обязанъ тщательному изученію рѣчей Исократъ, все-таки изъ этого не вытекаетъ, что вслѣдствіе этого факта нужно было бы ограничить ораторскую славу Демосфена. На оборотъ, было бы и неестественно, и непростительно, еслибы молодой ораторъ, отнесшись съ пренебреженіемъ къ своимъ предшественникамъ, не постарался воспитывать свой талантъ на существовавшихъ образцахъ ³⁾. Поэтому если и не всегда въ оригинальности мыслей заключается его превосходство, то во всякомъ случаѣ въ мастерской обработкѣ, которою онъ далеко превзошелъ своего предшественника ⁴⁾. Оттого и случилось, что древніе риторы считали образцомъ обвинительной рѣчи въ процессахъ за оскорбленіе дѣйствіемъ не рѣчь Исократъ „противъ Лохита“, а рѣчь Демосфена „противъ Мидія“ ⁵⁾. Конечно, рѣчь послѣдняго должна была тоже потому выйдти болѣе удачною, что ораторъ, какъ лично потерпѣвшій, лично былъ заинтересованъ въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Исократъ сочинялъ свою рѣчь для другаго, по заказу.

И. Лущинскій.

¹⁾ Vita Dem., с. 8: Ἐτι δὲ τοὺς λόγους, οἷς παρέτοχε λεγομένοις, ἀναλαμβάνων πρὸς ἑαυτὸν εἰς γνῶμας ἀνῆγε καὶ περιόδους, ἐπανορθώσεις τε παντοδαπὰς καὶ μεταφράσεις ἐκαινοτομοῖ τῶν εἰρημένων ὑφ' ἑτέρου πρὸς ἑαυτὸν ἢ ὑφ' ἑαυτοῦ πάλιν πρὸς ἄλλον. Конечно, то же онъ дѣлалъ и по отношенію къ читателямъ нмъ рѣчамъ, какъ въ данномъ случаѣ.

²⁾ Soph. el. с. 34, § 7 (ed. stor.): λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτηματοῦς ἐδίδουσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν φήθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους. Διόπερ ταχεῖα μὲν ἀτεχνος δ' ἦν ἡ διδασκαλία τοῖς μανθάνουσι παρ' αὐτῶν οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς τέχνης διδόντες παιδεύειν ὑκαλάμβανον (какъ еслибы сапожники—прибавляютъ философовъ—издумалъ, выѣето теоретическаго обученія, предложить ученику разныя сорта готовыхъ башмаковъ). Ср. Zeller, D. Ph. d. Gr. I⁴, 993, Anm. 2.

³⁾ Ср. Schäfer, l. с., pp. 313, 324.

⁴⁾ Оцѣнку этой рѣчи Исократъ см. у Blass, l. с. II, p. 200.

⁵⁾ См. Quintil. Institut. or. VI, 1, 16—17; 19—20; ibid. 2, 23—24, гдѣ латинскій риторъ постоянно намекаетъ на названную рѣчь Демосфена.

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ.

Предисловіе переводчиковъ.

Предлагая вниманію любителей философіи переводъ „Метафизики“ Аристотеля, мы не будемъ говорить ни о жизни, ни о сочиненіяхъ великаго греческаго мыслителя. То, что могло бы быть сообщено о томъ и другомъ въ краткомъ предисловіи, каждый можетъ узнать, и съ гораздо болѣею обстоятельностью, въ общихъ курсахъ исторіи философіи. Скажемъ здѣсь только о томъ, что побудило насъ приступить къ этому переводу.

Если въ области фактическаго содержанія науки каждая послѣдующая фаза развитія сохраняетъ за предыдущими лишь историческій интересъ, то нельзя тоже сказать о другой сферѣ ея, которая содержитъ объясняющіе принципы для этого фактическаго содержанія. Позднѣйшее и лучше сдѣланное наблюденіе надъ какою-нибудь частью природы упраздняетъ всѣ прежнія, которыя были сдѣланы хуже; и это потому, что орудія наблюденія или остаются тѣми же, или улучшаются въ исторіи. Но объясненіе исторіи наблюдаемаго, которое дѣлается въ послѣдующія времена, не всегда упраздняетъ объясненія, которыя были сдѣланы прежде; и это потому, что самое орудіе объясненія—сила сужденія въ человѣкѣ—ни остается одинаковою въ исторіи, ни необходимо повышается въ ней; напротивъ, она можетъ понижаться. И тѣ глубокія и тонкія понятія, къ которымъ способенъ былъ нѣкогда умъ человѣка, съ помощью которыхъ онъ дѣлалъ для себя понятными трудно объяснимыя стороны въ жизни природы, эти понятія могутъ стать для позднѣйшихъ поколѣній неусвоенными болѣе, стануть для нихъ словами, смыслъ которыхъ утерянъ. Въ незначительныхъ размѣрахъ это явленіе извѣстно въ повседневной жизни, и оно имѣетъ мѣсто не въ одной только сферѣ умственныхъ понятій: мы нерѣдко наблюдаемъ, какъ понят-

ное и неизмѣримо значительное для одного бываетъ совершенно непонятно и не заключаетъ въ себѣ никакого значенія для другаго. Но мы дѣлаемъ ошибку, если то, что ежеминутно случается съ нами въ жизни, никогда не переносимъ въ исторію. Было бы ошибочно думать, что умственная исторія человѣчества состоитъ только въ совершенствованіи; это такъ, если смотрѣть исключительно на содержаніе ума, на то, что онъ знаетъ. Но если мы обратимъ вниманіе на то, какъ онъ объясняетъ то, что знаетъ, мы безъ труда замѣтимъ, что исторія умственного развитія гораздо сложнѣе, что она не такъ проста и правильна, какъ мы думаемъ о ней. Открытіе фактовъ, расширеніе предметнаго содержанія науки вовсе не связано необходимо съ улучшеніемъ понятій, которыя она могла бы приложить къ объясненію этого содержанія, въ развитіи этихъ двухъ сторонъ науки не только нѣтъ постоянного соответствія, гармонія: напротивъ, всегда независимы другъ отъ друга, онѣ могутъ иногда получить движеніе взаимно обратное. Случается, что одновременно съ открытіемъ фактовъ, требующихъ для своего уясненія извѣстныхъ понятій, происходитъ утрата этихъ понятій, затемненіе смысла ихъ, который прежде былъ ясенъ и отчетливъ. Какъ на примѣръ этого страннаго явленія въ умственной жизни человѣка укажемъ на изслѣдованіе эмбриологическаго процесса въ связи съ судьбою понятія развитія. Извѣстный въ своихъ грубыхъ чертахъ уже классической древности, онъ былъ изученъ во всѣхъ своихъ стадіяхъ, подробностяхъ и частностяхъ только въ послѣдніи десятилѣтія XIX вѣка: и одновременно съ тѣмъ, какъ подвигалось впередъ это наученіе, вслѣдствіе иныхъ и особенныхъ причинъ происходило затемненіе понятія „развитіе“, которое одно могло какъ-нибудь помочь объясненію вновь открываемыхъ фактовъ. Предметное содержаніе науки возрастало, а объясняющая сила ея падала. Изъ сумрака, окутывавшаго таинственный процессъ органическаго развитія, усовершенствованные методы наблюденія выводили одно звено за другимъ, ихъ цѣпь становилась уже непрерывною, а наука стояла передъ ними безсильная хотя бы что-нибудь понять въ нихъ. Единственное понятіе, которое оставалось въ ней для объясненія всякаго измѣненія, для всего, что слагалось въ генезисъ, было понятіе механически дѣйствующей причинности, въ послѣднемъ анализѣ сводящееся къ представленіямъ толчка и движенія. И владѣя имъ только, невольнo распростирая его на все, и даже когда пыталась употребить понятіе развитія, уже произносила только звукъ его имени.

Тотъ особенный и глубокий смыслъ, который содержится въ этомъ второмъ понятіи для объясненія всякаго генезиса былъ утерянъ, и, думая примѣнить его, она впадала въ привычные способы механическаго объясненія, она и самое развитіе понимала лишь какъ цѣпь производящихъ причинъ и производимыхъ слѣдствій. А между тѣмъ этотъ смыслъ, ставшій, конечно временно, почти не усвоеннымъ теперь, былъ ясенъ и отчетливъ въ первую половину настоящаго столѣтія.

Вотъ почему въ той части науки, которая по преимуществу занимается обработываніемъ нашихъ понятій, въ философіи, нѣтъ стараго и новаго, а есть только созданное умомъ болѣе могущественнымъ и менѣе сильнымъ; потому что это одно приближаетъ здѣсь къ истинѣ, одно имѣетъ какую-нибудь связь со словами „лучше“ и „хуже“. Какъ въ искусствѣ чувство красоты и съ нимъ превосходство созданія не всегда бываетъ удѣломъ позднѣйшаго, такъ и въ философіи тонкость и глубина понятій не имѣютъ никакого отношенія ко времени. Такъ привычное для насъ сужденіе: „лучше, потому, что послѣ“—мы должны оставить здѣсь, чтобы не впасть въ величайшія заблужденія.

Исходя изъ этихъ мыслей о различныхъ сторонахъ науки и особенной судьбѣ философскихъ понятій, мы всегда и невольно останавливались на Аристотелѣ. То, что имъ изданныя воззрѣнія на природу сперва овладѣли умами запада и востока, затѣмъ были осуждены и частью осмѣяны и, наконецъ, теперь окружены равнодушіемъ—все это, казалось намъ, еще не опредѣляетъ ихъ достоинства. Мы всегда думали, что понятія въ исторіи, будутъ ли они умственнаго, религіознаго или политическаго характера, лишь по видимому опровергаются, что они падаютъ вовсе не потому, чтобы были ложны и чтобы эта ложность была достаточно обнаружена. Причина упадка всевозможныхъ понятій гораздо глубже, и то, что они начинаютъ въ данную эпоху опровергаться или защищаться, есть лишь внѣшній симптомъ другаго и скрытаго движенія въ исторіи человѣческаго духа. Можно сказать, что общая причина всякаго упадка въ исторіи лежитъ въ томъ, что тѣ стороны духа человѣческаго, которыми было создано падающее, какъ бы изживаются, утрачиваютъ жизненную энергію, какъ утрачиваетъ способность питанія земля, слишкомъ долго приносящая одинъ плодъ. Такимъ образомъ не истинность обуславливаетъ возвышеніе одного и не ложность—паденіе другаго, но простое соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе между создавшимъ нѣкогда и восприимающимъ теперь. Всякій разъ когда духъ человѣскій

слишкомъ долго живеть нѣкоторыми понятіями, стремленіями, въ немъ пробуждается равнѣ или позже неудержимая потребность иного, обыкновенно противоположнаго, и какъ бы прекраснымъ и истиннымъ не оставалось то, что такъ долго питало его, оно не возбуждаетъ въ немъ ничего, кромѣ отвращенія или равнодушія. И именно эти два чувства, которыя не имѣютъ другаго источника кромѣ усталости, обуславливають всякую борьбу въ исторіи. Въ великомъ кризисѣ духовной жизни, когда наступаетъ онъ, всѣ силы напрягаются въ одномъ направленіи: какъ-нибудь оторваться отъ того, къ чему нѣтъ болѣе способности. Въ этихъ усиліяхъ каждая сторона души принимаетъ участіе тѣмъ способомъ, какимъ можетъ, который предустановленъ ея природою, ея устройствомъ: мысль начинаетъ оспаривать, чувство изыскиваетъ смѣшное, хотя бы оспаривать приходилось религиозное, или находить смѣшное—въ логическихъ понятіяхъ. Такъ происходило со всѣмъ въ исторіи, такъ было и съ Аристотелемъ, съ его судьбою въ средніе вѣка: послѣ многихъ вѣковъ жизни въ кругу понятій, имъ установленныхъ, явилась неудержимая потребность освободиться отъ этихъ понятій, перестать думать о нихъ, все равно истинны они или ложны. Философія и литература, доктора богословія и сатирики—всѣ одинаково были полны одного чувства, одного стремленія, глубоко историчнаго, но не имѣвшаго никакого отношенія къ истинному или ложному. Схоластика провозглашалась заблужденіемъ, потому что стала отвратительна; она отвергалась, потому что для воспріятія ея не было болѣе способности; въ ней выискивалось смѣшное, чтобы какъ-нибудь отвязаться и отъ серьезности. И вся эта шумная тревога, продолжавшаяся два столѣтія, была лишь вѣшностью, лишь оболочкою, подъ которою скрывался другой и болѣе глубокой процессъ. То было замиранье въ исторіи однихъ сторонъ духа, уже истощившихся, неспособныхъ надолго къ дѣятельности, и пробужденіе другихъ, которыя еще никогда не жили. Это не было улучшеніемъ или поправкою, не было даже переходомъ къ другому, различному, это былъ переходъ въ противоположное: то, къ чему обратилась человѣческая мысль, опредѣлилось не объективною истинностью своею, но лишь направленіемъ, которое было обратно предыдущему. Искали не иного истиннаго, хотя это и казалось, объ этомъ и говорили: искали того, что нисколько не напоминало бы собою оставленнаго. Вспомнимъ сущность новой философіи: ее начали Декартъ и Бэконъ, и одинъ указалъ на опытъ, какъ противоположеніе умозрѣнію, а другой на механическую причинность, какъ противоположеніе телеологическому объясненію при-

роды. Оба были равно велики, потому, что такъ глубоко почувствовали сущность Аристотеля и схоластики, такъ совершенно были неспособны что-либо повторить въ ней. Самое глубокое творчество и невъяснимая оригинальность въ немъ бывають слѣдствіемъ лишь совершеннаго недостатка, полной и равней неспособности къ тому, что умалется уже въ исторіи, меркнуть и во всѣхъ остальныхъ людяхъ. Такимъ образомъ новая философія, въ которой мы хотѣли бы видѣть свободное исканіе истиннаго, была уже предопредѣлена въ своемъ содержаніи и направленіи схоластическою философіею, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ опредѣленное утвержденіе уже косвенно указываетъ на опредѣленное же отрицаніе, которое, не впадая въ бессмыслицу, должно быть непремѣнно однимъ, а не всякимъ по произволу. Такъ-то происходитъ въ исторіи, что тамъ, гдѣ мы думаемъ быть наиболѣе творцами, мы являемся лишь исполнителями, и въ чемъ—наиболѣе свободными, бываемъ наиболѣе предопредѣлены.

Поэтому, что касается предметнаго содержанія науки, которое только возрастаетъ во времени, мы, конечно, не можемъ ничего искать у Аристотеля, чему могли бы научиться. Эта сторона его твореній умерла навсегда и имѣетъ только историческій интересъ: неполнота или ошибки есть все, что здѣсь содержится для насъ. Но эта сторона науки не должна заслонять отъ насъ другой, которая содержитъ объясняющіе принципы; и здѣсь, по всѣмъ высказаннымъ ранѣе основаніямъ, мы должны чутко прислушиваться къ тому, что высказывалось могущественными умами всѣхъ временъ и народовъ. Какъ ни велики и ни точны наши знанія съ фактической стороны; мы можемъ иногда менѣе понимать природу на основаніи ихъ, нежели сколько понималъ ее великій умъ прошлаго на основаніи гораздо меньшаго числа фактовъ, но прилагая къ нимъ большую силу и проницательность сужденія. Способность образовать понятія гораздо болѣе тонкія и гибкія, нежели къ какимъ мы имѣемъ силу и которыя однако необходимы для покрытія всего богатства дѣйствительности, есть здѣсь первое условіе превосходства, о которомъ уже говорила мы. Эти понятія можно сравнить съ усовершенствованными орудіями, которыя даютъ нашему зрѣнію возможность видѣть то, что недоступно простому глазу. Какъ телескопъ удлинняетъ видѣніе и микроскопъ утончаетъ его, такъ иное понятіе вскрываетъ передъ нами внутреннюю и глубокую сторону предмета или явленія, на которую лишь косвенно указываетъ его внѣшность, и которой мы никогда не замѣтили бы, не имѣя этого понятія, нужнаго и соответ-

ствующаго. Мы не понимали бы этой внутренней стороны, и потому говорили бы, что ея нѣтъ, какъ говоримъ это теперь обо всемъ, что встрѣчаемъ въ организмѣ поверхъ явленій, доступныхъ физическимъ и химическимъ объясненіямъ. Это относительно самыхъ понятій. Другое условіе превосходства, также не связанное ни съ какимъ временемъ, есть сила вниманія и безошибочность въ оцѣнкѣ того, чего коснулось оно. Трудно представить себѣ, до какой степени много законовъ, силъ, всего самаго сложнаго и интереснаго содержится во всякомъ простомъ обыкновенномъ явленіи. Можно сказать, что вся природа живетъ въ каждомъ отдѣльномъ существѣ своемъ, но только не прямо, а лишь отражался. И видѣть эти отраженія, въ мимолетномъ существѣ, не проронить чертъ вѣчнаго и необходимаго, съ которымъ оно связано, — это зависитъ отъ силы вниманія къ природѣ и отъ способности къ безошибочному сужденію. Кто не выдалъ качающейся люстры, но одинъ Галилей открылъ въ ней законы движенія; всякій знаетъ, какъ яблоня растетъ изъ сѣмени упавшаго съ другой яблони, а и всѣхъ силъ нашей науки недостаточно, чтобы дать полное объясненіе этому явленію. Скажемъ болѣе: всякая незначительная вещь существуетъ, измѣняется, и можно обойти всю природу и не найти въ ней ничего, болѣе интереснаго и труднаго для объясненія, нежели эти простые и всеобщіе факты существованія и измѣненія. Человѣкъ есть существо въ одно и то же время и удивительно ограниченное по своей природѣ, какъ она дана, и почти безграничное по тому, какъ онъ способенъ преодолевать эту природу, вѣчно выходя за ея границы. Онъ походитъ на существо, мигнуто населяющее каплю росы, и пусть завтра ея уже не будетъ, но мгновеннымъ существованіемъ своимъ онъ пользуется, чтобъ увидѣть и вѣчное небо, которое въ ней отражается, и мириады звѣздъ, взглянуть на которыя прямо ему никогда не суждено.

По этой силѣ проникающаго вниманія и по способности образовывать понятія, которыя могли бы покрыть дѣйствительность, Аристотель едва ли былъ когда-нибудь превзойденъ. И та сторона его твореній, на которой отразились эти черты, есть вѣчная, къ которой никогда не перестанутъ обращаться люди, пока въ нихъ живетъ духъ пытливаго исканія. Всякій разъ, когда мы обращались къ этимъ твореніямъ, мы выносили одно странное впечатлѣніе: что чрезвычайно многого не зная, онъ никогда не ошибался въ сужденія, въ оцѣнкѣ, и что какъ-то не могъ этого сдѣлать по самому устройству своихъ способностей. И когда внимательно вдумываясь въ понятія, имъ созданныя, мы обращались мысленно къ задачамъ, передъ которыми стоитъ наука

въ наши дни, мы находили только подтвержденіе этому невольному впечатлѣнію. Удивительное дѣло: по прошествіи двухъ тысячелѣтій, которыя отдѣляютъ насъ отъ времени его жизни, наука волнуется понятіемъ, какъ недавно прибрѣтеннымъ и конечно болѣе научно обставленнымъ, но которое однако впервые было открыто Аристотелемъ: мы разумѣемъ понятіе о физической энергіи, которое замѣняетъ теперь такъ долго господствовавшее понятіе силы и впервые было установлено Аристотелемъ въ безсмертныхъ терминахъ *δύναμις* и *ἐνέργεια*, возможность и дѣйствительность, напряженіе и дѣйствіе. И мѣстами читая какую-нибудь лекцію, посвященную выясненію этого поваго теперь понятія, кажется, что читаешь комментарий къ той или иной главѣ „Метафизики“. Мы могли бы также указать на органической міръ, на взаимное соотношеніе началъ психическаго и матеріальнаго и на многое другое, что такъ глубоко понималъ Аристотель, гораздо грубже и ближе къ дѣйствительности, нежели, напримеръ, Декартъ, мы рѣшаемся даже сказать: чѣмъ наука нашего времени (все еще полная идей картезианства). И когда мы думаемъ обо всемъ этомъ и снова возвращаемся мыслямъ къ далекому прошлому, гдѣ стоитъ образъ этого страннаго человѣка, чей умъ имѣетъ еще силу свѣтитъ на протяженіи двухъ тысячелѣтій, въ насъ пробуждается чувство глубочайшаго удивленія. Это былъ царственный умъ въ исторіи, и не даромъ склонились передъ нимъ вѣка, народы, враждующія религіи. И когда мы вспоминаемъ всѣ частности его жизни, все то особенное, за что упрекали его послѣ смерти, и то слабое обыкновенно человѣческое, за что смѣялись при жизни, въ насъ это удивленіе не уменьшается, но возрастаетъ. Что можетъ болѣе взволновать наше чувство, какъ не созерцаніе самаго поразительнаго въ самомъ обыкновенномъ, соединеніе неизгяснимаго величія въ мысли съ простымъ и вульгарнымъ въ жизни и поведеніи. Это былъ обыкновенный человѣкъ, но съ двумя особенностями: съ наибольшою въ исторіи любознательностью и съ наибольшою способностью удовлетворить ее.

Вотъ мысли, изъ которыхъ мы исходили, приступая къ переводу „Метафизики“, и чувства, побудившія насъ къ этому. Греческій текстъ, которымъ мы пользовались при этомъ, былъ установленъ Беккеромъ и повторенъ А. F. Didot въ его изданіи: „Aristotelis opera omnia graece et latine“ etc. Parisiis. MDCCCLIV.

Метафизика ¹⁾.

Книга I.

I. О происхождении знания. О памяти, о способности научиться и об опытности. Различіе между опытностью и искусством; первая относится къ частному и состоитъ въ знаніи того, что есть, второе имѣетъ предметомъ общее и состоитъ въ знаніи того, почему что-либо есть. Знанія практически нужны и знанія теоретическія; вторыя являются позднѣ первыхъ; досугъ, какъ необходимое условіе для ихъ возникновенія. Теоретическое знаніе есть мудрость и состоитъ въ изысканіи первыхъ причинъ и началъ.—II. Точнѣйшее понятіе о мудрости. Она состоитъ въ знаніи всеобщаго, труднѣе всего достижимомъ и точномъ. Ея предметомъ служатъ первыя причины и начала. Она не имѣетъ цѣли въ самой себя, и поэтому характеръ ея не служебный, но господствующій и свободный. Стремленіе къ ней возникаетъ изъ чувства удивленія и притомъ тогда, когда уже удовлетворены всѣ жизненныя потребности. Какъ знаніе совершенно свободное отъ вліанія нужды, мудрость или философія какъ бы возвышается надъ человѣческой природою, которая во многомъ является рабскою, и носитъ въ себѣ божественныя черты. Будучи менѣе нужна, чѣмъ прочія знанія, она стоитъ однако выше всѣхъ. Возникая изъ чувства удивленія, она оканчивается уничтоженіемъ этого чувства, обнаруживая естественную необходимость того, что прежде казалось страннымъ и удивительнымъ.—III. Познаніе причинныхъ основъ, какъ необходимое для пониманія всего. Четыре значенія, которыя могутъ быть придаваемы слову „причина“: 1) сущность и форма, 2) матерія и субстратъ, 3) начало движенія, 4) цѣль и благо. Для того, чтобы убѣдиться, что этими четырьмя значеніями исчерпывается смыслъ слова „причина“, необходимо прослѣдить мысли прежнихъ философовъ о первыхъ основахъ сущаго. Большинство ихъ понимало причину въ значеніи субстрата, вѣчно покоящагося при происходящихъ въ природѣ перемѣнахъ; но они расходились въ мнѣніяхъ о томъ, что считать такимъ субстратомъ и есть ли онъ одинъ или ихъ много. Фалесъ за начало всего сущаго принималъ воду; происхождение этого ученія. Анаксименъ и Діогенъ признавали за начала сущаго воздухъ, Гиппасъ Метапонтійскій и Гераклитъ Эфесскій—огонь, Эмпедоклъ—воду, воздухъ, огонь и землю. Ученіе Анаксагора о томъ, что все происходитъ черезъ соединеніе и разединеніе однородныхъ частицъ. Недостаточность всѣхъ этихъ мнѣній: никакой субстратъ не можетъ быть причиною измѣненія самого себя. Наводимые мысли о необходимости какой-нибудь причины для измѣненій, прежніе философы одно матеріальное начало принимали за движущее, а другое за движимое. Невозможность, чтобы какое-нибудь матеріальное начало было при-

¹⁾ Слова, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ, но безъ которыхъ нельзя было обойтись въ русскомъ, поставлены въ скобкахъ []; имена, поставленныя взаи́мъ и́стоменіи греческаго текста, оти́чены курсивомъ.

чиною благоустройства въ природѣ, и невозможность приписать это благоустройство вліянію случайности или судьбы. — IV. Присутствіе въ природѣ безпорядка и безобразія на ряду съ порядкомъ и красотомъ. Дружба и раздоръ, какъ причина движеній въ субстратѣ, по ученію древнихъ, и какъ источникъ порядка и безпорядка. Неумѣніе прежнихъ философовъ пользоваться своими началами, когда они даже и удачно выбраны, напимѣръ, Анаксагора — разумомъ, Эмпедокла — дружбой и раздоромъ. Эмпедоклъ, признавъ четыре стихіи природы, пользуется ими какъ двумя, соединяя три въ одну. Левкиппъ и Демокритъ; ученіе ихъ о полнотѣ и пустотѣ; причина различій въ природѣ обуславливается различіемъ въ формѣ, порядкѣ и положеніи отдѣльныхъ частицъ. — V. Ученіе Пифагорейцевъ; его сущность и происхожденіе. Четное и нечетное или ограниченное и безграничное, какъ элементъ чиселъ. Единное, какъ соединяющее въ себѣ четное и нечетное. Десять соответствующихъ и противоположныхъ началъ. Близость этого ученія съ ученіемъ Алкмея Кротонскаго. Пифагорейцы придавали своимъ математическимъ элементамъ матеріальное значеніе. Ученіе, что въ основѣ природы лежитъ единое сущее, которое неподвижно; Ксенофанъ, Мелиссъ и Парменидъ. Общія заключительныя замѣчанія о всѣхъ предыдущихъ философахъ и въ особенности о Пифагорейцахъ. — VI. Ученіе Платона; связь его съ ученіемъ Гераклита о томъ, что все чувственно постигаемое течетъ и о немъ не можетъ быть истиннаго знанія, и съ пріемомъ Сократа находить истинное знаніе черезъ опредѣленія; идея какъ опредѣляемое; чувственно, воспринимаемое сущестуетъ черезъ соучастіе въ идеяхъ; сходство этого ученія съ ученіемъ Пифагорейцевъ, что чувственно воспринимаемое сущестуетъ черезъ подражаніе числамъ; математическія попятія, какъ лежащія между чувственно воспринимаемымъ и между видами; ученіе объ единомъ, о видахъ и о большомъ и маломъ. — VII. Общій обзоръ изложенныхъ мнѣній прежнихъ философовъ о началахъ сущаго. Изъ нихъ никто не переступилъ за предѣлы четырехъ значеній, въ которыхъ можетъ быть понимемо слово „причина“. Большинство ихъ коснулось только матеріальной причины, нѣкоторые — и причины движенія; причины формальной никто не коснулся, хотя ближе другихъ подошли къ понятію о ней философы, признававшіе виды; причины конечной и блага коснулись философы, признававшіе началомъ измѣненія дружбу и раздоръ, но коснулись ея двусмысленно. — VIII. Недостаточность ученія физиковъ о матеріальномъ субстратѣ: они говорятъ только о тѣлесномъ, хотя сущестуетъ и безтѣлесное. Затрудненія физиковъ, принимающихъ одну первоначальную стихію. Разборъ ученія Эмпедокла, принимающаго многія стихіи. Разборъ ученія Анаксагора. Разборъ ученія Пифагорейцевъ; изъ ихъ началъ нельзя объяснить движенія; другія затрудненія теоріи чиселъ. — IX. Разборъ теоріи идей. Принимая существованіе видовъ, она безъ нужды увеличиваетъ число существъ, что только еще затрудняетъ объясненіе послѣднихъ. Существованіе видовъ нельзя доказать никакимъ возможнымъ способомъ. Виды отрицательнаго и виды атрибутовъ. Изъ теоріи видовъ нельзя объяснить движенія, перемѣнъ и вообще всякаго происхожденія и уничтоженія. Виды не помогаютъ ни познанію вещей, ни ихъ существованію. Будучи существами вещей, они не могутъ быть отдѣлемы отъ того, чего они суть сущность. Для того, чтобы

вещи становились причастны видамъ, нужно принять нѣчто третье и посредствующее между видами и вещами, котораго уже совершенно не изъ чего будетъ объяснить. Желая объяснить сущность видимаго, эта теорія только говорить, что существуютъ еще другія сущности. — X. Заключительнымъ слова о неспособности въ мышленіи прежнихъ философовъ и, въ частности, объ Эмпедоклѣ.

I.

1. Всѣ люди по природѣ [своей] стремятся къ знанію; признакомъ [этого] служатъ влеченіе къ чувственнымъ воспріятіямъ. Вѣдь и помимо нужды, воспріятія сами по себѣ служатъ предметомъ влеченія; больше же всѣхъ другихъ [мы любимъ] воспріятія черезъ органъ зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, мы выбираемъ зрительныя ощущенія, едва ли не предпочтительно передъ всѣми другими, не только тогда, когда намъ предстоитъ [что-либо] дѣлать, но и не имѣя въ виду никакого дѣла. А это потому, что изъ [всѣхъ] чувствъ это именно больше всего доставляетъ намъ свѣдѣній и обнаруживаетъ много различій ¹⁾.

2. Отъ природы живыя существа имѣютъ способность къ чувственнымъ воспріятіямъ ²⁾; но изъ этой способности у однихъ изъ нихъ возникаетъ память, а у другихъ нѣтъ; и поэтому первыя разумнѣе и понятливѣе тѣхъ, которыя не обладаютъ памятью. Разумны, но лишены возможности научиться всѣ тѣ [живыя существа], которыя не одарены способностью слышать звуки, какъ пчелы ³⁾, и всякій, какой только есть, другой подобный родъ живыхъ существъ. Но научиться способны тѣ, которыя вмѣстѣ съ памятью имѣютъ и это чувство [слуха].

3. Такимъ образомъ [всѣ] другія [существа] живутъ [чувственными] представленіями и воспоминаніями; опыту же они мало причастны. Но человѣческій родъ [обладаетъ] еще искусствомъ и размышленіемъ (τέχνη καὶ λογισμὸς) ⁴⁾. 4. А рождается опытность у людей

¹⁾ Въ трактатѣ De sensu et sensibili, I, Аристотель подробно говоритъ о значеніи отдѣльныхъ органовъ чувствъ и, въ частности, повторяетъ высказанную здѣсь мысль объ ихъ отношеніи къ знанію.

²⁾ Въ трактатѣ De anima, lib. II, cap. II, ст. 3—4, Аристотель способность къ чувственнымъ воспріятіямъ считаетъ отличительнымъ свойствомъ животныхъ сравнительно съ растеніями.

³⁾ Аристотель не всегда такъ положительно высказывался о глухотѣ пчелъ, напримѣръ, въ Historia naturalis, lib. IX, cap. XL, ст. 23.

⁴⁾ Τέχνη не въ смыслѣ искусства.

изъ памяти: именно, многія воспоминанія объ одномъ и томъ же получаютъ значеніе одного опыта. Поэтому опытность кажется [чѣмъ-то] почти подобнымъ наукѣ (ἐπιστήμη) и искусству. Наука и искусство дѣйствительно рождаются у людей путемъ опыта. „Опытность произвела искусство“, какъ справедливо говоритъ Польш¹⁾, а неопытность [народила] случайность. 5. Искусство²⁾ появляется всякій разъ, ко-

¹⁾ Польш, ученикъ и послѣдователь извѣстнаго софиста Горгія, написалъ сочиненіе по риторикѣ, отъ котораго до нашего времени ничего не сохранилось. О немъ упоминаетъ Платонъ въ „Федръ“.

²⁾ Все нижеслѣдующее рассужденіе Аристотеля о различіи между опытностью (ἐμπειρία) и искусствомъ (τέχνη) замѣчательно по своей чрезвычайной близости къ идее научной индукціи, которая двадцать столѣтій спустя была открыта Бэкономъ Веруламскимъ. Если вдуматься ближе въ его мысли и въ точный смыслъ его словъ, то ясно станетъ, что онъ здѣсь говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о различіи между такъ называемою *inductio per enumerationem simplicem*, извѣстною до Бэкона, и между индукціею этого послѣдняго. Опытность, по его словамъ, есть знаніе, имѣющее силу по отношенію къ нѣсколькимъ или многимъ явленіямъ извѣстнаго порядка; искусство есть знаніе, имѣющее значеніе по отношенію къ цѣлому порядку извѣстныхъ явленій, сколько бы ихъ не заключалось въ немъ. Извѣстно, что заслуга Бэкона и состояла именно въ томъ, что въ замѣнъ индукціи черезъ простое перечисленіе, дающей въ результатъ лишь приблизительную истину, справедливую, строго говоря, только въ предѣлахъ сдѣланныхъ наблюденій, онъ поставилъ индукцію научную, которая даетъ въ результатъ истину всеобщаго характера, распространяющуюся на неопредѣленное количество однородныхъ фактовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Это различіе и выражено Аристотелемъ въ томъ, что искусство отличается отъ простой опытности (= *ind. per enum. simpl.*) тѣмъ, что въ ней содержится знаніе вещей или явленій *καθόλου*. Это по отношенію къ тому, что *обнимается истиною, полученною путемъ научной индукціи* (всеобщее въ отличіи отъ многаго единичнаго). Далѣе, самый способъ полученія этой истины состоитъ, по Бэкону, не въ умозрѣніи, а въ опытѣ; и Аристотель говоритъ: „искусство получается всякій разъ, когда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній произошло одно общее умозаключеніе о подобныхъ вещахъ“. Ясно, что это умозаключеніе и есть именно тотъ выводъ всеобщаго положенія, которое, по Бэкону, будучи перевесено въ дедукцію, можетъ послужить основаніемъ для силлогистическихъ умозаключеній (напримѣръ, положеніе „все люди смертны“ для извѣстнаго силлогизма). Бэкономъ думалъ, что наукъ среднихъ вѣковъ и его времени не доставало именно этихъ основныхъ всеобщихъ положеній, и поэтому-то все построеніе схоластики какъ бы висѣло на воздухѣ, опираясь лишь на мнимо достоверныя основанія. Умѣние находить эти основанія, эти большія послылки для дедукціи, онъ считалъ задачею своего новаго метода. Наконецъ *то, на что направляется опытное исслѣдованіе, есть*, по Бэкону, причина: открывъ ее, мы и получаемъ въ выводѣ всеобщую истину, напримѣръ, открывъ, какая есть причинная связь между организаціею чело-вѣка и явленіемъ смерти, можемъ уже сказать: „все люди смертны“. И по Ари-

гда изъ многихъ опытныхъ впечатлѣній (*ἐννοημάτων*) произошло одно общее умозаключеніе (*ἀπόληψις*) о подобныхъ [вещяхъ]. Ибо получить умозаключеніе, что [я какому-нибудь] Каллію, страдавшему извѣстной болѣзнью, и Сократу, я многимъ [другимъ] въ частности помогло то-то именно—это относится къ опытности; но знать, что помогаетъ всѣмъ безъ исключенія, страдающимъ извѣстной болѣзнью, если подвести ихъ подъ одинъ видъ, будетъ ли то страданіе отъ воспаленія, отъ разлитія желчи или отъ горячки—[это относится] къ искусству. 6. На практикѣ, такимъ образомъ, опытность, по видимому, ничѣмъ не отличается отъ искусства. Мало того, мы видимъ, что опытные лучше достигаютъ цѣли, чѣмъ [люди], имѣющіе [только] теоретическое знаніе (*λόγους*), безъ опыта. Это потому, что опытность есть знаніе вещей по одиночкѣ, искусство же—[знаніе ихъ] вообще; а всякое дѣйствіе и всякое происхожденіе относится къ единичному ¹⁾. Такъ врачъ излѣчиваетъ не человѣка [вообще]—не говоримъ о случайномъ совпаденіи ²⁾ [частнаго съ общимъ]—но [именно] Каллія, Сократа и всякаго другаго больного, которому [конечно] приходится

стотелю (см. далье, стихъ 7—9), искусство отличается отъ опытности тѣмъ именно, что тогда какъ послѣдняя знаетъ только, что есть (*ὅτι ἐστίν*), первое знаетъ, почему (*διότι*) есть то, что есть. Такимъ образомъ три основные элемента индукціи Векана: 1) опытный путь, 2) направленный на познаніе причинъ и 3) дающій въ результатъ истину всеобщаго характера—указаны въ точности Аристотелемъ въ 1-й главѣ его „Метафизики“. Если свести въ одно все, что онъ говоритъ здѣсь о видахъ знанія, то ясно станеть, что онъ опредѣлялъ ихъ всѣ, какіе существуютъ и въ настоящее время: 1) опытность или знаніе вещей по одиночкѣ; она не составляетъ никакой части науки и есть достоинствѣ всѣхъ людей (въ отличіе отъ животныхъ, которыя „опыту мало причастны“—замѣчательна осторожность этого выраженія, въ которомъ кое-что и дѣйствительно поправлено новѣйшими наблюденіями, показывающими, что нѣкоторые животныя, напримѣръ, львы, сдѣлавъ что-нибудь неудачно, снова повторяютъ свои дѣйствія уже безъ цѣли достигнуть того, для чего первоначально совершенно было неудавшееся дѣйствіе; 2) научная индукція, открывающая опытнымъ путемъ причины и дающая знаніе всеобщаго характера; 3) умозрѣніе („родъ же человѣческій пользуется еще искусствомъ и размышленіемъ“, см. ст. 3).

¹⁾ То-есть, всякое дѣйствіе можетъ быть направлено только на единичное, и единичное же всегда происходитъ, образуется въ какомъ-либо процессѣ, напримѣръ, и лѣчится, и выздоравливаетъ единичный человѣкъ, а не человѣкъ вообще.

²⁾ Въ текстѣ *κατὰ συμβεβηχός*. О значеніи этого понятія, играющаго большую роль въ философіи Аристотеля, будетъ подробно говориться далье, *Met. in. IV*, гл. III. Здѣсь та мысль, что для процесса излѣчиванія, который относится къ этой единичной болѣзни, является совершенно случайнымъ и побочнымъ обстоятельствомъ то, что излѣчиваемое лицо есть въ то же время и человѣкъ.

быть и человекомъ. 7. Такъ что, если кто имѣетъ безъ опыта теоретическое знаніе и понимаетъ, положимъ, общее, а не знаетъ частныхъ, которыя обнимаются этимъ общимъ ¹⁾, тотъ легко ошибется въ лѣченіи. Ибо излѣчивается-то скорѣе частное.

Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что знать и понимать свойственнѣе искусству, нежели опытности, и предполагаемъ, что владѣющіе искусствомъ болѣе мудры, чѣмъ тѣ, которые имѣютъ [только] опытность. Ибо по мѣрѣ знанія сопровождается всѣхъ насъ мудрость. А это потому, что первые обладаютъ знаніемъ причины, вторые же нѣтъ; ибо опытные знаютъ, чтò есть, а почему оно—не знаютъ, а владѣющіе искусствомъ, понимаютъ почему, то-есть, знаютъ причину. 8. Поэтому и водчаго или какого другаго руководителя ²⁾ въ каждомъ дѣлѣ мы болѣе уважаемъ и считаемъ болѣе свѣдущимъ и мудрымъ, чѣмъ простыхъ рабочихъ, потому что онъ знаетъ причины того, чтò дѣлается, а эти, какъ и нѣкоторыя изъ неодушевленныхъ [существъ], хотя и выполняютъ [нѣчто], но выполняютъ, не понимая чтò, какъ, напримѣръ, огонь, [который] жжетъ. Но безжизненные [существа] выполняютъ то или другое изъ этихъ [дѣйствій] въ силу нѣкоторой природы [своей], а рабочіе въ силу привычки: они ³⁾ болѣе мудры, но не въ практическомъ отношеніи, а сообразно съ [нѣкоторымъ] теоретическимъ знаніемъ и [какъ бы] пониманіемъ причинъ. 9. И вообще признакъ знающаго есть способность научить ⁴⁾, и поэтому-то мы думаемъ, что искусство больше опытности есть наука ⁵⁾. Ибо [владѣющіе искусствомъ] могутъ научить, а владѣющіе только опытностью не могутъ. Сверхъ того, мы полагаемъ, что въ чувственныхъ воспріятіяхъ никакой нѣтъ [еще] мудрости; однако они

¹⁾ Въ текстѣ просто „въ нешт“.

²⁾ Въ текстѣ одно слово ἀρχιτέκτων, которое означаетъ не только водчаго, но и вообще руководителя въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ.

³⁾ Греческій текстъ грамматически не ясенъ. Подъ „они“ (αὐτοῖς) можно разумѣть рабочихъ или архитекторовъ и вообще руководителей работъ. Въ первомъ случаѣ рабочимъ приписывается болѣе мудрости сравнительно съ безжизненными тѣлами, такъ какъ рабочіе, если и не знаютъ общей цѣли работъ, то все-таки знаютъ цѣли частныхъ дѣйствій, которыя выполняются ими, напримѣръ, знаютъ, что камень, который они несутъ, для стѣны. Во второмъ случаѣ повторяется опять мысль, что руководители мудрѣе рабочихъ, такъ какъ знаютъ причины. Въ текстѣ, впрочемъ, предложеніе стоитъ безъ принятыхъ нами ограниченій „нѣкоторые“ и „какъ бы“.

⁴⁾ Эта мысль высказана была Платономъ въ Алкивиадѣ I-мъ.

⁵⁾ То-есть, въ искусствѣ болѣе заключено научнаго знанія, чѣмъ въ опытности.

именно даютъ свѣдѣнія, имѣющія господствующее значеніе въ отношеніи къ единичнымъ [предметамъ]. Но она ни о чемъ не говорятъ, почему это, напримѣръ, почему огонь горячъ, но [говорятъ] только, что онъ горячъ.

10. Поэтому естественно, что тотъ, кто, не слѣдуя чувственнымъ воспріятіямъ всѣхъ, впервые изобрѣтаетъ какое-нибудь искусство, дѣлается предметомъ удивленія для людей не только потому, что есть нѣчто полезное въ его изобрѣтеніи, но и какъ мудрый и отличающійся отъ другихъ. А потомъ, когда изобрѣтается еще больше искусствъ, и притомъ одни изъ нихъ для удовлетворенія нуждъ, другія же для пріятнаго проведенія жизни, то всегда подобныхъ людей мы считаемъ болѣе мудрыми, чѣмъ людей опыта, потому что знанія ихъ служатъ не для [непосредственной] нужды.

11. И потомъ уже, когда всѣ подобныя искусства установились, были найдены науки, которыя [не служатъ] ни для удовольствія, ни для необходимыхъ потребностей, и прежде всего тамъ, гдѣ [люди] имѣли досугъ. Такъ гдѣ-то въ Египтѣ впервые образовались искусства математическаго характера, ибо тамъ можно было имѣть досугъ кастѣ жрецовъ ¹⁾.

12. Въ „Этикѣ“ ²⁾ уже сказано было, какое различіе между искусствомъ, наукой и прочими однородными [сферами дѣятельности]. А теперь мы ведемъ рѣчь объ этомъ потому, что такъ-называемая мудрость, по общему мнѣнію, вращается въ области первыхъ причинъ и началъ. Такимъ образомъ, согласно со всѣмъ вышесказаннымъ, опытный кажется болѣе мудрымъ, чѣмъ имѣющіе [только] способность къ ощущеніямъ, какова бы ни была она, владѣющіе искусствомъ [мудрѣе] обладающихъ опытомъ, водчій [мудрѣе] рабочаго, а умозрительныя изысканія (θεωρητικά) выше чисто практической дѣятельности. Итакъ, ясно, что мудрость [или философія] есть наука о нѣкоторыхъ причинахъ и началахъ.

¹⁾ Геродотъ (Ист., кн. II, гл. 109) нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе математическихъ знаній въ Египтѣ, именно геометрію. Онъ говоритъ, что Нилъ своими ежегодными разлитіями сталивалъ границы полей, которыя были опредѣлены первоначально Сестоприсомъ; поэтому приходилось постоянно вновь разсмѣрять землю. Объясненіе Аристотеля общее и, быть можетъ, ближе къ истинѣ даже по отношенію къ Египту.

²⁾ „Этика Никомахова“, кн. VI, гл. 2—5.

II.

1. Если мы ищемъ такую науку, то не лишнимъ было бы раз-смотреть [вопросъ], знаніе какихъ именно причинъ и какихъ началъ есть мудрость. И вотъ если кто приметъ въ разчетъ тѣ мнѣнія, какія мы имѣемъ о мудромъ, то, быть можетъ, черезъ это [отвѣтъ для него] болѣе выяснится.

2. Мы полагаемъ, прежде всего, что мудрецъ по возможности все знаетъ, хотя бы и не владѣлъ знаніемъ въ отдѣльности каждаго [предмета]; и далѣе, [мы считаемъ] мудрымъ того, кто въ силахъ узнать трудное и не легко доступное для человѣческаго познанія — ибо имѣтъ чувственныя впечатлѣнія свойственно всѣмъ ¹⁾, потому легко и [въ этомъ] нѣтъ ничего мудраго; потомъ, [по нашему мнѣнію], тотъ болѣе мудръ во всякомъ знаніи, кто болѣе точенъ и способенъ научить познанію причинъ. 3. А изъ наукъ та скорѣе есть мудрость, которая избрана ради себя самой и благодаря [самой возможности] знать, чѣмъ та, которая [выбрана] ради своихъ результатовъ. И притомъ основное и господствующее знаніе скорѣе, нежели знаніе служебное, [мы назовемъ] мудростью, ибо мудрому должно не получать предписанія, но предписывать, и надлежитъ не ему слушаться другаго, но его—менѣе мудрому.

4. Вотъ какихъ мнѣній и вотъ сколькихъ [точекъ зрѣнія] мы держимся [въ вопросѣ] о мудрости и мудрецахъ. А изъ этихъ [признаковъ мудраго] свойство знать все необходимо присуще тому, кто болѣе всего обладаетъ знаніемъ всеобщаго, ибо онъ нѣкоторымъ образомъ знаетъ все, обнимаемое [этимъ всеобщимъ] ²⁾. Съ другой стороны, едва ли и не труднѣе всего знать людямъ это же, то-есть, наиболѣе всеобщее; ибо оно далѣе всего лежитъ отъ чувственныхъ воспріятій. Самыя же точныя изъ знаній суть тѣ, которыя прямо касаются первыхъ основъ. Ибо науки, [основанныя] на меньшемъ числѣ [элементовъ], точнѣе такъ называемыхъ сложныхъ наукъ ³⁾,

¹⁾ То-есть, не только всѣмъ людямъ, но и животнымъ, какъ было уже сказано въ предыдущей главѣ.

²⁾ Та же мысль выражена во второй Аналитикѣ, кн. I, гл. XXIV, ст. 13.

³⁾ Въ текстѣ: τὸν ἐκ πρῶτων ἁπλοῦν. Здѣсь подъ сложными науками разумаются такія науки, элементы которыхъ неоднородны, напримеръ, элементы геометріи состоятъ изъ 1) понятій о количествахъ, какъ, напримеръ, „всякое количество равно суммѣ своихъ частей“, и изъ 2) понятій пространственныхъ,

какъ, напримѣръ, арифметика [точнѣе] геометріи. 5. Но и болѣе способнымъ научать [является], конечно, тоже умозрительное [знаніе] причинъ; ибо научаютъ тѣ, которые объясняютъ причины въ каждомъ дѣлѣ. Знать же и понимать ради чисто теоретическаго интереса больше всего присуще наукѣ о наиболѣе познаваемомъ. Ибо тотъ, кто выбираетъ знаніе ради его самого, скорѣе всего выберетъ чисто теоретическое знаніе ¹⁾, а это послѣднее и есть [наука] о наиболѣе познаваемомъ. А болѣе всего познаваемы первыя начала и причины, ибо черезъ нихъ и изъ нихъ познается все прочее, а не они [познаются] черезъ себѣ подчиненное. А самое основное изъ знаній и преобладающее надъ служебнымъ есть то, въ которомъ содержится пониманіе цѣли ²⁾, ради которой ³⁾ все въ отдѣльности должно дѣлаться; это и есть благо во всемъ и въ каждомъ и вообще наилучшее въ цѣлѣй природѣ.

7. Итакъ, изъ всего сказаннаго [видно, что] рассматриваемое нами понятіе [мудрости] совпадаетъ съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ науки; именно, она должна быть теоретическимъ [изысканіемъ] первыхъ началъ и причинъ, а вѣдь благо и то, для чего [что-либо] есть одна изъ причинныхъ оснѣвъ ⁴⁾. А что [это знаніе] не практическаго значенія, это ясно изъ [образа мыслей] первыхъ философствовавшихъ [людей]. 8. Ибо вслѣдствіе удивленія люди и теперь, и прежде начинали философствовать ⁵⁾, сперва почувствовавъ удивле-

напримѣръ, что линія имѣетъ одно, плоскость два и объемъ три измѣренія. Сложныя науки суть также болѣе узкія по своему содержанію и измѣющія предметомъ болѣе реальное. Напримѣръ, предметъ геометріи и уже, и реальнѣе предмета арифметики, предметъ астрономіи уже и реальнѣе, нежели предметъ геометріи. То, что суживаетъ ихъ предметъ—элементы втораго рода, присоединяемые къ элементамъ простой науки—одновременно и открываетъ новую, совершенно особенную область познанія, отнюдь не содержащуюся, даже и скрытымъ образомъ, въ наукѣ болѣе общей. Такъ что болѣе сложная наука всегда какъ бы и обнимается болѣе простою, и лежитъ въ ея.

¹⁾ Τὴν μάλιστα ἐπιστήμην, знаніе по преимуществу.

²⁾ Ранее говорилось (см. 1 гл.) о различіи между знаніемъ и пониманіемъ и указывалось какъ на отличительную черту втораго на то, что въ немъ содержится знаніе причины (αἰτίας). Теперь указывается на знаніе цѣли, какъ на признакъ отличительный для пониманія. Въ мысли Аристотеля здѣсь нѣтъ двойственности, такъ какъ цѣль для него есть одинъ изъ видовъ причины (см. ниже, глава 3).

³⁾ Въ текстѣ: ... есть понимающее, ради чего все ...

⁴⁾ См. далѣе, гл. III, о различныхъ видахъ причины.

⁵⁾ Платонъ въ „Теететѣ“ говоритъ: „удивленіе есть философское чувство;

ніе къ тѣмъ изъ вызывающихъ нелюумѣніе предметовъ, которые были подъ руками, а потомъ мало по малу ида такимъ образомъ далѣе и встрѣтивъ затрудненіе въ болѣе важномъ, что, напримѣръ, касается ущербовъ луны или движеній солнца и звѣздъ или происхожденія вселенной (тоѿ *καυτός*). А кто недоумѣваетъ и удивляется, тотъ думаетъ, что онъ не знаетъ. Поэтому и любитель миеовъ есть въ иѣ-которомъ смыслѣ философъ, такъ какъ миеѿ слагается изъ чудеснаго. Такимъ образомъ если философствовать начали, избѣгая незна-нія, то ясно, что стали преслѣдовать знаніе изъ жажды разумѣнія, а не ради какой-нибудь нужды. 9. Объ этомъ свидѣлствуютъ и самые факты, ибо когда все почти было на лицо, что необходимо и [служить] для облегченія жизни, тогда только подобнаго рода раз-умѣніе стало предметомъ исканія. Ибо ясно, что мы ищемъ его не по какой посторонней нуждѣ; но, подобно тому, какъ мы говоримъ: „это свободный человѣкъ“ про того, кто живетъ ради самого себя, а не ради другаго, такъ и между знаніями это только одно свободно, потому что оно одно существуетъ ради себя самаго ¹⁾. По этому-то и правильно было бы считать приобрѣтеніе его не человѣческимъ [дѣломъ]: вѣдь природа людей во многихъ отношеніяхъ является рабскою, такъ что, говоря словами Симонида ²⁾, Богъ одинъ могъ бы имѣть этотъ завидный удѣлъ, а человѣкъ не достоинъ искать не того знанія, которое ему прилично (то-есть, высшаго). 10. Если въ самомъ дѣлѣ вѣрить поэтамъ и если [такъ ужъ] устроено, что бо-жество завидуетъ, то естественно, что чаще всего оно завидуетъ по поводу этого именно, и несчастны всѣ тѣ, кто ищетъ чреамѣрнаго. Но, съ другой стороны, не мыслимо, чтобы божество было зависти-

это истинное начало философіи“. Такимъ образомъ Аристотель не былъ пер-вымъ, высказавшимъ этотъ прекрасный и глубокій взглядъ на происхожденіе философіи. Однако сказанное у Платона нельномъ у Аристотеля стоитъ во вве-деніи къ его философіи и передъ историческимъ обзоромъ прежнихъ философе-скихъ ученій. Очевидно, онъ болѣе глубокимъ образомъ считаетъ его источникъ философіи, быть можетъ сильнѣе почувствовать его въ себя самомъ.

¹⁾ Эта мысль, что мудрецъ изъ всѣхъ людей есть наиболѣе свободный, по-стоинно и настойчиво проводилась впоследствии въ стоической школѣ, какъ въ оснѣвъ философскаго ученія, такъ и въ повѣи (напримѣръ, у Персія).

²⁾ Стихъ, о которомъ говоритъ Аристотель, приведенъ у Платона въ „Про-тагорѣ“, но тамъ выраженная въ немъ мысль относится не къ знанію, а къ до-бродѣтели: „истинно трудно одѣлаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкомъ безъ недостатка; это преимущество принадле-жить одному Богу“.

вымъ, да и „пѣвцы много лгутъ“, какъ говоритъ пословица ¹⁾, съ другой стороны, [никакое] иное [знаніе] не слѣдуетъ считать болѣе почетнымъ, чѣмъ [знаніе] подобнаго рода. Вѣдь самое божественное знаніе—и самое почетное. А божественно оно во всякомъ случаѣ вдвойнѣ, ибо и то изъ знаній, которое скорѣе всего прилично имѣть Богу, божественно, и всякое, какое только трактуеть о божественномъ. А единственно этому знанію выпало на долю то и другое: съ одной стороны, Богъ всѣмъ кажется одною изъ причинныхъ основъ и пѣкоторымъ началомъ. Съ другой стороны, [это знаніе] таково, что имъ можно обладать или одному только Богу, или Богу больше всего. 11. Однимъ словомъ всѣ [прочія знанія] нужнѣе этого, но ни одно не выше.

Однако результатъ обладанія такимъ знаніемъ долженъ быть для насъ противоположенъ побужденію къ первоначальному изслѣдованію. Вѣдь начинаютъ всѣ, какъ мы сказали, съ удивленія, [задаваясь вопросомъ], такъ ли это, подобно тому какъ автоматы [относятся] къ чудесамъ въ глазахъ тѣхъ, которые еще не открыли причины изъ движенія или когда [дѣло идетъ] о солноротыхъ или несоизмѣримости діаметра съ окружностью. Вѣдь всѣмъ кажется удивительнымъ, если что не измѣряется наименьшею [величиною]. 12. А нужно, въ концѣ концовъ, прійти къ противоположному и, по пословицѣ, закончить лучшимъ, какъ это бываетъ и въ приведенныхъ вопросахъ, когда [ихъ] изучать; потому что ни чему такъ не удивился бы геометръ, какъ еслибы діаметръ сталъ соизмѣримъ [съ окружностью].

Итакъ, вотъ какова природа искомаго знанія и вотъ какова цѣль, которой нужно достигнуть настоящему изслѣдованію и всему ходу его.

III.

1. Очевидно, что должно достигать знанія первоначальныхъ причинъ, ибо тогда [только] мы говоримъ, что волюнѣ понимаемъ то или другое, когда думаемъ, что намъ понятна первая причина ²⁾

¹⁾ Аристотель любитъ подтверждать свой взглядъ на вещи пословицами. Въ каталогъ его сочиненій у Діогена Лаэртія ему приписывается, между прочимъ, сборникъ народныхъ пословицъ.

²⁾ Подъ выраженіемъ „первая причина“ у насъ принято разумѣть причину, наиболѣе далеко отодвинутую во времени. Это понятіе возникло изъ ставшихъ слишкомъ привычными въ наше время механическихъ представленій. Тенденція

[его]. А о причинных основах можно говорить в четырех смыслах: во-первых, причиной мы называем сущность (*οὐσία*) и основание, в силу которого что-либо есть то, что оно есть и чем было (*τὸ τί ἦν εἶναι*)¹⁾—ибо каждое „почему“ сводится в концѣ концов к первому основанію, а первое „почему“ есть причина и начало²⁾; во-

все сводит в последнем анализѣ к толчку и движению и заставляет понимать и первую причину в формѣ толчка, движения, которое ничѣм, кромѣ положенія во времени (первое), не отличается отъ всѣхъ промежуточныхъ движений и наконецъ отъ того, которое мы наблюдаемъ. Аристотель былъ чуждъ этого ужаса и грубаго представленія. Первая причина у него представляется, *Мет. XII*, не какъ впервые толкнувшее во времени, но какъ отъ начала влекущее къ себѣ все мировое развитіе, какъ то, не отъ чего, а къ чему все движется. Но здѣсь, говоря не объ одной, но о нѣсколькихъ причинныхъ основахъ, и притомъ такихъ, знаніе которыхъ даетъ полное пониманіе отдѣльныхъ предметовъ и явленій, онъ разумѣетъ то, что въ отличіе отъ реальныхъ основаній вещи можно было бы назвать ея метафизическими основаніями. Это — послѣдніе элементы, на которые анализъ, глубокой и тонкій, на сколько возможно, разлагаетъ бытіе и понятіе каждой вещи.

¹⁾ Терминъ этотъ впервые введенъ въ философію Аристотелемъ и, подобно нѣкоторымъ другимъ его терминамъ, имѣетъ странный, грамматически необычайный складъ. Понятіе, въ немъ выраженное, имѣетъ не только важное, но и господствующее значеніе въ его системѣ. Какъ и остальные три смысла термина „причина“: матерія, начало движенія и цѣль, онъ будетъ подробно разобранъ ниже, *Мет. VI*, 2. Изъ этого разбора видно, что подъ сложнымъ выраженіемъ *τὸ τί ἦν εἶναι* скрывается понятіе того, что впоследствии схоластическая философія обозначила терминомъ *causa formalis*, то-есть, форма, но не какъ геометрическое очертаніе только, а какъ зыждущее начало всякаго предмета или явленія, какъ его понятіе. Выраженіе это состоитъ изъ *τί εἶναι* и *ἦν*. *Imperf.* здѣсь для того, чтобы показать, что форма единичнаго предмета или явленія существуетъ не только въ текущій моментъ ихъ пребыванія, но что она изъ вѣка была и предопредѣляла это пребываніе и, съ другой стороны, что, когда единичная реальная вещь исчезла, она еще продолжаетъ существовать. Мы передали его выраженіемъ: „основаніе, в силу котораго что-либо есть то, что оно есть и чемъ было“, потому что по своей общности оно ближе всего опредѣляетъ сущность каждой вещи или явленія и указываетъ на положеніе, которое занимаетъ сущность по отношенію къ свойствамъ и къ другимъ сторонамъ бытія данной вещи или даннаго явленія.

²⁾ Задавая послѣдовательно вопросы „почему“, мы каждую послѣдующую (не во времени, но логически) причину объясняемъ въ предыдущей и такимъ образомъ въ концѣ концовъ доходимъ до начальной причины, дальше которой не можемъ идти. Всмотрѣваясь въ эту причину, мы не видимъ для нея никакого другаго основанія, кромѣ ея собственнаго понятія, ея опредѣленія. Одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ Аристотеля, Александръ Аеродизскій, приводитъ въ привѣръ вопросъ: „почему огонь жжетъ?“ Объясняя одну причину другою, на

вторых, [причиною мы называемъ] матерію (ὄλη) ¹⁾ и субстратъ (ὑποκειμενον) ²⁾, третьихъ, то, откуда начало движенія (ἀρχή τῆς γενέσεως), четвертыхъ, противоположное ей, именно то, ради чего что-либо [существуетъ], и благо (ибо оно есть цѣль всякаго происхожденія и движенія).

Это хотя достаточно рассмотрѣно у насъ въ „Физикѣ“ ³⁾, однако теперь примемъ въ расчетъ и тѣхъ, которые прежде насъ дошли до рассмотрѣнія сущаго и философствовали относительно истины 2. Ибо ясно, что и тѣ говорятъ о нѣкоторыхъ началахъ и причинахъ; поэтому предварительно обозрѣть [ихъ мнѣнія] будетъ не бесполезно въ ходѣ настоящаго изслѣдованія; такъ какъ мы или найдемъ какой-нибудь другой родъ причины, или тверже увѣримся въ только что указанныхъ.

Изъ первыхъ философовъ большинство думало, что только въ видѣ матеріи бываютъ начала всего. Именно, изъ чего состоятъ всѣ существа, откуда первоначально происходятъ они и во что въ концѣ концовъ погибая превращаются, при чемъ сущность хотя остается, но измѣняется въ своихъ проиленіяхъ, это самое они считаютъ началомъ всего сущаго. 3. И поэтому-то они думаютъ], что ничего не рождается и не погибаетъ, такъ какъ такая природа постоянно сохраняется, подобно тому, какъ мы не говоримъ прямо, что Сократъ появляется, если онъ дѣлается красивымъ или образованнымъ, ни того, что онъ уничтожается, когда утратилъ эти качества, потому что субстратъ, то-есть, самъ Сократъ остается. Также и изъ всего

которую она опирается, мы въ концѣ концовъ придемъ къ тому только выводу, что огонь жжетъ потому, что онъ жжетъ; это его свойство—жаръ и есть сущность огня.

1) ὄλη собственно значить „лѣсъ“. Этотъ терминъ также введенъ впервые Аристотелемъ для обозначенія матеріи какъ неопредѣленнаго вещества, изъ котораго возникаютъ опредѣленные единичныя вещи, подобно тому, какъ лѣсъ служитъ безразличнымъ матеріаломъ для множества разнообразныхъ вещей, приготовляемыхъ изъ дерева.

2) ὑποκειμενον собственно значить „подлежащее“. Этими терминомъ Аристотель обозначилъ неопредѣленную возможность опредѣленнаго бытія, то, что лежитъ въ основаніи единичныхъ вещей и явленій. Мы переводимъ его словомъ „субстратъ“, уже вошедшимъ въ философскую терминологию. Терминъ „подлежащее“ былъ бы удобнѣе для перевода, еслибы, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ слишкомъ опредѣлившася и исключительнаго грамматическаго значенія.

3) Физика, кн. II, гл. III, ст. 2—3. Это мѣсто „Физики“ почти буквально повторяется въ Мет., кн. IV, гл. II, ст. 1—2.

прочаго ничего [вполнѣ не исчезаетъ и не возникаетъ]. Ибо должна быть или одна какая-нибудь природа ¹⁾, или больше одной, изъ которой рождается все остальное, при чемъ она сохраняется.

4. Однако на счетъ числа и вида подобнаго начала не всѣ согласны. Фалесъ ²⁾, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ такого рода философій, утверждаетъ, что это—вода (потому онъ объяснялъ, что и земля находится на водѣ ³⁾, извлеки свое мнѣніе изъ наблюдений, что пища всего живаго влажна и самое тепло изъ этого происходитъ и этимъ поддерживается ⁴⁾, (собственно „живетъ“), а изъ чего происходитъ (все), то и есть начало всего; такъ вотъ почему онъ привалл это мнѣніе, а также и потому, что сѣмена всего имѣютъ влажную природу, а вода есть основа природы влажнаго. 5. А иные полагаютъ, что такого же мнѣнія держались о природѣ и въ самой глубокой древности люди, жившіе далеко раньше теперешняго поколѣнія и впервые начавшіе размышлять о божествѣ ⁵⁾. Именно,

¹⁾ Φύσις здѣсь очевидно употреблено въ смыслѣ того, что потомъ обозначалось словомъ „субстанція“.

²⁾ По нѣкоторымъ древнимъ свидѣтельствамъ, Фалесъ написалъ сочиненіе Περὶ τροπῆς καὶ ἰσημερίας, то-есть, „О солнечномъ поворотѣ и равноденствіи“ (въ стихахъ). То, что Аристотель, начиная обзоръ философій, началъ ее именно съ Фалеса и назвалъ его родоначальникомъ философій природы, послужило главной причиною того, что и всѣ позднѣйшіе историки философій начинаютъ ее съ него же. Но ученіе пифагорейцевъ, хотя гораздо болѣе глубокое, нежели ученіе Фалеса, по всему своему характеру носитъ болѣе архаическія черты и ближе стоитъ къ древнѣйшимъ религіознымъ представленіямъ.

³⁾ Въ трактатахъ De coelo, I. II, с. XIII, 7, Аристотель также говоритъ о Фалесѣ и его ученіи: „Другіе говорятъ, что она (земля) лежитъ на водѣ; это именно мнѣніе ны принимаемъ какъ самое древнѣйшее. Его, говорятъ, высказалъ Фалесъ Милетскій, принимая, что она, какъ плавающее тѣло, остается на поверхности подобно дереву или чему другому въ томъ же родѣ, ибо ничто изъ подобнаго не можетъ держаться на воздухѣ, но только на водѣ,—какъ будто не одно и то же соображеніе приложимо и къ землѣ, и къ водѣ, несущей на себя землю; вѣдь и вода не можетъ висѣть на воздухѣ, но на чемъ-нибудь“.

⁴⁾ Это, при первомъ взглядѣ, чрезвычайно странное мнѣніе, что тепло происходитъ отъ воды, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить наблюдениемъ, что отъ присутствія влаги (сырости) многія вещества становятся болѣе теплыми вслѣдствіе происходящихъ при этомъ химическихъ процессовъ гніенія, броженія и пр.

⁵⁾ Въ текстѣ можно бы различать двѣ группы, вопервыхъ, древнѣйшіе философы и, вторыхъ, теологи. Но можно соединить эти понятія въ одно, такъ какъ до Фалеса едва ли были философы. Рѣчь здѣсь идетъ о Гомерѣ, Гезіодѣ и Орееѣ.

они Океана ¹⁾ и Тетиду ²⁾ сдѣлали родоначальниками всего происшедшаго и свидѣтелями клятвы боговъ представляли воду — это такъ-называемый самими поэтами Стиксъ ³⁾. Почетнѣе же всего то, что древнѣе всего, а то, чѣмъ клянутся, всего почетнѣе. 6. Но исконнымъ ли и древнимъ оказывается такое мнѣніе о природѣ, это, быть можетъ, не совсѣмъ очевидно. Фалесъ, во всякомъ случаѣ, такъ именно, говорятъ, рассуждалъ о первой причинѣ. Гиппона ⁴⁾ же едва ли кто удостоивалъ бы поставить въ этомъ ряду вслѣдствіе ничтожности его размышленій.

7. Далѣе, Анаксиментъ ⁵⁾ и Діогенъ ⁶⁾ воздухъ прежде воды и скорѣе всего ставятъ началомъ простыхъ тѣлъ, Гиппась Метопонтийскій ⁷⁾ и Гераклитъ Эфесскій ⁸⁾ [указываютъ] огонь, а Эмпе-

¹⁾ См. Ном. Шиаз, XIV, 201 и слѣд., гдѣ говорится, что Океанъ есть прародитель всѣхъ боговъ, титановъ и олимпійцевъ. Онъ представляется (Ном. Шиаз, VII, 424 и слѣд.) въ видѣ рѣки, обтекающей море и землю и изъ которой восходитъ солнце, луна и звѣзды и снова потомъ заходятъ въ него. Стиксъ представляется какъ рукавъ Океана.

²⁾ По Гезіоду (Theogonia), Тетиды была титанида, дочь Урана и Геи, жена Океана. У Ном. Шиаз, XIV, 200 и слѣд., она вѣсть съ Океаномъ называется матерью всѣхъ боговъ.

³⁾ Стиксъ — подземная рѣка. Ном. II., XV, 37—38: „и черная вода Стикса съ ея таинственными волнами, величайшая изъ клятвъ, какую когда-либо имѣли боги“. Въ Ном. Od., V, 185, говорится, что клятва Стиксомъ считается самою не нарушимомъ у боговъ.

⁴⁾ Гиппонъ жилъ во времена Сократа и Перикла. Аристотель трактуетъ его съ такимъ же малымъ уваженіемъ въ De anima, I, I, ст. II, 18: „изъ болѣе грубыхъ нѣкоторые заявили, что душа есть вода, какъ, напримеръ, Гиппонъ“.

⁵⁾ Анаксиментъ написалъ сочиненіе іонійскою прозою, отъ котораго сохранился небольшою отрывокъ.

⁶⁾ Діогенъ Аполлонійскій, младшій современникъ Анаксагора, написалъ сочиненіе Περὶ φύσεως, отъ котораго у Симплиція сохранились многіе отрывки. Онъ выступилъ съ защитою ученія, что воздухъ есть начало всего, Анаксагора и его ученія о гомемеріяхъ (см. далѣе, ст. 8).

⁷⁾ Гиппась изъ Метапонта извѣстенъ почти только тѣмъ, что раздѣлялъ мнѣнія Гераклита.

⁸⁾ Гераклитъ Эфесскій написалъ сочиненіе, которое, по однимъ, называлось Μοῦσα, по другимъ, Περὶ φύσεως, отъ котораго сохранились многіе отрывки, собранные Шлейермахеромъ. Аристотель причисляетъ его къ языкамъ, но это можетъ быть сдѣлано лишь очень условно, именно на основаніи не внутренняго смысла его ученія, а лишь наружнаго и образнаго его выраженія. Гераклитъ говоритъ объ огнѣ, какъ началѣ всего, но лишь потому, что огонь, какъ преимущественно подвижная стихія, служитъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ вселенной. Центральное понятіе въ мысленіи Гераклита было понятіе процесса, ко-

докль¹⁾ — четыре [начала], прибавивъ къ указаннымъ землю. Эти именно стихіи постоянно пребываютъ и не иначе рождаются, какъ въ большемъ или въ меньшемъ количествѣ соединяясь въ одно и разъединяясь изъ одного. 8. Анаксагоръ же Клазоменскій²⁾, который по возрасту старше послѣдняго, а съ сочиненіями выступилъ позже его, говоритъ, что начала безпредѣльны. Именно, почти все, состоящее изъ одинаковыхъ частицъ (*homomerē*), какъ вода или огонь, по словамъ его, рождается и погибаетъ только посредствомъ соединенія и разъединенія, а иначе не рождается и не погибаетъ, но остается вѣчнымъ.

9. Итакъ, слѣдуя этимъ [философамъ], можно признать то только причиною, что мыслится въ видѣ матеріи, а когда они дальше пошли въ этомъ направленіи, то самое дѣло проложило имъ дорогу къ болѣе глубокимъ изысканіямъ. Ибо если всякое разрушеніе и рожденіе вполнѣ идетъ отъ какого-либо элемента, одного или многихъ, то все-таки [является вопросомъ], почему же оно происходитъ и что за причина этого. Вѣдь, конечно, не самый же субстратъ заставляетъ самого себя видоизмѣняться. Я приведу примѣръ: не дерево и не

тому все подвержено (*πάντα γὰρ αἰεὶ καὶ οὐδὲν μένει*) и въ которомъ все одновременно и существуетъ, и не существуетъ (*πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι*). Что касается ученія объ огнѣ, то Клии. Ал. въ Strom. приводитъ изреченіе Гераклита: „Космосъ ни какии-нибудь боговъ, ни человѣкомъ сотворенъ, но былъ, есть и будетъ вѣчно живущій огонь, то воспламеняющійся, то потухающій“. У Плутарха сохранилось еще другое изреченіе того же содержанія: „Все измѣняется въ огонь и огонь измѣняется во все, подобно тому, какъ золото превращается въ товаръ и товаръ въ золото“, De El. ap. Delph. 9.

¹⁾ Эмпедокль изъ Агригента написалъ два сочиненія: *Καθάρσις* и *Περὶ φύσεως*; послѣднее заключало въ себѣ около 2,000 стиховъ и раздѣлялось на 3 книги, изъ которыхъ въ одной говорилось о бытій, въ другой о прохожденіи предметовъ и явленій природы и въ третьей о человѣкѣ и душѣ. Многочисленные и большіе отрывки ихъ были собраны и объяснены Штурцеиъ, Карстеномъ и Муллакомъ.

²⁾ Анаксагоръ написалъ сочиненіе *Περὶ φύσεως*, отъ котораго много отрывковъ сохранилъ Симплицій; ихъ собралъ Муллакъ, см. *Frags. phil. graec.* За образующій принципъ міра онъ признавалъ разумъ, а за образуемое и матеріальное — „гомомеріи“. Этотъ послѣдній терминъ былъ впервые имъ введенъ по общему снисдѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, хотя въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ онъ ни разу не встрѣчается. Аристотель въ трактатѣ *De generatione et corruptione* говоритъ, что этимъ терминомъ Анаксагоръ обозначалъ частицы, совершенно тождественныя по своей сущности цѣлому, такъ что каждая частица несетъ съ этимъ цѣлымъ одно имя, наприимѣръ, самаоналѣйшая частица и большая масса крови одинаково называются кровью.

мѣдъ бываетъ причиною перемѣны самихъ себя, не дѣлаетъ же вѣдъ дерево кровати и мѣдъ статуя, а другое нѣчто бываетъ причиною перемѣны. И вотъ искать этого и значить искать другаго начала, или, какъ мы бы сказали, искать, откуда начало движенія.

10. Итакъ, тѣ, которые съ самого начала вышли на этотъ путь изслѣдованія и утверждаютъ, что субстратъ одинъ, не создали себѣ никакой трудности. Но, тѣмъ не менѣе, иные изъ признававшихъ одинъ субстратъ, какъ бы побѣжденные [трудностью] этого вопроса, утверждаютъ, что единое это не движимо и цѣлая природа не движима не только въ отношеніи рожденія и разрушенія (ибо это искони и всѣ признавали), но и въ отношеніи всякой другой перемѣны. И въ этомъ ихъ особенность. Итакъ, изъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что „все“ есть „единое“, никому не удалось подмѣнить подобнаго рода причины, кромѣ, пожалуй, Парменида, да и тому лишь на столько, на сколько онъ полагалъ не одно основное начало, а какъ бы два. А тѣмъ, которые принимаютъ больше началъ, конечно, есть больше возможности говорить [о движущей причинѣ], напимѣръ, если кто принимаетъ тепло и холодъ или огонь и землю, ибо они пользуются огнемъ какъ двигательною силою, а водой и землею и т. п. на оборотъ.

11. Послѣ нихъ и послѣ [признанія имъ] такихъ началъ, мыслители стали искать, побуждаемые, какъ мы сказали, самою истиною, дальнѣйшаго начала. Ибо причиною того, что одни изъ существъ такъ хорошо обстоятъ ($\epsilon\chi\alpha\iota\nu$), а другіе столь хорошими и прекрасными рождаются, естественно не можетъ быть ни огонь, ни земля, ни что-либо другое подобное: да этого они и не думали. Опять же не въ лучшемъ положеніи было бы дѣло, еслибы приписать столько значенія самопроизвольности и случаю. 12. Поэтому если кто разумъ призналъ бы причиною основою міра и всего міроваго порядка ($\tau\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$), какъ это есть въ живыхъ существахъ, тотъ бы явился какъ бы трезвымъ среди прежнихъ философовъ, говорившихъ на авось ($\epsilon\iota\kappa\eta$). Отчетливо коснулся этихъ мыслей, какъ мы знаемъ, Анаксагоръ, а раньше говорилъ объ этомъ, какъ есть основаніе полагать, Гермотимъ Клазоменскій ¹⁾.

¹⁾ О Гермотимѣ Клазоменскомъ ничего не извѣстно, кромѣ какъ только изъ этого мѣста Аристотеля. Уже гораздо позднѣ Плиній Старшій въ своей *Nat. naturalis*, l. VII, с. 53, приводитъ фантастическій разказъ о томъ, что душа Гермотима могла на время отрѣшиться отъ своего тѣла и, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, снова возвращалась въ него, и тогда Гермотимъ разгадывалъ о

13. Итакъ, державшіеся этого образа мыслей полагали началомъ всего сущаго одновременно и причину благоустройства міра (τοῦ καλοῦ), и причину, откуда во всемъ существующемъ происходитъ движеніе.

IV.

1. Можно подозрѣвать, что Гезіодъ первый выразилъ подобное [мнѣніе], даже еслибы кто другой положилъ въ основу всего сущаго любовь или страсть, какъ это сдѣлалъ и Парменидъ. Ибо послѣдній, изображая происхожденіе вселенной (τοῦ παντός), говорить:

Раньше всѣхъ боговъ онъ насадилъ любовь,

а Гезіодъ [говорить]:

Всего раньше Хаосъ родился,

А потомъ земля широкогрудая

И любовь, которая надъ всѣми безсмертными выдается.

значить во всемъ существующемъ должна быть на лицо какая-нибудь причина, которая приводила бы вещи въ движеніе и соединяла бы ихъ. А въ какое отношеніе ихъ слѣдуетъ поставить, то-есть, кто первый это сказалъ, это мы разберемъ послѣ. 2. А такъ какъ и противоположное доброму оказывалось лежащимъ въ природѣ, то-есть, не только порядокъ и прекрасное, но также и беспорядокъ и безобразное, и даже злого болѣе въ ней, чѣмъ добраго, и дурнаго болѣе, чѣмъ прекраснаго, то поэтому пришлось внести взаимное влеченіе (φιλία) и раздоръ¹⁾, какъ двѣ соответствующія причины двухъ указанныхъ сторонъ существующаго. 3. Ибо если искать рѣшенія

томъ, что она видѣла въ своихъ странствованіяхъ. Разъ враги его, воспользовавшись этою временною отлучкою души, взяли и бросили его тѣло въ огонь и такимъ образомъ умертвили Гермотима.

¹⁾ Мы уклонились отъ перевода „любовь и раздоръ“, какъ это принято обыкновенно и въ переводахъ, и въ изложеніяхъ древней философіи. Стремясь найти причину движенія, греческіе философы, очевидно, этими словами хотѣли выразить лишь то, что въ природѣ нѣкоторые тѣла сближаются, влещутся другъ къ другу, а другіе не только остаются безразличными, но и стремятся удалиться одно отъ другаго. Чтобы выразить это новое понятіе о соотношеніи между тѣлами природы, они естественно употребили слова, которые уже были въ ихъ языкѣ для обозначенія подобнаго же явленія въ сферѣ человеческой жизни, во все же перенося на природу тѣхъ особенностей чувства любви, которые въ немъ существуютъ помимо того, что оно сближаетъ, влечетъ.

вопроса, слѣдующа здравому размышленію, а не останавливаться на томъ, о чемъ заикается ¹⁾ Эмпедоклъ, то всякій найдетъ, что взаимное влеченіе есть причина добраго, а раздоръ—злого; такъ что, если бы кто утверждалъ, что Эмпедоклъ, и притомъ перыи, говорилъ какимъ бы то ни было образомъ о злѣ и добрѣ, какъ объ основныхъ началахъ, то онъ, можетъ быть, былъ бы правъ—конечно, если только причинною основою всего благого служить самое благо (τὸ ἀγαθόν), а злого самое зло.

4. Итакъ, указанные нами философы коснулись доселѣ двухъ причинныхъ основъ изъ тѣхъ, которыя мы разграничили въ книгѣ „О природѣ“: матерію (βλή) и того, откуда движеніе, конечно, глухо и вовсе не ясно, подобно тому, какъ поступаютъ въ сраженіи не обученные бойцы: вѣдь и они, поворачиваясь кругомъ, наносятъ часто хорошіе удары, но какъ эти дѣйствуютъ не по правиламъ своего искусства, такъ и тѣ, по видимому, не ясно понимаютъ то, о чемъ говорятъ. Ибо они, оказывается, почти нисколько не пользуются своими выводами, развѣ только самую малость. 5. Такъ Анаксагоръ пользуется Разумомъ какъ *deo ex machina*.²⁾ для міроздавія, и когда онъ недоумѣваетъ, по какой причинѣ что-либо необходимо существуетъ, то тащитъ его на сцену, а въ другихъ случаяхъ все [что угодно] выставляетъ причинною, совершающагося, только не разумъ³⁾. И Эмпедоклъ, хотя нѣсколько болѣе, нежели онъ, пользуется своими причинными основами, но все-таки недостаточно и находитъ въ нихъ

¹⁾ Всюду, гдѣ Аристотель говоритъ объ Эмпедоклѣ, у него проглядываетъ нѣкоторая неприязнь къ этому философу. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить слишкомъ различнымъ складомъ ума того и другаго. Эмпедоклъ въ очень сильной степени былъ натурою соизвѣстною. Онъ высказывалъ свои мнѣнія, часто вовсе не заботясь ихъ доказывать, просто какъ взглядъ на природу, не рѣдко болѣе поэтической, нежели основанный на доводахъ разума. Платонъ въ „Соискѣ“ называетъ мышленіе Эмпедокла „мягкимъ и извѣженнымъ“ (μαλακώτερος). Въ своихъ сочиненіяхъ, употребивъ какое-нибудь удачное выраженіе, онъ любитъ повторять его еще нѣсколько разъ, прибавляя сими: „что хорошо, то можно сказать и дважды, и трижды“. По словамъ Діогена Лавртіискаго, Аристотель считалъ Эмпедокла родоначальникомъ риторическаго искусства. Все это слишкомъ противорѣчило строгому складу мышленія Аристотеля. Сюда присоединяется, быть можетъ, и коренная разниа во взглядахъ, напримѣръ, на происхожденіе организмовъ (цѣлесообразное—по Аристотелю, случайное—по Эмпедоклу).

²⁾ Μηχανῆ χρηστὰ τῶ νόῳ.

³⁾ Въ этомъ же самомъ упрекалъ Анаксагора раньше еще Платонъ въ Федонѣ.

не то, что слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ у него взаимное влеченіе раздѣляетъ и раздоръ соединяетъ. Именно всякій разъ когда вселенная ¹⁾ (τὸ πᾶν) разъединена раздоромъ на стихіи; огонь соединяется въ одно и также каждая изъ прочихъ стихій; а когда опять всѣ стихіи, вслѣдствіе взаимнаго влеченія сходятся въ одно, частицы каждой стихіи по необходимости опять раздѣляются. 6. Итакъ, Эмпедоклъ первый въ ряду прежнихъ философовъ внесъ эту причину, раздѣливъ ее, потому что принялъ не одно начало движенія, по два различныя и притомъ противоположныя. Кромѣ того, хотя онъ первый принялъ четыре стихіи, рассматриваемыя имъ въ видѣ матеріи, [на дѣлѣ] же онъ пользуется не четырьмя, а какъ бы только двумя: огнемъ самимъ по себѣ и противоположными, именно землею, воздухомъ и водою, какъ одною природою ²⁾. Все это можно извлечь изъ его поэмы ³⁾. 7. Такъ вотъ въ какомъ смыслѣ и сколько началъ признавалъ онъ.

Левкиппъ ⁴⁾ же и его другъ Демокритъ ⁵⁾ стихіями признаютъ „полное“ и „пустое“, какъ бы говоря, что одно есть сущее, а другое не сущее. Именно полное и плотное они считаютъ сущимъ, а

¹⁾ По представленію Эмпедокла, въ началѣ всѣ стихіи покоились неподвижно, соединенныя въ одинъ „круглобой Озеросъ“ (σφαῖρος κυχλοτερής). Но раздоръ разрываетъ это первоначальное единство, и тогда „все въ разнообразныхъ видахъ стремится врозь“. Но въ то же время взаимное влеченіе соединяетъ отдѣльныя частицы въ тѣла. Въ этихъ тѣлахъ, соединенныхъ взаимнымъ влеченіемъ, однако присутствуетъ и раздоръ, и именно въ неорганическихъ тѣлахъ въ большей степени, въ органическихъ тѣлахъ въ меньшей. Неодобрительное замѣчаніе Аристотеля, быть можетъ, вызвано именно этою совмѣстностью и влеченія, и раздора въ одномъ и томъ же.

²⁾ Въ трактатѣ De generatione et corruptione, lib. II, с. 3, Аристотель повторяетъ это: „нѣкоторые прямо принимаютъ четыре элемента, какъ Эмпедоклъ. Но и этотъ сводитъ ихъ на два, именно огню онъ противопоставляетъ все прочее“. На этихъ двухъ мѣстахъ Аристотеля утверждается повторяемое всими историками мнѣніе, что Эмпедоклъ пользовался четырьмя стихіями какъ двумя.

³⁾ Этого мѣста въ его повѣи не сохранилось.

⁴⁾ О Левкиппѣ извѣстно то только, что онъ былъ современникомъ Анаксгора, ученикомъ Парменида и учителемъ Демокрита. Родиною его одни считаютъ Милетъ, другіе Элею, третьи Абдеру. Невозможность приписать ему что-либо въ отдаленности отъ Демокрита служить причиною того, что Аристотель, приступая къ изложенію атомистическаго ученія, какъ и другіе, называетъ его рядомъ съ Демокритомъ.

⁵⁾ Демокритъ былъ родомъ изъ Абдеръ, іонійской колоніи во Фракіи. По Аполлодору, онъ родился въ 460 году до Р. X. и умеръ на 90 году жизни.

пустое и не полное несущимъ (поэтому-то они и утверждаютъ, что сущее нисколько не болѣе существуетъ, чѣмъ не сущее, такъ какъ и пустота [не менѣе дѣйствительна], чѣмъ тѣло) ¹⁾. Эти стихи они

¹⁾ Представленіе о полномъ и пустомъ и особенно приравниваніе ихъ къ сущему и къ не сущему историкъ философіи ставитъ въ историческую связь съ элейскимъ ученіемъ, изъ котораго развился атомизмъ. Именно они говорятъ, что Левкиппъ былъ согласенъ со своимъ учителемъ Парменидомъ въ невозможности происхожденія и исчезновенія (въ абсолютномъ смыслѣ) вещей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и не хотѣлъ признавать лишь кажущимся наблюдаемаго движенія и разнообразія природы. Но Парменидъ основывался въ своихъ мысляхъ о неподвижности и неизмѣнности сущаго на логической невозможности признать реальнымъ небытіе (*οὐκ ἔστι μὴ εἶναι, οὔτε γὰρ ἄν ἦν οὐκ ἔστι τὸ γε μὴ εἶναι, οὐ γὰρ ἀφικτόν, οὔτε φράσαις*, говоритъ онъ у Смпл.). Поэтому, чтобы объяснить возможность движенія множественности и переменъ, Левкиппъ и Демокритъ признали небытіе столь же дѣйствительнымъ, какъ и бытіе. Но существующее, по Пармениду, есть наполняющее пространство, не существующее—пустое. Отсюда ученіе атомистовъ о существованіи пустоты. Въ ихъ представленіи пустота проникаетъ и сдвигивается съ бытіемъ, такъ что ни сама не является соединенною въ одно, ни бытію не позволяетъ оставаться въ видѣ сжатой массы, но разбиваетъ его на множество частицъ, являясь среди нихъ въ видѣ промежуточной. Однако принимая во вниманіе то, что говорится далѣе, ст. 8: „полагая начала плотнаго и рѣдкаго началами измѣненій“, можно связывать происхожденіе атомизма и болѣе общимъ образомъ со всѣмъ предыдущимъ развитіемъ греческой философіи. И въ самомъ дѣлѣ, преданіе выводитъ Левкиппа не только изъ Элеи, но и изъ Милета, и его ученіе можетъ быть выведено изъ іонійскаго не менѣе основательнаго, нежели изъ элейскаго. Дѣло въ томъ, что уже Іонійская школа философіи, размысливая, что можно было бы съ наибольшою вѣроятностью признать за субстратъ всего, принимала единичныя тѣла за продукты или сжатія, или разрѣженія этого субстрата. Такъ, если вода—субстратъ, то земля есть известная степень сгущенія ея, а воздухъ—разрѣженія. Поэтому и Аристотель думалъ, что съ іонійской точки зрѣнія всего правильнѣе было бы принять за субстратъ или огонь, и тогда все считать за его сгущеніе, или землю, и тогда все считать за степени ея разрѣженія (см. далѣе текстъ, гл. VIII, ст. 3—6). Но сгущеніе и разрѣженіе есть только ступени, есть только измѣняющееся отношеніе, и то, къ чему ведутъ эти ступени, что соединяетъ собою эти отношенія, есть „пустое“ и „плотное“ въ абсолютномъ смыслѣ. Пустота есть предѣлъ, къ которому стремится и которымъ заканчивается всякое разрѣженіе, непроницаемо плотное есть предѣлъ, которымъ завершается всякое сгущеніе, и какъ изъ созерцанія линій, болѣе или менѣе кривыхъ, могло получиться въ отвлеченіи понятіе о линіи, совершенно чуждой кривизнѣ (прямая), такъ изъ постоянного представленія сгущенія и разрѣженія естественно возникло понятіе о плотномъ и пустомъ. Но разрѣженіе и сгущеніе есть то, что равномерно проникаетъ всю массу сгущающагося и разрѣжающагося. Отсюда—идея безчисленныхъ малыхъ непроницаемо плотныхъ тѣлъ (атомы, какъ предѣлъ въ идеѣ степеней сгущенія) и пустоты (пары, какъ предѣлъ въ идеѣ разрѣженія). Это и есть атомизмъ.

признавали причинами всего существующаго въ смыслѣ матеріи. 8. И подобно тому какъ принимающіе лежащую въ основѣ вещей сущность за единое, все прочее производятъ изъ ея способности къ видоизмѣненіямъ (*πάθειν*), точно такимъ же образомъ и эти, полагая понятія плотнаго и рѣдкаго началами измѣненій, утверждаютъ, что извѣстнаго рода различія въ нихъ суть причины всего прочаго. А этихъ различій они считаютъ три вида: форма, порядокъ и положеніе. Именно, они говорятъ, что сущее различается только очертаніемъ (*ροζιός*), соприкосновеніемъ (*διασπύη*)¹⁾ и поворотомъ (*τροπή*); при чемъ очертаніе—это форма, соприкосновеніе—это порядокъ (*τάξις*) и поворотъ—это положеніе²⁾. Такъ *A* отличается отъ *N* формою, *AN* отъ *NA* порядкомъ, а *Z* отъ *N* положеніемъ. Вопросъ же о движеніи, откуда или какъ оно происходитъ во всемъ существующемъ, и эти философы, подобно прочимъ, по небрежности опустили изъ виду.

9. Итакъ, относительно двухъ причинъ, какъ мы говоримъ, потъ на сколько подвинуто дѣло впередъ прежними философами.

V.

1. Въ это же [время] и [еще] раньше названныхъ философовъ такъ называемые пифагорейцы³⁾, предавшись математическимъ занятіямъ, первые выдвинули ихъ впередъ и, пропитанные ими, математическія начала стали считать за начало всего существующаго. 2. А такъ какъ числа по [своей] природѣ суть первичныя [элементы]

¹⁾ *ροζιός* и *διασπύη*—местныя абдерскія выраженія, употребляемыя Демокритомъ, которыя повтому Аристотель и переводитъ на греческій литературный языкъ.

²⁾ Въ *Физикѣ*, кн. I, гл. V, ст. 1, Аристотель лучше поясняетъ два изъ этихъ различій: „Демокритъ принимаетъ твердое и пустое, изъ которыхъ первое считаетъ, какъ существующее, а второе, какъ не существующее. Кроме того, онъ различаетъ ихъ по положенію, по формѣ и порядку, а это различные роды противоположнаго: къ положенію относится понятіе сверху и внизу, впереди и сзади, къ формѣ—уголъ, прямая окружность“.

³⁾ Аристотель никогда не говоритъ о самомъ Пифагорѣ, безъ сомнѣнія, вследствие трудности отличить то, что принадлежитъ ему собственно, отъ того, что было развито послѣдствіемъ многочисленными послѣдователями его ученія. Раздѣльность его выраженія: „въ это же время и еще раньше названныхъ философовъ“ указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что онъ имѣетъ въ виду и самого Пифагора и позднѣйшихъ пифагорейцевъ.

ихъ, въ числахъ же они, по видимому, усматривали многія сходства съ существующимъ и съ происходящимъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ огнѣ, въ землѣ и въ водѣ (потому что такое-то проявленіе (πάθος) чиселъ [они считали] справедливостью, такое-то—душою и разумомъ, такое-то—благоприятнымъ временемъ [для дѣйствія], словомъ сказать и въ остальномъ подобно этому,—и въ числахъ, кромѣ того, видѣли проявленія и соотношенія (λόγος) музыкальныхъ гармоній; далѣе, такъ какъ имъ казалось, что и въ остальномъ вся природа уподобляется числамъ, числа же суть [нѣчто] первоначальное сравнительно со всею природою, то въ виду всего этого они предположили, что элементы (στοιχεῖα) чиселъ суть элементы всѣхъ существъ и что цѣлое небо есть гармонія ¹⁾ и число. И все, чтó имѣли указать въ числахъ и въ гармоніяхъ соответственнаго съ движеніемъ (πάθος) и съ частями неба и съ цѣлымъ міроустройствомъ, все это собирая они прилагали къ дѣлу. 3. А если чего гдѣ не доставало, они старались пополнить, чтобъ ученіе у нихъ было связнымъ цѣлымъ. Приведу примѣръ: такъ какъ десятокъ кажется [чѣмъ-то] совершеннымъ и охватываетъ всю природу чиселъ, то они утверждаютъ, что и несущихся по небесному своду [тѣлѣ] десять; а такъ какъ видимо только девять, то они дѣлаютъ еще десятое, противоположащее землѣ (ἀντίχθων)²⁾. 4. Точнѣе все это разграничено нами въ другомъ мѣстѣ ³⁾, а здѣсь заговорили мы объ ихъ ученіи только для того, чтобы и

¹⁾ Для объясненія загадочнаго на первый взглядъ ученія пифагорейцевъ о гармоніи приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ Филолая: „такъ какъ начала вещей не подобны и не однородны, то порядокъ между ними былъ бы невозможенъ, еслибы какимъ-либо образомъ не соединила ихъ гармонія. Подобное и однородное, правда, не имѣло нужды въ гармоніи, но различное, неоднородное и несообразное не могло безъ нея обойтись, когда имъ предстояло сложиться въ космосъ“ (этотъ отрывокъ сохранился у Стобея).

²⁾ Въ De Caelo, I, II, cap. XIII, 1, Аристотель такъ говоритъ объ этомъ ученіи пифагорейцевъ: „они утверждаютъ, что въ срединѣ находится огонь, а земля—это одно изъ свѣтилъ (ἀστέρων), которое, несясь кругомъ по срединѣ, производитъ день и ночь. Кромѣ того, они создаютъ другую, противоположную ей землю, которую они называютъ именемъ ἀντίχθων, изыскивая при этомъ основанія и причины не въ явленіяхъ дѣйствительности, а по какимъ-то своимъ собственнымъ соображеніямъ и мнѣніямъ, притягивая къ дѣлу и стараясь украсить извѣстія“.

³⁾ Предполагаютъ, что это былъ особый трактатъ, теперь утраченный, который разбиралъ космогоническія представленія пифагорейцевъ. О немъ упоминаетъ Александръ Афродисскій.

отъ нихъ получить [свѣдѣнія], какія именно начала они полагаютъ и какъ нападаютъ на слѣдъ указанныхъ. 5. Оказывается, что и они ¹⁾ считаютъ число началомъ какъ матерію для существующаго и какъ проявленія и состоянія, элементами же числа считаютъ четное и нечетное, одно изъ нихъ принимая ограниченнымъ ²⁾, другое безграничнымъ, а „единое“ состоитъ, [по ихъ мнѣнію], изъ обоихъ ихъ (именно оно и четно, и нечетно), число же [происходитъ] изъ одинаго и цѣлыя небеса ³⁾, какъ сказано, суть число. 6. Другіе же изъ нихъ ⁴⁾ говорятъ, что есть десять началъ, расположенныхъ соответственно другъ другу: конечное и безконечное, нечетное и четное, одно и множество, правое и лѣвое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свѣтъ и тьма, доброе и злое, квадратное и продолговато-четвероугольное. Такимъ же именно образомъ, по видимому, думалъ и Алкмей Кротонскій ⁵⁾, и безъ сомнѣнія, или онъ отъ нихъ, или они отъ него заимствовали это ученіе. Вѣдь Алкмей былъ молодымъ во время старости Пифагора, а высказывался онъ сходно съ ними (пифагорейцами) ⁶⁾. Именно, онъ утверждаетъ, что большая часть человѣческихъ дѣлъ ⁷⁾ существуетъ двойко, приводя противоположности, разграниченныя не такъ, какъ у этихъ, но какъ попало, наиримѣръ, бѣлое и черное, сладкое и горькое, доброе

¹⁾ То-есть, также, какъ и іонійскіе философы.

²⁾ Πεπερασμένον = ограниченное, у Филолая περάεινον = ограничивающее. Выраженіе Аристотеля противорѣчитъ общему смыслу ученія пифагорейцевъ о числахъ, потому что тогда совокупность всѣхъ чиселъ (исчерпывающихся четными и нечетными) явится чѣмъ-то пассивнымъ, и притомъ частью неопредѣленнымъ (четными числа), частью-же опредѣленнымъ, но не собственно силою, а чѣмъ то инымъ назвѣ лежащимъ. Такъ-какъ съ понятіемъ предѣла, ограниченія во всей древней философіи было связано представленіе о реальномъ бытіи, о томъ совершенномъ, во что черезъ присоединеніе предѣла преобразуется первоначальный хаосъ, то ясно, что въ этомъ случаѣ числа явились бы лишь устроеннымъ началомъ, но не устроившимъ.

³⁾ Слово „небеса“, „οὐρανός“ Аристотель часто употребляетъ въ значеніи „вселенной“.

⁴⁾ Аристотель здѣсь намекаетъ на какое-то развитіе пифагорейскаго ученія.

⁵⁾ Аристотель нѣсколько разъ упоминаетъ объ Алкмей Кротонскомъ, но объ немъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ былъ современникомъ Пифагора.

Во многихъ рукописяхъ этого предложенія нѣтъ, поэтому оно считается вставкою невѣстнаго читателя или переписчика.

⁷⁾ Судя по дальнѣйшему, здѣсь нужно понимать то, о чемъ человѣкъ можетъ судить, а не его собственныя дѣла.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН .
1. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ 2-мъ реальномъ училищѣ	3
2. (16-го октября 1889 года). Объ учрежденіи стипендіи при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ	—
3. (17-го ноября 1889 года). О закрытіи Гольдингенской гимназін	4
4. (20-го ноября 1889 года). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Дерптскаго университета	—
5. (20-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Уральской области	7
6. (2-го ноября 1889 года). О правахъ по воинской повинности штатныхъ помощниковъ классныхъ наставниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ правительствомъ или имѣющихъ утвержденныя правительствомъ уставы	—
7. (21-го ноября 1889 года). Объ открытіи I и II классовъ при Минскомъ реальномъ училищѣ	8.
8. (27-го ноября 1889 года). О порядкѣ опредѣленія техническихъ должностей, при занятіи коихъ лица, окончившія курсъ въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, приобретаютъ право на производство въ чины, соответствующіе ихъ ученымъ званіямъ	25
9. (27-го ноября 1889 года). Объ учрежденіи въ Харьковскомъ и Ба-занскомъ ветеринарныхъ институтахъ должности помощника инспектора	26.

10. (27-го ноября 1889 года). Обь учрежденіи третьей должности инспектора народных училищ въ Туркестанскомъ краѣ	27
11. (16-го декабря 1889 года). Обь описаніи форменной одежды для учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища	—
12. (16-го декабря 1889 года). О сокращеніи числа стипендій, учрежденныхъ при Тамбовской гимназій	28
13. (18-го декабря 1889 года). О срокахъ для взноса пособій на содержаніе учебныхъ заведеній	29

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ 7 и 82

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Люблинской мужской гимназій въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ опасности 17-го октября 1888 года	9
2. (22-го сентября 1889 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года	10
3. (22-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы потомственнаго почетнаго гражданина Юліи Ивановны Базановой при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ	11
4. (25-го октября 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Ивана Владиславовича Роецкаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра	13
5. (21-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Илуктскомъ городскомъ училищѣ въ память событія 17-го октября 1888 года	14
6. (23-го ноября 1889 года). Положеніе о стипендіи при Московской 3-й гимназій имени бывшаго воспитанника оной Александра Герасимовича Комиссарова	—
7. (6-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго кронштадтскаго 2-й гильдіи купца Николая Ивановича Сидорова при Кронштадтской мужской гимназій	15
8. (12-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Василія Филипповича Перласова при Рижской женской Ломоносовской гимназій	16
9. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени горійскаго гражданина Александра Мелхиседековича Теръ-Акопова при Горь-Анастасіевской женской прогимназій	17
10. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени крестьянина Черниговской губерніи Ефрема Иванова Козько при Анапскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	18
11. (14-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершихъ Павла и Андрея Герасимовичей Камариныхъ при Рижскомъ городскомъ училищѣ императрицы Екатерины II	—

12. (14-го декабря 1889 года). Объ утверженіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.	30
13. (21-го декабря 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени мѣщанинъ Юліи Ильинишны Александровой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.	39
14. (9-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской женской гимназій	—
15. (11-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Кувствъ и Альберсъ	40
16. (12-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Людвига Викентьевича Манцевича при Мнискоемъ реальномъ училищѣ.	41
17. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій имени Евдокіи Кузьминишны Кузьминой	42
18. (18-го января 1890 года). Положеніе о стипендіяхъ при Александровской Старобѣльской гимназій имени умершей вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Демченко.	43

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О брошюрѣ: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Составилъ <i>И. К. Гамъ</i> . Изданіе 4-е“	19
О книгѣ: „Фаустъ. Трагедія <i>Гете</i> . Переводъ <i>Н. Голованова</i> “	—
О книгѣ: „Латинская грамматика. По <i>Штотмау</i> . Составилъ <i>В. Никифоровъ</i> “	—
О книгѣ: „Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ. <i>Г. В. Штолль</i> . Изданіе <i>О. Н. Бакета</i> “	—
Объ изданіи: „Русскія древности въ памятникахъ искусства. Изданіе графа <i>И. Толстаго</i> и <i>Н. Кондакова</i> . Вып. I и II“	20
О книгѣ: „Святый равноапостольный Князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. 900-лѣтіе Руси. <i>Н. П. Матченко</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкой грамматики. Составилъ <i>А. А. Аллендорфъ</i> . Изданіе 4-е“	—
О книгѣ: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Августъ Гюфманъ</i> . Изданіе 2-е“	—
О книгѣ: „Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. Составлено по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній“	—
О книгѣ: „Очеркъ ученія о предсказаніи погоды (Синоптическая метеорологія). Составилъ <i>М. Поморцевъ</i> “	21
О брошюрѣ: „Надо ли бояться грома и молніи? Составилъ <i>И. К. Гамъ</i> “	—

О книгѣ <i>Г. Нидерле</i> : „Грамматика греческаго языка. Часть I. Этимология. Перевелъ <i>И. Мейеръ</i> . Изданіе 4-е“	21
О книгѣ <i>В. В. Латвишевъ</i> : „Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я“	—
О книгѣ: „Народная проповѣдь Иисуса Христа. Служеника <i>А. С. Смирнова</i> . Выпускъ I“	44
О брошюрѣ: „Къ спряженію глаголовъ. <i>С. Кратча</i> “	—
О книгахъ: 1) „Русская хрестоматія. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> . Части I—III“, и 2) „Краткій учебникъ русской грамматики. Изданіе 8-е“	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школь. Томъ I. <i>В. Мартыновскій</i> . Изданіе 3-е“	45
Объ изданіи: „Сочиненія <i>М. Н. Заюшкина</i> . Семь томовъ“	—
О книгѣ: „Эпика <i>Вермиліа</i> . I—VI	—
О книгѣ: „Ураженія въ переводѣ съ русскаго на латинскій и обратно. Составлено <i>В. Зубковимъ</i> “	—
О книгѣ: „Краткая латинская фразеологія. Составилъ <i>И. Семеновичъ</i> “	46
О книгѣ: „Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Составилъ <i>С. И. Гимновичъ</i> “	—
О книгѣ: „Избранныя стихотворенія П. Овидія Назона. Составлено <i>Андреемъ Адольфомъ</i> “	—
О книгѣ: „Систематическій курсъ ариметики. Составилъ <i>А. Киселевъ</i> “	—
О брошюрѣ: „Образцы письменныхъ работъ по ариметикѣ. Составилъ <i>М. Корякинъ</i> “	—
О книгѣ: „Methodisch geordnete Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechner von <i>Richard Kalmit</i> “	—
О книгѣ: „Периклъ. Историко-критическій этюдъ <i>В. Бузескула</i> “	—
О книжкѣ: „Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу. Составилъ <i>Г. М. Цирклеръ</i> “	47
О книгѣ: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ <i>Иоанъ Александровъ</i> “	—
О книгѣ: „Нѣмецкій языкъ. Составилъ <i>С. Чекала</i> “	—
О книжкѣ: „Народныя сказки. Составилъ <i>С. Чекала</i> “	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Csekala</i> “	—
О книжкѣ: „Kurzgefasste Schulgrammatik der deutschen Sprache. Von <i>S. Csekala</i> “	—
О книгѣ: „Grundzüge der deutschen Grammatik für höhere Lehranstalten und zum Selbstunterricht nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung. Составилъ <i>К. М. Микевичъ</i> “	48
О книгѣ: „Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь. Составилъ <i>Н. Ленстремъ</i> “	—
О книгѣ: „Школьная дѣтетика. Изложилъ <i>В. Фармаковский</i> . Изданіе 7-е“	—
О журналѣ: „Zeitschrift von Volkakunde herausgegeben von Dr. <i>Edmund Veckenstedt</i> “	—
О книгѣ: „Простые разказы о садоводствѣ. Составилъ <i>А. Ф. Еомаровъ</i> . Изданіе 2-е“	—

О книгѣ: „Полезныя свѣдѣнія о разведеніи картофеля на огородахъ и о сохраненіи его отъ загниванія. Составилъ В. А. Соловьевъ“	49
О книгѣ: „Методика ручнаго труда по системѣ Соломона, директора Невской учительской семинаріи. Изложилъ В. Фармаковский“	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ „А. Лесс: „Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Изданіе 3-е“	49
О книгѣ: „Русская литографированная хрестоматія. Составилъ Ѡ. Г. Подоба“	—
О брошюрѣ: „Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. И. Ѡ. Федорова“	—
О книгѣ: А. Сливинскій. „Дядька Квасовъ“	—
О брошюрѣ: „Стрѣлочникъ. Г. Давилевскаго“	50
О книгѣ: „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для дѣтей. Составилъ И. Н. Малиновскій“	—
О книгѣ: „Разказы о Петрѣ Великомъ. В. Сорокина. Изд. 2-е“	—
О книгѣ: „Книга для чтенія въ школахъ и дома. Выпускъ 1-й. Составилъ Е. Де-Витте“	—
Официальныя извѣщенія	21

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ѡ. И. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Граматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра	1
Н. М. Влгговѣщенскій. Десятая сатира Ювенала	35
В. М. Шимкевичъ. Задачи современной зоологіи	72
И. П. Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе	95 и 245
А. Н. Красновъ. Географія какъ новая университетская наука.	233
И. А. Тихомировъ. Первая Псковская лѣтопись послѣ паденія Пскова	245
А. И. Маркевичъ. Разрядная книга въ Парижской національной библиотекѣ	303

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. А. Смирку. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini. Sarajevo. 1889.	136 и 310
И. В. Помяловскій. Cours d'épigraphie latine. Par René Sarrat. Paris. 1889.	156
И. А. Козеко. А. А. Тимова. Лѣтопись Двинская. Москва. 1889.	167
А. Д. Барнѣевъ. Новѣйшія изслѣдованія о Физиологѣ	172

П. М. М. Дѣятельность земства по устройству осудо-сберегательныхъ товариществъ. П. А. Соколовскаго. С.-Пб. 1890	208
В. И. Модестовъ. Отвѣтъ на рецензію г. Зѣлинскаго	212
А. О. Б. С. А. Венеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. С.-Пб. 1886—1889.	346
Б. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Россіи въ татарскій періодъ съ 1288 по 1505 годъ. А. В. Экземплярскаго. Т. I. С.-Пб. 1889	353
А. Н. Веселовскій. Dvě povědky v české literatuře xv století. Jiri Poliška. V Praze. 1889	356
П. М. М. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1768 года. В. Н. Виттескаго. Вып. 1—2. Казань. 1889—1890.	360
Н. И. Веселовскій. Сношенія Россіи съ Кавказомъ С. Блэкхурова. Вып. I. М. 1889	366 и 385
Книжныя новости	230

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Т. И. Филипповъ. О началахъ русскаго воспитанія	1
Графъ А. Н. Мусянъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи	33
Ю. А. Кулаковскій. По поводу предполагаемаго русскаго учебнаго изданія классическихъ авторовъ	100
Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ)	12

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей	1
Императорская Академія Наукъ	49
Наши учебныя заведенія: Университетъ св. Владиміра въ 1888 году. П. Я. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его составленія	13
Л. Д — ръ. Письмо изъ Парижа.	37

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

L. Mueller. De Accii fabulis	1
В. В. Латышевъ. Къ исторіи города Ольвіи.	62
О. О. Луньякъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосоена къ Исократу	72
В. В. Розановъ. {	
П. И. Первовъ. { Метафизика Аристотеля	82

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

